

СибСкрипт = SibScript

СибСкрипт – национальный научный рецензируемый журнал.

Издается с 1999 г. Выходит 6 раз в год.

До 17 февраля 2023 г. – Вестник Кемеровского государственного университета.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых журналов Высшей аттестационной комиссии РФ.

Журнал относится к категории К1 в соответствии с Итоговым распределением журналов Перечня ВАК по категориям К1, К2, К3.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов.

Плата за публикацию не взимается. Журнал издается за счет средств Кемеровского государственного университета.

Все научные статьи, соответствующие требованиям журнала, проходят двойное слепое рецензирование.

Сведения о политике журнала, правилах для авторов, архив полнотекстовых выпусков размещены на сайте издания: <https://sibscript.ru>

Журнал включен в базы данных: ErichPlus, DOAJ, Scilit, Ulrich's Periodicals Directory, РИНЦ.

Статьи распространяются на условиях лицензии CC BY 4.0 International License.

Регистрационный номер СМИ: серия ПИ № ФС 77-84812. Выдан Роскомнадзором.

ISSN 2949-2122 (print); 2949-2092 (online).

Подписной индекс в интернет-магазине периодических изданий «Пресса по подписке» – 42150.

Учредитель, издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет» (КемГУ).

Адрес учредителя, издателя: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; +7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Адрес редакции: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; +7(3842)55-87-61; vestnik@kemsu.ru

SibScript is a Russian scientific peer-reviewed.

Founded in 1999. Published 6 times a year.

Until 17 Feb 2023 – The Bulletin of Kemerovo State University.

The Journal is on the Russian List of Leading Peer-Reviewed Journals recommended by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation. The Journal belongs to Top Category (K1) of scientific periodicals as classified by the Higher Attestation Commission.

Opinions expressed in the articles published in the Journal are those of their authors and may not reflect the opinion of the Editorial Board.

The Journal is funded by Kemerovo State University. Authors do not have to pay any article processing charge or open access publication fee.

The scientific articles, drawn up according to the rules of the journal, undergo double-blind peer review.

For more information about our publishing politics, instructions for authors, and archives of full-text issues, please visit our website: <https://sibscript.ru>

The journal is registered in the following databases: ErichPlus, DOAJ, Scilit, Ulrich's Periodicals Directory, RSCI.

The articles are distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License.

Registration number: PI no. FS 77-84812. Registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications.

ISSN 2949-2122 (print); 2949-2092 (online).

Subscription indices: 42150 – in the online-store of periodicals "Press by subscription".

Founder and publisher: Kemerovo State University.

Address of the founder and publisher: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000; +7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Editorial Office Address: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000; +7(3842)55-87-61; vestnik@kemsu.ru

Серый Андрей Викторович

главный редактор, д-р психол. наук, проф.,
КемГУ (Кемерово, Россия).

Редакционная коллегия

Аникин Александр Евгеньевич

д-р филол. наук, проф., академик СО РАН, Институт
филологии РАН (Новосибирск, Россия).

Бобров Владимир Васильевич

д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Дятко Дмитрий Васильевич

д-р филол. наук, проф., БПУ им. Максима Танка
(Минск, Беларусь).

Жиличева Галина Александровна

д-р филол. наук, НГПУ (Новосибирск, Россия).

Зиновьев Василий Павлович

д-р ист. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).

Кобенко Юрий Викторович

д-р филол. наук, проф., ТПУ (Томск, Россия).

Колотов Владимир Николаевич

д-р ист. наук, доцент, СПбГУ (Санкт-Петербург, Россия).

Колпинская Екатерина Глебовна

д-р философии, канд. ист. наук, Университет Эксетера
(Экстер, Великобритания).

Кузнецов Илья Владимирович

д-р филол. наук, доцент, НГТИ (Новосибирск, Россия).

Лукьянов Олег Валерьевич

д-р психол. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).

Лушников Галина Игоревна

д-р филол. наук, проф., ГПА (филиал) КФУ
им. В. И. Вернадского (Ялта, Россия).

Мельник Наталья Владимировна

д-р филол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Микляева Анастасия Владимировна

д-р психол. наук, доцент, РГПУ им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия).

Молодин Вячеслав Иванович

д-р ист. наук, проф., академик РАН, Институт археологии
и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия).

Налегач Наталья Валерьевна

д-р филол. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).

Невзоров Борис Павлович

д-р пед. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Васютин Сергей Александрович

зам. главного редактора, д-р ист. наук, доцент, КемГУ
(Кемерово, Россия).

Овчинников Владислав Алексеевич

д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Пименова Марина Владимировна

д-р филол. наук, проф., Международный гуманитарный
университет им. П. П. Семенова-Тян-Шанского
(Санкт-Петербург, Россия).

Проскурин Сергей Геннадьевич

д-р филол. наук, проф., НГУ (Новосибирск, Россия).

Резанова Зоя Ивановна

д-р филол. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).

Рудакова Светлана Викторовна

д-р филол. наук, доцент, МГТУ им. Г. И. Носова
(Магнитогорск, Россия).

Серкин Владимир Павлович

д-р психол. наук, проф., Высшая школа экономики
(Москва, Россия).

Терехов Олег Эдуардович

д-р ист. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).

Тюпа Валерий Игоревич

д-р филол. наук, проф., РГГУ (Москва, Россия).

Хахалкина Елена Владимировна

д-р ист. наук, доцент, ТГУ (Томск, Россия).

Хьюитт Карен

магистр гуманитарных наук, проф., Институт
непрерывного образования Оксфордского Университета
(Оксфорд, Великобритания).

Шунков Александр Викторович

д-р филол. наук, доцент, КГИК (Кемерово, Россия).

Эрдэнэболд Лхагвасурэн Салжиуд

канд. ист. наук, проф., Монгольский университет науки
и технологии (Улан-Батор, Монголия).

Юревич Андрей Владиславович

д-р психол. наук, проф., чл.-корр. РАН, Институт
психологии РАН (Москва, Россия).

Яницкий Михаил Сергеевич

д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Andrey V. Seryy

Editor-in-Chief, Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Sergey A. Vasyutin

Deputy Editor-in-Chief, Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Editorial board

Alexander E. Anikin

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Institute of Philology of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

Natalya V. Nalegach

Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Vladimir V. Bobrov

Dr.Sci.(Hist.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Boris P. Nevzorov

Dr.Sci.(Ed.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Dmitriy V. Dzyatko

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank (Minsk, Belarus).

Vladislav A. Ovchinnikov

Dr.Sci.(Hist.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Lhagvasuren Erdenabold

Ph.D.(Hist.), Prof., Mongolian University of Science and Technology (Ulan Bator, Mongolia).

Marina V. Pimenova

Dr.Sci.(Philol.), Prof., International Humanitarian University named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky (St. Petersburg, Russia).

Karen Hewitt

M.B.E., M.A. (Oxon.), Prof. of Department for Continuing Education, University of Oxford (Oxford, GB).

Sergey G. Proskurin

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia).

Elena V. Khakhalkina

Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Zoya I. Rezanova

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Yuriy V. Kobenko

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russia).

Svetlana V. Rudakova

Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof., Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russia).

Vladimir N. Kolotov

Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof., Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia).

Vladimir P. Serkin

Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Higher School of Economics (Moscow, Russia).

Ekaterina Kolpinskaya

PhD in Politics, Cand.Sci.(Hist.), University of Exeter (Exeter, GB).

Alexander V. Shunkov

Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof., Kemerovo State Institute of Culture (Kemerovo, Russia).

Iliya V. Kuznetsov

Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof., Novosibirsk State Theater Institute (Novosibirsk, Russia).

Oleg E. Terekhov

Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Oleg V. Lukyanov

Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Valeriy I. Tyupa

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).

Galina I. Lushnikova

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Humanities and Education Science Academy (branch) of V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Yalta, Russia).

Mikhail S. Yanitskiy

Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Natalia V. Melnik

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Andrey V. Yurevich

Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Corresponding Member of the RAS, Institute of Psychology of the RAS (Moscow, Russia).

Anastasiya V. Miklyaeva

Dr.Sci.(Psychol.), Assoc. Prof., Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russia).

Galina A. Zhilicheva

Dr.Sci.(Philol.), Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia).

Vyacheslav I. Molodin

Dr.Sci.(Hist.), Prof., Member of the RAS, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

Vasily P. Zinoviev

Dr.Sci.(Hist.), Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Уважаемые читатели и авторы!

Номер посвящен современным тенденциям лингвистической науки, отражающим разноаспектное изучение языка / слова / художественного текста.

В тематический выпуск журнала вошли исследования, посвященные **дискурсивной лингвистике**. О. А. Богинская и Н. В. Качков описывают культурно-детерминированную специфику академического дискурса. И. В. Евсеева и М. В. Белюсова анализируют агрессивное речевое поведение аудитории, представленное в интернет-комментариях к текстам спортивных СМИ. Публикации актуальны в аспекте изучения интеллектуального стиля и деструктивного влияния журналистских текстов на языковую личность адресата. Новизна исследования Е. Ю. Поздняковой и Н. Н. Шпильной определяется дискурсивным аспектом изучения материала – имени собственного и нарицательного. Авторы акцентируют положение о дискурсивных особенностях эмпирического материала.

Публикация И. Б. Ивановой (раздел **Когнитивная лингвистика**) посвящена семантической интерпретации температурной лексики в якутском языке.

Раздел **Лингвокультурология** представлен двумя публикациями. Взаимодействию языка и культуры, языка и мышления посвящена работа А. Г. Фомина и Б. Л. Яницкого. Авторы обращаются к уникальному жанру – магическим заговорам – и приходят к выводу, что данный жанр представляет собой сложноорганизованный поликодовый текст, в котором коррелируют вербальные, невербальные и культурные коды. М. А. Щеголев рассмотрел кумулятивный эффект в культуре на примере древнегерманской культуры. Автор ориентирован на поиск новых подходов, что позволило ему осуществить попытку создания методологической модели анализа кумулятивного эффекта и прийти к выводу, что древнегерманская культура обнаруживает кумулятивный эффект через призму преемственности концептов.

Раздел по **междисциплинарным исследованиям языка** представлен рядом публикаций. Исследования Л. О. Бутаковой и Е. Н. Гуц выполнены на востребованную в науке тему трендовых исследований. Л. О. Бутакова изучает динамический аспект изменения субъективной семантики слова в языковом сознании подростков с акцентом на психолингвистическом подходе. Е. Н. Гуц апробирует методику анализа одноименных ассоциативных полей, смоделированных на материале двух ассоциативных экспериментов, разделенных по времени двадцатью годами. Публикация М. А. Духновой, Е. В. Ерофеевой и И. А. Обуховой реализована в русле актуального направления, связанного с цифровыми методами по выявлению базовых

мотивов творчества поэта. Исследователи проанализировали частотные семантические классы лексики сборника «Камень» О. Мандельштама. Исследовательский интерес О. В. Мякшевой сконцентрирован на ценностных установках в языковом сознании личности и ее коммуникативном поведении: автор пишет о рискованных процессах относительно современной языковой ситуации, выделяет манипулятивную стратегию, связанную с апелляцией к современным аксиологемам, приобретающим в языковом сознании индивидуума противоположную оценку. М. Д. Смотров исследует востребованную проблематику в современной науке – влияние иноязычных элементов на национальный язык, апеллируя к математическим вычислениям степени данного влияния.

Публикации раздела **Теория языка** направлены на осмысление нерешенных до сих пор вопросов в области терминологии русского языка (А. В. Иванов) и семантической реконструкции анализируемой леммы *парк* в синхронно-диахронном сопоставительном аспекте (О. В. Нагель и М. В. Волкова). А. В. Иванов использует историко-лингвистический исследовательский контекст, что позволяет обозначить некоторые закономерности в области изучения анализируемых терминов. О. В. Нагель и М. В. Волкова актуализируют факты семантического сдвига лексической единицы *парк* на протяжении этапов ее функционирования, что дает представление читателям о «биографии» анализируемой единицы и об особенностях ее вхождения в языковую систему.

Последние разделы посвящены **анализу художественного текста в литературоведческом аспекте и теории литературы**. С. Н. Давыдов исследует малоизученный материал – творчество А. Штейгера – и дает представление читателям о специфике литературы русского зарубежья. И. А. Пушкарева и Ю. Е. Пушкарева обращаются к творчеству малоизученного шорского поэта Таяны Тудегешевой. Анализируемые повторяющиеся образы коня, всадницы, поэта проясняют основные коды шорской культуры. Публикация, посвященная образу Пушкина в русской драматургии (Л. Н. Любимцева-Наталуха), своевременна в контексте 225-летия со дня рождения поэта, которое отмечалось в 2024 г. и вновь актуализировало научный исследовательский интерес к творчеству писателя. М. Р. Ненарокова исследует предисловия к пересказам шекспировской драматургии для детей. Акцент сделан на контексте эволюции предисловий к детским книгам.

Dear readers and authors!

This issue of SibScript introduces linguistics as a multifaceted study of language, word, and text.

It opens with three articles on **Discursive Linguistics**. Two of them discuss various issues of the language of science and the provocative effect of mass media. O. A. Boginskaya and N. V. Kachkov describe the cultural specifics of academic discourse while I. V. Evseeva and M. V. Belousova analyze the aggressive speech behavior in online comments to sports news with provocative elements. E. Yu. Pozdnyakova and N. N. Shpilnaya study the way proper and common nouns function in colloquial speech.

Cognitive Linguistics is represented by I. B. Ivanova's semantic interpretation of temperature vocabulary in the Yakut language.

Cultural Linguistics focuses on the historical and cultural heritage reflected in national languages. A. G. Fomin and B. L. Ianitskii describe the genre of Old Russian spoken charms as an interaction of language, culture, and thinking: these are complex polycoded texts where verbal, non-verbal, and cultural codes correlate. M. A. Schegolev developed a methodological model for analyzing the cumulative effect in Old Germanic culture as a continuity of concepts.

The section of **Interdisciplinary Linguistics** introduces two reports on trend studies. L. O. Butakova in her psycholinguistic experiment traces the way subjective lexical semantics changes with time in the linguistic consciousness of teenagers. E. N. Guts developed a new methodology for trend analysis to be applied to associative fields obtained by associative experiments separated

by decades. M. A. Dukhnova, E. V. Erofeeva, and I. A. Obukhova applied digital research methods to Osip Mandelstam's poetic oeuvre to identify its basic motives and semantics. O. V. Myaksheva writes about the axiology of the linguistic consciousness in communicative behavior, in particular, how the language of advertising misuses cultural values for commercial purposes. M. D. Smotrov invented a mathematic approach that makes it possible to measure the influence of foreign borrowings on a national language.

The section of **Linguistic Theory** covers the issues of terminology and semantic reconstruction. A. V. Ivanov used the historical-linguistic research context to identify some patterns in Russian terminology. O. V. Nagel and M. V. Volkova submitted a case study of the Russian word парк (park). Borrowed back in the Petrine era, it survived a number of semantic shifts and adaptations.

The last section is about **literary criticism and theory**. S. N. Davydov examines the poetry by Anatoly Shteiger against the background of the post-Revolution immigration wave. I. A. Pushkareva and Yu. E. Pushkareva introduce the equine image in the poetry by Tayana Tudegesheva of the indigenous Shorian people. L. N. Lyubimtseva-Natalukha studies the image of Alexander Pushkin across one hundred years of Russian drama, which seems especially relevant in the context of Pushkin's 225th anniversary (2024). M. R. Nenarokova's research concentrated on the historical evolution of prefaces to retellings of Shakespearean drama for children.

Дискурсивная лингвистика

- Влияние интеллектуального стиля на метадискурсивный выбор авторов научных статей
Богинская О. А., Качков Н. В. 573
- Речевая агрессия спортивных болельщиков как реакция на деструктивные журналистские тексты о фигурном катании
Евсеева И. В., Белоусова М. В. 585
- Актуализация интерпретационного потенциала имени собственного и имени нарицательного в дискурсивной деятельности адресата
Позднякова Е. Ю., Шпильная Н. Н. 596

Когнитивная лингвистика

- Семная структура температурного прилагательного *тымныы* 'холодный' в якутском языке
Иванова И. Б. 609

Лингвокультурология

- Поликодовый аспект русскоязычного магического заговора
Фомин А. Г., Яницкий Б. Л. 621
- Кумулятивный эффект в культуре (на примере древнегерманской культуры)
Щеголев М. А. 631

Междисциплинарные исследования языка

- Трендовое исследование семантических и грамматических связей глаголов в ассоциативно-вербальной сети подростков (на примере глаголов *думать, вспоминать*)
Бутакова Л. О. 644
- Методика анализа результатов трендового исследования: к постановке проблемы
Гуц Е. Н. 656
- Семантические классы лексики сборника О. Мандельштама «Камень»
Духнова М. А., Ерофеева Е. В., Обухова И. А. 667
- Лингвоаксиологический взгляд на языковую ситуацию в современной России
Мякишева О. В. 681
- Оценка уязвимости национального языка от иноязычных заимствований: роль медийных параметров
Смотров М. Д. 693

Теория языка

- О чертё и чёрточке: из истории письменных знаков
Иванов А. В. 705
- Семантическая реконструкция заимствованного слова *парк* в русском языке
Нагель О. В., Волкова М. В. 718

Анализ художественного текста: литературоведческие аспекты

- Трансформация творческой стратегии «человеческого документа» в зрелой лирике А. Штейгера
Давыдов С. Н. 735
- Образ коня в лирике Таяны Тудегешевой: семантико-стилистический анализ (на материале сборника «Небесный полет девятиглазых стрел»)
Пушкарева И. А., Пушкарева Ю. Е. 748

Теория литературы

- Образ Пушкина в русской драматургии на отдельных этапах развития биографического мифа
Любимцева-Наталуха Л. Н. 760
- Традиция пересказов У. Шекспира для детей: особенности паратекста (на примере предисловий к сборникам)
Ненарокова М. Р. 772

Discursive Linguistics

- Shaping Academic Voice: Intellectual Style and Metadiscourse in Research Writing
Boginskaya O. A., Kachkov N. V. 573
- Verbal Aggression of Sports Fans as a Response to Provocative Journalistic Texts about Figure Skating
Evseeva I. V., Belousova M. V. 585
- Actualizing the Interpretative Potential of Proper and Common Nouns in Receptive Discourse
Pozdnyakova E. Yu., Shpilnaya N. N. 596

Cognitive Linguistics

- Component Analysis of Temperature Adjective *Tymnyy* (Cold) in Yakut
Ivanova I. B. 609

Cultural Linguistics

- Polycoded Aspect of Russian Spoken Charms
Fomin A. G., Ianitskii B. L. 621
- Cumulative Effect in Culture: Old Germanic Culture
Schegolev M. A. 631

Interdisciplinary Linguistics

- Trend Study of Semantic and Grammatical Associative Networks of Verbs of Cognition in Russian Teenagers
Butakova L. O. 644
- Methodology for Trend Research Analysis: Problem Statement
Guts E. N. 656
- Semantic Classification of Vocabulary in Osip Mandelstam's *Stone*
Dukhnova M. A., Erofeeva E. V., Obukhova I. A. 667
- Linguistic Situation in Modern Russia: Axiological Linguistics
Myaksheva O. V. 681
- Media Parameters in Assessing the Vulnerability of a National Language to Foreign Borrowings
Smotrov M. D. 693

Linguistic Theory

- Cherta* (Dash) and *Chertochka* (Hyphen) in the History of Russian Writing
Ivanov A. V. 705
- Semantic Reconstruction of the Borrowed Word *Park* in the Russian Language
Nagel O. V., Volkova M. V. 718

Literary Aspects of Text Analysis

- Human Document Strategy in Anatoly Shteiger's Later Lyrics
Davydov S. N. 735
- Equine Image in Tayana Tudegesheva's Collection of Verses *Sky Flight of Nine-Eyed Arrows*: Semantic and Stylistic Analysis
Pushkareva I. A., Pushkareva Yu. E. 748

Literary Theory

- Evolution of Alexander Pushkin's Image in Russian Drama through the biographical myth
Lubimtseva-Natalukha L. N. 760
- Prefaces to Collections of Shakespeare Retellings for Children as Paratext History
Nenarokova M. R. 772

full article

<https://elibrary.ru/ymfldc>

Shaping Academic Voice: Intellectual Style and Metadiscourse in Research Writing

Olga A. Boginskaya

Irkutsk National Research Technical University, Russia, Irkutsk

eLibrary Author SPIN: 1370-7025

<https://orcid.org/0000-0002-9738-8122>

Scopus Author ID: 56049693200

olgaa_boginskaya@mail.ru

Nikita V. Kachkov

Baikal State University, Russia, Irkutsk

<https://orcid.org/0009-0007-1705-0644>

Abstract: This study explores the impact of an intellectual style on metadiscourse choices made by Russian academic writers. The article aims to investigate the influence of the Teutonic intellectual style on metadiscourse patterns in theoretical and applied linguistic research article introductions written by Russian linguists. The analysis, based on J. Galtung's model of intellectual styles, examines 120 academic texts. The results of the study showed that Russian academic prose, often associated with Teutonic influence, is characterized by a high frequency of intensifiers and a significant presence of hedging and relational markers. However, self-reference markers are rare and appear mostly in the form of the first-person plural pronouns, regardless of whether the author is single or multiple. No involvement markers were found in the corpus. The conclusion is that although the Teutonic intellectual style plays a certain role, it is not decisive for the rhetorical choices of Russian academic writers. The influence of international academic writing traditions, particularly those based on the Saxon intellectual style, seems evident in the use of hedge markers and relational markers that promote closer interaction with the reader. The study suggests that the categorization of the Russian academic discourse as exclusively that of Teutonic intellectual style requires further research with a larger corpus. Further research prospects may include the analysis of metadiscourse patterns in other disciplines, diachronic variations in the metadiscourse of different authors, and other categories of metadiscourse features in academic prose.

Keywords: intellectual style, metadiscourse, research article introduction, academic discourse, hedge, booster, self-reference marker, relational marker

Citation: Boginskaya O. A., Kachkov N. V. Shaping Academic Voice: Intellectual Style and Metadiscourse in Research Writing. *SibScript*, 2025, 27(4): 573–584. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-4-573-584>

Received 10 Mar 2025. Accepted after peer review 15 Apr 2025. Accepted for publication 21 Apr 2025.

оригинальная статья

Влияние интеллектуального стиля на метадискурсивный выбор авторов научных статей

Богинская Ольга Александровна

Иркутский национальный исследовательский технический университет, Россия, Иркутск

eLibrary Author SPIN: 1370-7025

<https://orcid.org/0000-0002-9738-8122>

Scopus Author ID: 56049693200

olgaa_boginskaya@mail.ru

Качков Никита Владимирович

Байкальский государственный университет, Россия, Иркутск

<https://orcid.org/0009-0007-1705-0644>

Аннотация: Задача выявления и описания культурно детерминированных особенностей академического дискурса является актуальной в современном дискурс-анализе, стилистике научного текста и прикладной лингвистике. Цель статьи – изучить влияние тевтонического интеллектуального стиля на метадискурсивную

организацию введений научных статей, написанных российскими авторами. 120 статей в области теоретической и прикладной лингвистики были исследованы с опорой на теорию интеллектуальных стилей Дж. Гальтунга. Для достижения поставленной цели в ходе исследования были использованы методы количественного и интерпретативного анализа. Было выявлено, что в русскоязычных научных текстах преобладают бустеры. Кроме того, регулярно встречаются хеджи и маркеры оценки. С целью самореференции авторами использовались только местоимения первого лица множественного числа как в статьях с одним, так и с несколькими авторами. При этом маркеры самореференции оказались самой малочисленной группой метадискурсивных средств. Как показало исследование, тевтонский интеллектуальный стиль, который, согласно теории Дж. Гальтунга, доминирует в российской академической культуре, не является единственной детерминантой риторического поведения авторов. Международные конвенции академического письма, основывающиеся на саксонском интеллектуальном стиле, также оказывают влияние. Гипотеза о доминирующем влиянии тевтонского интеллектуального стиля на современный русскоязычный научный дискурс не объясняет в полной мере особенностей русскоязычного академического письма. В качестве перспективы исследования можно указать на необходимость изучения данного аспекта научного текста на материале статей, написанных представителями естественно-научных дисциплин. Диахронические вариации в использовании метадискурсивных паттернов в жанре научной статьи также могут представлять интерес для исследователей.

Ключевые слова: интеллектуальный стиль, метадискурс, введение к научной статье, академический дискурс, хедж, бустер, маркер самореференции, маркер оценки

Цитирование: Богинская О. А., Качков Н. В. Влияние интеллектуального стиля на метадискурсивный выбор авторов научных статей. *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 4. С. 573–584. (In Eng.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-4-573-584>

Поступила в редакцию 10.03.2025. Принята после рецензирования 15.04.2025. Принята в печать 21.04.2025.

Introduction

The research of large collections of academic texts shows that metadiscourse depending on the text language, varies across cultures. It is known that English research articles (RAs) tend to employ more hedges (a linguistic feature used to express hesitation or uncertainty) than Chinese RAs [Hu, Cao 2011; Ma, Jiang 2025], while Persian RAs, compared to English RAs, use fewer interactive features, such as transition, frame, endophoric, or evidential markers, and code glosses [Khajavy, Asadpour 2021]. Spanish RAs contain more interactional metadiscourse features, including hedges, boosters, attitude markers, self-reference, and involvement-markers, than English RAs [Alonso-Almeida 2015]. Slavic writers research indicates the tendency to "disguise themselves" [Belyakova 2017], while Russian scholars tend to underuse self-reference and overuse passive constructions [Pyankova 1994]. Czech linguist writing has been shown to prefer indirect declarations of research purpose [Čmejrková 2007; Kozubíková Šandová 2021], while the difference in hedges and boosters was attributed to different rhetorical traditions in English and Bulgarian linguistics [Vassileva 2001]. Slovenian academic

writing shows a more limited use of metadiscourse features compared to English [Pisanski Peterlin 2005], and Polish scholars use less self-reference markers, avoiding responsibility for statements [Hryniuk 2018]. Slovak academic culture, as reflected in research papers, exhibits a lack of engagement markers and a tendency for a single author to use the first-person plural pronoun as a form of self-reference [Walková 2018]. In short, the ways in which academic writers engage their readers, express confidence, and present themselves differently depending on the linguistic and cultural context.

The above studies offered interesting insights into culturally specific features of academic writing. However, as the prior research shows, no attention was paid to explaining culture-specific metadiscourse patterns in terms of the intellectual style. It is therefore worthwhile to further explore the use of metadiscourse in academic writing and to explain the author's choice of an intellectual style.

This study fills that gap by looking into the usage of metadiscourse in linguistics RAs and how intellectual styles may influence these patterns. Given the Teutonic

influence on Eastern European academic traditions, this study is important for understanding how Russian authors navigate the rhetorical demands of RAs. By looking at metadiscourse markers through the lens of an intellectual style, the study can provide a deeper understanding of the factors that influence academic writing practices, as well as identify potential challenges or opportunities for improving communication effectiveness in theoretical and applied linguistics. Finally, this study contributes to a better understanding of the cultural features of academic discourse, and suggests instructional approaches to promoting an effective and culturally sensitive communication in a global research context.

J. Galtung's model of intellectual styles assumes that different cultures have distinct approaches to knowledge acquisition and communication. Intellectual styles are influenced by cultural conventions, shaping the ways writers express ideas and interact with readers [Galtung 1981]. These standards can influence the selection of metadiscourse features, such as the level of certainty (e.g., hedges vs. boosters), the level of personal participation, and the type of rhetorical style itself. J. Galtung's model includes four intellectual styles – Gallic, Teutonic, Saxonian, and Nipponic. Eastern Europe, including Russia, is in the sphere of the Teutonic intellectual style due to the general cultural effects and Karl Marx's influence, who represented this style of thinking. J. Galtung indicated significant differences between these styles of writing. For example, while the Saxonian style encourages the debate and diversity of opinions, the people of Nipponic culture are not keen at debating. While Saxons prefer evidence and factual accuracy, the Teutonic and Gallic cultures use facts only to illustrate what is said rather than to demonstrate it. While the Teutonic culture favors rigor, the Gallic culture prefers elegance. In the Nipponic culture, vague rather than categorical statements are favored. With its emphasis on vagueness, respect for authority, and collectivism, the Nipponic style would most likely prefer hedges (e.g., *might*, *may*, *possibly*, *seems*, *could*, *think*), which can soften claims, avoid direct confrontation, and maintain harmony with established authorities. Boosters are unusual in the Nipponic style. The Gallic style, which emphasizes elegance, may use attitude markers more than the other styles. These markers can add stylistic flair and communicate the writer's personal opinion, improving the overall elegance of the presentation. Since the Saxonian style encourages debate and values factual accuracy, it would

likely prefer hedges, which allow for nuanced claims that acknowledge potential counterarguments.

The corpus-based analysis presented here aims to shed the light on how Russian academic writers presumably exposed to the Teutonic intellectual style interact with readers and make their claims persuasive or tentative.

Based on the prior research on academic writing and intellectual styles [Belyakova 2017; Boginskaya 2022; 2023; Dontcheva-Navratilova 2013; Gessesse 2016; Pisanski Peterlin 2005; Pyankova 1994; Stotesbury 2003; Vassileva 2001], this study proposes the following hypothesis:

1) given the preference of the Teutonic style for rigor over elegance and the tendency to use data for illustration rather than demonstration, Russian academic texts influenced by the Teutonic intellectual style will exhibit a high frequency of certainty markers and a corresponding rarity of hedges or other mitigating features;

2) Russian authors will primarily mark their authorial presence through the use of the inclusive *we*, while other personal pronouns are less likely;

3) they can use attitude markers to signal the importance of their illustrative data. Metadiscourse analysis is a useful tool for testing these possibilities, offering a comprehensive framework for understanding how intellectual style influences the writers' relationship with the readers, the formation of the authorial presence, and the negotiation of knowledge claims.

Thus, in order to investigate the relationship between intellectual style and interactional metadiscourse in Russian academic writing, the study aims at determining:

- the preferred categories of metadiscourse used by Russian academic writers;
- the frequency of these metadiscourse features;
- whether these features are primarily influenced by intellectual style or by other factors.

The novelty of the study lies in the fact that it adds a new ground by directly connecting existing J. Galtung's model of intellectual styles to the unique language manifestations of metadiscourse in Russian academic writing. While cultural and national factors have been acknowledged to influence a scholarly style, this study is unique in that it combines a macro-level theoretical framework (intellectual styles) with a micro-level analysis of metadiscourse choices within a defined corpus of Russian linguistic research article introductions. This research goes beyond simply

identifying the common metadiscourse markers; it seeks to understand how those markers are strategically employed to reflect, negotiate, or even challenge the dominant intellectual style in the Russian academic community.

Methods and material

This study analyzes the corpus of research article introductions extracted from six Russian linguistic journals (tab. 1). Russian linguistics was selected as the focus of research assuming that specific features of intellectual style are more pronounced in humanitarian texts than in the texts of natural sciences. This is based on the concept that disciplines with deep primary culture roots are more likely to exhibit culture specific discourse patterns when communicating scientific material. RA introductions were chosen for the investigation because they present a highly structured, standardized type of academic writing. This makes them suitable for analysis because they have common characteristics making it easier to compare and identify patterns in a metadiscourse. Furthermore, to analyze complete research publications is a considerably more complicated task. By focusing on introductions, the authors can find a compromise between capturing the essence of academic writing style and leaving enough space for in-depth analysis of metadiscourse features.

To ensure a representative sample, 120 RA introductions were randomly selected from the target journals. To minimize the impact of time, only the most recent introduction issues (published between 2021 and 2024) were included, reflecting current trends in academic writing. Table 1 provides the summary of the corpus.

The RA introductions downloaded from journal websites were converted to Microsoft Word documents and analyzed to determine the frequency of the metadiscourse markers using WordSmith Tools 5.

A careful analysis of the context was conducted to classify metadiscourse markers by their categories and to interpret the revealed differences. To thoroughly investigate the use of metadiscourse, examples from the corpus were selected and analyzed, providing explanations of the rhetorical functions of the identified markers.

The K. Hyland's taxonomy of metadiscourse [Hyland 2005] was adopted as a methodological basis for the present study. Table 2 presents a simplified overview of K. Hyland's metadiscourse model [Hyland 2005;

Tab. 1. The structure of the corpus

Табл. 1. Структура корпуса

Academic journals	Number of RA	Number of words
Russian Language Studies	20	101,553
Journal of Tomsk State University. Philology	20	82,201
Zhanri rechi	20	71,675
Journal of Novosibirsk State University. Linguistics and Intercultural communication	20	75,785
Terra Linguistica	20	91,234
Language and Culture	20	63,121
Total	120	485,569

Tab. 2. K. Hyland's model of metadiscourse

Табл. 2. Модель метадикурса К. Хайленда

Metadiscourse type	Function
Hedges	Creates tentativeness, acknowledges other perspectives
Boosters	Conveys confidence, dismisses opposing views
Attitude markers	Reveals author's judgment, expresses evaluation
Self-reference	Makes the author's presence known
Engagement markers	Fosters a dialogue relationship between an author and reader

Hyland, Jiang 2022] as a common framework analyzing how writers communicate with their readers within a text. The table is adopted as the methodological study basis. The model includes five types of interactional metadiscourse – hedges, boosters, attitude markers, self-reference, and engagement markers.

K. Hyland and H. Zou's typology of boosting markers and hedges [Hyland, Zou 2021] was adopted for identifying boosters and hedges. Table 3 presents the framework identifying and categorizing hedging and boosting markers within the research proposals. Based on K. Hyland and H. Zou's typology, this table outlines the categories of hedging and boosting employed in academic writing along with their respective functions. Hedges, which include plausibility markers, downtoners, and rounders, are used to express

Tab. 3. Types of hedging and boosting

Табл. 3. Типы хеджей и бустеров

Hedging / Boosting category	Type	Function
Hedges	Plausibility	Suggest possibility based on assumptions
	Downtoners	Reduce the strength of a statement
	Rounders	Indicate approximation
Boosters	Certainty	Signal the writer's strong belief
	Extremity	Emphasize the high end of a scale
	Intensity	Amplify the emotional impact of a statement

uncertainty, reduce the force of claims, and indicate approximation. Conversely, boosters, encompassing markers of certainty, extremity, and intensity, serve to signal the writer's strong conviction, emphasize the significance of findings, and amplify the emotional impact of statements.

P. M. Dueñas's model [Dueñas 2010] was used to analyze the attitudinal stance. Table 4 presents the framework analyzing the attitudinal stance in the study, drawing upon P. M. Dueñas's model [Ibid.]. This model categorizes attitudinal stance into three key types of markers, each serving a distinct function in conveying the writer's perspective and shaping the reader's understanding: assessment markers, significance markers, and emotion markers.

Types of self-reference markers are presented in table 5. Table 5 presents a comprehensive summary of self-reference signals and their role in academic writing. Self-reference, or explicit reference to the author(s) inside a work, has a specific rhetorical

Tab. 4. Types of attitudinal stance

Табл. 4. Типы маркеров отношения

Attitude markers	Function
Assessment markers	Indicate the writer's evaluation (novelty, usefulness, validity)
Significance markers	Signal the relevance or importance of the study
Emotion markers	Convey the writer's feelings and evoke similar feelings in readers

Tab. 5. Types of self-reference markers

Табл. 5. Типы маркеров самореференции

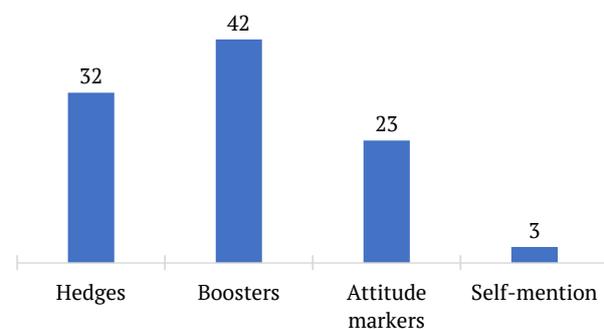
Self-reference markers	Function
First-person singular	Indicate personal responsibility, express subjectivity and assertiveness
First-person plural	Signal collective effort, indicate community membership, avoid personal responsibility

purpose. First-person singular pronouns are commonly employed to emphasize individual contributions, express subjective perspectives, and assert the author's position. In contrast, first-person plural pronouns frequently indicate a joint effort, stress membership in a certain academic group, or purposefully reduce a direct personal liability for potentially problematic claims.

Results

The results of the quantitative analysis show the frequency of the use of metadiscourse features by Russian writers. The details are shown in figure. In total, we found 7,264 metadiscourse markers in the corpus. Boosters were the most frequent metadiscourse resources in the RA introductions. Hedges ranked second with 32%. The share of attitude markers was slightly lower. Self-reference markers ranked in last with 3% of the total number of metadiscourse features found in the corpus. The analysis revealed no engagement markers in the corpus involving readers into a dialogue.

Further on, the functions of interactional metadiscourse features in the analyzed texts will be illustrated with the examples taken from the corpus.

Fig. Frequency of occurrence of metadiscourse features, in % of the total number

Рис. Частотность метадискурсивных маркеров, % от общего числа

(1) **Hedges** are metadiscourse features serving multiple functions: mitigate commitment to claims, acknowledge alternative perspectives, and subtly guide the readers toward the writer's conclusions. The analysis revealed that Russian writers employed all three types of hedges outlined in Table 3. Notably, plausibility hedges, used to minimize personal responsibility for claims, were the most common, indicating the awareness of the inherent limitations in their assertions:

- *Поэма «Сон Мелампа» (1907) – одно из ключевых произведений поэта-символиста Вячеслава Иванова (1866–1949), возможно, не оцененное еще должным образом*¹ – The poem "The Dream of Melampus" (1907) is one of the key works of the symbolist poet Vyacheslav Ivanov (1866–1949), perhaps not yet properly appreciated.
- *Состязательность может быть обусловлена поиском научной истины, выработкой нового знания*² – Competitiveness can be caused by the search for scientific truth, the development of new knowledge.

Here, the plausibility hedges express the author's uncertainty by presenting statements as assumptions, rather than verified facts.

The second most commonly used hedge type, downtoners, function to save the writers against the possible inaccuracies in their research:

- *Данное прецедентное имя обычно не вызывает трудностей, ведь учащиеся могут интуитивно понять характеристику по самому имени*³ – This precedent name usually does not

cause difficulties, because students can intuitively understand the characteristic from the name itself.

- *В специализированных словарях, описывающих современное состояние лингвистической терминосистемы, как правило, приводится краткая дефиниция термина*⁴ – In specialized dictionaries describing the current state of the linguistic terminology system, as a rule, a brief definition of the term is given.

The corpus showed a notable rarity of rounders indicating approximation:

- *Материалом послужил авторский архив дискурсивных записей спонтанной речи информанта (в расшифровке – около 10 000 печатных страниц)*⁵ – The material was the author's archive of discursive recordings of the informant's spontaneous speech (in transcription – about 10,000 printed pages).
- *В Соединенном Королевстве насчитывается около 50 тысяч подобных заведений*⁶ – There are about 50,000 similar establishments in the United Kingdom.

Adverbial rounders create approximation by softening numerical values to temper the strength of the claim.

(2) **Boosters** are metadiscourse features used to present claims with conviction, while also creating a sense of involvement, solidarity, and interaction with the audience [Hyland 2005]. It was found that they were the most frequent metadiscourse markers in the corpus, which might indicate that Russian linguists

¹ Каяниди Л. Г. Мифологический субстрат поэмы Вячеслава Иванова «Сон Мелампа». *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2023. № 85. С. 161–184. [Kaianidi L. G. The mythological substratum of Vyacheslav Ivanov's poem Melampus' Dream. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta, Filologiya*, 2023, (85): 161–184. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tteoix>

² Ключкова Е. С. Коммуникативные стратегии в виртуальной научной дискуссии в условиях речевого конфликта. *Terra Linguistica*. 2024. Т. 15. № 2. С. 78–84. [Klochkova Ye. S. Communicative strategies in virtual scholarly conflict discussion. *Terra Linguistica*, 2024, 15(2): 78–84. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18721/JHSS.15207>

³ Сарычева М. Р., Дерябина С. А. Восприятие прецедентного имени в русскоязычном дискурсе иностранными студентами гуманитарных специальностей. *Русистика*. 2023. Т. 21. № 3. С. 356–369. [Sarycheva M. R., Derybina S. A. Oreign humanitarian students' perception of a precedent name in the Russian discourse. *Russian Language Studies*, 2023, 21(3): 356–369. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22563/2618-8163-2023-21-3-356-369>

⁴ Иванов А. В. Многоликий дефис. *Язык и культура*. 2023. № 62. С. 26–53. [Ivanov A. V. The many-faced hyphen. *Yazyk i kultura*, 2023, (62): 26–53. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xwfjen>

⁵ Иванцова Е. В. Этикетные формулы в речи диалектной языковой личности сибирского старожилы. *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2023. № 85. С. 20–42. [Ivantsova E. V. Etiquette formulas in the speech of a dialect language personality of a Siberian old-resident. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta, Filologiya*, 2023, (85): 20–42. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/fsyzsd>

⁶ Туарменская А. В., Туарменский В. В., Туарменский А. В. Пропозиционные когнитивные модели в названиях британских пабов. *Язык и культура*. 2023. № 62. С. 109–123. [Tuarmenskaya A. V., Tuarmenskij V. V. Tuarmenskij A. V. Propositional cognitive models in British pub names. *Yazyk i kultura*, 2023, (62): 109–123. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uibxub>

proactively assert their viewpoints and underscore the value of their contributions, demonstrating a definite author's presence:

- **Очевидно**, что жанры блогов создают в массовом сознании «театрализованное фарсовое» представление⁷ – It is obvious that blog genres create a "theatrical farce" in the mass consciousness.

The booster in the above example helps remove any doubts about the claim deleting a potential opposition.

Certainty boosters were used less frequently than intensifiers. Extremity boosters were rarely employed by the authors. Certainty boosters were used to state the writer's beliefs and the accuracy of the research, and it also discounts any other viewpoint:

- **Предпринятое на материале двух разноструктурных языков исследование позволило выявить общие закономерности речевого поведения в зале суда**⁸ – A study conducted in two languages with different structures revealed common patterns of speech behavior in the courtroom.

While acknowledging potential reader's responses, the author actively chooses to foreclose them. The use of boosting verbs such as *выявить* (*reveal*), *демонстрировать* (*demonstrate*), *показывать* (*show*) underscores the author's unwavering conviction in the validity of their research findings.

Intensifiers function by amplifying the emotive strength of a statement. Instead of providing epistemic assurance, these elements serve to inject affective color into the claims, contrasting with the function of certainty boosters [Hyland, Zou 2021]:

- *Попытки произвести комплексный анализ средств футуральной семантики на материале английского языка до сих пор предпринимались **крайне редко** и недостаточно последовательно*⁹ – Attempts to conduct a comprehensive analysis of the means of future semantics in the English language material have so far been undertaken extremely rarely and inconsistently.

The adverb *крайне* (*extremely*) enhances the persuasion in the involved attitude.

The effect of extremity boosters is to emphasize the upper limits of a given continuum, as in the following:

- **Наибольший интерес представляет исследование Дэвида Кристалла «English as a Global Language»**¹⁰ – Of greatest interest is David Crystal's study "English as the Global Language".

By strengthening the proposition, the writers emphasize the role of the presented tactics creating the image and the force of the researchers' interest without elaboration.

(3) Attitude markers are metadiscourse features that convey the writer's perspective and influence the presentation of the information [Perales Escudero, Swales 2011]. In this corpus, assessment markers were found to be more frequent than significance markers.

Assessment markers emphasize interesting, crucial or debatable findings, signaling the writer's evaluation of the study significance. This feature helps promote and evaluate research:

- *С лингвистической точки зрения представляется наиболее **интересным** то, как в рамках предвыборных агитационных речей видных*

⁷ Комуцци Л. В. Многоликий жанр в концепции филолога В. С. Вахрушева. *Жанры речи*. 2023. Т. 18. № 4. С. 406–412. [Komutcsi L. V. The genre with a thousand faces: the perspective of the philologist Vladimir S. Vakhrushev. *Zany Recy*, 2023, 18(4): 406–412. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-4-40-406-412>

⁸ Богинская О. А. Состязание – игра – ритуал: о трех аспектах коммуникативного взаимодействия в зале суда. *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2022. № 76. С. 5–27. [Boginskaya O. A. Competition – game – ritual: Three aspects of communicative interactions in the courtroom. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta, Filologiya*, 2022, (76): 5–27. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/19986645/76/1>

⁹ Боднарук Е. В. Актуализация семантики будущего времени в англоязычном художественном дискурсе. *Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2023. Т. 21. № 3. С. 17–30. [Bodnaruk E. V. Actualization of the future meaning in English literary discourse. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2023, 21(3): 17–30. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2023-21-3-17-30>

¹⁰ Смокотин В. М., Гураль С. К. Понятие языка всемирного общения и его место среди вариантов английского языка и в глобальной системе языков. *Язык и культура*. 2023. № 62. С. 73–89. [Smokotin V. M., Gural S. K. The concept of the language of global communication and its place among the varieties of the English language in the global system of languages. *Yazyk i kultura*, 2023, (62): 73–89. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ibkmmx>

политических деятелей США реализуются различные языковые средства выражения интенциональной направленности¹¹ – From a linguistic point of view, the most interesting aspect is how various linguistic means of expressing intentional orientation are implemented within the framework of election campaign speeches of prominent US political figures.

Significance markers serve to emphasize the importance of the research findings or to underscore the interest in the topic under consideration:

- *В последние десятилетия у исследователей значительно вырос интерес к изучению производных предлогов¹²* – In recent decades, researchers have shown a significantly increasing interest in the study of derived prepositions.
- *Кроме того, по-прежнему важным остается вопрос о способах представления грамматической информации при заголовочном термине и ее объеме в процессе лексикографирования¹³* – In addition, the question of the methods of presenting grammatical information in the heading term and its volume in the process of lexicography remains important.

The sentence uses the adverb *значительно* (significantly) as a significance marker to highlight the increasing importance of the study of derived prepositions, aiming to engage the reader and justify the research within the context of current scholarly trends.

(4) **Self-reference** markers are metadiscursive features that help to show the author's voice, providing

the readers with a basis for interpreting the subsequent statements:

- *Сложносокращенные аппеллятивы рассматриваются нами на синхронном срезе языка¹⁴* – We consider complex abbreviated appellatives on the synchronous level of the language.
- *Уточним, что под композитом мы понимаем единицу номинации, включающую два и более корня¹⁵* – Let us clarify that by a composite we mean a unit of nomination that includes two or more roots.

The pronouns *нами* (*us*) and *мы* (*we*) help the authors outline the approach adopted in the study. The pronouns seem to be exclusive rather than inclusive, i.e. the authors speak on behalf of themselves. It is worth noting that these examples were taken from the single-author RAs.

Discussion

Motivated by a desire to enhance understanding of the Russian academic writing style, this study centers on how the intellectual style framework impacts the use of metadiscourse markers in research articles by Russian linguists. The study intends to fill in the gaps by applying metadiscourse theory to academic writing with the idea that it is impacted by the intellectual styles and norms set by academic culture.

The Russian rhetorical tradition is considered to be influenced by the Teutonic intellectual style, and it developed in contact with the German thought. Following the Teutonic style, the academic writing

¹¹ Ковалев П. А. Интенциональность и ее репрезентация в агитационных речах монологического характера в рамках предвыборного дискурса США 2020 года. *Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2023. Т. 21. № 3. С. 95–105. [Kovalev P. A. Intentionality and its representation in monologue campaign speeches within the framework of the us 2020 election discourse. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2023, 21(3): 95–105. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2023-21-3-95-105>

¹² Аксарина Н. А., Басова Л. В. Семантизация отыменного предлога *в обход* в речевой практике XIX–XXI вв. *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2023. № 85. С. 5–19. [Aksarina N. A., Basova L. V. The semantization of the denominal preposition "v obkhod" in the Russian speech of the 19th–21st centuries. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta, Filologiya*, 2023, (85): 5–19. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ilxoj>

¹³ Маринова Е. В. Русская терминология цифрового общества: грамматические особенности в фокусе неологии и неографии. *Русистика*. 2024. Т. 22. № 2. С. 225–241. [Marinova E. V. Russian terminology of the digital society: Grammatical features in the focus of neology and neography. *Russian Language Studies*, 2024, 22(2): 225–241. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/seskap>

¹⁴ Теркулов В. И. Парадигматика сложносокращенного слова как средство прогнозирования эквивалентностных отношений. *Русистика*. 2023. Т. 21. № 1. С. 79–96. [Terkulov V. I. The paradigmatics of a compound abbreviation as a means of predicting equivalence relations. *Russian Language Studies*, 2023, 21(1): 79–96. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/znquse>

¹⁵ Буторина Е. П. Значение категории одушевленности для некоторых композитов в деловом медиадискурсе. *Terra Linguistica*. 2024. Т. 15. № 3. С. 15–27. [Butorina E. P. Grammatical feature of animacy in some Russian compounds in media. *Terra Linguistica*, 2024, 15(3): 15–27. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18721/JHSS.15302>

practice advises writers to state their claims clearly without any possible contradictory ideas, which means that the degree of commitment to the authors' argumentation should be high, the vagueness is not favored. In addition, the academic discourse affected by the Teutonic intellectual style is regarded as reader-friendly: it is the reader who is to make an effort to understand the content, and texts are influenced by the idea that the meaning should not be explicitly formulated. Teutonic writing is therefore characterized as primarily reproductive, prioritizing content delivery through the reader's interaction. According to T. Yakhontova, Slavic academic discourse emphasizes *telling over selling*, implying a higher expectation for the readers to invest an effort in understanding the author's line of argument [Yakhontova 1997]. Below, table 6 shows the correlation of Teutonic intellectual style features with K. Hyland's metadiscourse categories.

Contrary to expectations associated with Teutonic intellectual style, this corpus based study reveals that Russian scholars frequently left traces of themselves and explicitly expressed their positions [Walková 2018]. This feature may be explained by the role of the Saxonian standards of academic writing adopted by Russian scholars under the influence of the globalization process. For example, hedges favored in the English academic writing, frequently appeared in the corpus, which is not in compliance with the Teutonic intellectual style marked by a high degree of commitment to authors' claims. The Russian writers adopted a tentative approach, being careful in qualifying their claims and findings. Attitude markers were also rather numerous in the corpus, which is not in compliance with a reader responsible Teutonic discourse. However, the lack of engagement markers still indicates

the impact of the Teutonic style: the Russian scholars did not make attempts to draw readers into discourse, direct them to some thought, or focus their attention.

Self-reference markers were rarely used in the corpus, which is in compliance with the Teutonic intellectual style. The analysis showed that the Russian writers were slightly aware of the significant role of authorial visibility in emphasizing the writer's contribution. The analysis found only 172 self-reference markers in 120 RAs. In both multi- and single-authored articles, self-reference was presented by *we* pronouns. It should be noted that the use of *we* pronouns to refer to a single author is more typical of the Nipponic style marked by the respect for authorship, the sense of collectivism and organic solidarity. However, this feature is also observed in Slavic academic discourse. As the researchers of Slavic academic discourse claim, the use of *we* pronoun even in single-authored articles is considered to be a sign of the author's membership in a science community, a manifestation of collectivism or authorial modesty [Boginskaya 2022; 2023; Čmejrková 2007; Dontcheva-Navratilova 2013; Khoutyz 2015; Lenardič, Fišer 2021; Vassileva 2001; Walková 2018; Zhou, Larina 2024]. M. Walková, for example, found that Slovak single authors often use authorial *we* due to the collectivist nature of Slovak academic culture, which is a remnant of the communist past of the Slavic countries [Walková 2018]. Similarly, I. Khoutyz claims that due to the influence of the communist regime that deprived scholars of any incentive to express a personal involvement, Russian academic discourse abounds with authorial *we* that creates an authorial presence in the text [Khoutyz 2015].

Thus, the findings of the present study challenge the simplistic notions of a monolithic Russian academic writing style and underscore the dynamic

Tab. 6. Correlation of Teutonic intellectual style features with metadiscourse categories

Табл. 6. Корреляция характеристик тевтонского интеллектуального стиля и категорий метадискурса

Teutonic style feature	Metadiscourse use	Explanation
Objectivity and detachment	limited attitude markers, hedges, and self-reference	Minimizing personal opinions and subjective judgments. Fewer instances of expressions of surprise, importance. Restrained use of hedging and self-reference to maintain a neutral tone
Precision and clarity	limited hedges	Avoiding hedges where certainty is desired
Formality and rigor	limited engagement markers	Avoiding engagement markers that create a conversational tone
Assertiveness	high frequency of boosters and limited hedges	A more assertive style might use boosters more frequently to emphasize the validity of claims, with few hedges to soften the presentation

interplay between Teutonic rhetorical traditions and the increasingly dominant Saxon style. Globalization plays a definite role in the adoption of English writing conventions. Cultural factors, specifically the influence of Nipponic and Slavic writing traditions, explain certain deviations from the Teutonic norm (particularly the use of *we* pronouns). The observed adoption of hedges, typically favored in Saxon academic culture, suggests that Russian linguists are consciously navigating the expectations of international audiences, perhaps to increase the persuasiveness of their work. This strategic adaptation, however, does not represent a complete abandonment of the Teutonic tradition. The relatively low frequency of engagement markers indicates a continued emphasis on content delivery over an explicit reader's interaction, reflecting T. Yakhontova's observation that Slavic academic discourse prioritizes *telling* over *selling*.

The pedagogical implications of these findings are significant. Academic writing instruction for students navigating cross-cultural academic contexts, should move beyond simplistic prescriptions. It is crucial to explicitly address the role of metadiscourse, raise awareness of cultural differences in rhetorical traditions, and encourage students to develop a strategic and critical understanding how to adapt their writing style to different purposes. Specifically, teachers should provide an explicit instruction on the different types of metadiscourse markers and their functions, facilitate discussions about the influence of intellectual styles and cultural norms in academic writing, encourage students to analyze authentic texts from different cultural contexts to identify and evaluate the use of metadiscourse, design writing assignments that require students to experiment with different metadiscourse features and reflect on their effectiveness.

Conclusion

The analysis of the RA introductions by Russian linguists showed that they use metadiscourse features not always in compliance with the conventions of the Teutonic intellectual style. In general, the intellectual style appeared not to be the only determinant of academic writers' rhetorical behavior affecting the ways they express the commitment to their claims and interact with the reader. Due to the influence of the international academic writing traditions based on the Saxon intellectual style, Russian authors seem

to be involved in the discussion forming a relationship with readers through the use of hedges, attitude markers, and self-reference.

Thus, the observed patterns in a metadiscourse usage reflect a complex and often intertwined set of influences, extending beyond the individual intellectual style. Science norms, influenced by the established rhetorical traditions and expectations within specific fields, have a significant impact on the strategic use of metadiscourse features. Furthermore, the growing use of international academic writing conventions, driven by the globalization of research and the need to effectively connect with a wide scholarly audience, complicates the picture. Personal writing preferences, developed over time and formed by particular communicative aims, also influence metadiscourse choices. While admitting the possible importance of intellectual style, identifying its precise contribution among these multiple variables presents a considerable analytical problem. Furthermore, the dynamic nature of academic writing, which is constantly evolving in response to globalization and the increasingly interconnected nature of knowledge production, results in the adaptation of features from various intellectual styles, blurring the lines between traditionally distinct rhetorical approaches. This ongoing evolution highlights the importance of a detailed research that takes into consideration the intricate interplay of various factors when examining metadiscourse in a current academic writing.

The conclusion drawn in this study is based on a small sample of 120 texts. As a result, an additional research with a bigger and more diverse dataset is required to guarantee the objectiveness of these findings regarding the impact of intellectual types on metadiscourse preferences.

This work provides various areas for a future research. The intricate interplay of intellectual approaches, cultural influences, disciplinary norms, and individual writer preferences in influencing metadiscourse use remain an important field of study. Expanding this research to include additional disciplines or taking a diachronic approach could provide useful insights. Furthermore, investigating how skilled academic authors from various cultural backgrounds strategically deploy metadiscourse and how these traits influence journal editors and reviewers can be very interesting. While this study focuses on certain metadiscourse features, a future empirical research could analyze other types of metadiscourse in academic prose.

Despite its limitations, this study lays a solid platform for the future metadiscourse investigation in academic writing through the perspective of intellectual styles.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Contribution: O. A. Boginskaya developed the research concept, designed the research methodology, interpreted the results, proofread the manuscript. N. V. Kachkov was responsible data processing, the statistical analysis, and provided the visualization.

Критерии авторства: О. А. Богинская – концептуализация, разработка методологии, интерпретативный анализ, редактирование. Н. В. Качков – обработка данных, статистический анализ, визуализация.

References / Литература

- Alonso-Almeida F. *Evidential and epistemic devices in English and Spanish medical, computing and legal scientific abstracts: A contrastive study. Abstracts in Academic Discourse: Variation and Change*. Bern: Peter Lang, 2015, 256.
- Belyakova M. English-Russian cross-linguistic comparison of research article abstracts in geoscience. *Estudios de Lingüística Universidad de Alicante*, 2017, 31: 27–45. <https://doi.org/10.14198/ELUA2017.31.02>
- Boginskaya O. Functional categories of hedges: A diachronic study of Russian-medium research article abstracts. *Russian Journal of Linguistics*, 2022, 26(3): 645–667. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-30017>
- Boginskaya O. Russian lexical and syntactic hedges in dissertation reviews. *Russian Language Studies*, 2023, 21(1): 18–32. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-1-18-32>
- Čmejrková S. Predstavitev avtorja v Čeških in Slovaških znanstvenih besedilih [The (re)presentation of the author in Czech and Slovak scientific texts]. *Jezik in slovstvo*, 2007, 52(3-4): 21–31. (In Sloven.)
- Dontcheva-Navratilova O. Authorial presence in academic discourse: Functions of author-reference pronouns. *Linguistica Pragensia*, 2013, 23(1): 9–30.
- Dueñas P. M. Attitude markers in business management research articles: A cross-cultural corpus-driven approach. *International Journal of Applied Linguistics*, 2010, 20(1), 50–72. <https://doi.org/10.1111/j.1473-4192.2009.00228.x>
- Galtung J. Structure, culture, and intellectual style: An essay comparing Saxon, Teutonic, Gallic and Nipponic approaches. *Social Science Information*, 1981, 20(6): 817–856. <https://doi.org/10.1177/053901848102000601>
- Gessesse C. M. An investigation into the macro rhetorical structures of the EFL research abstracts of graduates of 2013: The case of Bahir Dar University in Ethiopia. *Online Journal of Communication and Media Technologies*, 2016, 6(1): 1–22. <https://doi.org/10.29333/ojcm/2534>
- Hryniuk K. Expert-like use of hedges and boosters in research articles written by Polish and English native-speaker writers. *Research in Language*, 2018, 16(3): 263–280. <https://doi.org/10.2478/rela-2018-0013>
- Hu G., Cao F. Hedging and boosting in abstracts of applied linguistics articles: A comparative study of English- and Chinese-medium journals. *Journal of Pragmatics*, 2011, 43(11): 2795–2809. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2011.04.007>
- Hyland K. *Metadiscourse: Exploring interaction in writing*. L.: Continuum, 2005, 240.
- Hyland K., Jiang F. Metadiscourse choices in EAP: An intra-journal study of JEAP. *Journal of English for Academic Purposes*, 2022, 60. <https://doi.org/10.1016/j.jeap.2022.101165>
- Hyland K., Zou H. "I believe the findings are fascinating": Stance in three-minute theses. *Journal of English for Academic Purposes*, 2021, 50. <https://doi.org/10.1016/j.jeap.2021.100973>
- Khajavy G. H., Asadpour S. F. A comparative analysis of interactive metadiscourse features in discussion section of research articles written in English and Persian. *International Journal of Linguistics*, 2021, 4(2): 147–159. <https://doi.org/10.5296/ijl.v4i2.1767>
- Khoutyz I. Engagement in written academic discourse: A cross-cultural study of Russian and English research articles. *International Journal of Russian Studies*, 2015, 4(2): 135–160. <https://elibrary.ru/uajlzi>
- Kozubíková Šandová J. Interpersonality in research article abstracts: A diachronic case study. *Discourse and Interaction*, 2021, 14(1): 77–99. <https://doi.org/10.5817/DI2021-1-77>

- Lenardič J., Fišer D. Hedging modal adverbs in Slovenian academic discourse. *Slovenščina 2.0: Empirične, Aplikativne in Interdisciplinarne Raziskave*, 2021, 9(1): 145–180. <https://doi.org/10.4312/slo2.0.2021.1.145-180>
- Ma Y., Jiang F. K. Guiding and engaging the audience: Visual metadiscourse in PowerPoint slides of Three Minute Thesis presentations. *English for Specific Purposes*, 2025, 77, 56–70. <https://doi.org/10.1016/j.esp.2024.10.003>
- Perales Escudero M., Swales J. M. Tracing convergence and divergence in pairs of Spanish and English research article abstracts: The case of Ibérica. *Ibérica*, 2011, (21): 49–70.
- Pisanski Peterlin A. Text-organising metatext in research articles: An English-Slovene contrastive analysis. *English for Specific Purposes*, 2005, 24(3): 307–319. <https://doi.org/10.1016/j.esp.2004.11.001>
- Pyankova T. *A practical guide for the translation of Asian scientific and technical literature into English*. Moscow: Letopis, 1994, 175. (In Russ.) [Пьянкова Т. М. Практическое пособие по переводу русской научно-технической литературы на английский язык. М.: Летопись, 1994. 175 с.]
- Stotesbury H. Evaluation in research article abstracts in the narrative and hard sciences. *Journal of English for Academic Purposes*, 2003, 2(4): 327–341. [https://doi.org/10.1016/S1475-1585\(03\)00049-3](https://doi.org/10.1016/S1475-1585(03)00049-3)
- Vassileva I. Commitment and detachment in English and Bulgarian academic writing. *English for Specific Purposes*, 2001, 20(1): 83–102. [https://doi.org/10.1016/S0889-4906\(99\)00029-0](https://doi.org/10.1016/S0889-4906(99)00029-0)
- Walková M. Author's self-representation in research articles by Anglophone and Slovak linguists. *Discourse and Interaction*, 2018, 11(1): 86–105. <https://doi.org/10.5817/DI2018-1-86>
- Yakhontova T. The signs of a new time: Academic writing in ESP curricula of Ukrainian universities. *Culture and Styles of Academic Discourse*, ed. Duszak A. Berlin: Mouton de Gruyter, 1997, 323–341.
- Zhou Q., Larina T. V. Power and solidarity in pronominal forms of address: A case study of Chinese and Russian teacher-student interactions. *Training, Language and Culture*, 2024, 8(1): 87–100. <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2024-8-1-87-100>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/ywywqo>

Речевая агрессия спортивных болельщиков как реакция на деструктивные журналистские тексты о фигурном катании

Евсева Ирина Владимировна

Сибирский федеральный университет, Россия, Красноярск

eLibrary Author SPIN: 4056-4629

<https://orcid.org/0000-0003-0495-033X>

Scopus Author ID: 57202034133

ivevseeva@yandex.ru

Белоусова Мария Владимировна

Сибирский федеральный университет, Россия, Красноярск

eLibrary Author SPIN: 9763-6638

<https://orcid.org/0009-0000-6577-1517>

Аннотация: Исследование выполнено в русле одного из развивающихся направлений лингвопрагматики – лингвоконфликтологии, которая исследует среди прочего агрессивное речевое поведение коммуникантов. Эмпирическую базу работы составили деструктивные журналистские тексты о фигурном катании и интернет-комментарии болельщиков как реакция на такие тексты. Обозначенная конфликтогенная среда позволяет проследить зарождение, протекание и эскалацию конфликта и тем самым решить одну из важных задач лингвоконфликтологии, что говорит об актуальности исследования. Цель – выявить особенности агрессивного речевого поведения спортивных болельщиков фигурного катания с позиции лингвоконфликтологии. Задачи: представить классификацию текстов-комментариев болельщиков в зависимости от раздражителя в тексте, провоцирующего речевую агрессию; выявить с опорой на речевые реакции читателей те компоненты аналитических публикаций, которые в большей мере провоцируют аудиторию на написание агрессивных комментариев; установить речевые средства негативного реагирования читательской аудитории. Применены методы мультимодального дискурс-анализа, контекстуального и контент-анализа. Кроме того, метод классификации применен с целью установления типов агрессивных текстов болельщиков, статистический метод – для выявления количественной представленности каждого типа таких текстов. Результаты исследования позволили представить классификацию текстов-комментариев болельщиков в зависимости от раздражителя, провоцирующего речевую агрессию; установить речевые средства и приемы негативного эмоционального реагирования читательской аудитории; выявить деструктивные элементы журналистских текстов, провоцирующие речевую агрессию болельщиков. К такого рода элементам относим: компоненты структуры текста – «цепляющие» заголовки, лиды, изображения и др.; смысловые блоки текста – конкретные фигуристы и тренеры, отношение к которым диктуется исключительно личными симпатиями или антипатиями болельщиков; средства речевого воздействия (приемы генерализации, негативной интенсификации и катастрофизации, принижение статуса объекта описания и др.); имена собственные автора(ов) текста и публикующее этот текст СМИ.

Ключевые слова: деструктивный текст, речевое воздействие, речевая агрессия, спортивный медиадискурс, аналитический медиатекст, интернет-комментарий болельщика

Цитирование: Евсева И. В., Белоусова М. В. Речевая агрессия спортивных болельщиков как реакция на деструктивные журналистские тексты о фигурном катании. *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 4. С. 585–595. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-4-585-595>

Поступила в редакцию 30.05.2025. Принята после рецензирования 24.07.2025. Принята в печать 28.07.2025.

full article

Verbal Aggression of Sports Fans as a Response to Provocative Journalistic Texts about Figure Skating

Irina V. Evseeva

Siberian Federal University, Russia, Krasnoyarsk

eLibrary Author SPIN: 4056-4629

<https://orcid.org/0000-0003-0495-033X>

Scopus Author ID: 57202034133

ivevseeva@yandex.ru

Mariia V. Belousova

Siberian Federal University, Russia, Krasnoyarsk

eLibrary Author SPIN: 9763-66388

<https://orcid.org/0009-0000-6577-1517>

Abstract: Linguistic conflictology is a branch of pragmatics that focuses on aggressive speech behavior patterns. This research featured provocative reports about figure skating and online comments as response. This conflictogenic area provides an iconic case study that makes it possible to trace a conflict through all its stages, i.e., origin, course, and escalation. To profile the aggressive online verbal behavior of sports fans, the authors classified their comments by the provocative stimulus and then graded the stimuli by the efficiency of provocation. To establish the speech means and stylistic devices of negative response, they applied multimodal discourse, contextual, and content analyses, as well as the methods of classification and statistics. The resulting classification of aggressive comments depending on the stimulus and its degree of provocativeness was supplemented with a list of linguistic means of negative emotional response. The list of text elements bound to evoke negative comments included: structural components (headlines, leads, images, etc.); semantic blocks about skaters and coaches provided with the author's subjective assessments; linguistic techniques (generalization, negative intensification, escalation, belittling, etc.); names of the journalist(s) and the media responsible for the publication.

Keywords: provocative text, speech impact, verbal aggression, sports media discourse, analytical media text, online fans' comments

Citation: Evseeva I. V., Belousova M. V. Verbal Aggression of Sports Fans as a Response to Provocative Journalistic Texts about Figure Skating. *SibScript*, 2025, 27(4): 585–595. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-4-585-595>

Received 30 May 2025. Accepted after peer review 24 Jul 2025. Accepted for publication 28 Jul 2025.

Введение

Речевая агрессия как феномен современности, имеющий сегодня место в разных сферах коммуникации, в том числе в средствах массовой информации, находится в фокусе исследовательского внимания ученых разных научных направлений, объектом исследования которых выступают конфликтные и / или конфликтогенные тексты. Представляемая работа выполнена в русле одного из развивающихся направлений лингвопрагматики – лингвоконфликтологии, изучающей среди прочего средства выражения речевой агрессии.

Речевая агрессия может проявляться, с одной стороны, как целенаправленное намерение говорящего / пишущего обидеть другого человека, с другой – как ответная реакция на подобного рода обиду. Проблемное поле данной работы связано с обоими типами проявления речевой агрессии. Нами анализируется агрессивное

речевое поведение аудитории спортивных СМИ, выраженное в интернет-комментариях болельщиков как реакция на деструктивные журналистские тексты о фигурном катании. Обращение к спортивному дискурсу (под дискурсом понимаем общую идею о том, что язык структурирован в соответствии с паттернами, которые обуславливают высказывания людей в различных сферах социальной жизни [Йоргенсен, Филлипс 2008], ср.: медицинский дискурс, политический дискурс, научный дискурс, педагогический дискурс и мн. др., в том числе дискурс спортивных болельщиков [Белютин 2013]) с позиции лингвоконфликтологии неслучайно. В коммуникации по вопросу о каком-либо виде спорта, в частности фигурном катании, могут возникать конфликты, что объясняется спецификой соревновательной деятельности, которая создает условия для соперничества и спорных ситуаций.

Обозначенная конфликтогенная среда позволяет проследить зарождение, протекание и эскалацию конфликта как социального и культурного феномена и тем самым решить одну из важных задач лингво-конфликтологии, что подтверждает актуальность исследования. Кроме того, актуальность работы связана с проблемой влияния деструктивного контента современных массмедиа на речь адресата, вследствие чего происходит разрушение норм речевого поведения, в том числе в публичной речи.

Деструктивные тексты современных электронных СМИ, в частности спортивных, являются благоприятной платформой для негативного эмоционального воздействия на те слои читательской аудитории, которые характеризуются острым эмоциональным реагированием порой без должного критического осмысления прочитанного. Интернет-дискурс спортивных болельщиков относится к такому типу аудитории – он предельно субъективен и эмоционально реактивен, участниками данной разновидности дискурса создается большое количество негативных эмоциональных интернет-текстов, а также текстов-комментариев, направленных на оскорбление спортсменов, тренеров и других болельщиков, их злобное высмеивание, стравливание враждебных друг другу фанатских групп и др. Деструктивные журналистские тексты, содержащие резкие авторские оценки, субъективную интерпретацию происходящих спортивных событий, приемы и средства негативного эмоционального воздействия, играют, на наш взгляд, ведущую роль в активизации агрессивного речевого поведения любителей спорта, провоцируя последних на выражение агрессии в текстах-комментариях.

Деструктивные медийные тексты об отечественном спорте рассматриваются в парадигме научного знания с позиций лингвопрагматики, стилистики, лингвоэкологии и других лингвистических направлений. Так, исследование А. Г. Щитова посвящено особенностям дискурса спортивных болельщиков – высокой степени эмоциональности, агрессивности, протестности и др. [Щитов 2013]. Т. С. Луценко отмечает тенденцию к вульгаризации речи отечественных спортивных журналистов, проявляющуюся в немотивированном использовании жаргонизмов – по замечанию исследователя, это затрудняет процесс понимания текста и выходит за рамки норм литературного языка [Луценко 2017]. Исследование Ю. В. Копыловой, С. В. Ляпун и А. Р. Шхумишховой

посвящено типам автора в спортивном медиадискурсе, среди которых выделены те, что нацелены на негативное эмоциональное воздействие на аудиторию любителей спорта [Копылова и др. 2021]. У. А. Нагаева рассматривает причины, по которым в спортивном медиадискурсе стали чаще возникать различные деструктивные коммуникативные практики (навешивание ярлыков на спортсменов, культура отмены), посредством которых спортивные СМИ оказывают воздействие на аудиторию болельщиков [Нагаева 2022]. Различные эмоциональные, в том числе негативные, проявления участников интернет-дискурса – болельщиков фигурного катания – рассматриваются в работах Е. Г. Малышевой и О. С. Рогалевой: лингвисты описывают особенности данного дискурса, определяющие агрессивное речевое поведение его участников, как обычных болельщиков, так и спортивных журналистов, и указывают на конфликтность как одну из коммуникативных доминант рассматриваемого дискурса [Малышева, Рогалева 2021; 2022; 2024]. Ранее нами было проанализировано конфликтное взаимодействие тренеров по фигурному катанию в медийном тексте, который выступил площадкой эскалации конфликта [Евсеева, Белоусова 2025].

Данное исследование отличается тем, что в нем определяется агрессивная коммуникация в сфере конкретного вида спорта – фигурного катания. Посредством выявленных негативных реакций болельщиков на деструктивные журналистские тексты дается классификация типов текстов болельщиков в зависимости от раздражителя, посредством которого и возникает агрессия (под раздражителем в работе понимаем компоненты журналистских статей, будь то содержательные блоки текста или отдельные конфликтогены, оказывающие негативное эмоциональное воздействие на аудиторию спортивных болельщиков); устанавливаются типичные раздражители – средства речевого воздействия журналистов на аудиторию, что определяет новизну работы.

Цель – выявить особенности агрессивного речевого поведения спортивных болельщиков фигурного катания с позиции лингвоконфликтологии. Задачи:

- представить классификацию текстов-комментариев болельщиков в зависимости от раздражителя, провоцирующего речевую агрессию;
- выявить с опорой на речевые реакции читателей те компоненты аналитических публикаций,

которые в большей мере провоцируют аудиторию на написание агрессивных ответных высказываний;

- установить речевые средства и приемы негативного эмоционального реагирования читательской аудитории.

Решение поставленных задач позволяет понять, как деструктивные тексты влияют на процессы восприятия и аксиологическую оценку социума, что научно значимо для спектра гуманитарных наук, таких как лингвопрагматика, лингвоэкология, психофизиология.

Методы и материалы

Ведущими в исследовании являются метод мультимодального дискурс-анализа, контекстуальный анализ и контент-анализ. Кроме того, были применены статистический и классификационный методы. Посредством мультимодального дискурс-анализа и контекстуального анализа на предварительном этапе работы были выявлены приемы, а также вербальные и невербальные средства, используемые журналистами в текстах статей о фигурном катании с целью негативного эмоционального воздействия на аудиторию. Контент-анализ позволил количественно описать тексты-реплики болельщиков и установить, какие элементы журналистских текстов в большей мере спровоцировали аудиторию на выражение речевой агрессии через тексты интернет-комментариев. Метод классификации использован для установления типов агрессивных текстов болельщиков, являющихся реакцией на деструктивные тексты журналистов, а статистический метод позволил определить количество каждого типа агрессивных текстов.

Материалом стали 9333 интернет-комментария, оставленных болельщиками к 490 аналитическим статьям о российском фигурном катании, опубликованным на спортивных информационных порталах Sport24¹, Спорт-Экспресс², РИА Новости Спорт³ и Чемпионат⁴ в период с января 2021 г. по май 2024 г. В статье в качестве иллюстраторов приводим примеры комментариев к 26 статьям. Орфография и пунктуация в примерах сохранены.

Результаты

Характеристика терминологического аппарата исследования

Прежде всего, раскроем содержание терминов *речевая агрессия*, *деструктивное речевое поведение*, *деструктивный текст*, которые использованы в исследовании.

Речевая агрессия проявляется в речевом поведении, определяемом лингвистами как складывающийся в течение жизни речевой опыт, ушедший вглубь сознания, уникальный набор речевых привычек и предпочтений, «из которого адресант в процессе коммуникации автоматически извлекает языковые средства для выражения своих мыслей, намерений» [Полякова 2012: 46]. На формирование речевого поведения оказывают влияние различные экстралингвистические факторы – социальные характеристики отправителя сообщения, особенности конкретной коммуникативной ситуации и личность адресата [Там же: 45]. Одним из основных типов негативного речевого поведения, который может быть реализован в любой разновидности дискурса и в любом типе коммуникации, является вербальная агрессия [Воронцова 2016: 110]. Речевая агрессия определяется исследователями как целенаправленное или спонтанное речевое действие, выражающее при помощи средств языка неприязненное, враждебное, оскорбительное отношение к какому-либо объекту, нацеленное на оскорбление его достоинства и нанесение ему иного вреда [Апресян 2003: 32; Сковородников 2019: 13; Трошева 2006: 340; Щербинина 2018]. Выражение вербальной агрессии является неотъемлемым компонентом коммуникации [Басовская 2004: 257] и может реализовываться при помощи средств любых уровней системы языка [Барченкова, Шейко 2020: 122]. Широкое распространение агрессивное вербальное поведение получило в сети. Интернет-среда обладает благоприятными условиями для реализации агрессивного речевого поведения – анонимностью и опосредованностью коммуникации, создающими ощущение вседозволенности и безнаказанности [Карабань, Дикарева 2018: 2].

Рассматриваемый в рамках данного исследования дискурс болельщиков фигурного катания в большей

¹ Sport24. URL: <https://sport24.ru/> (дата обращения: 17.04.2025).

² Спорт-Экспресс. URL: <https://www.sport-express.ru/> (дата обращения: 17.04.2025).

³ РИА Новости Спорт. URL: <https://rsport.ria.ru/> (дата обращения: 17.04.2025).

⁴ Чемпионат. URL: <https://www.championat.com/> (дата обращения: 17.04.2025).

мере характеризуется именно виртуальным характером коммуникации между участниками – большинство болельщиков находит единомышленников не на трибунах непосредственно во время соревнований, а при общении на специализированных спортивных интернет-форумах, в чатах болельщиков в разных мессенджерах, в ветках комментариев к новостным, аналитическим статьям журналистов, под публикациями фигуристов, тренеров, многочисленных фан-групп на личных страницах в социальных сетях. Субъект коммуникации – болельщик (при всей его любви к данному виду спорта) – не является профессионалом, что обуславливает его необъективность и, как подчеркивают Е. Г. Малышева и О. С. Рогалева, частое нарушение стилистических и этических рамок в коммуникации, что проявляется в выборе им лексических средств пренебрежительной, неодобрительной семантики, негативных оценочных суждений, просторечных и бранных выражений, конфликтных речевых жанров угрозы, оскорблений др. [Малышева, Рогалева 2022].

Подобное проявление негативного речевого поведения болельщиков часто является реакцией на деструктивные журналистские тексты, в основе понимания которых лежит интенция причинить адресату и / или объекту физический или эмоциональный вред [Волкова 2024: 942]. Под деструктивным речевым поведением журналистов подразумевается такое, которое оказывает негативное воздействие на аудиторию читателей с целью сформировать у последней преимущественно отрицательное отношение к описываемому объекту [Тактарова 2014: 219].

Классификация агрессивных текстов-комментариев болельщиков

Из рассмотренных 9333 интернет-комментариев было выявлено 3800 текстов (40,7 % от общего числа), демонстрирующих речевую агрессию. Классифицируем агрессивные тексты-комментарии болельщиков на следующие типы:

1. Негативные интернет-комментарии в адрес других пользователей, опубликованные в ветке комментариев (14 %, 1307 комментариев).

2. Негативная реакция на автора статьи, редакционную политику спортивного информационного издания, профессиональную деятельность спортивных журналистов в целом (12,82 %, 1196 комментариев).

3. Негативная реакция на провокационные формулировки заголовков статей, лиды публикаций, лексику и выражения, употребляемые автором, на умолчание автором определенной информации или ее искажение, на выбор темы для написания статьи, на средства речевого воздействия и выбор автором невербальных компонентов, дополняющих тексты статей (8,76 %, 819 комментариев).

4. Негативные реакции в адрес спортсменов, тренеров, их родственников, спортивных функционеров, судей и других личностей, о которых идет речь в тексте (3,87 %, 361 комментарий).

5. Негативные комментарии о болельщиках фигурного катания, стимулом написания которых является статья, а не комментарии других читателей (0,98 %, 92 комментария).

6. Негативные комментарии о фигурном катании как виде спорта (0,27 %, 25 комментариев).

Первая группа отрицательных интернет-комментариев, наиболее многочисленная, представлена текстами, содержащими оскорбления, агрессивные, грубые замечания, ироничные насмешки в адрес других болельщиков, ранее оставивших свой комментарий к опубликованному материалу. Данная группа текстов-реакций в рамках этого исследования интересовала нас меньше всего, поскольку она представляет собой ответ не на деструктивный журналистский текст, а на реакцию другого пользователя.

Остановимся на характеристике агрессивных текстов-комментариев болельщиков иных выделенных групп, которые демонстрируют агрессивную реакцию на журналистские тексты. Анализ этих текстов-комментариев позволил установить те компоненты аналитических публикаций, которые в большей мере провоцируют аудиторию на написание агрессивных ответных высказываний.

Вторую по численности группу составляют отрицательные тексты-реакции на личность конкретного журналиста – автора текста, на спортивных журналистов вообще, спортивное СМИ и его политику. Отрицательные реплики от читателей в адрес автора напрямую связаны с опубликованным им материалом и теми оценками, которые он дает анализируемым личностям или событиям из мира спорта. Для выражения вербальной агрессии болельщиками используются негативные оценочные лексемы и устойчивые сочетания, в том числе в ходе прямого обращения к автору:

- Я согласен с Тутберидзе по поводу некоторых СМИ и «журналистов». Вы, автор, чего по жизни достигли, чтобы её критиковать? И нечего из себя обиженку строить... (анонимный пользователь, Спорт-Экспресс, 23.02.2024);
- Яна левхина пробила очередное дно, отрабатывает заказуху мерзкая ш.ха (waspi, Чемпионат, 06.03.2021).

Критика деятельности спортивных журналистов связана с общими тенденциями, наблюдаемыми в текстах журналистов, освещающих данный вид спорта: упор на конфликтность и провокационность текстов о фигурном катании, отсутствие объективных анализа и оценок, подмена качественной аналитики выражением собственного мнения – всё это не приветствуется любителями спорта, ожидающими от журналиста более профессиональной аналитики:

- Когда уже наберут вменяемых людей о фигурном катании писать? Что за неуважение к нашему традиционному и одному из сильнейших видов спорта? Позорище! (ultrapiter, Чемпионат, 12.11.2021).

Критика в адрес редакции информационного ресурса и ее политики часто обусловлена фактом опубликования статей той тематики и того содержания, которые кажутся болельщикам неэтичными по отношению к спортсменам и тренерским группам или не вызывающими интерес у любителей спорта.

Нередки упреки от болельщиков в адрес автора, позволившего себе выразить мнение в категоричной форме – бездоказательными утверждениями, резкими субъективными оценками – в отношении конкретного спортсмена или тренера. Особая черта таких читательских упреков – в намеке на «проплаченность» журналиста, «отрабатывание» им «заказа» конкурента, который намерен подорвать уверенность соперника перед важным турниром или привлечь симпатии болельщиков на свою сторону:

- Никак новый донат пришёл от рудковских. Уж больно акцентны смещены у сплетнёвой в сторону ТШТ... (ПеньСионер, Спорт-Экспресс, 09.04.2022).

Для текстов интернет-комментариев болельщиков характерно наличие усеченных вариантов фамилий журналистов, их намеренные искажения,

превратившиеся в окказиональные прозвища, что выражает презрительное отношение читателей к автору текста:

- Чушь и сопли. Но задача у Имамки и Кузи (а полными ФИО – они уже давно недостойны называться из-за своей продажности) – одна и та же из статьи в статью. Стыд и совесть – не про них. Баблоотрабатыватели) (TokTram, Спорт-Экспресс, 29.10.2023).

Личность и профессиональная деятельность спортивного журналиста, таким образом, является одним из основных стимулов для написания агрессивных интернет-комментариев в дискурсе болельщиков фигурного катания. Показательно и превалирование негативных реплик читателей об авторе над позитивными среди рассматриваемых в рамках исследования текстов-комментариев – 1196 против 34.

Третья группа негативных комментариев является реакцией на структурные элементы текста публикации. Кликбейтные заголовки, провокационные изображения, дополняющие заголовочные комплексы статей, как способ привлечения внимания аудитории вызывают отрицательную реакцию у пользователей, которую они нередко оставляют в комментариях к статьям в виде прямого указания на провокационность заголовка или «обгрызания» формулировки заголовка и наполняя его новыми смыслами:

- Заголовок звучит грубо, да и статья в целом не отличается позитивом... (KRISTINKA12, Sport24, 15.04.2023).

Отметим, что заголовочные комплексы в журналистских текстах нацелены спровоцировать проявление эмоций у аудитории путем воздействия на чувство любопытства, возникающее при прочтении заголовка. (Об описании подобного рода реакций см. [Вольская 2018; Зелянская и др. 2023].)

Используемые автором – и не всегда удачно – слова и выражения в тексте, особенно сленговая и заимствованная лексика, становятся причиной резкой критики болельщиков, предположительно, старшего возраста, привыкших к тому, что язык СМИ является образцом нормы:

- Бедный русский язык. Оксимирон, залайкайте..... (foxwhite, Спорт-Экспресс, 12.11.2021).

На агрессивное речевое поведение болельщиков провоцирует также «перевес» публикаций о какой-либо одной конкретной ситуации или одном спортсмене, наблюдающийся на протяжении длительного времени и сопровождающийся игнорированием других тем, не менее важных для болельщиков:

- *Надоели со своей камилой!!!...* (rahimova, Чемпионат, 19.12.2023).

Как и для интернет-комментариев к публикациям, относящимся к другим видам медиадискурса, для рассматриваемых в рамках исследования текстов типична реализация агрессивного речевого поведения в адрес личностей из мира спорта – спортсменов, тренеров, их родственников (**четвертая группа текстов-комментариев**), о которых идет речь в статье и к которым болельщик, мягко говоря, не испытывает симпатии. При этом не имеет значения, какой оценкой наделяет данную личность автор в тексте статьи – позитивной или негативной. Критике подвергаются и болельщики соперников (**пятая группа текстов-комментариев**) – группа чужих, деятельность которой каким-то образом затрагивается темой журналистского текста. Объектом резких замечаний становятся взгляды чужих, их вербальное и невербальное поведение, уровень грамотности. Высказываются и предположения об их социальном статусе (преимущественно низком), невысоких умственных способностях и отсутствии здравого взгляда на происходящее (болельщики соперников могут именоваться *сектой* в значении ограниченной группы лиц, безапелляционно верящих в непогрешимость своего кумира и повторяющих одни и те же идеи из текста в текст):

- *нучё секта и теперь скажет, что всё было честно, тутбефюрер на судей не влияет...* (анонимный пользователь, Спорт-Экспресс, 20.11.2021).

Объектом речевой агрессии болельщиков становится и само фигурное катание (**шестая группа текстов-комментариев**) как «неполноценный» вид спорта с необъективным судейством и сложными для понимания правилами, погрязший в скандалах и интригах, которому, по мнению читателей спортивных информационных ресурсов, незаслуженно уделяется повышенное внимание со стороны российской прессы.

Средства и приемы речевого воздействия журналиста и способы агрессивного реагирования аудитории

Особый интерес представляют те интернет-комментарии болельщиков, которые являются реакцией читателей на средства и приемы агрессивного речевого воздействия, использованные журналистом в тексте.

Наиболее активно пользователи реагируют на **прием интенсификации**, заключающийся в намеренной гиперболизации чьих-либо достоинств или недостатков [Иссерс 2009: 55]. Количество таких комментариев – 27. Отмечено существенное использование не только отрицательной, но и положительной оценки, что может вызывать у болельщиков реакцию неодобрения, выраженную в грубой форме.

Так, на высокую оценку журналистом Д. Кузнецовым спортивных и артистических данных фигуристки К. Валиевой (*Валиева – одна из самых выдающихся фигуристок в истории этого вида спорта* (Спорт-Экспресс, 13.11.2023)) реагирует пользователь DjinIgnatov: *Насчёт самая выдающаяся фигуристка – Кузнецов как всегда не только ЛЖЁТ, но видимо и не знает ВЫДАЮЩИХСЯ фигуристок!* Прием интенсификации, нашедший отражение в заголовке статьи Е. Авдониной *Репутация Тутберидзе оказалась на волоске. Как лучшему тренеру мира спастись?* (Чемпионат, 19.02.2022), также вызвал критические замечания читателей: *Лучший тренер мира, не смешите, нашли тренера.....* (teuki).

В ряду наиболее заметных приемов речевого воздействия на болельщиков находится прогнозирование (среди проанализированных текстов-комментариев выявлено 22), неадекватный комментарий (вольная интерпретация автором высказываний спортсменов и тренеров, в результате чего они наделяются новыми смыслами) [Катенева 2012: 91] (14 комментариев), авторская интерпретация общественно значимых ценностей (9) и сослагательное наклонение, которое находит реализацию не только в отдельных фрагментах авторского текста, но и на уровне всей статьи (7).

Любое **прогнозирование**, которое заключается в предугадывании будущих событий, распределении мест и медалей до старта турнира, «навешивании» будущих титулов спортсмену, еще их не завоевавшему, чаще всего вызывает у участников рассматриваемого дискурса негативную реакцию и не приветствуется ими, поэтому в контексте медиадискурса о фигурном катании мы относим данный прием

воздействия к деструктивным. Так, опубликованное в декабре 2021 г. категоричное утверждение журналиста Р. Имамова о том, что российские фигуристки несомненно займут весь пьедестал Олимпийских игр 2022 г. (Спорт-Экспресс, 26.12.2021), вызвало резкую критику аудитории.

Реакцией читателей на **неадекватный комментарий** являются упреки в искажении смысла сказанного фигуристом или тренером, приписывании их высказываниям смыслов, которые не были изначально заложены говорящим, но которые выгодны автору для подтверждения истинности своей точки зрения. Так, журналист А. Волкова, анализируя интервью тренера Э. Тутберидзе, использует высказывания тренера в качестве доказательства того, что соревновательные программы, поставленные в данном тренерском штабе, *халтурные*, не несут в себе определенного смысла и сделаны небрежно (Sport24, 08.11.2023). Такая вольная интерпретация автором реплик тренера не осталась без резкой критики пользователей:

- *Это же надо так всё интервью перекрутить, чтобы в очередной раз на бросить (Anna_li);*
- *Может статья халтурная? Насколько я помню, в интервью Этери речь шла о другом. Автор даже не в состоянии прочитать и понять основную мысль текста, но сразу бросается его обсуждать. И пальцы тянутся к перу, перо к бумаге. Это графомания бездарная какая-то, матушка (Zaitseva).*

Фривольная трактовка авторами общественно значимых концептов (патриотизм, отечественная культура и история) провоцирует читателей оставить возмущенный комментарий. В контексте сложной политической обстановки любые переходы отечественных спортсменов в иностранные сборные воспринимаются специалистами из мира спорта и его любителями негативно. Интерпретация концепта *патриотизм* журналистом Д. Кузнецовым относительно фигуристов и их спортивной карьеры (*патриотизм – не «любовь к флагу» и не достойные выступления за Россию, а желание продолжать спортивную карьеру ради себя и своих болельщиков* (Спорт-Экспресс, 17.02.2023)) находит резко отрицательную реакцию среди болельщиков.

Еще одно средство речевого воздействия – **сослагательное наклонение** – используется журналистами для описания альтернативных вариантов

развития событий в мире фигурного катания. Подтвердить или опровергнуть такие конструкции невозможно из-за их ирреальной модальности, что провоцирует любителей спорта, ожидающих от автора объективной аналитики реальных событий, бурно выражать возмущение по поводу написанного журналистом. Например, в ответ на предположение Д. Кирюхиной о том, какое место заняла бы фигуристка А. Косторная на Чемпионате России 2022, если бы рискнула выступить на турнире с переломом руки (Чемпионат, 28.12.2021), болельщики едко отмечают абсурдность подобных утверждений.

Кроме того, в фокус внимания болельщиков также попадают включенные в тексты журналистских статей и иные приемы негативного эмоционального воздействия: **категоричные бездоказательные утверждения** (6 комментариев); **манипулирование журналистом статистическими данными**, которые находятся в открытом доступе и могут быть проверены любым пользователем (6); **прием катастрофизации**, являющийся более сильным вариантом приема интенсификации с негативной окраской (5); **генерализация в оценках** (3); **предоставление новой для читателя информации в форме речевого жанра слухов**, что снимает с автора ответственность за написанное в том случае, если информация окажется ложной, и позволяет выдавать любые суждения как правдивые (см. об этом в работах [Дзялошинский 2005: 48; Осетрова 2015: 81]) (3); **приведение мнения авторитета в качестве аргумента**, подтверждающего авторскую точку зрения (2).

Обсуждение

Результаты исследования агрессивного речевого поведения спортивных болельщиков, являющегося реакцией на аналитические журналистские тексты о фигурном катании, позволили, во-первых, представить классификацию текстов-комментариев болельщиков в зависимости от раздражителя, провоцирующего речевую агрессию; во-вторых, установить речевые средства и приемы негативного эмоционального реагирования читательской аудитории; в-третьих, выявить деструктивные элементы – раздражители, провоцирующие агрессивное речевое поведение болельщиков. К раздражителям относим:

1) элементы структуры текста – «цепляющие» заголовки, лиды, изображения, дополняющие заголовочные комплексы или размещаемые в тексте (неудачные фотографии, скриншоты, позволяющие

по-разному интерпретировать изображение в совокупности с текстом; инфографика);

2) смысловые блоки текста – фигуристы и тренеры, отношение к которым диктуется исключительно личными симпатиями и антипатиями каждого болельщика;

3) средства речевого воздействия (приемы генерализации, негативной интенсификации и катастрофизации, принижение статуса объекта описания, аллюзии на исторические события или явления культуры, наделенные в сознании носителей русского языка отрицательными оценками; авторская интерпретация публичных высказываний тренеров и спортсменов и др.);

4) автор(ы) текста и публикующее этот текст СМИ.

Агрессия в сторону автора(ов) текста и публикующих этот текст СМИ является следствием наличия в тексте раздражителей (1), (2) и / или (3).

Анализ материала показал, что выявленные деструктивные элементы побудили читательскую аудиторию оставить 2493 интернет-комментария, содержащих различные речевые средства агрессии, что составляет 26,7 % от всех текстов-комментариев к рассмотренным в работе статьям.

Полученные результаты исследования коррелируют с выводами изучения интернет-дискурса о фигурном катании Е. Г. Малышевой и О. С. Рогалева: конфликтность и агрессивность являются коммуникативными доминантами данного вида дискурса [Малышева, Рогалева 2024].

Заключение

Исследование показало, что элементы структуры аналитического журналистского текста, его содержательные блоки и средства речевого воздействия могут быть направлены на оказание деструктивного воздействия на аудиторию любителей фигурного катания. Наличие в журналистском тексте ряда средств и приемов речевого воздействия, провоцирующих адресанта на агрессивную реакцию, позволяет рассматривать такие тексты как деструктивные,

нарушающие журналистскую этику, и в то же время речевое поведение автора, публикующего подобные тексты, оценивать как деструктивное. Журналисты тем самым намеренно провоцируют агрессию аудитории болельщиков с целью повышения популярности издания, поднимая рейтинг за счет количества комментариев, пусть и негативных. Негатив и агрессия в публичном пространстве привлекают внимание публики, а переизбыток такого контента может пагубно отразиться на психическом состоянии человека. В этой связи анализ агрессивной коммуникации, выявление и типология такого рода средств, а также разработка компьютерных программ, позволяющих блокировать в интернет-пространстве тексты (как журналистские, так и тексты-комментарии), содержащие средства речевой агрессии, являются сегодня важными задачами.

Перспективу исследования связываем с изучением журналистских текстов о значимых для имиджа страны олимпийских видах спорта как текстов деструктивной направленности и анализом деструктивного речевого поведения спортивных журналистов, которое находит отражение не только в публикациях на информационных ресурсах, но и в личных блогах, где представители прессы обладают большей степенью свободы в плане самовыражения.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for the information published in this article.

Литература / References

- Апресян В. Ю. Имплицитная агрессия в языке. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Междунар. конф. «Диалог-2003»*. (Протвино, 11–16 июня 2003 г.) М.: Наука, 2003. С. 32–35. [Aprisjan V. Yu. Implicit aggression in language. *Computational linguistics and intellectual technologies: Proc. Intern. Conf. Dialogue 2003, Protvino, 11–16 Jun 2003. Moscow: Nauka, 2003, 32–35. (In Russ.)*] <https://elibrary.ru/rsnxet>
- Барченкова Я. В., Шейко Е. В. Речевая агрессия как языковое явление, препятствующее процессу обучения. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2020. Т. 13. № 5. С. 122–125. [Barchenkova Ya. V.,

- Sheiko E. V. Verbal aggressiveness as language phenomenon hindering learning process. *Philology. Theory & Practice*, 2020, 13(5): 122–125. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.5.22>
- Басовская Е. Н. Творцы черно-белой реальности: о вербальной агрессии в средствах массовой информации. *Критика и семиотика*. 2004. № 7. С. 257–263. [Basovskaya E. N. Creators of black and white reality: Verbal aggression in mass media. *Critique & Semiotics*, 2004, (7): 257–263. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/хомсмп>
- Белютин Р. В. Речевое поведение немецких и российских футбольных фанатов: сходства и различия. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2013. № 1. С. 196–199. [Belyutin R. V. Communicative behaviour of German and Russian football fans: Similarities and differences. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2013, (1): 196–199. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qyuliz>
- Волкова Я. А. Деструктивные тексты в массмедиа: проблемы выделения и параметризации. *Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки*. 2024. Т. 17. № 5. С. 938–949. [Volkova Ia. A. Destructive texts in mass media: Identification and parameterization issues. *Journal of Siberian Federal University – Humanities and Social Sciences*, 2024, 17(5): 938–949. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/odfgeo>
- Вольская Н. Н. Кликбейт как средство создания ложной информации в интернет-коммуникации. *Медиаскоп*. 2018. № 2. [Vol'skaya N. N. The clickbait as a means of making false information in the Internet communication. *Mediascope*, 2018, (2). (In Russ.)] <https://doi.org/10.30547/mediascope.2.2018.12>
- Воронцова Т. А. Троллинг и флейминг: речевая агрессия в интернет-коммуникации. *Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология*. 2016. Т. 26. № 2. С. 109–116. [Vorontsova T. A. Trolling and flaming: Speech aggression in the Internet communication. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya*, 2016, 26(2): 109–116. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vywtfn>
- Дзялошинский И. М. Манипулятивные технологии в масс-медиа. *Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика*. 2005. № 1. С. 29–54. [Dzyaloshinsky I. M. Manipulative technologies in mass media. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, 2005, (1): 29–54. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jxdhpc>
- Евсеева И. В., Белоусова М. В. Медийный интернет-текст о фигурном катании как площадка эскалации спортивного конфликта: анализ двойного кейса. *Виртуальная коммуникация и социальные сети*. 2025. Т. 4. № 1. С. 71–80. [Evseeva I. V., Belousova M. V. Conflict discourse behavior in Russian figure skating media text: A double case analysis. *Virtual Communication and Social Networks*, 2025, 4(1): 71–80. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2782-4799-2025-4-1-71-80>
- Зелянская Н. Л., Белоусов К. И., Сычев О. А., Галинская Т. Н. Семантическая организация кликбейт-заголовков и показатели активности интернет-пользователей. *Медиалингвистика*. 2023. Т. 10. № 1. С. 66–86. [Zelianskaia N. L., Belousov K. I., Sychov O. A., Galinskaia T. N. Semantic structure of clickbait headlines and Internet user activities. *Medialingvistika*, 2023, 10(1): 66–86. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21638/spbu22.2023.104>
- Иссерс О. С. Речевое воздействие. М.: ФЛИНТА, 2009. 224 с. [Issers O. S. *Speech influence*. Moscow: FLINTA, 2009, 224. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uurvqp>
- Йоргенсен М. В., Филлипс Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод. 2-е изд., испр. Харьков: ГЦ, 2008. 352 с. [Jorgensen M. V., Phillips L. J. *Discourse analysis as theory and method*. 2nd ed. Kharkiv: GTs, 2008, 352. (In Russ.)]
- Карабань Н. А., Дикарева А. В. Речевая агрессия в интернет-общении. *Филология: научные исследования*. 2018. № 2. С. 1–8. [Karaban N. A., Dikareva A. V. Verbal aggression in Internet communication. *Philology: Scientific researches*, 2018, (2): 1–8. (In Russ.)] <https://doi.org/10.7256/2454-0749.2018.2.25581>
- Катенева И. Г. Манипуляции в текстах СМИ как эффективный инструмент политического воздействия и социального контроля (на материале предвыборной кампании 2011 года). *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 2012. Т. 11. № 6. С. 89–94. [Kateneva I. G. Manipulations in mass media texts as an effective tool of political impact and social control (based on the material of the election campaign of 2011). *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta, Seriya: Istoriya, Filologiya*, 2012, 11(6): 89–94. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ozejzr>
- Копылова Ю. В., Ляпун С. В., Шхумишхова А. Р. Категория автора и медиастиль в спортивной аналитической журналистике. *Современный ученый*. 2021. № 6. С. 88–92. [Kopylova Yu. V., Lyapun S. V., Shkhumishkhova A. R. Author's category and media style in the sport analytical journalism. *Sovremennyy uchenyi*, 2021, (6): 88–92. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/bqddmb>

- Луценко Т. С. Вульгаризация речи как негативная тенденция в спортивных медиатекстах (на материале интернет-порталов «Советский спорт» и «Спорт-экспресс»). *Медиаисследования*. 2017. № 4-2. С. 167–171. [Lutsenko T. S. Vulgarization of speech as a negative tendency in sports media (based on the materials of the sports media 'Sovetskiy Sport' and 'Sport-Express'). *Mediaissledovaniia*, 2017, (4-2): 167–171. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zezimf>
- Мальшева Е. Г., Рогалева О. С. Коммуникативные доминанты спортивного интернет-дискурса о фигурном катании. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2024. Т. 17. № 9. С. 3071–3078. [Malysheva E. G., Rogaleva O. S. Communicative dominants of the sports Internet discourse on figure skating. *Philology. Theory & Practice*, 2024, 17(9): 3071–3078. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30853/phil20240435>
- Мальшева Е. Г., Рогалева О. С. Новые жанры и форматы в современном спортивном интернет-дискурсе о фигурном катании. *Коммуникативные исследования*. 2021. Т. 8. № 2. С. 351–367. [Malysheva E. G., Rogaleva O. S. New genres and formats in modern sports Internet-discourse on figure skating. *Communication studies*, 2021, 8(2): 351–367. (In Russ.)] [https://doi.org/10.24147/2413-6182.2021.8\(2\).351-367](https://doi.org/10.24147/2413-6182.2021.8(2).351-367)
- Мальшева Е. Г., Рогалева О. С. Русский спортивный интернет-дискурс о фигурном катании: специфика диалогической коммуникации (на примере пользовательских комментариев о фигурном катании на сайте Sports.ru). *Медиаскоп*. 2022. № 1. [Malysheva E. G., Rogaleva O. S. Russian sports Internet discourse about figure skating: Specifics of dialogic communication (on the example of user comments about figure skating at Sports.ru). *Mediascope*, 2022, (1). (In Russ.)] <https://doi.org/10.30547/mediascope.1.2022.5>
- Нагаева У. А. Деструктивные коммуникативные практики как элемент спортивного дискурса в цифровом медиапространстве. *Инновационные технологии в спорте и физическом воспитании подрастающего поколения: XII науч.-практ. конф. с междунар. уч. (Москва, 22 апреля 2022 г.)*. М.: Медиагруппа «ХАСК», 2022. С. 164–168. [Nagaeva U. A. Destructive communicative practices as an element of sports discourse in the digital media. *Innovative technologies in sports and physical education of the young generation: Proc. XII Sci.-Prac. Conf., Moscow, 22 Apr 2022*. Moscow: HASK Media group, 2022, 164–168. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/buflga>
- Осетрова Е. В. Слухи в парадигме лингвистической генристики. *Жанры речи*. 2015. № 2. С. 80–89. [Osetrova E. V. Rumors in the paradigm of linguistic genristics. *Zanry Reci*, 2015, (2): 80–89. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/thnaet>
- Полякова Л. С. Понятие «речевое поведение»: теоретические аспекты. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2012. № 14. С. 44–47. [Polyakova L. S. The notion "speech behavior": Theoretical aspects. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 2012, (14): 44–47. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pqgahf>
- Сковородников А. П. О сверхсильной речевой агрессии и ее модальном антиподе. *Политическая лингвистика*. 2019. № 3. С. 12–21. [Skovorodnikov A. P. On the extreme speech aggression and its modal antipode. *Political Linguistics*, 2019, (3): 12–21. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26170/pl19-03-01>
- Тактарова А. В. Деструктивное речевое поведение журналистов (на материале общественно-политического издания «Огонек»). *Наука и современность*. 2014. № 28. С. 219–223. [Taktarova A. V. Destructive verbal behavior of journalists in the social and political journal Ogonek. *Nauka i sovremennost*, 2014, (28): 219–223. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rzgbpf>
- Трошева Т. В. Речевая агрессия. *Стилистический энциклопедический словарь русского языка*, ред. М. Н. Кожина. 2-е изд., испр. и доп. М.: ФЛИНТА, 2006. С. 340–343. [Trosheva T. V. Verbal aggression. *Stylistic encyclopedic dictionary of Russian language*, ed. Kozhina M. N. 2nd ed. Moscow: FLINTA, 2006, 340–343. (In Russ.)]
- Щербинина Ю. В. Русский язык. Речевая агрессия и пути ее преодоления. М.: ФЛИНТА, 2018. 224 с. [Shcherbinina Yu. V. *Russian language. Speech aggression and ways to overcome it*. Moscow: FLINTA, 2018, 224. (In Russ.)]
- Щитов А. Г. Болельщики и фанаты как феномен спортивного дискурса. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2013. № 8-1. С. 212–215. [Shchitov A. G. Supporters and fans as sports discourse phenomenon. *Philology. Theory & Practice*, 2013, (8-1): 212–215. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qixycb>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/zzuucg>

Актуализация интерпретационного потенциала имени собственного и имени нарицательного в дискурсивной деятельности адресата

Позднякова Елена Юрьевна

Алтайский государственный технический университет

имени И. И. Ползунова, Россия, Барнаул

eLibrary Author SPIN: 8679-9609

<https://orcid.org/0000-0002-6239-5023>

Scopus Author ID: 58557225600

helena_poz@mail.ru

Шпильная Надежда Николаевна

Алтайский государственный педагогический университет,

Россия, Барнаул

eLibrary Author SPIN: 1935-0020

<https://orcid.org/0000-0002-0709-4308>

Scopus Author ID: 56642714100

Аннотация: Обращение к проблеме интерпретационного функционирования имен собственных и имен нарицательных обусловлено смещением акцента с имен существительных как грамматического класса слов и как средств коммуникации к пониманию того, что имена существительные являются объектом речемыслительной и интерпретационной деятельности носителей языка. Цель – проанализировать проявления дискурсивных свойств имени собственного и имени нарицательного как активаторов диалогического дискурса адресата. Методом исследования послужил дискурсивный эксперимент, в рамках которого респондентам было предложено продолжить в свободной форме незаконченную фразу участника диалога. В диалогах имена собственные и имена нарицательные выступали в качестве актуализаторов диалогического дискурса. В результате было получено 486 реакций-развертываний диалогов. Эксперимент доказал, что и имя собственное, и имя нарицательное обладают способностью развертывать дискурс в процессе коммуникации, однако этот процесс происходит по-разному. В процессе развертывания интерпретационного дискурса имени собственного или имени нарицательного актуализируются различные области, связанные с когнитивной деятельностью: область фоновых знаний, область оценки, область событий и область атрибуции. При достраивании диалогов с именем нарицательным задействуются когнитивные области, связанные с фоновыми знаниями, событиями, оценкой, однако область атрибуции остается не задействованной. В ходе дополнения диалогов с именем собственным актуализируются следующие когнитивные области: область фоновых знаний, область событий, область оценки и область атрибуции. Полученные результаты позволяют сделать вывод, что механизм формирования и актуализации дискурсивного поля онима практически идентичен актуализации коммуникативных фрагментов имен нарицательных.

Ключевые слова: дискурсивная ономастика, интерпретационная лингвистика, дискурсивный эксперимент, оним, имя собственное, имя нарицательное, текст, дискурс, дискурсивное поле

Цитирование: Позднякова Е. Ю., Шпильная Н. Н. Актуализация интерпретационного потенциала имени собственного и имени нарицательного в дискурсивной деятельности адресата. *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 4. С. 596–608. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-4-596-608>

Поступила в редакцию 14.03.2025. Принята после рецензирования 18.06.2025. Принята в печать 23.06.2025.

full article

Actualizing the Interpretative Potential of Proper and Common Nouns in Receptive Discourse

Elena Yu. Pozdnyakova

Polzunov Altai State Technical University, Russia, Barnaul

eLibrary Author SPIN: 8679-9609

<https://orcid.org/0000-0002-6239-5023>

Scopus Author ID: 58557225600

helena_poz@mail.ru

Nadezhda N. Shpilnaya

Altai State Pedagogical University, Russia, Barnaul

eLibrary Author SPIN: 1935-0020

<https://orcid.org/0000-0002-0709-4308>

Scopus Author ID: 56642714100

Abstract: Proper and common nouns unfold their discursive qualities in the discourse of the interpreter, i.e., the receiver of the message. Interpretive linguistics casts light upon the receptive speech and the interpretative potential of those lexical units that it actualizes. As the focus shifts from nouns as a grammatical class of words or communication means to nouns as objects of speech-thinking interpretation, the discursive characteristics of proper and common nouns manifest as activators of the receiver's dialogical discourse. In this regard, proper and common names actualize various cognitive models as ways of objectifying the discursive semantics of nouns in the interpretative activity of the message receiver. In a discursive experiment, respondents were asked to finish a sentence in a dialogue, where proper and common nouns actualized the dialogical discourse. Based on 486 reactions, both proper and common nouns proved able to deploy the communicative discourse, but in a different way. As the interpretation process unfolded, proper and common nouns activated different areas of cognitive activity. Completing a dialogue with a common noun activated the cognitive areas associated with background knowledge, events, and evaluation, but the area of attribution remained uninvolved. When the dialogue was completed with a proper name, it activated the areas of background knowledge, events, evaluation, and attribution. The formation and actualization mechanism associated with onyms were practically identical to the communicative fragments actualized by common nouns.

Keywords: discursive onomastics, interpretational linguistics, discursive experiment, onym, proper noun, common noun, text, discourse, discursive field

Citation: Pozdnyakova E. Yu., Shpilnaya N. N. Actualizing the Interpretative Potential of Proper and Common Nouns in Receptive Discourse. *SibScript*, 2025, 27(4): 596–608. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-4-596-608>

Received 14 Mar 2025. Accepted after peer review 18 Jun 2025. Accepted for publication 23 Jun 2025.

Введение

Статья посвящена анализу дискурсивных свойств имени собственного и имени нарицательного, проявляющихся при развертывании дискурса адресатом-интерпретатором. Настоящее исследование выполнено в рамках актуального направления – интерпретационной лингвистики, позволяющей решить проблемы рецептивно-речевой деятельности адресата и реализации интерпретационного потенциала языковых единиц. Обращение к проблеме интерпретационного функционирования имен собственных и имен нарицательных обусловлено смещением акцента с имен существительных как грамматического класса слов, как средств коммуникации, ориентированных на достижение перлокутивного эффекта, к пониманию того, что

имена существительные – как имена собственные, так и нарицательные – являются объектом речемыслительной деятельности носителей языка, обнаруживаемой в интерпретационной деятельности адресата. Выступая объектом речевой деятельности, анализируемые имена существительные становятся дискурсивными референтами, а именно актуализаторами диалогического дискурса.

Гипотеза исследования: встраиваясь в диалогический дискурс, т.е. в процесс создания ответной реплики, имена собственные и имена нарицательные актуализируют различные когнитивные модели, рассматриваемые как способы объективации дискурсивной семантики анализируемых имен в интерпретационной деятельности адресата.

Оппозиция *имя нарицательное – имя собственное* давно осознана в лингвистике (см. подробнее в [Уракова, Ирээдуй 2014]). В основе данной оппозиции – семантический статус лексем и, как следствие, их функциональная нагрузка. Традиционно считается, что отличие имен собственных от имен нарицательных заключается в том, что имена собственные не имеют лексического значения, но имеют дискурсивно обусловленные значения. Л. М. Ахметзянова утверждает, что «в семантике имени собственного сконцентрированы и речевые (адресные), экстралингвистические, энциклопедические (исторические, географические) сведения, и психологические, эмоциональные моменты, и идеологическая направленность названия, и особенности его восприятия» [Ахметзянова 2010: 56]. Однако дискурсивная природа семантики имен собственных преимущественно связана с признанием того, что в актах коммуникации актуализируются фоновые знания, связанные с именем собственным, при этом особенности их восприятия практически не изучены в современной лингвистике. В свою очередь, имя нарицательное имеет денотативное, сигнификативное и прагматическое значения. В ряде современных работ отмечается наличие коммуникативно обусловленного значения у имен нарицательных, связанного с текстообразующей функцией. Как следствие, можно говорить о том, что оно имеет сложно организованную семантическую структуру, которая может обнаруживаться в процессе коммуникации. По словам В. В. Виноградова, слово приобретает значение лишь в контексте его употребления, поэтому «сколько обособленных контекстов употребления данного слова, столько и его значений, столько и его лексических форм» [Виноградов 2001: 21].

Для нас актуальным является положение, согласно которому имя собственное имеет значение в речи, в актах употребления онимов, но иного типа, чем имя нарицательное [Позднякова 2022]. Мы полагаем, что имя собственное имеет дискурсивно обусловленное значение, проявляемое в его текстообразующей функции. Оним понимается как редуцированный текст, эксплицированный в дискурсе и обладающий потенциалом развертывания в разных дискурсивных практиках. Признание дискурсивной природы имени собственного позволяет пересмотреть функциональную нагрузку данного класса лексем. Общеизвестно, что имена собственные и имена нарицательные выполняют различные функции; например, отмечается, что имена собственные

в чистом виде выполняют номинативную функцию, а нарицательные совмещают ее с семасиологической [Реформатский 2004: 36]. В более поздних работах по ономастике отмечается наличие других функций, выполняемых именем собственным: идентификационная, социальная, ритуальная и пр. [Буркова 2016]. Отдельно стоит отметить текстообразующую функцию имен собственных, проявляемую в раскрытии замысла текста [Маслова 2012].

Значимым в плане настоящего исследования является положение, согласно которому имена собственные и имена нарицательные выполняют интерпретационную функцию, обнаруживаемую в развертывании диалогического дискурса. Очевидно, что данные имена употребляются не только в монологических, но и в диалогических текстах. Однако если их роль в монологическом тексте изучена [Кабатай кызы 2023; Кузьмина 2015; Маслова 2012; Михайлюкова 2014; Носкова 2018; Степовая 2014], то роль в создании ответных реплик диалога не исследована. Этим обстоятельством определяется актуальность настоящего исследования.

В современной лингвистике актуальны исследования, посвященные изучению дискурсивного потенциала тех или иных лексем (диалектных единиц, юридических терминов) [Голев 2019; Игнатова 2022; Кондратьева, Игнатова 2021]. Научная новизна предлагаемого в статье подхода связана с выявлением спектра когнитивных областей как результатов объективации дискурсивной семантики имен собственных и имен нарицательных в речемыслительной деятельности адресата.

Данный подход находится в рамках интерпретационной лингвистики, предметом которой является интерпретационное функционирование языка. По словам Н. Н. Болдырева, «интерпретация заложена в самой системе языка и проявляется в его структуре, в его категориальной организации и в его когнитивном основании (структурах передаваемых им знаний), которое выступает, в частности, в качестве когнитивного контекста реализации интерпретирующей функции языка» [Болдырев 2014: 121]. Интерпретационная лингвистика является одним из активно развивающихся научных направлений, в основе которого лежит идея об интерпретируемости языковой единицы и положение о том, что «значение и смысл языковых выражений представляют собой результат интерпретирующей деятельности человека» [Ким 2012: 6]. Отдельные положения данного направления представлены в работах

[Болдырев 2014; 2018; Болотнова 2014; Голев, Сергеев 2008; Демьянков 1996; 1999; Залевская 2018; Ким 2012; Ким, Беляева 2019; Чернейко 2015; Шпильная 2013; 2021]. Интерпретационная лингвистика также изучает реализацию интерпретационного потенциала инициальной реплики, рассматриваемой вне коммуникативного контекста [Ким 2012]. Мы полагаем, что в предметное поле интерпретационной лингвистики можно включить интерпретационное функционирование лексических единиц, которые реализуют присущий им интерпретационный потенциал в дискурсивной деятельности адресата.

Значение слова напрямую зависит от того, как оно используется в живом общении и как оно интерпретируется субъектом коммуникации. Н. Н. Болдырев, анализируя концептуальную деривацию, указывает на наличие двух типов языковой интерпретации – первичной и вторичной: «Первичная языковая интерпретация является результатом первичной концептуализации мира и фиксирует появление новых единиц знания. Вторичная языковая интерпретация основывается на вторичной концептуализации знаний о мире, т. е. процессах порождения новых знаний на базе существующих концептов» [Болдырев 2018: 39]. Попадая в сильную интерпретационную позицию, имена собственные и имена нарицательные по-разному реализуют свой интерпретационный потенциал, проявляющийся в развертывании дискурса адресатом.

Рассуждая о реализации интерпретационного потенциала имен собственных и имен нарицательных, мы имеем в виду процесс смыслообразования в дискурсе, рассматриваемый как конкретный коммуникативный процесс объективации дискурсивной семантики анализируемых классов слов. Н. В. Орлова и Л. О. Бутакова, анализируя онтологические основания дискурсивной семантики, отмечают, что онтология дискурса связана с тем, кто интерпретирует мир дискурса как совокупность текстов, как реальных, уже существующих, так и потенциальных [Орлова, Бутакова 2022]. В работе ученых дискурсивная семантика рассматривается в разных аспектах, в том числе и как проявление дискурсивного значения, связанного с такой текстовой категорией, как интертекстуальность.

В настоящей работе дискурсивная семантика рассматривается как атрибут имен собственных и имен нарицательных, реализующих в процессе коммуникации интерпретационные значения, связанные с условиями их функционирования и коррелирующие

с когнитивными областями как моделями реализации дискурсивной семантики в дискурсе адресата. При таком подходе множественность возникающих вариантов интерпретации обусловлена как свойствами самого языка, его потенциальной вариативностью, так и особенностями субъекта интерпретации, «чья интерпретационная деятельность носит активный, креативный и продуцирующий характер» [Ким 2012: 7].

При этом актуализация дискурсивной семантики имени собственного проявляется в объективации адресатом дискурсивного поля онима, а актуализация дискурсивной семантики имени нарицательного – в объективации коммуникативных фрагментов, отражающих условия функционирования лексем.

В ранее опубликованных работах мы отмечали, что дискурсивный подход предполагает рассмотрение имени собственного как свернутого текста, включенного в коммуникативные процессы, и синхронные, и диахронные, способного вовлекать в ходе функционирования различные экстралингвистические данные, связанные с субъективным восприятием адресата и нацеленные на понимание и интерпретацию онима. Вся эта информация, сконцентрированная в дискурсивном поле онима, способна аккумулироваться в пределах лексической единицы и воспроизводиться / развертываться в процессе коммуникации, образуя при этом новые тексты-дискурсы [Позднякова 2021]. Понятие *дискурсивность* применительно к имени собственному позволяет понять особенности его функционирования в современной языковой коммуникации, особенности формирования его семантики. Как следствие, можно говорить о том, что при восприятии онима адресат словно вступает в диалог с номинатором-создателем имени собственного, актуализируя в процессе развертывания онима различные аспекты его семантики, встраивая оним в создаваемые интерпретационные дискурсы.

Что касается имени нарицательного, то его интерпретационный потенциал проявляется в актуализации коммуникативных фрагментов, связанных с именем. Приведем в этой связи высказывание Б. М. Гаспарова: «Каждый новый случай употребления языка происходит в несколько изменившихся условиях, изменяющих для говорящего очертания языковой среды, режимы ее работы. Попадая из языковой среды автора в языковую среду каждого нового адресата, созданное высказывание

всякий раз меняет условия своего существования. Любые внешние условия, сопричастные данному моменту языковой деятельности, оказывают влияние на его ход и результаты. Но с другой стороны, сами эти внешние условия, отпечатавшись в высказывании, претерпевают изменения в силу своей адаптации именно к данному высказыванию; сами условия среды, в которых совершается языковой процесс, будучи вовлечены в течение этого процесса, начинают выглядеть по-иному. А это, в свою очередь, оказывает влияние на языковой процесс, изменяя его течение, – и так до бесконечности» [Гаспаров 1996: 9]. В процессе своего функционирования лексема вбирает в себя условия своей актуализации, которые могут проявиться в развертывании интерпретационного дискурса адресата. Такое языковое существование слова делает возможным общение между носителями языка.

Как следствие, слово – как имя собственное, так и имя нарицательное – обладает сложно организованной семантикой, которая включает в себя и лексическое значение, зафиксированное в словарях, и энциклопедическое значение, и фоновые знания носителей языка, и их личностные смыслы. Лексема сворачивает текст и в то же время может развертывать тексты в процессе общения путем объективации адресатом дискурсивной семантики, актуализируемой посредством либо дискурсивного поля онима, либо коммуникативного фрагмента, единицей которого является имя нарицательное.

Цель – проанализировать проявления дискурсивных свойств имени собственного и имени нарицательного как активаторов диалогического дискурса адресата. Онимы и имена нарицательные выступают в этом случае как носители дискурсивной семантики, актуализируемой в новых речевых практиках. Задачи:

- 1) описать методику проведения дискурсивного эксперимента, направленного на развертывание интерпретационного потенциала имен собственных и имен нарицательных;
- 2) выделить когнитивные области, актуализированные в процессе развертывания интерпретационного дискурса имени собственного и имени нарицательного;
- 3) сравнить интерпретационный потенциал имен собственных и имен нарицательных.

Методы и материалы

Для доказательства гипотезы о том, что имя собственное и имя нарицательное способны вовлекаться в интерпретационный дискурс адресата, мы провели дискурсивный эксперимент, состоящий из нескольких этапов.

1 этап – моделирование ассоциативного поля имени собственного и имени нарицательного. Актуализация дискурса имени собственного подробно рассматривается в научной статье [Позднякова 2023]. Результаты исследования интерпретационного потенциала имени нарицательного с абстрактной семантикой описаны в статье [Позднякова, Шпилная 2024].

2 этап – встраивание имени собственного и имени нарицательного в высказывания контактной природы (диалогические высказывания).

3 этап – развертывание неконтактного (монологического) высказывания с именами собственными и именами нарицательными.

Всего на разных этапах экспериментального исследования было задействовано 20 имен собственных (эргонимов) и 40 имен нарицательных, в том числе 17 единиц с абстрактным значением и 23 единицы с конкретным значением.

Остановимся подробнее на описании 2 этапа экспериментального исследования. Респондентам (170 студентов 1–3 курсов Алтайского государственного технического университета имени И. И. Ползунова (АлтГТУ)) было предложено продолжить в свободной форме незаконченную фразу участника диалога. С одной стороны, в диалогах были использованы имена собственные – эргонимы – наименования магазинов и предприятий ресторанного бизнеса, в результате было получено 268 диалогических высказываний. С другой стороны, в диалогах были использованы имена существительные с конкретным и абстрактным значением. В результате было получено 218 реакций-развертываний диалогов. В качестве респондентов при развертывании дискурса имени нарицательного выступили студенты 1–3 курсов АлтГТУ им. И. И. Ползунова (109 человек). В общей сложности в эксперименте участвовало 279 человек, было получено 486 диалогов.

Анкеты, направленные на актуализацию дискурса имени собственного, были построены как зачин диалогического высказывания, например:

- Привет.
- Привет.
- А я вчера ходил в магазин «Мария Ра».
- Знаешь, я слышал, что этот магазин...
- Интересно, а мне говорили, что...

Диалоги, предполагающие развертывание интерпретационного дискурса имени нарицательного, были построены, например, следующим образом:

- Привет!
- Привет!
- Вы куда идете?
- В оперу, мы хотели...
- ...

Предъявляемые респондентам диалоги предполагают проявление интенции поддержания разговора. В репликах дискурсивные референты – имена собственные и имена нарицательные – находятся в сильной интерпретационной позиции, т. к. провоцируют адресата вступить в диалог относительно одного и того же референтного события или продолжить диалог.

Результаты

Анализ полученного материала указывает на то, что развертывание интерпретационного дискурса имени происходит как приращение смыслов, при этом мы сталкиваемся как с индивидуальными реакциями-высказываниями, построенными на личностных смыслах воспринимающих субъектов, так и с многочисленными стереотипными, повторяющимися реакциями. Достраивание диалогов происходит в разной степени подробности: одно слово, словосочетание, целостная предикативная конструкция.

Имя собственное

В процессе моделирования диалогического высказывания с именем собственным происходит актуализация следующих областей, связанных с когнитивной деятельностью реципиентов:

1. Область фоновых знаний, в том числе сообщение информации о времени работы, количестве сотрудников и др.:

- – Привет.
- Привет.
- А я вчера ходил в магазин «Мария Ра».
- Знаешь, я слышал, что этот магазин **работает до 23-00**.
- – Привет.
- Привет.

- А я вчера ходил в магазин «Мария Ра».
- Знаешь, я слышал, что этот магазин **уже насчитывает 18000 сотрудников**.
- – Привет.
- Привет.
- А я вчера ходил в магазин «Мария Ра».
- Знаешь, я слышал, что этот магазин **назван в честь Марии Ракишиной, матери основателя сети**.

Развертывание данных диалогов происходит по следующим схемам:

- ♦ ключевое слово (*Мария Ра*) → сообщение информации о времени работы коммерческого объекта (*работает до 23-00 / работает круглосуточно*);
- ♦ ключевое слово (*Мария Ра*) → сообщение информации о сотрудниках объекта (*уже насчитывает 18000 сотрудников*);
- ♦ ключевое слово (*Мария Ра*) → сообщение информации о самом эргониме (*назван в честь Марии Ракишиной, матери основателя сети*).

2. Область событий включает описание его состояния, расположения в пространстве, действий, связанных с объектом:

- – Привет.
- Привет.
- А я вчера ходил в магазин «Мария Ра».
- Знаешь, я слышал, что этот магазин **есть в каждом уголке Барнаула**.
- – Привет.
- Привет.
- А я вчера ходил в магазин «Мария Ра».
- Знаешь, я слышал, что этот магазин **открыт**.
- – Привет.
- Привет.
- А я вчера ходил в магазин «Мария Ра».
- Знаешь, я слышал, что этот магазин **поставляет просроченные товары**.

Схемы развертывания этих диалогов выглядят следующим образом:

- ♦ ключевое слово (*Мария Ра*) → сообщение информации о расположении коммерческого объекта (*есть в каждом уголке Барнаула / расположен в Алтайском крае*);
- ♦ ключевое слово (*Мария Ра*) → сообщение информации о состоянии объекта (*открыт / закрыт*);

- ♦ ключевое слово (*Мария Ра*) → сообщение информации о действиях объекта (*поставляет просроченные товары*).

3. Область оценки актуализирует комментарию-оценочные реплики:

- – *Привет.*
- *Привет.*
- *А я вчера ходил в магазин «Мария Ра».*
- *Знаешь, я слышал, что этот магазин ужасен / хороший / востребованный / очень популярный* и др.

Схема данных диалогов:

- ♦ ключевое слово (*Мария Ра*) → оценочная реплика о коммерческом объекте (*ужасен / хороший / востребованный / очень популярный*).

4. Область атрибуции порождает признаковые высказывания, содержащие описание коммерческого объекта:

- – *Привет.*
- *Привет.*
- *А я вчера ходил в магазин «Мария Ра».*
- *Знаешь, я слышал, что этот магазин мультиассортиментный / с недорогими и качественными товарами / продуктовой* и др.

Схема развертывания данных диалогов:

- ♦ ключевое слово (*Мария Ра*) → описание коммерческого объекта (*мультиассортиментный / с недорогими и качественными товарами / продуктовой*).

Имя нарицательное

В процессе развертывания диалогического высказывания с именем нарицательным происходит актуализация следующих областей, связанных с когнитивной деятельностью реципиентов:

1. Область фоновых знаний – сопутствующая информация, напрямую не соотносимая с именем нарицательным, включающая дополнительные сведения, связанные с лексемой, ее культурный фон, например:

А. Диалоги, актуализирующие фоновые знания адресатов, связанные с переходом имени нарицательного в имя собственное:

- – *Привет!*
- *Привет!*
- *Вы куда идете?*

– *В оперу, мы хотели потусить.*

– *А?*

– *Опера – это клуб.*

- – *Привет!*

– *Привет!*

– *Вы куда идете?*

– *В оперу, мы хотели отдохнуть.*

– *Что за представление?*

– *Это клуб.*

Схема развертывания этих диалогов:

- ♦ ключевое слово (*опера*) → действие – цель (*потусить / отдохнуть*) → уточнение или переспрос (*А? / Что за представление?*) → дефиниция (*это клуб*).

В данных примерах мы можем наблюдать расширение семантики имени нарицательного, связанное с его переходом в разряд имен собственных. При движении от имени нарицательного к имени собственному происходит приращение смыслов, поскольку кроме лексического значения к семантике имени добавляются смыслы, связанные с его референтом. Происходит обогащение семантики, лексема вбирает в себя различные сведения о конкретном существующем объекте. Семантика подвергается усложнению, новое обозначение объединяет не только существующее лексическое значение слова, но и коннотации, личностные смыслы коммуникантов, элементы их опыта, фоновые знания и пр.

Б. Диалоги, в которых актуализируются фоновые знания адресатов, связанные с культурными событиями (так называемый культурный фон имени).

Продолжение диалога, достроенное адресатом, зачастую включает в себя конкретизацию информации, заданной лексемой, например:

- – *Привет!*

– *Привет!*

– *Вы куда идете?*

– *В оперу, мы хотели туда еще давно.*

– *Что за пьеса?*

– *Фауст, Гете.*

Схема развертывания данного диалога:

- ♦ ключевое слово (*опера*) → время (*давно*) → уточнение вида события (*пьеса*) → имя события (*Фауст, Гете*).

- – *Привет!*

– *Привет!*

- Вы куда идете?
- В оперу, мы хотели послушать нашу знакомую.
- В каком спектакле она поет?
- «Щелкунчик».
- – Привет!
- Привет!
- Вы куда идете?
- В оперу, мы хотели давно съездить.
- Что за пьеса?
- «Ромео и Джульетта».

Схема развертывания данных диалогов:

- ♦ ключевое слово (*опера*) → действие – цель (*послушать / съездить*) → уточнение вида события (*спектакль / пьеса*) → имя события (*Щелкунчик / Ромео и Джульетта*).

В полученных диалогах зафиксировано несколько реакций, связанных с названием *Щелкунчик*, например: *В оперу, мы хотели посмотреть Щелкунчика / В оперу, мы хотели на Щелкунчика*. Кроме указанных наименований, в моделируемых диалогах встречаются *Спящая красавица, Красавица и чудовище, Репка, Лебединое озеро, Ревизор, Три сестры*. Подобные реплики мы относим к стереотипным, поскольку адресат актуализирует в своем языковом сознании стереотипные ассоциации, связанные с именем нарицательным, в том числе имена собственные, названия, связанные с лексемой. Интересно, что многие реакции-развертывания дискурса слова *опера* демонстрируют невладение объемом понятия, стоящего за словом, например, в опере как *театре оперы и балета* нельзя послушать *Щелкунчика* или *Репку*.

В. Диалоги, в которых актуализируются фоновые знания адресатов, связанные с именами известных исторических личностей (прецедентными именами):

- – Привет!
- Привет!
- Вы куда идете?
- В оперу, мы хотели послушать иногороднюю певицу.
- Кто она?
- Знаменитая Жанна Дарк.
- – Привет!
- Привет!
- Вы куда идете?
- В оперу, мы хотели посмотреть.
- Что?
- Новое выступление Джоан Сюзерленд.

- – Привет!
- Привет!
- Вы куда идете?
- В оперу, мы хотели попасть на концерт.
- Приехала Монсеррат Кабалье?
- Да! Мы так долго этого ждали.

Схема развертывания данных диалогов:

- ♦ ключевое слово (*опера*) → действие – цель (*послушать / посмотреть / попасть*) → уточнение информации (*Кто она? / Что? / Приехала...?*) → имя собственное (*Жанна Дарк / Джоан Сюзерленд / Монсеррат Кабалье*).

В ходе развертывания диалогов адресат вовлекает в свое высказывание имена известных людей, причем эти личности не всегда связаны со сферой оперы (например, в диалогах встречаются такие имена, как *Виктор Цой, Жанна Фриске, LOVV 66*).

2. Область событий (действия, локация, состояние и др.). При актуализации области событий реципиенты описывают различные действия и состояния, связанные с ключевым словом.

- – Привет!
- Привет!
- Вы куда идете?
- В оперу, мы хотели просветиться.
- Как?
- Посмотреть представление.
- – Привет!
- Привет!
- Вы куда идете?
- В оперу, мы хотели посмотреть спектакль.
- Зачем?
- Хорошо провести время.

Схема данных диалогов:

- ♦ ключевое слово (*опера*) → действие – цель (*просветиться / посмотреть*) → уточнение информации (*Как? / Зачем?*) → уточнение вида события (*посмотреть представление / провести время*).

Развертывание области событий происходит по большей части стереотипно. Стереотипы связаны с интерпретацией значения ключевой лексемы, а развертываемые высказывания включают в себя действия и состояния, связанные с пониманием актуального лексического значения слова. В полученных диалогах зафиксированы реплики,

связанные со следующими действиями (*В оперу, мы хотели*): *посмотреть и послушать пение / покушать / насладиться поэзией / приятно провести вечер / посидеть / отдохнуть / посмотреть / послушать музыку / сходить на концерт / просветиться / посмотреть спектакль / культурно отдохнуть / поспать / расслабиться* и др.

3. Область оценки актуализирует **оценочные высказывания** – позитивные, негативные (*понравилось, не понравилось, восхитительно, прекрасно, чудесно, интересно* и др.):

В оперу, мы хотели...

- ...культурно провести вечер.
  - **Прекрасно**, я рад за вас.
  - Спасибо, всего доброго.
- ...послушать выступление *вживую*.
  - **Отличная** идея, на какую оперу идете?
  - Мы решим на месте.
- ...посмотреть афишу.
  - Что-то **интересное** есть?
  - Да, какая-то **фигня**.
- ...посмотреть мюзикл.
  - Вам **понравилось**?
  - Да, очень.
- ...расслабиться после работы.
  - Почему именно опера?
  - Нам **нравится** музыка.
- ...увидеть представление.
  - Думаешь, будет **интересно**?
  - Думаю, да.
- ...послушать филармонию.
  - И как?
  - Было **чудесно**.

Схема данных диалогов:

- ♦ ключевое слово (*опера*) → действие – цель (*провести вечер / посмотреть / расслабиться / увидеть*) → уточнение информации (*Почему именно опера? / Вам понравилось?*) → оценка (*Да, очень / Было чудесно / Нам нравится музыка*).

В данных примерах зафиксирована как общая оценка (*чудесно, прекрасная, отлично* и др.), так и частная (*нравится, понравилось, интересно* и др.). В процессе развертывания дискурса имени нарицательного запускается ассоциативный механизм адресата, который каждый речевой акт пропускает через свои личностные смыслы, оценивая и интерпретируя языковую единицу. Отметим, что высказываний, актуализирующих область атрибуции,

при развертывании дискурса данного имени нарицательного (*опера*) не зафиксировано.

Анализ семантики высказываний, полученных в результате интерпретации имен нарицательных, позволяет утверждать, что в процессе развертывания дискурса имени нарицательного респондент вовлекается в диалог в позиции отвечающего субъекта – адресата высказывания. Достаивание реплик происходит как реакция на ключевое слово диалога – в анализируемом диалоге акцент сделан на слове *опера*, которое позволяет адресату при развертывании моделировать новое высказывание-реплику или целостный диалогический дискурс.

Заключение

В работе мы исходили из предположения, что имена собственные и имена нарицательные выполняют интерпретационную функцию, проявляющуюся в использовании тех или иных когнитивных областей как детерминант развертывания дискурсивной семантики, аккумулируемой в данных классах слов. Проведенный эксперимент доказал, что и имя собственное, и имя нарицательное имеют потенциал развертывания в процессе коммуникации. Высказывание, содержащее ключевую лексику, актуализирует в сознании адресата всю имеющуюся информацию, фоновые знания, тексты и высказывания, связанные с именем собственным или именем нарицательным.

При развертывании диалогов с именем нарицательным происходит его интерпретация в соответствии с его лексическим значением и фоновыми знаниями адресатов (культурно-историческим фоном); личностные смыслы адресата-интерпретатора также проявляются при актуализации дискурса лексики, создавая ее прагматический фон. Задействуются когнитивные области, связанные с фоновыми знаниями, событиями, оценкой (табл.). Область атрибуции в проанализированных примерах не была актуализирована.

Порождаемый дискурс имени собственного связан с важной для адресата прагматической информацией, включающей фоновые знания, оценку коммерческого объекта, его ключевые признаки. В процессе развертывания диалогов с именем собственным лексическое значение слова отходит на второй план, поскольку более важной адресату представляется утилитарная информация о реально существующем объекте.

Табл. Когнитивные области, актуализируемые в процессе развертывания диалогических высказываний

Tab. Cognitive areas activated in dialogical discourse

Ключевое слово	Область фоновых знаний	Область событий	Область оценки	Область атрибуции
Мария Ра	Работает до 23-00 / Работает в штатном режиме / Работает круглосуточно / Уже насчитывает 18000 сотрудников / Он назван в честь Марии Ракшиной, матери основателя сети	Есть в каждом уголке Барнаула / Расположен в Алтайском крае / Открыт / Закрыт / Поставляет просроченные товары	Хороший / Востребованный / Очень популярный / Отличный / Дорогой / Самый дешевый	Мультиассортиментный / С недорогими и качественными товарами / Продуктовый / С фруктами и овощами
Опера	Опера – это клуб / В оперу, мы хотели туда еще давно. – Что за пьеса? – Фауст, Гете / Что за пьеса? – «Ромео и Джульетта» / В оперу, мы хотели попасть на концерт. – Приехала Монсеррат Кабалье? – Да! Мы так долго этого ждали	Посмотреть и послушать пение / Покушать / Насладиться поэзией / Приятно провести вечер / Посидеть / отдохнуть / Отдохнуть там / Посмотреть / Послушать музыку / Сходить на концерт / Посмотреть представления	Вам понравилось? – Да, очень /...расслабиться после работы. – Почему именно опера? – Нам нравится музыка / ...увидеть представление. – Думаешь, будет интересно? – Думаю, да / ...послушать филармонию. – И как? – Было чудесно	Не актуализирована

Имена собственные и имена нарицательные порождают одинаковые ментальные модели, связанные с выделением таких когнитивных областей, как область оценки, область событий, область фоновых знаний. Отмеченная разница в актуализации когнитивной области, связанной с атрибуцией, возможно, связана со спецификой восприятия и интерпретации анализируемого имени нарицательного (опера). Полученные результаты позволяют говорить о том, что механизм формирования и актуализации дискурсивного поля онима практически идентичен актуализации коммуникативных фрагментов имен нарицательных. Предполагаем, что выделенные когнитивные области обладают универсальностью и могут потенциально актуализироваться в различных условиях коммуникации как при восприятии имени собственного, так и имени нарицательного. Перспективой исследования представляется расширение списка выделенных когнитивных областей, а также применение разработанной методики при анализе интерпретационного потенциала других групп имен собственных, а также имен нарицательных.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Е. Ю. Позднякова – разработка методики исследования, проведение лингвистического эксперимента, обработка и обобщение экспериментальных данных, подготовка текста статьи. Н. Н. Шпильная – общее научное руководство, разработка концепции, участие в подготовке текста, редактирование основного текста статьи.

Contribution: E. Yu. Pozdnyakova developed the research methodology, conducted the linguistic experiment, processed and generalized the experimental data, and drafted the article. N. N. Shpilnaya supervised the research, developed the research concept, and proofread the manuscript.

Литература / References

- Ахметзянова Л. М. Проблема семантики имени собственного. *Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств*. 2010. № 1. С. 50–56. [Ahmetzyanova L. M. The problem of the semantics of the proper name. *Bulletin of Kazan State University*, 2010, (1): 50–56. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mvddjb>
- Болдырев Н. Н. Концептуальная деривация как основа вторичной языковой интерпретации. *Когнитивные исследования языка*. 2018. № 33. С. 37–42. [Boldyrev N. N. Conceptual derivation as the basis for secondary linguistic interpretation. *Cognitive studies of language*, 2018, (33): 37–42. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xuziqx>
- Болдырев Н. Н. Роль когнитивного контекста в интерпретации мира и знаний о мире. *Вестник Челябинского государственного университета*. 2014. № 6. С. 118–122. [Boldyrev N. N. The role of the cognitive context in world and world knowledge interpretation. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2014, (6): 118–122. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/snjbun>
- Болотнова Н. С. Коммуникативный потенциал слова. *Эффективное речевое общение (базовые компетенции)*, ред. А. П. Сквородников. 2-е изд., перераб. и доп. Красноярск: СФУ, 2014. С. 231–232. [Bolotnova N. S. Communicative potential of the word. *Effective speech communication: Basic competencies*], ed. Skovorodnikov A. P. 2nd ed. Krasnoyarsk: SFU, 2014, 231–232. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uqacin>
- Буркова Т. А. Функциональный потенциал имен собственных. *Вестник Башкирского университета*. 2016. Т. 21. № 3. С. 760–763. [Burkova T. A. Functional potential of proper names. *Bulletin of the Bashkir University*, 2016, (3): 760–763. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wyogpx>
- Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). 4-е изд. М.: Рус. яз., 2001. 720 с. [Vinogradov V. V. *The Russian language (the grammatical doctrine of the word)*. 4th ed. Moscow: Rus. iaz., 2001, 720. (In Russ.)]
- Гаспаров В. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: НЛО, 1996. 352 с. [Gasparov V. M. *Language. Memory. Image. Linguistics of linguistic existence*. Moscow: NLO, 1996, 352. (In Russ.)]
- Голев Н. Д. Дискурсивный словарь диалектной лексики Новейшего времени (на материалах Рунета): инновационный лексикографический проект. *Вопросы лексикографии*. 2019. № 16. С. 113–137. [Golev N. D. A modern dialect vocabulary discourse dictionary (Based on Runet materials): An innovative lexicographic project. *Voprosy Leksikografii*, 2019, (16): 113–137. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/22274200/16/7>
- Голев Н. Д., Сергеев А. В. Вариативность реализации интерпретационного потенциала текста: экспериментальное исследование. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2008. № 4. С. 126–129. [Golev N. D., Sergeev A. V. Variability in the realization of the interpretative potential of the text: An experimental study. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2008, (4): 126–129. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ltxpal>
- Демьянков В. З. Интерпретация. In: Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Лузина Л. Г., Панкрац Ю. Г. *Краткий словарь когнитивных терминов*. М.: МГУ, 1996. С. 31–33. [Demyankov V. Z. Interpretation. In: Kubryakova E. S., Demyankov V. Z., Luzina L. G., Pankrats Ju. G. *Short dictionary of cognitive terms*. Moscow: MSU, 1996, 31–33 (In Russ.)] <https://elibrary.ru/shrrfz>
- Демьянков В. З. Интерпретация как инструмент и как объект лингвистики. *Вопросы филологии*. 1999. № 2. С. 5–13. [Demyankov V. Z. Interpretation as a tool and as an object of linguistics. *Voprosy filologii*, 1999, (2): 5–13. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sijpor>
- Залевская А. А. Вопросы естественного семиозиса. Тверь: ТвГУ, 2018. 160 с. [Zalevskaya A. A. *Issues of natural semiosis*. Tver: TverSU, 2018, 160. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/youonpk>
- Игнатова Ю. С. Особенности функционирования юридической терминологии в российском медиадискурсе (на примере термина «легитимация»). *Медиа и коммуникации: состояние, проблемы, перспективы*: Нац. науч.-практ. конф. (Кемерово, 23 октября 2021 г.) Кемерово: КемГУ, 2022. С. 125–129. [Ignatova Yu. S. Features of the functioning of legal terminology in the Russian media Discourse (on the example of the term "legitimation"). *Media and communications: Status, problems, and prospects*: Proc. National Sci.-Prac. Conf., Kemerovo, 23 Oct 2021. Kemerovo: KemSU, 2022, 125–129. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/aucyxf>
- Кабатай кызы А. Имя собственное в структуре художественного текста. *Бюллетень науки и практики*. 2023. Т. 9. № 8. С. 321–329. [Kabatay kyzy A. Proper name in the structure of a literary text. *Bulletin of Science and Practice*, 2023, 9(8): 321–329. (In Russ.)] <https://doi.org/10.33619/2414-2948/93/37>

- Ким Л. Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста. 3-е изд., испр. и доп. Кемерово: КемГУ, 2012. 272 с. [Kim L. G. *Variative-interpretative functioning of the text*. 3rd ed. Kemerovo: KemSU, 2012, 272. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/trjgzx>
- Ким Л. Г., Беляева Е. С. Дотекстовые ожидания адресата как фактор вариативности интерпретации политического текста. *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2019. № 57. С. 48–62. [Kim L. G., Belyaeva E. S. The addressee's pre-textual expectations as a factor of variability in the interpretation of a political text. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta, Filologiya*, 2019, (57): 48–62. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/19986645/57/3>
- Кондратьева О. Н., Игнатова Ю. С. «Словарь юридических терминов в российских СМИ XXI века» как новый лексикографический продукт. *Филологический класс*. 2021. Т. 26. № 4. С. 182–194. [Kondratyeva O. N., Ignatova Yu. S. "The dictionary of legal terms in the Russian mass-media of 21st century" as a new lexicographic product. *Philological Class*, 2021, 26(4): 182–194. (In Russ.)] <https://doi.org/10.51762/1FK-2021-26-04-16>
- Кузьмина М. И. Имя собственное в художественной речи. *Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2015. № 2. С. 70–74. [Kuzmina M. I. Proper noun in literary speech. *Nauchnyi vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkulturaia kommunikatsiia*, 2015, (2): 70–74. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/trnoz>
- Маслова И. Б. Имя собственное как средство лингвистической интерпретации художественного текста: к вопросу о текстообразующей функции литературных имен собственных (на материале очерков В. И. Даля). *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность*. 2012. № 3. С. 50–56. [Maslova I. B. Proper nouns like the way of the formation of the text: The role of literary proper names in process of text interpretation (the specificity in opuses of V. I. Dal). *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Voprosy obrazovaniia: Iazyki i spetsialnost*, 2012, (3): 50–56. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pciezz>
- Михайлюкова Н. В. Тексты городских вывесок как особый речевой жанр (на материале языка г. Владивостока). Владивосток: ДВФУ, 2014. 190 с. [Mihaylyukova N. V. *The texts of city signboards as a particular speech genre in the language of Vladivostok*. Vladivostok: FEFU, 2014, 190. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yyzvol>
- Носкова А. И. Имя собственное в художественном тексте (на материале истории английской литературы). *Мир науки, культуры, образования*. 2018. № 4. С. 506–509. [Noskova A. I. The proper name in the literary text (based on the history of English literature). *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 2018, (4): 506–509. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xyvcff>
- Орлова Н. В., Бутакова Л. О. Дискурсивная семантика: онтологические основания и опыт реконструкции. *Филологический класс*. 2022. Т. 27. № 4. С. 30–37. [Orlova N. V., Butakova L. O. Discursive semantics: Ontological foundations and the experience of reconstruction. *Philological Class*, 2022, 27(4): 30–37. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/fokauh>
- Позднякова Е. Ю. Актуализация дискурса имени собственного (на материале лингвистического эксперимента). *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание*. 2023. Т. 22. № 6. С. 143–154. [Pozdnyakova E. Yu. Proper name discourse actualization (exemplified by linguistic experiment). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie*, 2023, 22(6): 143–154. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.6.11>
- Позднякова Е. Ю. Дискурсивный подход к изучению семантики имени собственного: результаты экспериментального исследования. *Актуальные вопросы современной филологии и журналистики*. 2022. № 1. С. 24–30. [Pozdnyakova E. Yu. A discursive approach to the study of proper name semantics: Results of the experimental study. *Actual Issues of Modern Philology and Journalism*, 2022, (1): 24–30. (In Russ.)] <https://doi.org/10.36622/AQMPJ.2022.55.28.003>
- Позднякова Е. Ю. К вопросу о дискурсивной теории ономастики. *Культура и текст*. 2021. № 1. С. 245–261. [Pozdnyakova E. Yu. On the question of discursive theory of onomastics. *Kul'tura i tekst*, 2021, (1): 245–261. (In Russ.)] <https://doi.org/10.37386/2305-4077-2021-1-245-261>

- Позднякова Е. Ю., Шпильная Н. Н. Актуализация интерпретационного потенциала имени нарицательного с абстрактной семантикой (на материале ассоциативного эксперимента). *Научный диалог*. 2024. Т. 13. № 3. С. 54–71. [Pozdnyakova E. Yu., Shpilnaya N. N. Actualization of interpretative potential of a common noun with abstract semantics (based on an material of an associative experiment). *Nauchnyi Dialog*, 2024, 13(3): 54–71. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-3-54-71>
- Реформатский А. А. Введение в языковедение. 5-е изд., испр. М.: Аспект-Пресс, 2004. 536 с. [Reformatskiy A. A. *Introduction to linguistics*. 5th ed. Moscow: Aspekt-Press, 2004, 536. (In Russ.)]
- Степовая О. А. Имя собственное как свернутый текст: к постановке проблемы. *Филология и человек*. 2014. № 4. С. 127–130. [Stepovaia O. A. Proper noun as a collapsed text: Problem statement. *Filologiya i chelovek*, 2014, (4): 127–130. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/syuerl>
- Уракова Ф. К., Ирээдуй А. А. Имя собственное как языковая категория. *Концепт*. 2014. № S16. С. 11–15. [Urakova F. K., Ireedui A. A. The name of the native language as category. *Concept*, 2014, (S16): 11–15. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/soaokn>
- Чернейко Л. О. Полиморфный языковой знак как психолингвистический феномен. *Вопросы психолингвистики*. 2015. № 25. С. 106–119. [Cherneyko L. O. Polymorphic linguistic sign as psycholinguistic phenomenon. *Journal of Psycholinguistics*, 2015, (25): 106–119. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/udlhet>
- Шпильная Н. Н. Внутренняя форма текста как деривационный феномен. *Вестник Томского государственного университета*. 2013. № 373. С. 44–50. [Shpilnaya N. N. Internal form of the text as a derivational phenomenon. *Tomsk State University Journal*, 2013, (373): 44–50. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qistxf>
- Шпильная Н. Н. Язык и диалог. Кодовая теория диалога. М.: Флинта, 2021. 80 с. [Shpilnaya N. N. *Language and dialogue: Code theory of dialogue*. Moscow: Flinta, 2021, 80. (In Russ.)]

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/zpysty>

Семная структура температурного прилагательного *ТЫМНЫЫ* 'ХОЛОДНЫЙ' в якутском языке

Иванова Ирина Борисовна

Якутский научный центр СО РАН, Якутск, Россия

eLibrary Author SPIN: 6225-2025

<https://orcid.org/0000-0003-0361-5708>imenaotglagola@rambler.ru

Аннотация: Исследование функционально-семантического понятия низкой температуры в современном якутском языке выполнено в русле функционально-семантического и когнитивного анализа адъективных номинаций с температурными коннотациями. Концепт *тымныы* 'холод' является основой геокультурного образа Якутии во всем мире, популярность средств языковой репрезентации темы холода и высокая частотность их употребления в речевом общении носителей якутского языка послужили обоснованием для выбора объекта исследования. Цель – лингвистический анализ в функционально-семантическом аспекте адъективных словосочетаний с температурными коннотациями в современном якутском языке, в том числе выявление, описание и систематизация компонентов, участвующих в определении низкой температуры в якутском языке. Анализ лексического содержания слова с коннотацией низкой температуры *тымныы* 'холодный' с точки зрения обыденного познания позволило наиболее точно описать ее концептуализацию в якутской языковой картине мира. Семный состав адъектива *тымныы* 'холодный' с архисемой *имеющий холодную температуру* включает в себе следующие семы: находившийся или находящийся в холоде; охлаждающий, отдающий холодом, холодным воздухом; имеющий холод; остывший; неотапливаемый или неутепленный; не греющий; не защищающий от холода; относящийся к Северному полюсу; относящийся к человеку холодно. Выявление процессуального аспекта температурного восприятия дало возможность объяснить различия механизмов познавательного отражения температуры и принципов образования метафорического переноса температурного наименования. Номинатив *тымныы* 'холод' в качестве субъекта действия сочетается с различными лексико-семантическими группами глаголов: с глаголами бытия с коннотацией *каузация начала существования*, с глаголами физического воздействия на объект с коннотацией разрушения, с глаголами усиления или ослабления интенсивности действия, с глаголами эмоционального состояния. Адвербализация номинатива *тымныы* 'холод' происходит при помощи падежных (кроме частного падежа) и наречных аффиксов, в результате чего выполняет функции обстоятельства образа, места, времени действия, выражая временно-пространственные отношения (-*га* (DAT) в сочетании с глаголами действия и состояния), причинно-следственные отношения (-*ттан* (ABL) с глаголами психоэмоционального действия), образ действия (-*нан* (INSTR) и -*тык* (CVB) с глаголами отношения, взаимодействия) и объектные отношения (-*ны* (ACC)).

Ключевые слова: якутский язык, функциональная грамматика, функционально-семантический аспект, семантика, сема, лексика, прилагательное, температура, холод

Цитирование: Иванова И. Б. Семная структура температурного прилагательного *тымныы* 'холодный' в якутском языке. *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 4. С. 609–620. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-4-609-620>

Поступила в редакцию 06.11.2024. Принята после рецензирования 31.03.2025. Принята в печать 31.03.2025.

full article

Component Analysis of Temperature Adjective *Tymnyy* (Cold) in Yakut

Irina B. Ivanova

Yakut Research Centre, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia

eLibrary Author SPIN: 6225-2025

<https://orcid.org/0000-0003-0361-5708>imenaotglagola@rambler.ru

Abstract: Low temperature is a functional and semantic concept of the Yakut language. The article introduces an attempt at a functional-semantic and cognitive analysis of adjectival nominations with temperature connotations aimed at identification, description, and systematization of components involved in low temperature semantics in the Yakut language. The concept of cold is inherent with the geocultural image of Yakutia, and its linguistic representations are popular in the speech of native Yakuts. The lexical content of the word *tymnyy* made it possible to describe the conceptualization of the idea of cold in the Yakut language worldview. The archiseme of *having a cold temperature* included the following senses: being in the cold; cooling, giving off cold or cold air; having cold; cooled down; not heated or insulated; not warming; not protecting from the cold; related to the North Pole; giving somebody a cold treatment. The process of temperature perception revealed the differences between the mechanisms of cognitive reflection and the principles of metaphorical transfer. As a nominative, *tymnyy* could combine with various lexical and semantic groups of verbs, i.e., existential verbs of causation, verbs of destructive physical impact, with verbs of strengthening or weakening the intensity of action, and verbs of emotional state. The nominative became an adverb with the help of some case and adverbial affixes, functioning as an adverb of manner (with verbs of relationship and interaction), place, time, cause and effect (with psycho-emotional verbs), spatiotemporal relations (with verbs of action and state), etc.

Keywords: Yakut language, functional grammar, functional-semantic aspect, semantics, seme, vocabulary, adjective, temperature, cold

Citation: Ivanova I. B. Component Analysis of Temperature Adjective *Tymnyy* (Cold) in Yakut. *SibScript*, 2025, 27(4): 609–620. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-4-609-620>

Received 6 Nov 2024. Accepted after peer review 31 Mar 2025. Accepted for publication 31 Mar 2025.

Введение

В современном языкознании в рамках антропоцентричной парадигмы изучения языка становятся актуальными исследования, посвященные вопросам лингвистики и межкультурной коммуникации в целом. Анализ языковых данных как продукта мыслительной деятельности человека дает возможность понять механизм мышления того или иного общества, менталитет народа с ориентацией на современные приоритеты и культурные установки. Исследования данного типа реализуются на анализе языковых структур функционально-семантического и лингвокультурного содержания. В связи с тем, что Якутия является уникальным регионом по своим природно-климатическим условиям, изучение функционально-семантического понятия температуры, отраженного в языковом знаке, является важнейшим источником информации о народе

саха. Актуальность определяется теоретической и практической значимостью изучения процесса температурного восприятия, зафиксированного в семантике слова *тымныы* 'холод', результатов его отражения в языке и в индивидуальном сознании речевой деятельности.

Концепт *тымныы* 'холод' является основой геокультурного образа Якутии во всем мире. На температуру Северного региона влияют суровые географические особенности расположения территории (Северный Ледовитый океан, Северный полюс, тайга, тундра, лес, пустыня и др.), климатические условия (снег, ветер, дождь, пурга, туман, северное сияние и др.) [Кузьмина, 2021; Ноева (Карманова) 2024; Романова, Добжанская 2019]. Особенность температурных ощущений заключается в том, что они фиксируют не температуру тела человека и не температуру

объектов внешней среды как таковые, а отношение между первой и второй, т. е. температуру объектов окружающей среды в связи с температурой тела человека. Понятие температурного признака определяется при помощи научного познания, приборов измерения и т. д., а также посредством самоощущения человека. Температурный признак точнее всего может быть передан с помощью прилагательных. Это объясняется тем, что прилагательное является лексико-семантическим классом предикатных слов, обозначающих непроцессуальный признак (свойство) предмета, события другого признака, обозначенного именем. Прилагательные выражают в языке одно из главных онтологических понятий: как признаки качества, так и признаки, связанные с действием. Адъективы с температурным значением обозначают температуру как свойства объектов внешнего мира или события, одновременно обозначают отношение субъекта к температуре и именуется ту или иную степень проявления температуры. В связи с этим данные средства можно признать качественно-количественными [Кононова 2016а; 2016б].

Адъективными средствами выражения температурной семы являются стилистически нейтральные прилагательные с широким спектром функционирования, такие как *итии* 'жара, тепло; жаркий, теплый', *сылаас* 'теплый', *сөрүүн* 'прохладный', *тымныы* 'холодный', *тон* 'мерзлый, мороженный'. Значение температуры для выделенных прилагательных является денотативным. Они, в свою очередь, отражают не только температуру тела человека или температуру объектов внешней среды по отдельности, но и так называемое температурное соотношение, т. е. результат восприятия телом и мозгом человека температуры окружающей среды.

Лексические средства выражения семантического понятия температуры и температурных ощущений довольно часто становятся предметом изучения для работ зарубежных исследователей. Среди них можно отметить труды, посвященные анализу температурных прилагательных в латвийском языке [Perkova 2015], сравнительному анализу случаев полисемического употребления температурных прилагательных в английском и сербском языках [Rasulić 2015] или изучению температурных прилагательных в финском языке как систем трех

градуальных сфер с прилегающими к ним случаями метафорического переноса основного наименования [Juvonen, Nikunlassi 2015] и т. д. Изучению семантики отдельных температурных прилагательных как в традиционном, так и в когнитивном аспекте в разных языках посвящены работы [Абдуллина, Юламанова 2018; 2019; Алпеева 2019; Бесогонова 2020; Кононова 2016а; 2016б; Мендешева 2021; Рахилина 2008].

Большой труд Е. В. Рахилиной «Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость» посвящен описанию русских атрибутивных и метафорических употреблений температурных прилагательных. В результате приводятся параметры, структурирующие температурные значения в русской картине мира. Автор утверждает, что «когнитивная семантика, с ее ориентацией на психологию человека и стремлением согласовать лингвистическую модель с более общей моделью человеческого поведения» [Рахилина 2008: 213–238], представляет собой актуальное современное направление в лингвистике. С. Ю. Кононова досконально изучила и провела системный семантико-когнитивный анализ лексико-семантических вариантов основных номинаций концепта для структурного описания процесса температурного восприятия в шведском языке. Когнитивная интерпретация полученных результатов позволила прояснить ряд особенностей структуры и содержания изучаемого концепта. С помощью процессуального аспекта температурного восприятия объяснены различия механизмов познавательного отражения температуры и принципы образования метафорического переноса температурного наименования [Кононова 2016а; 2016б].

В якутском языкознании среди работ, посвященных теме имен [Иванова 2024: 71] и прилагательных, основополагающими являются академические грамматики, учебники по грамматике якутского языка («О языке якутов» [Бетлингк 1990], «Грамматика современного якутского литературного языка»¹), а также труды С. Д. Егиновой (образные прилагательные), Ф. Н. Дьячковского (полисемия прилагательных), С. А. Иванова (диалектизмы), Е. Н. Афанасьевой (цветообозначение) [Афанасьева 2020] и др. Монография С. Д. Егиновой посвящена научному описанию образных имен прилагательных в сравнении с аналогичными прилагательными бурятского,

¹ Грамматика современного якутского литературного языка. Т. 1. Фонетика и морфология, отв. ред. Е. И. Убрятова. М.: Наука, 1982. 496 с.

киргизского языков через призму образной картины мира народа саха [Егинова 2014]. Ф. Н. Дьячковский изучил лексическую полисемию прилагательных в якутском языке и выявил характерные модели регулярной многозначности имен прилагательных, определил направления семантического развития, учитывая сочетаемость прилагательного с предметным именем [Дьячковский 2003; 2016]. С. А. Иванов указал, что у лексемы *тымныы* 'холод, мороз, стужа' нет диалектологических вариантов, но имеются локативные особенности определения состояния, вызванного понижением температуры [Иванов 2016: 82; 2017: 68]. Несмотря на важность работ вышеупомянутых авторов, в якутском языкознании до сих пор нет специальных исследований, посвященных изучению семантической интерпретации температурной лексики.

Научная новизна работы состоит в том, что впервые проводится системный анализ лексико-семантических компонентов, описывающих процесс температурного восприятия носителей якутского языка, построение функционально-семантического микрополя низкой температуры в якутском языке. Объект исследования – языковые средства выражения низкой температуры и способы вербальной репрезентации температурного восприятия в системе якутского языка. Предмет – адъективные словосочетания с низким температурным значением *тымныы* 'холод' в якутском языке.

Цель – лингвистический анализ в функционально-семантическом аспекте адъективных словосочетаний с температурными коннотациями в современном якутском языке, в том числе выявление, описание и систематизация компонентов, участвующих в определении низкой температуры в якутском языке. Задачи:

1) определить состав и семную структуру функционально-семантического поля температуры якутском языке;

2) проанализировать лексическую сочетаемость лексемы *тымныы* 'холодный'.

Методы и материалы

В исследовании использованы: функционально-семантический и семантико-когнитивный анализ; описательный метод с использованием приемов интерпретации, сопоставления и обобщения

в процессе классификации языковых средств вербализации концепта; метод анализа словарных дефиниций; компонентный и контекстуальный анализ; приемы количественной обработки языковых данных.

При помощи метода сплошной выборки из материалов Толкового словаря якутского языка обнаружены адъективы (15 единиц) с коннотацией низкой температуры (табл.), начиная с нейтральной температуры *мулгугур* 'не горячий и не холодный' до самой холодной температуры *муус* 'ледяной'. Данные лексемы расширяют диапазон понятия низкой температуры, обогащают его содержание. В таблицу также включены прилагательные, в семантике которых температурное значение не является основным. Температурные коннотации проявляются как одно из значений лексем наряду с несколькими нетемпературными: например, адъектив *чэбдик* 'свежий, прохладный, не спертый (о воздухе)'. Основная семантика прилагательного *чэбдик* определяется как 'здоровый, не больной; румяный'². Лексема *салгын*, известная в других тюркских языках как *salgyn* 'прохладный'³, в якутском языке имеет номинативное значение, поэтому не включена в таблицу.

Спектр функционирования прилагательных состоит из 6 тематических направлений: погода, помещение, одежда, вещество, предмет, человеческое качество – по отношению к которым используется температурный адъектив *тымныы* 'холод'. Больше всего прилагательных используется по теме погода (10), а тема *одежда* (2) более конкретная, понятная и т.д. Из всех предложенных адъективов универсальными, с широким спектром функционирования являются *сөрүүн* 'прохладный' (4), *тымныы* 'холодный' (6), *тон* 'мерзлый, мороженный' (5). Выделенные прилагательные с температурными коннотациями объединяют денотативное и дополнительное температурные значения лексической единицы.

Из 15 приведенных лексических единиц объектом исследования данной статьи выдвинут одновременно номинатив и адъектив *тымныы* 'холод; холодный' как самый универсальный, обладающий широким спектром функционирования, известный как главный атрибут концепта *холод* и т.д. Данная единица, исходя из материалов Толкового словаря якутского языка, имеет довольно много значений,

² Толковый словарь якутского языка, под общ. ред. П. А. Слепцова. Т. XIV. Буквы Ч, Ы. Новосибирск: Наука, 2017. С. 286.

³ Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Т. 4. Лексика, отв. ред. Э. Р. Тенишев. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2001. С. 16.

Табл. Спектр функционирования адъективов с коннотацией низкой температуры

Tab. Adjectives with low-temperature connotations

Температурные номинативные адъективы	Погода	Помещение	Одежда	Вещество	Предмет	Человеческое качество
Мүлүгүр 'не горячий и не холодный'	-	-	-	+	+	-
Ириэнэх 'талый'	-	-	-	+	+	+
Бөһүөнэх 'не совсем мерзлый'	-	-	-	+	+	-
Чэбдик 'свежий, умеренно прохладный'	+	-	-	-	-	-
Сөрүүн 'прохладный'	+	+	-	+	+	-
Курас 'ветренный, холодный'	+	-	-	-	-	+
Кэмсиин 'ветренный, холодный'	+	-	-	-	-	-
Кыскыран 'холодный, сильный'	+	-	-	-	-	-
Дьыбардаах 'морозная'	+	-	-	-	-	-
Кыйысхан 'холодный, резкий'	+	-	-	-	-	-
Анысхан 'холодный, резкий'	+	-	-	-	-	-
Болуо 'суровый, холодный'	+	-	-	-	+	+
Тымныы 'холодный'	+	+	+	+	+	+
Тонг 'мерзлый, мороженный'	-	+	- / +	+	+	+
Муус 'ледяной'	-	-	-	+	+	+

некоторые из которых совпадают со значениями адъектива *тонг* 'мерзлый'⁴. Но семантические структуры представленных адъективных номинаций все же отличаются друг от друга, прежде всего тем, что *тонг* 'мерзлый' содержит компоненты значений приближенной, но другой градуальной оценки (относительно высокая температура, намного холодный, практически ледяной и т. п.), не просто *холодный*, а *мерзлый*, *мороженный*; *ледяной*, используется в отношении человека, который не владеет якутским языком, не знает якутских обычаев, уклада жизни.

Лексема *тымныы* восходит к тюркскому корню *tut* 'холод, мороз'⁵, образована от глагола *тымный* 'стать холодным' посредством выпадения глагольного конечного звука *-й* и прибавления именного аффикса *-ыы*. В якутском языке участвует в выражении объектных, атрибутивных, обстоятельственных отношений, т. к. является лексико-грамматическим

омонимом [Исхаков 1956], который выражается разными частями речи: именем существительным, именем прилагательным и наречием.

Результаты

Семная структура адъектива *тымныы* 'холодный'

В языкознании для описания лексического значения слова используются термины *сема* или *семантический компонент*. Сема – это нечленимая единица лексического значения слова, т. е. его дифференциальный признак [Мендешева 2021: 256]. Семная структура любого слова описывается посредством компонентного анализа его дефиниций, представленных в лексикографических словарях языка. Для раскрытия семной структуры прилагательного *тымныы* 'холодный' методом сплошной выборки были извлечены из Толкового словаря якутского языка⁶ словосочетания, показывающие, например:

⁴ Толковый словарь якутского языка, под общ. ред. П. А. Слепцова. Т. X. Буква Т: т – төһүүлээ. Новосибирск: Наука, 2013. С. 449.

⁵ Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Т. 4. Лексика... С. 76.

⁶ Толковый словарь якутского языка, под общ. ред. П. А. Слепцова. Т. XI. Буква Т: төтөллөөх – тээтэннээ. Новосибирск: Наука, 2014. С. 375–377.

- холодное время: *тымныы кыһын* 'холодная зима', *тымныы кэм* 'холодная пора', *тымныы күн* 'холодный день', *тымныы түүн* 'холодная ночь';
- холодный воздух: *тымныы салгын* 'холодный воздух', *тымныы тыал* 'холодный ветер';
- холодный предмет или вещество: *тымныы бэстилизэт* 'холодный пистолет', *тымныы сир* 'холодная земля', *тымныы уу* 'холодная вода', *тымныы долгун* 'холодная волна', *тымныы ас* 'холодная еда', *тымныы сүөгэй* 'холодная сметана';
- холодное помещение: *тымныы хос* 'холодная комната', *тымныы дьиз* 'холодный дом';
- холодное отношение: *тымныы тыл* 'холодное слово', *тымныы сыһыан* 'холодное отношение' и др.

Каждая сема служит семантическим основанием лексической сочетаемости двух слов. Особенно прилагательное отличается избирательностью сочетаемости, т. е. сочетается с определенными лексемами. Например, исходя из семантики номинативов, определенных как *тымныы* 'холодный', посредством лексико-семантического анализа был выстроен семный состав адъектива *тымныы* 'холодный' с архисемой *имеющий холодную температуру*. Каждая сема выражена причастием, тем самым показывает, результатом какого действия является признак *тымныы* 'холодный':

1) находившийся или находящийся в холоде: *тымныы илии* 'холодные руки', *тымныы утах* 'холодный напиток', *тымныы эт* 'холодное мясо';

2) охлаждающий; отдающий холодом, холодным воздухом: *тымныы тыал* 'холодный ветер', *тымныы салгын* 'холодный воздух', *тымныы өг* '«холодный» цвет';

3) имеющий холод: *тымныы кыһын* 'холодная зима', *тымныы кэм* 'холодная пора', *тымныы күн* 'холодный день', *тымныы түүн* 'холодная ночь';

4) остывший: *тымныы миин* 'холодный суп', *тымныы чэй* 'холодный чай', *тымныы уу* 'холодная вода', *тымныы хааһы* 'холодная каша';

5) неотапливаемый или неутепленный: *тымныы дьиз* 'холодный дом', *тымныы хос* 'холодная комната', *тымныы балаҕан* 'холодный балаган';

6) не греющий: *тымныы оһох* 'холодная печь', *тымныы батарея* 'холодная батарея';

7) не защищающий от холода: *тымныы танҕас* 'тонкая, летняя одежда', *тымныы сон* 'тонкое пальто', *тымныы бэргэһэ* 'тонкая шапка', *тымныы-суорҕан* 'тонкое одеяло';

8) относящийся к Северному полюсу: *тымныы полюһа* 'полюс Холода', *Тымныы оҕонньор* 'Дед мороз', *Тымныы оҕуһа* 'Бык холода';

9) относящийся к человеку холодно; равнодушный, безразличный; высокомерный, черствый: *тымныы харах* 'холодный взгляд', *тымныы сыһыан* 'холодное отношение', *тымныы ойох* 'черствая жена'.

Семная структура адъектива *тымныы* 'холодный' состоит из архисемы *имеющий холодную температуру*, которая отражает признаки, связанные с действием. Фиксирование низкой температуры происходит в отношении субъекта или объекта, который находился или находится в холоде; охлаждает; отдает холодом, дует холодным воздухом; остыл; не отапливается; не греет; не защищает от холода; относится к Северному полюсу; относится к человеку холодно.

Обобщив результаты анализа семной структуры адъектива *тымныы* 'холодный' по толковым и синонимическим словарям якутского языка, можно сделать ряд заключений:

1. С семой *находящийся в холоде* сочетаются названия различных конкретных предметов, в том числе названия частей человеческого и животного тела: *илии* 'руки', *эт* 'мясо', *эт* 'тело', *иһит* 'посуда', *тимир* 'железо', *муус* 'лед', *утах* 'охлаждающий напиток'.

2. Сема *охлаждающий; отдающий холодом, продувающий холодным воздухом* отличается тем, что в ней собраны номинации ветров, воздуха, атмосферы: *тыал* 'ветер', *салгын* 'воздух', *өг* 'цвет'.

3. К *имеющим холод* относятся номинации определенных временных отрезков или времен года, для которых характерна низкая температура: *кыһын* 'зима', *кэм* 'пора', *күн* 'день', *түүн* 'ночь', *сарсыарда* 'утро'.

4. Сема *остывший* используется в отношении блюд, которые по истечении определенного времени после варки, жарки или нагревания потеряли комфортную температуру, остыли: *миин* 'суп', *чэй* 'чай', *уу* 'вода', *хааһы* 'каша'.

5. Названия помещения (*дьиз* 'дом', *хос* 'комната', *балаҕан* 'балаган'), в которых нет отопления или которые не утеплены подобающим образом, тоже определяются как холодные.

6. К *не греющим* объектам относятся нефункционирующие предметы отопления, например *оһох* 'печь', батарея 'батарея', радиатор и т. д.

7. Виды одежды, также укывного материала сами по себе не являются предметами, охлаждающими,

отдающими тепло или холод, но имеют прямое влияние на температурное ощущение человека. Если одежда не выполняет функцию защиты человека от холода (в холодную погоду), то она определяется как: *тымныы таҥас* 'тонкая, летняя одежда', *тымныы сон* 'тонкое пальто', *тымныы бэргэһэ* 'тонкая шапка', *тымныы суорҕан* 'тонкое одеяло'.

8. В переносном смысле адъектив *тымныы* 'холодный' описывает человека и его действия, связанные с отсутствием источников человеческого тепла, души и сердца. Поэтому *относящийся к человеку холодно* человек является бездушным, бессердечным; высокомерным, черствым: *тымныы харах* 'холодный взгляд', *тымныы сыһыан* 'холодное отношение', *тымныы ойох* 'черствая жена'.

9. Отличительной чертой якутского *тымныы* является сема *относящийся к Северному полюсу*, которая символизирует Якутию как самый холодный северный регион: *тымныы полюһа* 'полюс Холода', *Тымныы оҕонньор* 'Дед мороз', *Тымныы оһуһа* 'Бык холода'.

Семная структура номинатива *тымныы* 'холод' *Тымныы + V*

Семантическая характеристика номинатива *тымныы* 'холод' в основном определяется через анализ лексических групп глаголов, он неразрывно связан с внутренней семантикой глаголов [Копырина 2012], например, в качестве субъекта действия сочетается с различными лексико-семантическими глаголами, прежде всего с глаголами бытия с коннотацией *каузация начала существования*⁷: *буол* 'наступать', *кэл* 'приходить', *саҕалан* 'начинаться', *түс* 'падать, наваливаться', *оһус* 'ударить', *саай* 'стукнуть'. Холод в Якутии не просто приходит как безобидное явление (с глаголами бытия, начала действия: *тымныы буолар* 'будут холода', *тымныы кэлэр* 'придут холода', *тымныы саҕаланар* 'холод начнется'), а всегда наступает внезапно (*тымныы түһэр* 'холода наступят', *тымныы охсор* 'холод ударяет', *тымныы саайар* 'холод стукнет'). Холод как погодное явление относится к воздуху, ветрам, о чем свидетельствуют глаголы дыхания: *тымныы үрэр* 'холод дует', *тымныы үргүйэр* 'холод продувает', *тымныы аҥылыар* 'холод распространяется', *тымныы сирилэтэр* 'холод свистит' и т. д.

Внезапные морозы всегда несут в себе разрушительную силу, что показывают глаголы физического воздействия на объект с коннотацией разрушения: *тымныы тоһутар* 'холод ломает', *тымныы хаарыйар* 'холод замораживает', *тымныы алдьатар* 'холод разрушает', *тымныы сиир* 'холод съедает', *тымныы кэһэтэр* 'холод разрушает', *тымныы сордуур* 'холод мучает', *тымныы кымныылыыр* 'холод хлестает' и др. В силу того, что *тымныы* 'холод' является абстрактным понятием динамического характера, часто используются глаголы усиления или ослабления интенсивности действия: *тымныы күүһүрэр* 'холод усиливается', *тымныы дьыгиттэр* 'холод заставляет дрожать', *тымныы сытайар* 'холод усиливается', *тымныы сэтэриир* 'холод усиливается и злорадствует'; *тымныы мөлтүүр* 'холод ослабевает', *тымныы тэйэр* 'холод отходит', *тымныы тостор* 'холод ломается', *тымныы уҕарыйар* 'холод ослабевает', *тымныы мүлүрүйэр* 'холод ослабевает'. Он представляет собой целое природное явление, которое вызывает у человека спектр человеческих эмоций не только в виде страха, гнева, но и радости, счастья, любви к Родине. Номинатив *тымныы* 'холод' может сочетаться со всеми глаголами эмоционального состояния: *тымныы куттуур* 'холод пугает', *тымныы үөрдэр* 'холод радуется', *тымныы хомотор* 'холод вызывает огорчения', *тымныы дьоллуур* 'холод окрыляет', *тымныы сордуур* 'холод мучает' и др.

Номинатив *тымныы* 'холод' в форме аккумулятива (ACC) с глаголами физического воздействия на объект, психологического состояния выражает объектные отношения, используется в роли прямого дополнения: *тымныы-ны тулуй* 'терпеть холод', *тымныы-ны уй* 'выдерживать холод', *тымныы-ны бил* 'узнать холод', *тымныы-ны билин* 'признать холод', *тымныы-ны киэн тутун* 'гордиться холодом', *тымныы-ны хот* 'победить холод', *тымныы-ны сөбүлээ* 'любить холод', *тымныы-ны аҕын* 'вспоминать холод', *тымныы-ны суохтаа* 'тосковать по холоду', *тымныы-ны сиэ* 'есть холодное' и т. д.

ADJ + тымныы

Среди языковых средств выражения низкой температуры часто используются словосочетания, констатирующие довольно точные определения холода.

⁷ Винокурова Н. И., Данилова Н. И., Ефремов Н. Н., Иванова И. Б., Самсонова Е. М., Сивцева Н. А., Харабаева В. И. Сахалыы-нууччалык бөлөбүнэн наардыыр тылдыт: аат тыл, туохтуур = Якутско-русский тематический словарь: имя существительное, глагол. Якутск: ИГИИПМНС СО РАН, 2023. С. 191.

В якутском языке номинатив *тымныы* 'холод' определяется по степени интенсивности холода (*улахан тымныы* 'большой холод', *кыра тымныы* 'слабый холод'), при этом используются стилистически образные прилагательные, характеризующие якутский суровый климат: *бытарҕан тымныы* 'сильный, трескучий холод', *урдаах тымныы* 'страшный, свирепый, лютый холод', *суостаах тымныы* 'суровый, внушающий страх холод', *түптэлэс тымныы* 'холод с густым туманом, непроглядный', *хабараан тымныы* 'сильный, лютый, суровый холод', *томороон тымныы* 'суровый, крепкий, лютый холод', *дохсун тымныы* 'лютый, жгучий холод', *торулас тымныы* 'крепкий, трескучий холод', *модун тымныы* 'сильный холод', *күүстээх тымныы* 'сильный холод', *күдэррик тымныы* 'сильный, туманный холод', *сытыы тымныы* 'пронизывающий холод' и др. А также часто используются параметры, обозначающие длительность, время и место появления холода: *быстах тымныы* 'короткие холода', *кылгас тымныы* 'кратковременные холода', *уһун тымныы* 'продолжительные холода', *кыһынны тымныы* 'зимний холод', *сайынны тымныы* 'летний холод', *күһүнү тымныы* 'осенний холод', *сааскы тымныы* 'весенний холод', *түүнү тымныы* 'ночной холод' и др. Как видим, в Якутии холод может наступить когда и где угодно.

Посессивные словосочетания: Тымныы + N.POSS.1SG; N + Тымныы.POSS.1SG

Номинатив, как и любое имя в якутском языке, встречается в двух разных притяжательных словосочетаниях, которые выражают разнородный круг логических отношений и связей между предметами, нередко далеких от понятия принадлежности или обладания⁸. Определительные словосочетания (изафет), где первым членом является субъект *тымныы* 'холод', а вторым членом – объект обладания, образованные морфологическим способом, а именно при помощи аффикса 3 лица ед. ч. *-а (-э, -о, -ө), -та (-тэ, -то, -тө)* (*Тымныы + N.POSS.1SG*): *тымныы уораана* 'суровое дыхание', *тымныы тына* 'дух холода', *тымныы уоҕа-кылына* 'гнев холода', *тымныы үгэнэ* 'разгар холода', *тымныы торолҕоно* 'пик холода', *тымныы оҕуһа* 'Бык холода', *тымныы өрөгөйө* 'пик, триумф холода', *тымныы күүһэ* 'сила холода', *тымныы оройо* 'пик холода'

и т.д. – подчеркивают и усиливают статус, важность, силу, пик, апогей холода. Примеры изафета, где первым членом является субъект обладания (обладатель), а вторым членом – *тымныы* 'холод' с аффиксом 3 лица ед. ч. *-а (-э, -о, -ө), -та (-тэ, -то, -тө)* (*N + Тымныы.POSS.1SG*): *тохсунньу тымныыта* 'январские холода', *муора тымныыта* 'морской холодный воздух', *Саха сириҥ тымныыта* 'якутский холод' и др. Номинатив *тымныы* в посессивных конструкциях обозначает признак предмета или сам предмет.

Адъективные словосочетания: Тымныы + N.PROP

Исследуемый адъектив *тымныы* 'холод' участвует в двух разных сочетаниях с аффиксом обладания *-лаах* (в якутском языке нет глагола иметь), указывающих на сам факт обладания физически, осязаемым холодным чем-либо. Например, холодные части тела человека: *тымныы илиилээх* 'руки холодные', *тымныы атахтаах* 'ноги холодные', *тымныы хааннаах* 'холоднокровный (о рыбах)' и др. Также *тымныы* 'холод' часто используется во фразеологических сочетаниях с отрицательной коннотацией *холоднуй, черствый; негостеприимный*: *тымныы күрдьэхтээх дьахтар* 'женщина, у которой холодная юрта', *тымныы холумтаннаах ыал* 'негостеприимная семья', *тымныы хоойдоох* 'черная вдова', *тымныы дууһалаах* 'черствый', *тымныы сүрэхтээх* 'безжалостный, черствый' и др.

Обстоятельственные отношения с компонентом тымныы 'холод'

Лексема *тымныы* в силу того, что является лексикограмматическим омонимом, в безличных предложениях выражается наречием и выступает как сказуемое: *таһырдыа тымныы* 'на улице холодно', *бугун тымныы* 'сегодня холодно' и т.д. Далее рассмотрим процесс онаречивания имени *тымныы* 'холод', которое в отличие от других прилагательных требует транспонирующих формантов, т.е. используется в роли наречия после прибавления словоизменяемых морфем. Адвербализация номинатива *тымныы* 'холод' происходит при помощи падежных (кроме частного падежа)⁹ и наречных аффиксов, в результате чего выполняет функции обстоятельства образа, места, времени действия.

⁸ Грамматика современного якутского литературного языка. Т. 1. Фонетика и морфология, отв. ред. Е. И. Убрятова. М.: Наука, 1982. С. 127–129.

⁹ Якутско-русский словообразовательный словарь: отглагольные имена, сост. И. Б. Иванова. Якутск: ИД СВФУ, 2023. С. 9.

Временно-пространственные отношения выражаются посредством аффикса дательного падежа *-га* (DAT) в сочетании с глаголами действия и состояния, показывают, в каких условиях происходит то или иное действие: *тымныыга тур* 'стоять в холоде', *тымныыга сит* 'лежать на холодном', *тымныыга олор* 'сидеть на холодном', *тымныыга сиэ* 'есть в холоде', *тымныыга үүн* 'расти в холоде', *тымныыга хаамп* 'шагать, ходить в холоде', *тымныыга сүүр* 'бегать в холоде', *тымныыга тоһун* 'ломаться в холоде', *тымныыга мөлтөө* 'слабеть в холоде', *тымныыга сой* 'остывать в холоде', *тымныыга муһур* 'обледенеть в холоде' и т. д.

Причинно-следственные отношения выражаются при помощи аффикса исходного падежа *-ттан* (ABL) с глаголами психоэмоционального действия: *тымныыттан толун* 'пугаться холода', *тымныыттан куттан* 'испугаться холода', *тымныыттан эрэйдэн* 'мучаться от холода', *тымныыттан сордон* 'мучаться от холода', *тымныыттан санаарҕаа* 'страдать от холода', *тымныыттан саараа* 'сомневаться из-за холода', *тымныыттан үөр* 'радоваться холоду', *тымныыттан хомой* 'огорчаться от холода', *тымныыттан дьоллон* 'быть счастливым из-за холода' и т. д.

Образ действия выражают аффикс орудного падежа *-нан* (INSTR) и аффиксы наречия *-тык* (CVB) с глаголами отношения, взаимодействия: *тымныынан көр* 'холодные глаза', *тымныынан хаарый* 'касаться холодным', *тымныытык үр* 'дуть холодным'; *тымныытык одуулаа* 'всматриваться холодным взглядом', *тымныытык сыһыаннас* 'относиться холодно', *тымныытык көр* 'смотреть, видеть холодно' и др. Форма аффикса наречия *-лыы* (CVB) обозначает образ действия: *тымныылыы ис* 'пить', *тымныылыы сиэ* 'есть' и др.

Итак, лексема *тымныы* 'холод' при помощи аффиксов и соответствующих глаголов, сохраняя свои морфологические отличия от наречий¹⁰, выполняет одинаковые с ними функции в речи, т. е. служит определением и обстоятельством действия.

Заключение

Анализ лексического состава слова с коннотацией низкой температуры *тымныы* 'холодный' с точки зрения обыденного познания позволило наиболее точно описать ее содержание в якутской языковой картине мира. Адъектив *тымныы* 'холодный'

как самый универсальный обладает широким спектром функционирования, который состоит из 6 тематических направлений: погода, помещение, одежда, вещество, предмет, человеческое качество. Семный состав адъектива *тымныы* 'холодный' с архисемой *имеющий холодную температуру* включает в себе следующие семы: находившийся или находящийся в холоде; охлаждающий, отдающий холодом, холодным воздухом; имеющий холод; остывший; неотапливаемый или неутепленный; не греющий; не защищающий от холода; относящийся к Северному полюсу; относящийся к человеку холодно.

Несмотря на то что для носителей якутского языка, которые на интуитивном уровне пользуются языком, лексема *тымныы* 'холодный; холод' имеет свободную сочетаемость в конструкциях, выявились некоторые ограничения в функционировании. Номинатив *тымныы* 'холод' в качестве субъекта действия сочетается со следующими лексико-семантическими группами глаголов: с глаголами бытия с коннотацией *каузация начала существования*, с глаголами физического воздействия на объект с коннотацией разрушения, с глаголами усиления или ослабления интенсивности действия, с глаголами эмоционального состояния, а также с прилагательными, определяющими степень интенсивности холода (*улахан* 'большой', *кыра* 'слабый'), со стилистически образными прилагательными, характеризующими якутский суровый климат.

Адвербализация номинатива *тымныы* 'холод' происходит при помощи падежных (кроме частного падежа) и наречных аффиксов, в результате чего выполняет функции обстоятельства образа, места, времени действия, выражая временно-пространственные отношения (*-га* (DAT) в сочетании с глаголами действия и состояния), причинно-следственные отношения (*-ттан* (ABL) с глаголами психоэмоционального действия), образ действия (*-нан* (INSTR) и *-тык* (CVB) с глаголами отношения, взаимодействия) и объектные отношения (*-ны* (ACC)).

Таким образом, адъективные температурные номинации являются предикатными оценочными и именуют температуру в неразрывной связи с ее объектами-носителями. Данные лексемы совмещают в своем содержании дескриптивный и оценочный компоненты, которые обозначают температуру

¹⁰ Грамматика современного якутского литературного языка. Т. 1. Фонетика и морфология... С. 361.

как свойства объектов внешнего мира или события. Выявление процессуального аспекта температурного восприятия дало возможность объяснить различия механизмов познавательного отражения температуры и принципов образования метафорического переноса температурного наименования.

Сокращения:

ACC – винительный падеж.
ABL – исходный падеж.
CVB – наречие.
DAT – дательный падеж.

INSTR – орудный падеж.

N – имя.

POSS – посессив.

SG – единственное число.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Абдулина Г. Р., Юламанова В. С. Лексико-семантический анализ понятийных значений прилагательных, обозначающих температурные изменения, в башкирском языке. *Башкирский язык в поликультурном пространстве*: Междунар. науч.-практ. конф. (Уфа, 26 октября 2018 г.) Уфа: БашГУ, 2018. С. 27–31. [Abdullina G. R., Yulamanova V. S. Lexico-semantic analysis of the conceptual meanings of adjectives denoting temperature changes in the Bashkir language. *Bashkir language in a multicultural space*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Ufa, 20 Oct 2018. Ufa: BashSU, 2018, 27–31. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/smtwrb>
- Абдуллина Г. Р., Юламанова В. С. Лексико-семантическое описание ассоциативно-образной характеристики прилагательных, обозначающих температурные изменения в башкирском языке. *Вестник Башкирского университета*. 2019. Т. 24. № 2. С. 520–525. [Abdullina G. R., Yulamanova V. S. Lexical-semantic description of the associative-shaped characteristics of adjectives in the Bashkir language, denoting temperature changes. *Bulletin of the Bashkir University*, 2019, 24(2): 520–525. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ezkdwb>
- Алпеева Л. В. Словообразовательные категории адъективов со значением «признак по действию» в современном русском языке. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2019. Т. 21. № 3. С. 788–800. [Alpeeva L. V. Word-formation categories of adjectivities with the meaning "attribute by action" in the modern Russian language. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(3): 788–800. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-3-788-800>
- Афанасьева Е. Н. Развитие семантики цветообозначений *үрүн* и *манан* в якутском языке как свидетельство языковых контактов. *Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2020. Т. 18. № 1. С. 45–56. [Afanaseva E. N. Development of semantics of colour terms *үрүн* and *манан* in the Yakut language as evidence of language contacts. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, 18(1): 45–56. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2020-18-1-45-56>
- Бесогонова С. А. Семантическая классификация лексико-семантической группы температурных прилагательных в русском языке. *Актуальные вопросы филологии*, ред. А. А. Талицкая, И. В. Неронова. Ярославль: ЯрГУ, 2020. С. 5–8. [Besogonova S. A. Semantic classification of lexical-semantic group of temperature adjectives in Russian language. *Current Issues of Philology*, eds. Talitskaya A. A., Neronova I. V. Yaroslavl: YarSU, 2020, 5–8. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mqgpwx>
- Бетлингк О. Н. О языке якутов. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ие, 1990. 662 с. [Böhlingk O. N. *On the Yakut language*. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-ie, 1990, 662. (In Russ.)]
- Дьячковский Ф. Н. О видах многозначности слов. С. А. Новгородов и новое в якутском языкознании, редкол.: Н. И. Попова, Н. Н. Ефремов. Якутск: ЯФ СО РАН, 2003. С. 72–79. [Dyachkovsky F. N. Types of lexical polysemy. S. A. Novgorodov and the news of Yakut linguistics, ed. board: Popova N. I., Efremov N. N. Yakutsk: YaB SB RAS, 2003, 72–79. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/txeakx>
- Дьячковский Ф. Н. Семантика отсубстантивных прилагательных с аффиксом *-лаах*. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2016. № 12-1. С. 86–89. [Dyachkovsky F. N. Semantics of denominative adjectives with affix *-laah*. *Philology. Theory & Practice*, 2016, (12-1): 86–89. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wyqocb>

- Егинова С. Д. Образные прилагательные якутского языка (в сопоставлении с бурятским и киргизским языками). Новосибирск: Наука, 2014. 232 с. [Eginova S. D. *Figurative adjectives of the Yakut language in comparison with the Buryat and the Kyrgyz languages*. Novosibirsk: Nauka, 2014, 232. (In Russ.)]
- Иванов С. А. Лексические особенности говоров якутского языка. Новосибирск: Наука, 2017. 392 с. [Ivanov S. A. *Lexical features of Yakut dialects*. Novosibirsk: Nauka, 2017, 392. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tacnrđ>
- Иванов С. А. Названия атмосферных явлений в якутском языке и его говорах. *Северо-Восточный гуманитарный вестник*. 2016. № 3. С. 74–84. [Ivanov S. A. Names of atmospheric phenomena in the Yakut language and its dialects. *North-Eastern Journal of Humanities*, 2016, (3): 74–84. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wxiwnv>
- Иванова И. Б. Имя как средство выражения функционально-семантической категории количественности. In: Винокурова Н. И., Данилова Н. И., Ефремов Н. Н., Иванова И. Б., Попова Н. И., Самсонова Е. М., Сивцева Н. А. *Функционально-семантические категории в якутском языке: взаимодействие лексики и грамматики*. Новосибирск: СО РАН, 2024. С. 71–89. [Ivanova I. B. Name as a means of expressing the functional-semantic category of quantity. In: Vinokurova N. I., Danilova N. I., Efremov N. N., Ivanova I. B., Popova N. I., Samsonova E. M., Sivtseva N. A. *Functional-semantic categories in the Yakut language: Interaction of vocabulary and grammar*. Novosibirsk: SB RAS, 2024, 71–89. (In Russ.)]
- Исхаков Ф. Г. Лексико-грамматическая классификация слов или части речи в тюркских языках. *Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков*, ред. Н. К. Дмитриева. М.: АН СССР, 1956. С. 72–77. [Iskhakov F. G. Lexico-grammatical classification of words or parts of speech in Turkic languages. *Research on comparative grammar of Turkic languages*, ed. Dmitrieva N. K. Moscow: AS USSR, 1956, 72–77. (In Russ.)]
- Кононова С. Ю. Методология исследования прилагательных с температурными коннотациями: анализ процесса восприятия температуры. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2016а. № 5-2. С. 99–103. [Kononova S. Yu. Methodology of research of adjectives with temperature connotations: The analysis of the process of temperature perception. *Philology. Theory & Practice*, 2016а, (5-2): 99–103. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vsbayz>
- Кононова С. Ю. Семантический анализ прилагательных с температурными коннотациями на материале шведского и русского языков: построение метафорической температурной шкалы. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2016b. № 5-2. С. 103–106. [Kononova S. Yu. The semantic analysis of adjectives with temperature connotations by the material of the Swedish and Russian languages: The construction of a metaphorical temperature scale. *Philology. Theory & Practice*, 2016b, (5-2): 103–106. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vsbazj>
- Копырина Е. П. Полисемия глаголов физического воздействия на объект в якутском языке. Новосибирск: Наука, 2012. 163 с. [Kopyrina E. P. *Polysemy of verbs of physical impact on an object in the Yakut language*. Novosibirsk: Nauka, 2012, 163. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qatgnz>
- Кузьмина А. А. Специфика геокультурных образов холода в фольклоре и литературе коренных народов Якутии советского периода. *Филология: научные исследования*. 2021. № 5. С. 89–100. [Kuzmina A. A. Specificity of geocultural images of cold in folklore and literature of the indigenous peoples of Yakutia of the Soviet period. *Philology: Scientific research*, 2021, (5): 89–100. (In Russ.)] <https://doi.org/10.7256/2454-0749.2021.5.35560>
- Мендешева М. М. Лексико-семантический анализ прилагательного *poor* в английском языке: дефиниции, синонимы и антонимы. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2021. Т. 23. № 1. С. 256–264. [Mendesheva M. M. Lexical-semantic analysis of the adjective *poor* in English: Definitions, synonyms, and antonyms. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(1): 256–264. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-256-264>
- Ноева (Карманова) С. Е. Поэтика холода в якутской прозе начала XX века: холод как граница якутского мира. *Вестник Северо-Восточного федерального университета им. А. К. Аммосова*. 2024. Т. 21. № 1. С. 147–158. [Noeva (Karmanova) S. E. The poetry of cold in Yakut prose at the early twentieth century: Cold as the border of the Yakut world. *Vestnik of North-Eastern Federal University*, 2024, 21(1): 147–158. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25587/2222-5404-2024-21-1-147-158>
- Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2008. 416 с. [Rakhilina E. V. *Cognitive analysis of subject names: Semantics and compatibility*. Moscow: Russkie slovari, 2008, 416. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pvxtnn>

- Романова Е. Н., Добжанская О. Э. Антропология холода: методология, концепты, образы (на примере культурных традиций коренных народов Севера и Арктики). *Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение*. 2019. № 35. С. 255–263. [Romanova E. N., Dobzhanskaya O. E. Anthropology of the cold: Methodology, concepts, images (on the materials of cultural traditions of indigenous peoples of the North and the Arctic). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie*, 2019, (35): 255–263. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/22220836/35/23>
- Juvonen P., Nikunlassi A. Temperature adjectives in Finnish. *The linguistics of temperature*, ed. Koptjevskaja-Tamm M. Amsterdam: Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, 2015, 491–536.
- Perkova N. Adjectives of temperature in Latvian. *The linguistics of temperature*, ed. Koptjevskaja-Tamm M. Amsterdam: Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, 2015, 216–253.
- Rasulić K. What's hot and what's not in English and Serbian: A contrastive view on the polysemy of temperature adjectives. *The linguistics of temperature*, ed. Koptjevskaja-Tamm M. Amsterdam: Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, 2015, 254–299.

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/tabogp>

Поликодовый аспект русскоязычного магического заговора

Фомин Андрей Геннадьевич

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 5774-7041

<https://orcid.org/0000-0002-2742-7747>

Scopus Author ID: 57204806354

andfomin67@mail.ru

Яницкий Борис Лонилович

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

<https://orcid.org/0009-0001-2600-1429>

Аннотация: Исследуется поликодовая структура русскоязычных магических заговоров – уникального жанра традиционной словесности, представляющего значительный интерес для современной лингвистики. Актуальность исследования обусловлена включенностью рассматриваемого вопроса в проблематику направлений современной лингвистики, изучающих язык в его культурном контексте, особенности дискурса и текста, проблемы мультимодальной коммуникации, специфику поликодовых текстов, семиотические аспекты речевого взаимодействия, а также перформативную природу языка и механизмы речевого воздействия. Научная новизна заключается в системном подходе к описанию. Цель – выявить и описать специфику поликодовой структуры русскоязычного магического заговора. Задачи включают выявление лексико-морфологических и прагмалингвистических особенностей вербального кода; характеристику паттернов невербальных кодов; определение ключевых культурных кодов; описание механизмов их взаимодействия. Методология основана на выявлении корреляции кодов путем использования комплексного подхода (дискурсивный, семиотический, лингвистический, прагматический анализ) и материале более 1800 заговоров XVII – начала XX в. Результаты показывают, что заговор – это интегративная система, где вербальные формулы, ритуальные действия и культурный фон неразделимы. Выявлены специфические черты каждого кода и механизмы их синергии, создающие целостный мультимодальный эффект. Выводы подчеркивают, что понимание поликодовой природы заговора является ключом к его адекватной интерпретации.

Ключевые слова: магические заговоры, поликодовый текст, семиотика ритуала, русский фольклор, перформативность, магический дискурс

Цитирование: Фомин А. Г., Яницкий Б. Л. Поликодовый аспект русскоязычного магического заговора. *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 4. С. 621–630. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-4-621-630>

Поступила в редакцию 27.05.2025. Принята после рецензирования 28.07.2025. Принята в печать 28.07.2025.

full article

Polycoded Aspect of Russian Spoken Charms

Andrey G. Fomin

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 5774-7041

<https://orcid.org/0000-0002-2742-7747>

Scopus Author ID: 57204806354

andfomin67@mail.ru

Boris L. Ianitskii

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

<https://orcid.org/0009-0001-2600-1429>

Abstract: Russian spoken charms represent a unique genre of traditional verbal folklore with its own remarkable polycoded structure. The issue belongs to a wide circle of contemporary linguistic problematics, which includes cultural linguistics, multimodal communication, polycoded texts, verbal semiotics, performative language, speech influence, and the discourse vs. text dilemma. The authors applied the method of systemic description to Russian spoken charms to identify and describe their polycoded structure, as well as their lexical, grammatical, and pragmatic

verbal code, non-verbal code patterns, and major cultural codes in their interaction. A combination of discursive, semiotic, linguistic, and pragmatic analyses was applied to 1,800 charms from 17th – early 20th centuries. A spoken charm proved to be an integrative system of intertwined verbal formulae, ritual actions, and cultural background. It owed its holistic multimodal effect to the specific features of each code and the mechanisms of their synergy. The polycoded nature of the Russian spoken charm proved to be the key to its adequate interpretation.

Keywords: spoken charms, polycoded text, ritual semiotics, Russian folklore, performativity, magical discourse

Citation: Fomin A. G., Ianitskii B. L. Polycoded Aspect of Russian Spoken Charms. *SibScript*, 2025, 27(4): 621–630. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-4-621-630>

Received 27 May 2025. Accepted after peer review 28 Jul 2025. Accepted for publication 28 Jul 2025.

Введение

Современная лингвистика проявляет растущий интерес к изучению ритуального и магического использования языка [Forrester 2013; Tavárez 2014]. Это обусловлено как углублением понимания языка в качестве комплексной семиотической системы, конструирующей культурную реальность, так и смещением фокуса гуманитарных наук на культуру, ритуал и перформативность [Language... 2006: 4]. Магические заговоры как уникальный жанр традиционной словесности [Conrad 1989: 434] привлекают внимание способностью демонстрировать глубинные связи языка, культуры и верований [Завьялова 2006: 6]. В данном исследовании магический дискурс понимается как особый тип ритуальной коммуникации с установкой на перформативное воздействие и суггестивность [Гончарова 2012; Куликовская 2021; Kulikovskaya 2022], что переключается и с ритуализированными речевыми актами в современном публичном дискурсе [Баранов 2024: 17, 19].

Изучение магических заговоров ценно для понимания архаичных языковых форм и перформативной силы слова [Austin 1962: 6]. Особую значимость приобретает анализ их поликодовой природы: заговор – это синкретичный феномен, где вербальный текст неразрывно связан с невербальными семиотическими системами (звуковым оформлением, жестами, ритуальными предметами, организацией пространства-времени) [Скорик 2021: 206]. Такой подход соответствует актуальным направлениям лингвистики, исследующим мультимодальную коммуникацию, семиотические аспекты и поликодовые тексты. Изучение специфики языка заговора в его ритуальном воплощении (структурные, семантические, прагматические особенности) соотносится с проблематикой лингвистики дискурса, текста, прагмалингвистики и изучения языка в контексте культуры.

Актуальность исследования подкрепляется также его включенностью в проблематику изучения перформативности, теории речевого воздействия и поликодовых текстов, ярким примером которых являются русскоязычные магические заговоры. Несмотря на существующие работы, комплексный анализ поликодовой структуры именно русского магического заговора и механизмов интеграции его кодов требует дальнейшей разработки.

Цель – выявить и описать специфику поликодовой структуры русскоязычного магического заговора. Задачи:

- 1) описать лексико-морфологические и прагмалингвистические особенности вербального кода;
- 2) выявить и охарактеризовать паттерны невербальных кодов и их функции;
- 3) определить ключевые культурные коды и рассмотреть их в культурно-историческом контексте;
- 4) установить механизмы взаимодействия вербальных, невербальных и культурных кодов в формировании общего семиотического эффекта.

Объект исследования – русскоязычный магический заговор как поликодовый текст, предмет – его лингвосомиотические и лингвопрагматические характеристики.

Научная новизна заключается в системном описании поликодовой структуры русскоязычного магического заговора, включая анализ его вербальных, невербальных, культурных компонентов и механизмов их синергии. Теоретическая значимость заключается в разработке системной аналитической модели, которая не только детализирует вербальные, невербальные и культурные коды русскоязычного магического заговора, но и определяет конкретные механизмы их синергетического взаимодействия, тем самым углубляя и конкретизируя существующие концепции в теории поликодовых текстов.

Практическая значимость связана с возможностью применения результатов в преподавании, сопоставительных исследованиях и теории перевода фольклорных текстов.

Методы и материалы

Материалом послужил корпус из более чем 1800 текстов магических заговоров (XVII – первая треть XX в.), отражающих широкое географическое (Русский Север, Южная Сибирь, Центральная Россия, Украина) и тематическое (лечебные, защитные, любовные и др.) разнообразие. Корпус сформирован на основе рукописных источников из академических публикаций: «Русские заговоры из рукописных источников XVII – первой половины XIX в.» [Русские заговоры... 2010] и «Заговоры из архивных источников XVIII – первой трети XX в.» (Т. 1–2) [Заговоры... 2023; 2024], что обеспечивает должный хронологический охват и репрезентативность.

Методология основана на комплексном подходе и включает в себя дискурсивный анализ; семиотический анализ (для выявления и классификации кодов и их взаимодействия); лингвистический анализ (лексико-семантический, морфологический, стилистический) вербальной составляющей; прагматический анализ речевых актов; элементы контент-анализа и культурно-исторического анализа.

Результаты

Для адекватного анализа поликодовой структуры русскоязычного магического заговора необходимо кратко очертить ключевые теоретические положения, лежащие в основе данного подхода и непосредственно релевантные для последующего исследования.

Центральным для понимания магического заговора как поликодового текста является признание его синкретичной природы, где вербальные, невербальные и культурные семиотические системы не просто сосуществуют, а находятся в тесном взаимодействии, порождая комплексный магический эффект. В рамках настоящего исследования под кодом понимается конвенциональная система правил, определяющая, как знаки соотносятся со значениями, и выделяется три основных типа кодов:

1. Вербальный код охватывает собственно языковое выражение заклинания – его лексические, морфологические, синтаксические и стилистические особенности, а также прагматические аспекты реализуемых речевых актов, направленных

на перформативное воздействие. Его анализ позволяет выявить специфические языковые средства, маркирующие магический язык и способствующие реализации суггестивной функции.

2. Невербальные коды включают в себя широкий спектр сопровождающих ритуальных элементов: акциональные (действия с предметами, телом), кинесические (жесты, мимика), проксемические (организация пространства и времени ритуала), предметные (использование магических артефактов) и паралингвистические (интонация, ритм, темп речи). Эти коды материализуют и усиливают вербальные формулы, участвуя в ритуале и воздействуя на различные каналы восприятия.

3. Культурные коды представляют собой систему мифологических, религиозных, архетипических и фольклорных представлений, образов и символов, формирующих картину мира. Они обеспечивают семантическую глубину заговора, его легитимность в рамках культуры и связь с коллективной памятью, позволяя интерпретировать текст в его историко-культурном контексте.

Поликодовый анализ, используемый в статье, предполагает не просто раздельное описание этих систем, а установление тех процессов и способов (т.е. механизмов), посредством которых эти системы интегрируются и достигают синергетического эффекта в русскоязычном магическом заговоре, объясняя, как именно это взаимодействие приводит к их слиянию и усилению.

Вербальные коды русского магического заговора: лингвистические характеристики

Вербальный код – эксплицитное ядро магического заговора, несущее основную семантическую нагрузку и выражающее магическое намерение. Анализ охватывает его лингвистические (лексические, морфологические) и прагматические особенности. Устойчивые **лексико-морфологические паттерны** формируют специфику вербального кода русских заговоров и способствуют реализации магической функции.

Лексические особенности

1. **Лексическая редундантность и повторы:** широко используются различные типы повторов, способствующие суггестии, мнемонизации и ритуальной маркировке текста. К ним относятся:

- **лексические повторы** ключевых слов / фраз для усиления и ритмизации: *предо мною крест,*

и за мною крест, по правую сторону крест и по левую крест и надо мною крест¹;

- **анафора и эпифора** (повторение элементов в начале / конце смежных единиц) для ритмико-синтаксического параллелизма: *Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. Стану я, раб Божий имярек, благословесь и пойду перекрестись из избы дверьми, из дверей во двери, из ворот в ворота, в чистое поле, в восточную сторону. Есть в восточной стороне и в полуденную сторону*²;
- **повтор грамматических форм слова**: *пойду я из дверей в двери, из ворот в ворота*³;
- **синонимические ряды и пары** для амплификации смысла (тавтологические и синонимические удвоения служат магическим усилителем): *тоску и кручину, и сердешную болезнь*⁴.

2. Специфическая лексика:

- **архаизмы и историзмы**, придающие тексту авторитет и сакральность: *зрак (образ, вид): мой зрак лица моего, добраго молодца и(мярек)*⁵;
- **диалектизмы**, отражающие региональную специфику: *поветер: Говор(и) на заход(е) (солнца) на поветер 3 ж по 3 ж вечер*⁶;
- **сакральная лексика** (имена божеств, святых, демонов; религиозная терминология, часто в синкретизме): *Святой государь Илья пророк, поедеш(ь), государь, на ветреннем коне, розшиби, государь, дуб в поли, камен(ь) в море*⁷;
- **эвфемизмы** (иносказательные наименования опасных явлений, болезней, нечистой силы): *нечистый дух* (вместо дьявол, бес): *Молитва от нечистаго духа, от всякие болести*⁸;
- **глоссолалия и «заумь»** (непонятные или звукоподражательные слова, воспринимаемые

как тайные магические формулы, действенные благодаря звучанию): *Офифел и гаратон, и хатон, лимион, никитов фо фо, оскамаин, криснон, крифес, какътой, об(ъ)явите ми гибель мою, раба имерек*⁹.

3. **Числовой код в лексике**: активно используются символические числа (три, семь, девять и др.) как кодовые знаки, что проявляется в требовании кратного повторения действия, перечислении объектов или магическом счете. Это структурирует текст и усиливает его сакральную значимость: *замкнули за тридеветь ключей и за тридеветь замков*¹⁰.

Морфологические особенности

1. Преобладание императивных и оптативных форм:

- **повелительное наклонение (императив)**: прямые приказы, отражающие веру в возможность управления реальностью словом: *Стой, стрела, не ходи ко мне*¹¹;
- **желательное наклонение (оптатив)**: выражение волеизъявления через формулы пожелания: *так бы у меня, раба Божия имярек, не было бы тоски и кручины, сухоты и печали*¹².

2. Специфика синтаксической структуры:

- **параллелизм конструкций** для ритмизации и усиления: *рано вставаю, и медвяною росую умываюсь, и небом покрываюсь, и звездами ограждаюсь, и на все четыре стороны покланяюсь*¹³;
- **формулы аналогии (как... так и...)**, основанные на магии подобия: *Как ся вод(а) верхняя с нижней не сходитце, так бы не сходитце сему рабу Б(о)жию имярек с той работой Б(о)жией*¹⁴;
- **трехчастная структура** (зачин, основная часть, закрепка) для ритуальной завершенности:

¹ Научный архив Русского географического общества (АРГО). Ф. VI (раздел). Д. 22. 1850-е гг. Л. 36.

² Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (РНБ). Ф. О.XVII. Д. 33. Последняя четверть XVIII – начало XIX в. Л. 6 об.

³ Там же. Л. 7.

⁴ Российская государственная библиотека (РГБ). Ф. 199 (Собр. Никифоровых). Д. 358.1. Вторая половина XVIII в. Л. 2 об.

⁵ Национальная библиотека Украины им. В. И. Вернадского (НБУ). Ф. 301. Д. 455 (Ед. хр.). Конец XVII – начало XVIII в. Л. 1.

⁶ Библиотека Российской академии наук (БАН). Ф. Сев. (Северное собрание). Д. 636 (21.9.10). Вторая четверть XVII в. Л. 15.

⁷ Там же. Л. 21.

⁸ РНБ. Ф. О.XVII. Д. 74. Третья четверть XVII в. Л. 41 об.

⁹ РГБ. Ф. 310 (Собр. В. М. Ундольского). Д. 696. 1670-е гг. Л. 75 об.

¹⁰ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 196 (Собр. Ф. Ф. Мазурина). Оп. 1. Д. 1389. Конец XVIII – начало XIX в. Л. 2 об.

¹¹ НБУ. Ф. 301. Д. 827. Рубеж 1720–1730-х гг. Л. 12 об.

¹² РНБ. Ф. О.XVII. Д. 46. Первая половина XIX в. Л. 8 об.–9.

¹³ АРГО. Ф. VII. Оп. 1. Д. 44. 1887 г. Л. 8 об.

¹⁴ БАН. Ф. Сев. Д. 636 (21.9.10). Л. 14 об.

На море Окияне, на острове Буяне стоит дуб Карпиус (зачин); Ветры буйны... возмите ту тоску (основная часть); мои слова, будьте крепки и лепки (закрепка)¹⁵;

- **обилие вокативов** (прямые обращения) для создания эффекта диалога: *Матушка Пресвятая Богородица*¹⁶.

Таким образом, лексико-морфологический строй русского заговора с его формульностью, архаичностью, символичностью, императивностью, параллелизмом и особой структурой функционально направлен на обеспечение перформативной и суггестивной силы. Многие из этих традиционных элементов вербального кода сохраняют актуальность в современных записях, свидетельствуя о высокой консервативности жанра [Krasheninnikova 2009: 31].

Невербальные коды русского магического заговора и их семиотическое измерение

Анализ поликодовой структуры магического заговора требует рассмотрения его невербальных компонентов – знаковых систем, не выраженных словесно, но сопровождающих, дополняющих или замещающих вербальный текст в ритуальном контексте. К ним относятся ритуальные действия, жесты, мимика, использование специфических предметов и организация пространства-времени обряда. Поскольку словесная формула заговора обычно сосуществует с действием, где они взаимнообратимы и тождественны по функции, анализ невербальных компонентов необходим для понимания целостного семиозиса магического ритуала [Москвина 2024: 26; Топорков 2024: 90]. Этнографические описания и инструкции к русским заговорам выявляют следующие устойчивые паттерны невербальных кодов:

1. **Предметный (артефактный) код:** использование ритуальных объектов, наделяемых в обряде магической силой или особым символическим значением:

- **объекты природного происхождения** (медиа-торы или инструменты магического воздействия): *первый попавшийся на глаза осиновый куст*¹⁷;

- **предметы быта**, наделяемые символическим или апотропейным значением (выполняют специфическую магическую функцию): *топор и нож*¹⁸ (для отсечения зла или защиты).

2. **Акциональный и кинесический коды:** совокупность ритуальных действий и жестов:

- **действия с использованием медиаторов** (например, воды): ритуальные манипуляции с природными элементами для очищения или передачи магического свойства: *Три раза или обвести в воде, произнося заговор, потом дать ему выпить и обдать*¹⁹;

- **символические телесные жесты:**

– апотропеические жесты (отгоняющие зло): сплевывание: *(3-ри раза проговорить и плюнуть в болячку)*²⁰;

– жесты передачи или воздействия: дуновение (символизирующее сдувание болезни или передачу силы): *Говорить без отдыха сии слова три раза, дунуть и плюнуть*²¹;

- **манипулятивные действия с объектами или частями тела:**

– создание оберегов или символическое связывание / развязывание: манипуляции с нитками: *Прядут льняную нитку... пекут яйцо и этою ниткою завязывают его в правый рукав рубахи*²²;

– прямое физическое воздействие на объект / субъект: контактное лечение или защита: *Чтобы остановить течение крови из раны, нужно закрыть рану пальцем и трижды говорить*²³; символическое разрубание болезни жестом: *проводят пальцем по воздуху поперек глаза, как бы разрубая его*²⁴.

¹⁵ АРГО. Ф. VII. Оп. 1. Д. 44. 1887 г. Л. 11 об.

¹⁶ Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Д. 500 (759). 1790–1820-е гг. Л. 16–17 об.

¹⁷ АРГО. Ф. XXXVI. Д. 48. 1889 г. Л. 85.

¹⁸ АРГО. Ф. VII. Оп. 1. Д. 70. 1892 г. Л. 10 об.

¹⁹ Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (РО ИРЛИ). Ф. V. Оп. 2. Д. п. 10. Ед. хр. 1–64. Л. 9.

²⁰ Отдел редких книг и рукописей Зональной научной библиотеки Саратовского государственного университета (ОРКиР ЗНБ СГУ). Ф. собр. И. А. Шляпкина. Д. 568/8. Л. 1.

²¹ АРГО. Ф. VI. Д. 22. 1850-е гг. Л. 38 об.

²² АРГО. Ф. XXXVI. Д. 48. 1889 г. Л. 10.

²³ АРГО. Ф. VII. Оп. 1. Д. 70. 1892 г. Л. 3 об.

²⁴ АРГО. Ф. XXXVI. Д. 48. 1889 г. Л. 23.

3. Проксемический и хронотопический коды: организация пространства и времени ритуала:

- **выбор времени:** магическая сила часто связывается с пограничными состояниями (например, фазами луны): *Говорить это три раза на молодой месяц*²⁵;
- **выбор места (локуса):** ритуалы часто проводятся в особых, пограничных или нечистых местах с сакральным / магическим значением: *Больной идет в лес, подходит к первой по дороге осине*²⁶; *Стану я поутру благословясь, пойду перекрестясь во святую восточную сторону*²⁷.

4. Паралингвистический код: акустическое оформление заговора (характеристики голоса, манера произнесения) играет важную роль в общей перформативной эффективности [Березович, Малькова 2024; Krivenko 2021: 361, 367]:

- **манера произнесения:** специфическая интонация, громкость или тембр (например, шепот): *лекарь говорит шепотом, чтобы больной не слышал его слов*²⁸; *Приговаривает на воду в большом углу, неслышно, три раза*²⁹;
- **ритм и темп:** особый ритм или скорость произнесения (например, непрерывность): *Говорить без отдыха сии слова три раза*³⁰.

Таким образом, невербальный компонент русского заговора – это сложный, структурированный сценарий. Он включает в себя специфические предметы, символические действия, жесты и учет пространственно-временных параметров, образующих устойчивые, традиционно передаваемые паттерны ритуала.

Культурные коды в структуре и семантике русского магического заговора

Поликодовая структура русского магического заговора, помимо вербальных и невербальных, включает культурные коды – имплицитные системы знаков, символов, образов и стереотипов, укорененных в коллективных представлениях и формирующих традиционную картину мира. Отсылая к общему фонду мифологических, религиозных, космологических и социальных представлений, они

обеспечивают глубинное понимание и легитимацию заговора, связывая магический текст с архаическим мышлением, исторической памятью и ценностными установками этноса.

Культурные коды не статичны; их формирование и функционирование неразрывно связаны с длительным культурно-историческим развитием жанра. Основа заговорных формул и образов восходит к древнеславянской языческой культуре. Последующая христианизация (начиная с X в.) запустила сложный процесс взаимодействия языческой традиции и новой религии, который привел к уникальному синкретизму (народное православие или двоеверие [Fujiwara 2010: 144; Ioffe 2021]). Заговоры адаптировались, инкорпорируя христианские элементы, включая книжные и апокрифические сюжеты. Это сложное сочетание сакрального и профанного, книжных влияний и устной традиции проявлялось и в специфических способах табуирования и шифрования в рукописных заговорах XVII–XVIII вв. [Ippolitova 2021]. Бытуя преимущественно в крестьянской среде и передаваясь устно, заговоры, насыщенные многослойными культурными кодами, служили маркерами традиции, отражали народное мировоззрение и консервировали архаичные пласты культуры. Синкретические верования, связанные с колдовством, сохранялись и в советский период, а в 1990-е гг. получили освещение в медиа [Khristoforova 2023: 32], что соотносится с тенденциями к «перезачарованию» повседневности через популярные формы магии [Ezzy 2003: 47]. Этнокультурная специфика языковой концептуализации действительности, формируемая культурными кодами, отражается и в композиционно-стилистических характеристиках заговоров [Глухова 2015: 274].

Мифологемы, архетипы, религиозные мотивы

Русские магические заговоры отражают сложный синтез автохтонных славянских верований и усвоенной христианской традиции, что выявляется в следующих культурных кодах:

²⁵ АРГО. Ф. VI. Д. 22. 1850-е гг. Л. 38 об.

²⁶ АРГО. Ф. XXXVI. Д. 48. 1889 г. Л. 6.

²⁷ АРГО. Ф. VII. Оп. 1. Д. 44. 1887 г. Л. 7.

²⁸ АРГО. Ф. XXXVI. Д. 48. 1889 г. Л. 21.

²⁹ РО ИРЛИ. Ф. V. Оп. 2. Д. п. 10. Ед. хр. 1–64. Л. 66.

³⁰ АРГО. Ф. VI. Д. 22. 1850-е гг. Л. 38 об.

1. Мифологический и космологический код: воспроизводит элементы архаической славянской мифологической картины мира и космологии:

- **образ мифологического центра:** характерно перенесение действия в сакральный центр (горы, острова, города с библейскими, общефольклорными или местными корнями [Агапкина и др. 2018: 29, 43, 47]) – источник целительной силы. Типичная формула зачина: *На море Окияне, на острове Буяне стоит дуб Карпиус. Под ним лежит камень Анатырь*³¹. Устойчивые мифологемы (остров Буян, камень Алатырь) обеспечивают проекцию действий из магического центра на ситуацию;
- **персонифицированные силы природы и низшая мифология:** часты обращения к одушевленным силам природы или персонажам низшей славянской мифологии, например, к заре: *Заря заряница, прекрасная девица*³². Болезни часто персонифицируются как злые духи.

2. Архетипические образы и мотивы: прослеживаются устойчивые, повторяющиеся типы персонажей и сюжетные модели, укорененные в мифопоэтическом мышлении и отражающие фундаментальные аспекты человеческого опыта и традиционной картины мира:

- **фигура целителя / мастера:** центральный персонаж – целитель / мастер (исполнитель или мифологическая фигура), наделенный особой силой и знанием, воплощающий идею восстановления порядка и гармонии, например: *Идут три сестры Святая Мария*³³ (выступают как целительницы);
- **материнская / защитная фигура:** образ мифологической или сакральной материнской фигуры связан с мотивами защиты, помощи и исцеления: *Бабушка наша Саломонида, ты царя Бога нашего обмывала, защищала и укрывала*³⁴;
- **значимость троичности:** частое использование числа три (троекратные повторы, три

персонажа) указывает на его символическую нагрузку, связанную с полнотой и завершенностью: *Попадаются навстречу три девицы, три сестрицы, одна Красота, другая Белота, третья Разжоба*³⁵.

3. Религиозный (христианский) код: после христианизации русские заговоры активно инкорпорировали элементы православной веры и культа, формируя уникальный синкретический пласт народной религиозности:

- **использование молитвенных формул:** начальные формулы (*Во имя Отца и Сына и Святого Духа*), вставки (*Господи, помилуй; Аминь*): *Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Господи Боже, благослови! Свят тый Егбрий, соблюди мое стадо*³⁶;
- **обращения к христианским персонажам:** к Иисусу Христу, Богородице, ангелам, святым как помощникам и защитникам: *Господи Вседержитель, отец небу и земли*³⁷. Определенные святые (Св. Георгий, Св. Николай и др.) были особенно популярны, наделялись устойчивыми функциями и атрибутами [Yudin 2021];
- **библейские аллюзии и сюжеты** (включая сакральные христианские символы): элементы, отсылающие к христианской традиции. Например, крест как универсальный хранитель: *Крест – хранитель ангельская слава; Крест – царям держава*³⁸. События или символы сакральной истории служат моделью и источником силы.

Эти культурные коды не существуют изолированно, а тесно переплетаются, создавая многослойность значений. Языческие мифологемы сочетаются с христианскими молитвенными формулами, архетипические сюжеты наполняются религиозными или локальными образами. Именно данный синкретизм является ключевой характеристикой культурного кода русских магических заговоров.

³¹ АРГО. Ф. VII. Оп. 1. Д. 44. 1887 г. Л. 11 об.

³² РО ИРЛИ. Ф. V. Оп. 2. Д. п. 10. Ед. хр. 1–64.

³³ АРГО. Ф. VII. Оп. 1. Д. 44. 1887 г. Л. 24 об.

³⁴ Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (ИЭА РАН). Ф. ОЛЕАЭ. Д. 195а. 1869–1870 гг. Л. 58 об.

³⁵ РО ИРЛИ. Ф. V. Оп. 2. Д. п. 10. Ед. хр. 1–64. Л. 26.

³⁶ ОРКиР ЗНБ СГУ. Ф. собр. И. А. Шляпкина. Д. 568/8. Л. 1.

³⁷ АРГО. Ф. VI. Д. 22. 1850-е гг. Л. 36.

³⁸ АРГО. Ф. VII. Оп. 1. Д. 44. 1887 г. Л. 1.

Взаимодействие поликодовых элементов в русских магических заговорах

Магический заговор функционирует как интегративная система, где взаимосвязанные вербальные, невербальные и культурные коды порождают синергетический эффект, обеспечивая смысловую полноту и перформативную силу ритуала.

Культурные коды, являясь имплицитными системами знаков, символов и образов из коллективных (мифологических, религиозных, космологических) представлений формируют традиционную картину мира и служат основой для всего ритуала. Развиваясь от дохристианских корней через процессы синкретизма с христианством и влияние книжной культуры, эти коды обеспечивают глубинное понимание и легитимацию заговора. Они затрагивают архаические пласты мышления и связывают ритуал с исторической памятью и установками этноса.

На этой культурной основе разворачивается вербальный код, рассматриваемый как целенаправленный речевой акт. Он реализует магическое намерение через различные типы иллокуций, включая директивы, декларативы, ассертивы с перформативной функцией и эмоционально окрашенные экспрессивы, задавая тем самым желаемую установку трансформируемой реальности.

Невербальные коды выполняют множество взаимосвязанных семиотических функций, часто материализуя и усиливая содержание вербального и культурного кодов. Они могут символически дублировать вербальный текст и культурные концепции, реализовывать принципы симпатической магии, сакрализовать и легитимировать ритуал через выбор культурно значимых элементов. Кроме того, невербальные компоненты оказывают суггестивное воздействие, выполняют защитную (апотропеическую) функцию и структурируют ритуал, маркируя его этапы.

Если идея синергетического эффекта от взаимодействия разных знаковых систем в ритуале является общепринятой в фольклорной семиотике, то ключевым вкладом данной работы является выделение и описание конкретных механизмов, управляющих этим процессом в структуре русского заговора:

1. Семиотическая редундантность и взаимное усиление: дублирование значения или интенции средствами различных кодов усиливает посыл, повышает суггестивность и материализует абстрактные намерения.

2. Комплементарность и функциональная специализация: коды дополняют друг друга. Вербальный код чаще несет когнитивную и директивную нагрузку; невербальные передают эмоциональный настрой и обеспечивают перформативное исполнение; культурные коды обеспечивают контекстуализацию, авторитетность и глубинную семантику.

3. Динамическое взаимодействие и структурирование ритуала: комбинация и последовательность активации кодов создают «драматургию» ритуала, маркируя его этапы.

4. Мультимодальное воздействие и создание холистического опыта: одновременное обращение к разным каналам восприятия (сознанию, памяти, архетипам, верованиям, сенсорике, эмоциям) создает целостный, иммерсивный опыт, усиливая веру в действенность.

5. Обеспечение семиотической когерентности: внутренняя согласованность между значениями, передаваемыми разными кодами, и соответствие культурным нормам и ожиданиям являются залогом успешного функционирования заговора.

Заключение

Проведенное исследование выявило специфику русскоязычного магического заговора как сложноорганизованного поликодового текста, где взаимодействуют вербальные, невербальные и культурные коды. Вербальный код характеризуется специфическими лексико-морфологическими паттернами (редундантность, архаичная и сакральная лексика, числовая символика, императивные / оптативные формы, трехчастная структура), реализуясь как последовательность перформативно направленных речевых актов; слово здесь функционирует как инструмент символического действия. Невербальный код, неотъемлемая часть заговора, формирует ритуальный контекст через устойчивые паттерны предметного, акционального, кинематического, проксемического и хронотопического кодов; он материализует вербальные формулы, реализует принципы симпатической магии, сакрализирует и структурирует ритуал, оказывая мультимодальное суггестивное воздействие и обеспечивая воплощенность магического акта. Культурные коды (мифологические, космологические, религиозные) формируют глубинный семантический пласт, связывая заговор с традиционной картиной мира через образы мирового центра, персонификацию сил,

синкретизм дохристианских и христианских элементов, что обеспечивает легитимность и символическую логику заговора. Ключевым фактором семиотической эффективности является системное взаимодействие кодов через механизмы редундантности, комплементарности, динамической синхронизации и когерентности, создающее целостный мультимодальный эффект для достижения перформативной цели.

Таким образом, русский магический заговор представляет собой комплексный, синкретичный поликодовый феномен, где язык, ритуальное действие и культурный контекст неразделимы. Понимание этой поликодовой структуры является ключевым для адекватной интерпретации данного уникального жанра и закладывает основу для дальнейших исследований.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: А. Г. Фомин – концептуализация, научное руководство, написание и редактирование. Б. Л. Яницкий – концептуализация, сбор, анализ и интерпретация данных, написание и редактирование.

Contribution: A. G. Fomin developed the research concept, supervised the project, and proofread the manuscript. B. L. Ianitskii developed the research concept; collected, analyzed, and interpreted the empirical data; drafted and proofread the manuscript.

Литература / References

- Агапкина Т. А., Березович Е. Л., Сурикова О. Д. Топонимия заговоров Русского Севера. II: Земли. Горы. Острова. Города. *Вопросы ономастики*. 2018. Т. 15. № 2. С. 28–69. [Agapkina T. A., Berezovich E. L., Surikova O. D. Toponyms in the charms of the Russian North. II: Lands. Mountains. Islands. Cities. *Voprosy Onomastiki*, 2018, 15(2): 28–69. (In Russ.)] https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2018.15.2.014
- Баранов А. Н. Магические дискурсивные практики в русском публичном дискурсе. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание*. 2024. Т. 23. № 3. С. 17–28. [Baranov A. N. Magical discursive practices in Russian public discourse. *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie*, 2024, 23(3): 17–28. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.3.2>
- Березович Е. Л., Малькова Я. В. «Напряженное» звучание в обрядности и магии (на материале культурно-языковой традиции Костромской области). *Уральский исторический вестник*. 2024. № 2. С. 24–33. [Berezovich E. L., Malkova Ya. V. "Tense" sounds in ritualism and magic (based on materials of cultural and linguistic tradition of Kostroma region). *Ural'skij Istoriceskij Vestnik*, 2024, (2): 24–33. (In Russ.)] [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2024-2\(83\)-24-33](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2024-2(83)-24-33)
- Глухова Н. Н. Общие и отличительные черты русских и марийских заговоров. *Рябининские чтения – 2015: VII конф. по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера*. (Петрозаводск, 7–11 сентября 2015 г.) Петрозаводск: Гос. музей-заповедник «Кижский», 2015. С. 274–276. [Glukhova N. N. Common and distinctive features of Russian and Mari Charms. *Ryabinin Readings 2015: Proc. VII Conf. on Cultural Heritage of Russian North, Petrozavodsk, 7–11 Sep 2015*. Petrozavodsk: Kizhi State Open Air Museum, 2015, 274–276. (In Russ.)]
- Гончарова Е. С. Магический дискурс как суггестивный тип коммуникации. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание*. 2012. № 2. С. 167–170. [Goncharova E. S. Magic discourse as suggestive type of communication. *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie*, 2012, (2): 167–170. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/puarpvx>
- Завьялова М. В. Балто-славянский заговорный текст: Лингвистический анализ и модель мира. М.: Наука, 2006. 562 с. [Zavyalova M. V. *Balto-Slavic charm text: Linguistic analysis and world model*. Moscow: Nauka, 2006, 562. (In Russ.)]
- Заговоры из архивных источников XVIII – первой трети XX в. Т. 1. Европейская Россия, сост. Т. А. Агапкина. М.: Индрик, 2023. 512 с. [*Charms from the archival sources (the 18th – the first third of the 20th centuries)*. Vol. 1. European Russia, comp. Agapkina T. A. Moscow: Indrik, 2023, 512. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31168/91674-721-8>

- Заговоры из архивных источников XVIII – первой трети XX в. Т. 2. Сибирь. Урал. Европейский Север, сост. А. Б. Ипполитова, А. Л. Топорков. М.: Индрик, 2024. 536 с. [*Charms from the archival sources (the 18th – the first third of the 20th centuries). Vol. 2. Siberia. The Urals. European North*, comps. Ippolitova A. B., Toporkov A. L. Moscow: Indrik, 2024, 536. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31168/91674-722-5>
- Куликовская Е. Н. К вопросу о «полуперформативных» глаголах в текстах русских заговоров. *Art Logos*. 2021. № 2. С. 160–167. [Kulikovskaya E. N. Semi-performative verbs in Russian charms: Criteria and argumentation for selection. *Art Logos*, 2021, (2): 160–167. (In Russ.)] https://doi.org/10.35231/25419803_2021_2_160
- Москвина В. А. Семантическое поле древесных ритуальных предметов в русском заговорно-заклинательном обряде. *Этническая культура*. 2024. Т. 6. № 1. С. 25–30. [Moskvina V. A. The semantic field of wood ritual objects in the Russian spell rite. *Ethnic Culture*, 2024, 6(1): 25–30. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31483/r-109022>
- Скорик К. В. Семиотический статус предметов и их функционирование в англосаксонских и русских заговорах. *Litera*. 2021. № 4. С. 205–213. [Skorik K. V. Semiotic status of objects and their functioning in the anglo-saxon and Russian charms. *Litera*, 2021, (4): 204–210. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2021.4.35272>
- Русские заговоры из рукописных источников XVII – первой половины XIX в., сост. А. Л. Топорков. М.: Индрик, 2010. 832 с. [*Russian charms in manuscripts of 17th – First Half of 19th Century*, comp. Toporkov A. L. Moscow: Indrik, 2010, 832. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qponsn>
- Топорков А. Л. Проблемы издания и комментирования русского магического фольклора. *Фольклор: структура, типология, семиотика*. 2024. Т. 7. № 2. С. 81–108. [Toporkov A. L. Problems of publishing and commenting on Russian magical folklore. *Fol'klor: Struktura, Tipologija, Semiotika*, 2024, 7(2): 81–108. (In Russ.)] <https://doi.org/10.28995/2658-5294-2024-7-2-81-108>
- Austin J. L. *How to do things with words*. Oxford: Clarendon Press, 1962, 167.
- Conrad J. L. Russian ritual incantations: Tradition, diversity, and continuity. *The Slavic and East European Journal*, 1989, 33(3): 422–444. <https://doi.org/10.2307/308729>
- Ezzy D. New age witchcraft? Popular spell books and the re-enchantment of everyday life. *Culture and Religion*, 2003, 4(1): 47–65. <https://doi.org/10.1080/01438300302813>
- Forrester S. Russian village magic in the late Soviet period: One woman's repertoire of Zagovory. *Russian History*, 2013, 40(3-4): 540–558. <https://doi.org/10.1163/18763316-04004017>
- Fujiwara J. Rediscovery of the 'reality' of magic: The revival of magic in post-socialist Russia. *Inner Asia*, 2010, 12(1): 143–156. <https://doi.org/10.1163/146481710792710273>
- Ioffe D. East-European critical thought myth, religion, and magic versus literature, sign and narrative. *Religions*, 2021, 12(9). <https://doi.org/10.3390/rel12090717>
- Ippolitova A. B. Sacred and profane: Tabooing in Russian magical manuscripts of the 17th–18th centuries (incantations and herbal manuals). *Religions*, 2021, 12(7). <https://doi.org/10.3390/rel12070482>
- Khristoforova O. B. "We live in the country of the Victorious Kafka": Witchcraft and magic in present-day Russia. *Martor. The Museum of the Romanian Peasant Anthropology Review*, 2023, (28): 31–55.
- Krashennikova Iu. Charms and incantational magic of the Northern Russians (in records of the early twenty-first century). *FOLKLORICA – Journal of the Slavic, East European, and Eurasian Folklore Association*, 2009, 14: 31–48. <https://doi.org/10.17161/folklorica.v14i0.3816>
- Krivenko E. Performativity in French, English and Russian voice and silent charms. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences (EpsBS)*, Novosibirsk, Irkutsk, 1–3 Apr 2021, vol. 118, 360–367. [https://doi.org/10.15405/epsbs\(2357-1330\).2021.12.1](https://doi.org/10.15405/epsbs(2357-1330).2021.12.1)
- Kulikovskaya E. N. Intentionality and addressness of performative verbs in Russian charm texts. *Incantatio*, 2022, (10): 71–83. https://doi.org/10.7592/Incantatio2022_10_Kulikovskaya
- Language, Culture, and Society: Key topics in linguistic anthropology*, eds. Jourdan C., Tuite K. Cambridge: Cambridge University Press, 2006, 364.
- Tavárez D. E. Ritual language. *The Cambridge Handbook of Linguistic Anthropology*, eds. Enfield N. J., Kockelman P., Sidnell J. Cambridge: Cambridge University Press, 2014, 516–536. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139342872.024>
- Yudin A. V. Christian saints in Russian incantations: Onomasticon and functions. *Religions*, 2021, 12(8). <https://doi.org/10.3390/rel12080556>

© 2025. Щеголев М. А.

Кумулятивный эффект в культуре

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/rvxunt>

Кумулятивный эффект в культуре (на примере древнегерманской культуры)

Щеголев Максим Андреевич

Новосибирский государственный технический университет, Россия, Новосибирск

eLibrary Author SPIN: 3011-8194

<http://orcid.org/0009-0003-2207-7316>

m.schegolev@corp.nstu.ru

Аннотация: Исследование посвящено изучению кумулятивного эффекта в культуре – механизма, обеспечивающего сохранение традиционных элементов в условиях социокультурных изменений. Актуальность исследования определяется необходимостью системного анализа устойчивости архаических форм в условиях динамики культурных процессов. Цель – разработать методологическую модель для анализа кумулятивного эффекта, выявив его структурно-функциональные характеристики и типы пережиточных форм на примере древнегерманской культуры. Методология основана на теории культурных пережитков (Э. Б. Тайлор), концепции синкретизма (А. Я. Гуревич, Ж. Дюмезиль), культурной памяти (Я. Ассман), теории мемов (Р. Докинз), а также семиотики культуры (Ю. М. Лотман). В работе применяются текстологический, историко-культурный, лингвистический анализ, семиотический и сравнительно-исторический методы. На основе анализа древнегерманских текстов выделяются 5 структурно-функциональных характеристик кумулятивного эффекта: темпоральность (лиминальность и преемственность), спациональность (сохранение сакральных пространств и топологическая преемственность), механизмы эффекта (ритуальность и формульность устной традиции), механизмы трансформации (синтез старого и нового и адаптация образов), последствия (культурная преемственность и усложнение концептов). Перспективы исследования связаны с адаптацией модели к другим культурам, выделением особенностей переходных периодов других ареалов, уточнением типологии пережиточных форм. Работа вносит вклад в теорию культурной эволюции, предлагая новый инструмент для изучения механизмов передачи культурных кодов.

Ключевые слова: кумулятивный эффект, культурная память, пережиточные формы, культурная преемственность, древнегерманская культура

Цитирование: Щеголев М. А. Кумулятивный эффект в культуре (на примере древнегерманской культуры). *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 4. С. 631–643. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-4-631-643>

Поступила в редакцию 21.04.2025. Принята после рецензирования 16.06.2025. Принята в печать 16.06.2025.

full article

Cumulative Effect in Culture: Old Germanic Culture

Maxim A. Schegolev

Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia

eLibrary Author SPIN: 3011-8194

<http://orcid.org/0009-0003-2207-7316>

m.schegolev@corp.nstu.ru

Abstract: The cumulative effect in culture is a mechanism that protects traditional elements from socio-cultural changes. To analyze the stability of archaic forms within cultural dynamics, the author developed a methodological model for analyzing the cumulative effect. The research revealed the structure, functions, and types of survivals in the Old Germanic culture. Methodologically, the research relied on the theory of cultural survivals (E. B. Tylor), the concept of syncretism (A. Ya. Gurevich, G. Dumézil), the theory of cultural memory (J. Assmann), the meme theory (R. Dawkins), and cultural semiotics (Yu. M. Lotman). A complex of textual,

historical, cultural, and linguistic analyses was combined with the semiotic method and the comparative historical method to be applied to Old Germanic texts. The experiment revealed five structural and functional characteristics of the cumulative effect: temporality (liminality and continuity), spatiality (preservation of sacred space and topological continuity), mechanisms of effect (ritualism and oral tradition formulae), mechanisms of transformation (synthesis of old and new and adaptation of images), and consequences (cultural continuity and complication of concepts). The model could be applied to other cultures with their transitional periods and survivals. The new tool for studying cultural code shifts contributes to the theory of cultural evolution.

Keywords: cumulative effect, cultural memory, survivals, cultural continuity, Old Germanic culture

Citation: Schegolev M. A. Cumulative Effect in Culture: Old Germanic Culture. *SibScript*, 2025, 27(4): 631–643. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-4-631-643>

Received 21 Apr 2025. Accepted after peer review 16 Jun 2025. Accepted for publication 16 Jun 2025.

Введение

Язык как семиотическая система соотносит означаемое (понятийное содержание) и означающее (типовое звучание и написание), включая план выражения (материальная сторона) и план содержания (информация). С. Г. Проскурин проводит параллели между семиотическими и биологическими процессами, отмечая их общую основу – моделирование [Проскурин 2024: 15, 43]. Человеческий мозг создает модели мира, а их носителями выступают мемы (по Р. Докинзу) – единицы культурной передачи, аналогичные генам. Эта идея перекликается с теорией двойной наследственности (Р. Бойд, П. Ричерсон), где культурная эволюция происходит через взаимодействие генетической и культурной систем, включая социальное обучение и кумулятивную адаптацию.

Кумулятивный эффект в культуре – это механизм аккумуляции, адаптации и трансформации традиционных элементов, обеспечивающий их сохранение в условиях социокультурных изменений [Проскурин, Центнер 2024: 141–142]. Идея кумулятивности отсылает к идее пережитков Э. Б. Тайлора – элементов культуры, утративших первоначальный смысл или функцию, но сохраняющихся в новых условиях в трансформированном виде). Исходя из исследования С. В. Глухова [Глухов 2022], следует отметить следующие типы пережиточных форм:

1. Юридический тип (сохранение архаичных правовых норм, таких как объявление войны или ограничение королевской власти в конституционных монархиях).

2. Технологический тип.

2.1. Технологический (использование луков и арбалетов на охоте, несмотря на наличие

более современных ружей; применение деревянных орудий труда в эпоху железа; использование булавы в Средние века, несмотря на наличие более совершенного оружия).

2.2. Бифуркационно-технологический (переходные формы технологий, такие как кельты (топоры) каменного века, которые могли бы развиваться иначе в альтернативных исторических условиях).

2.3. Сенильный (привычки пожилых людей использовать устаревшие технологии, например ручной ткацкий станок).

3. Символично-религиозный тип.

3.1. Анимистический (вера в привидения; одушевление природы в поэзии и литературе).

3.2. Анимальный (защита территории; ритуалы ухода за животными; забота о потомстве).

3.3. Символический (оружие как символ королевской власти в парламенте или научных обществах).

4. Гносеологический тип (загадки и пословицы, которые в прошлом служили для передачи знаний и ориентации в мире).

5. Эстетический тип (сохранение древних практик украшения тела, таких как татуировки или макияж, в современных театральных представлениях).

6. Семиотико-ритуальный тип.

6.1. Двоеверческий (сочетание христианских и языческих практик, например оставление еды для умерших).

6.2. Ритуальный (сохранение древних погребальных обрядов, таких как сжигание бумажных денег для умерших в Китае или присутствие лошади на похоронах в Англии).

6.3. Лингвистический (сохранение анимистических верований в языке, таких как названия дней недели, связанных с языческими богами).

Эти типы отражают разнообразие культурных пережитков, которые сохраняются в современных обществах, несмотря на изменения в технологиях, верованиях и социальных структурах. В настоящей работе нас интересуют семиотико-ритуальные пережитки (двоеверческий, ритуальный и лингвистический типы).

Цель исследования – разработать методологическую модель для анализа кумулятивного эффекта, выявив его структурно-функциональные характеристики и типы пережиточных форм на примере древнегерманской культуры. Под последней понимается совокупность культурных, социальных, религиозных и мифологических элементов, характерных для германских племен в период с V в. до н.э. по XI в. н.э., включая их взаимодействие с соседними культурами (римской, кельтской, славянской) и последующую трансформацию в эпоху христианизации. Задачи:

- проанализировать ситуацию двоеверия в древнегерманской культуре;
- проанализировать древнегерманскую мифологию, ритуалы, поэзию, героические фигуры, символы;
- интегрируя подходы теории культурных пережитков, семиотики, меметики и культурной памяти, выделить пережиточные формы древнегерманской культуры.

Методы и материалы

Материалы исследования включают в себя мифологические и эпические тексты, дидактические и правовые произведения, археологические и прочие лингвистические свидетельства. Методы исследования: текстологический анализ, историко-культурный анализ, лингвистический анализ, семиотический и сравнительно-исторический методы.

Результаты

Двоеверие в древнегерманской традиции

Прежде чем перейти к конкретным примерам кумулятивного эффекта, необходимо обозначить ключевые сферы его проявления в древнегерманской культуре: мифологию, ритуалы, поэзию и семиотические системы. Эти элементы не существуют изолированно – их трансформация взаимосвязана, что и создает эффект культурного наслоения.

Традиционно германские племена избегали писать на религиозные темы, древнейшие из доступных текстов относятся к периоду христианизации (с IV в.) [Polomé et al. 2006]. Исландские эпические тексты появились позже, примерно в XI в. Христианизация способствовала развитию интеллектуальных и духовных исканий, что привело к открытию монастырей и переводу Библии. Это позволило христианским верованиям смешаться с языческой культурой, что привело к периоду двоеверия.

Принятие христианства ознаменовало духовный сдвиг, кардинальную переоценку ценностей и фундаментальное изменение способов взаимодействия людей (как непосредственно с самими собой, так и с окружающими). Этот период, характеризующийся новым пониманием мира и его структуры, представляет собой благодатную почву для изучения лингвистических трансформаций. Данная ситуация не похожа на лиминальность В. Тэрнера [Тэрнер 1983], т.к. под последней понимается неопределенность ролей и установок в переходном периоде. Однако именно в условиях такой размытости границ между традицией и новацией проявляется кумулятивный эффект: элементы старой системы не исчезают, а адаптируются к новой, формируя гибридные формы. Таким образом, лиминальность не только создает условия для культурного синтеза, но и выступает катализатором кумуляции – механизма, обеспечивающего преемственность архаических элементов в изменившемся контексте. В период двоеверия сосуществуют и взаимодействуют две системы мировосприятия, границы между которыми оказываются стертыми, а сами системы не осознаются как изолированные и параллельно существующие в контрастном сопоставлении: традиционное и привычное еще не воспринимается как противостоящее новому, точно так же как и новое не мыслится альтернативой старому [Степанов, Проскурин 1993: 20].

Переход от устного хранения информации к письменному представляет культурную трансформацию. До появления письменной фиксации культурные знания опирались на механизмы, облегчающие запоминание и передачу. После принятия алфавитной письменности некоторые устоявшиеся устные традиции сохранялись, создавая двойственность: традиционные устные методы сосуществуют с новой письменной системой, действующей на основе различных принципов, но явно подверженной влиянию устных прецедентов (следовательно, ожидается

сохранение следов устной культуры) [Проскурин, Центнер 2024: 39].

Христианизация носила волнообразный характер: например, в Дании она заняла около 300 лет, а в Исландии произошла формально в 1000 г. н. э., но языческие практики сохранялись столетиями. Это объясняет вариативность кумулятивного эффекта в разных регионах.

Перейдем к основным доказательствам кумулятивности в контексте древнегерманской культуры.

Мифология и картина мира

Важным свидетельством является то, что сохраняется в связи с сильной устной традицией, например мифологические сюжеты и соответствующая им картина мира: деление на Асгард (верхний мир), Мидгард (средний мир) и Хельхейм (нижний мир) [Thyssen 2022: 22]. Эти концепты, имеющие индоевропейские корни, передаются через устную традицию, а затем фиксируются в письменных источниках.

Образ мирового древа Иггдрасиль – общая идея специальных моделей индоевропейских культур:

*Þrjár rætr standa á þrjá vega undan aski Yggdrasils;
Hel býr und einni, annarri hrímþursar, þriðju
mennskir men –*

*Три корня растут на три стороны у ясеня
Иггдрасиль:*

*Хель под одним, под другим исполины и люди
под третьим¹ (перевод А. И. Корсуна).*

Мир представляется в виде дерева, а живые существа, как одушевленные, так и неодушевленные, находятся в определенных его частях: у ствола (представляющем средний мир), на вершине (представляющей верхний мир) или у корней (представляющих нижний мир).

*Ratatoskr heitir íkorni, er renna skal at aski
Yggdrasils, arnar orð
hann skal ofan bera ok segja Niðhöggvi niðr.
Hirtir eru ok fjórir, þeirs af hæfingar gaghalsir gnaga:
Dáinn ok Dvalinn, Duneyrr ok Durarþór.
Ormar fleiri liggja und aski Yggdrasils, en þat
of hyggi hverr ósviðra apa –*

*Рататоск белка резво снует по ясеню Иггдрасиль;
все речи орла спешит отнести она Ниðхёггу вниз.
И четыре оленя, рога запрокинув, гложут побегов:
Даин и Двалин, Дунейрр и Дуратрор.*

*Глупцу не понять, сколько ползает змей под ясе-
нем Иггдрасиль² (перевод А. И. Корсуна).*

Такая система классификации прослеживается в основных мифологических традициях не только Евразии, но и Америки. В шаманском мировоззрении мир членится по вертикали на три мира – верхний, нижний (или подземный) и средний [Серкин 2014]. Мировое древо заменяется представлением о космической реке. Однако и она все также проходит через три вертикальных мира: с неба через землю в нижний мир.

Образ Хельхейма, изначально связанный с языческими представлениями о загробном мире, после христианизации трансформируется в христианский ад, сохраняя при этом архаические черты [Thyssen 2022]. В поэме «Сны Бальдра»³ Хельхейм описывается как мрачный подземный мир, управляемый богиней Хель (прагерм. *hallō – закрытое место, зал от праиндоевроп. *kel-, *kol- – покрывать, скрывать, хранить). После христианизации это понятие сливается с христианским адом (см. англ. hell), как показано в древнеанглийской книге «Бытие Б», где падение сатаны отражает наказание скандинавского Локи в Хельхейме – оба персонажа подвергаются подземным мучениям.

В «Прорицании вёльвы»:

*Þá kná Váli vígbönd snúa, heldr váru harðgör höft
ór þörmum. Haft sá hon liggja und Hveralundi,
lægjarns líki Loka áþekkjann –*

*Сплел тогда Вали верные узы из кишок прочные
петли-оковы,*

*Пленника видела под Хвералюндом, зловредный
лик Локи проклятого⁴ (перевод*

Е. М. Мелетинского).

В книге «Бытие Б»:

*Then the Mighty grew anger-swollen, the Highest
Wielder of Heaven,*

and threw that one from the high throne.

He had earned hatred from his Master, his grace

¹ Речи Гримнира, 31. *Norræn Dýrð*. URL: <https://norroen.info/src/edda/grimnis/ru.html> (дата обращения: 11.04.2025).

² Там же, 32–34.

³ Сны Бальдра. *Norræn Dýrð*. URL: <https://norroen.info/src/edda/baldr/> (дата обращения: 11.04.2025).

⁴ Прорицание вёльвы, 34–35. *Norræn Dýrð*. URL: <https://norroen.info/src/edda/voluspa/ru2.html> (дата обращения: 11.04.2025).

*he had forlorn,
and God grew angry in his heart. For that reason
he must seek the abyss
of terrible hell-torments, just as he struggled against
the Holder of Heaven.
He exiled him then from his favor and cast him into
hell,
into the deep chasm where he changed into a devil,
the enemy with all his allies⁵ –
Тогда Всемогущий, Верховный Властелин Небес,
преисполнился гнева
и сбросил того [ангела] с высокого трона.
Он заслужил ненависть своего Властителя,
утратил Его милость,
познал гнев Божий. По той причине он
устремился к бездне
ужасных адских мук, подобно тому, как он
стремился стать Владыкой Небес.
Господь лишил его Своей благосклонности
и бросил в ад,
в глубокую пропасть, где он превратился
в дьявола (перевод автора статьи).*

Оба персонажа наказаны за мятеж (Локи – за убийство Бальдра, Сатана – за восстание против Бога), связаны в подземном мире (Локи – в пещере, Сатана – в аду) и испытывают вечные муки (Локи – от яда змеи, Сатана – от адского огня).

Миф о Рагнареке, сюжет гибели богов и последующего возрождения мира является ключевым в скандинавской мифологии. Этот миф, вероятно, имеет древние корни, но его детали и интерпретации менялись со временем: в христианскую эпоху Рагнарек стал ассоциироваться с апокалиптическими представлениями [Hultgård 1990]. «Прорицание вэльвы» описывает Рагнарек как циклическое разрушение и возрождение:

*Bræðr munu berjask ok at bönum verðask, munu
systrungar sifjum spilla;
hart er í heimi, hórðómr mikill, skeggöld, skalmöld,
skildir ro klofnir,
vindöld, vargöld, áðr veröld steypisk; mun engi maðr
öðrum þyrma –
Брат будет биться с братом насмерть, нарушат*

*сестричи нравы рода;
мерзко в мире, нет меры блуду; век мечей, топо-
ров, теперь треснут щиты,
век ветра, век волка, пред света концом
ни один человек не щадит другого⁶ (перевод
Е. М. Мелетинского).*

Более поздние исландские тексты, такие как «Эдда» Снорри Стурлусона, связывают Рагнарек с христианской эсхатологией – огонь Сурта в «Видении Гюльви» напоминает библейский Армагеддон:

*Dví næst slyngr Surtr eldi yfir jörðina ok brennir
allan heim –
Тогда Сурт мечет огонь на землю и сжигает весь
мир⁷ (перевод О. А. Смирницкой).*

Откровение (20:9):
И ниспал огонь с неба от Бога и пожрал их
(Синодальный перевод).

«Новая земля» после Рагнарека также перекликается с Откровением («Видение Гюльви», 51, перевод О. А. Смирницкой):

*Ok þá er hann sést meir um, þá stendr hann úti
á sléttum velli, sér þá enga höll ok enga borg –
Когда же он хорошенько осмотрелся, видит:
стоит он в чистом поле, и нет нигде ни палат,
ни города⁸ (перевод О. А. Смирницкой).*

Откровение (21:1):
*И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее
небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет*
(Синодальный перевод).

Ритуалы

Мифологические представления воплощались в ритуальных практиках, которые становились механизмом передачи архаических элементов в новые эпохи. Ритуалы сохраняли и передавали культурную информацию. В древнегерманской культуре ритуалы (жертвоприношения, праздники, обряды) служили механизмом воспроизведения и закрепления мифологических и социальных норм. Ритуалы, связанные с культом плодородия, сохранялись даже после христианизации, трансформируясь в новые формы

⁵ Genesis A & B. URL: <https://oldenglishpoetry.camden.rutgers.edu/genesis-ab/> (accessed 11 Apr 2025).

⁶ Прорицание вэльвы, 45.

⁷ Видении Гюльви, 51. *Norræn Dýrd*. URL: <https://norroen.info/src/snorra/litmon/2.html> (дата обращения: 11.04.2025).

⁸ Там же, 51.

(например, праздники урожая) [Reichstätter 2022]. Эмоциональное повторение, характерное для ритуалов и устной традиции, также способствует кумулятивному эффекту. Так, повторение определенных формул сохраняется в древнеанглийских заговорах после принятия христианства [Laurin 2021].

К таким формулам относится фраза *Господи, благослови эту землю* в англосаксонском ритуале *Æserbot* (оберег для плодородных полей), который включает в себя как христианские молитвы, так и языческую символику (ритуалы пахоты с подношениями):

*Erce, Erce, Erce, eorþan modor,
geunne þe se alwalda, ece drihten,
æscera wexendra and wridendra⁹ –
Эрке, Эрке, Эрке, мать Земная,
пусть Всемогущий, Вечный Господь дарует тебе
поля, растущие и процветающие* (перевод
автора статьи).

*Hal wes þu, folde, fira modor!
Beo þu growende on godes fæþme,
fodre gefylled firum to nytte¹⁰ –
Славься, Земля, мать людей!
Будь плодородной в объятиях Бога,
насыщенной пищей на благо людей* (перевод
автора статьи).

Так христианская молитва сочетается с языческим ритуалом вспашки, таким же образом германский *Ernstedankfest* (день урожая) был поглощен христианским праздником Михайлова дня.

Археологические находки (ритуальные ножи, чаши, амулеты) свидетельствуют о преемственности ритуальных практик [Simon 1973]. Эти предметы использовались в различных обрядах и передавались из поколения в поколение, сохраняя свою символическую функцию. Места, связанные с ритуальными практиками (святые места, капища, священные камни), продолжали использоваться даже после христианизации [Kleinhempel, Nicolaidis 2024]. Например, некоторые церкви были построены на местах древних языческих святилищ, что свидетельствует о преемственности сакральных пространств. Захоронения в ладье (например, в Осеберге, Норвегия, IX в. [Price 2022]) включают такие предметы, как повозки

и животные (языческий обычай). К более поздним захоронениям викингов добавляются кресты.

Ритуалы, связанные с переходом в другой социальный статус (например, инициация юношей в воины), играли важную роль в древнегерманской культуре. Некоторые элементы этих ритуалов сохранились в средневековых традициях (посвящение в рыцари или церемонии совершеннолетия). В древнегерманском обществе существовали воинские союзы (нем. *Männerbund*, праиндоевроп. *kóryos*), которые подчеркивали маскулинные ценности и передавали их из поколения в поколение [Mallory 2006].

Данные концептуализации феминного и маскулинного наследуются из общеиндоевропейской культуры: в палеоевропейской культуре, которая была индоевропеизирована, взяли верх индоевропейские элементы, а древнеевропейская часть сохранилась в качестве латентного течения. По мнению М. Гимбутас, «изменения прежде всего выразились в замене... умудренной теократии – воинственным патриархатом, общества полового равновесия – иерархией, где доминируют мужчины, религии хтонической богини – индоевропейским пантеоном небесных богов» [Гимбутас 2006: 444].

У женщин в древнегерманском обществе была ключевая роль в поддержании домашнего очага и воспитании детей (как и практически во всем индоевропейском ареале), они занимались ритуалами сельскохозяйственных циклов. Последние сохранялись на протяжении веков (благодарственные обряды, жертвоприношения, коллективные пиры). Языческие праздники, связанные с циклами природы (зимнее и летнее солнцестояние), трансформировались в христианские. Йоль (праздник зимнего солнцестояния) был адаптирован христианством (Рождество) – сохранились украшения деревьев, использование огня и дарение подарков [Parrу 2022].

Из «Саги об Инглингах»:

*В начале зимы надо было приносить жертвы
богам за урожайный год, в середине зимы –
за весеннее прорастание, а летом – за победу.
По всей Швеции люди платили Одину подать,
по деньге с человека, а он должен был защищать
страну и приносить жертвы за урожайный год¹¹*
(перевод М. И. Стеблина-Каменского).

⁹ Metrical Charm 1: To Restore Farmland, 14–16. URL: <http://www.oereader.ca/MCharm1.html> (accessed 11 Apr 2025).

¹⁰ Ibid., 30–31.

¹¹ Сага об Инглингах, VIII. *Norræn Dýrð*. URL: <https://norroen.info/src/konung/heimskringla/ynghinga/ru.html> (дата обращения: 11.04.2025).

Позже этот обычай трансформировался в рождественские клятвы и застолья. Так и христианская Пасха вобрала в себя элементы древнегерманских весенних ритуалов, связанных с возрождением природы (праздник весеннего равноденствия). Например, символика яиц и кроликов (зайцев), связанная с плодородием, была интегрирована в пасхальные традиции [Sermon 2008]. При этом многие символы и ритуалы (например, использование огня, ритуальные танцы) сохранялись. Обряды, связанные с плодородием, сохраняли знаковые элементы (например, венки), даже когда их значение адаптировалось к христианскому контексту [Alvar 2011].

Дисаблот (жертвоприношение женским духам-дисам) сохранился в Швеции как Дистинген, февральский праздник, позже связанный со Сретением Господним. В «Саге об Олафе Святом»¹² видим, что насильственная христианизация вызывала сопротивление. В этом конфликте языческие обряды (жертвоприношения, культ предков, почитание Тора и Одина) сталкиваются с христианскими таинствами (крещение, месса, почитание креста). Женские культы демонстрируют кумуляцию через переосмысление: функции богини Фрейи, ассоциирующейся с плодородием, в христианскую эпоху частично перешли к Деве Марии – это видно в народных молитвах Скандинавии XIV–XV вв., где Мария именуется *защитницей урожая*.

В древнегерманской культуре деревья и рощи считались священными. Ритуалы, связанные с поклонением деревьям, сохранялись в виде народных обычаев (например, украшение деревьев или использование ветвей в праздничных обрядах). Ритуалы, связанные с почитанием предков, включали в себя жертвоприношения, поминальные пиры и возложение даров на могилы. Эти традиции продолжали существовать в виде народных обычаев (например, День всех святых).

С точки зрения теории двойной наследственности ритуальные практики демонстрируют культурную наследственность – аккумуляцию (где каждый новый слой не заменяет полностью предыдущий, а интегрируется в существующую систему) и обучаемость (формульность заговоров облегчает их передачу, снижая «мутацию» содержания).

Поэзия

Ритуалы, будучи действиями, требовали вербального сопровождения. Данная особенность приводит к роли устной традиции и поэзии, где кумулятивный эффект проявлялся особенно ярко благодаря формульности и аллитерации. Устная традиция, включающая сказительство, песни и поэзию, была важным механизмом передачи ритуальных знаний. Древнегерманские эпические поэмы (например, «Беовульф») содержат описания ритуалов и обычаев, которые передавались из поколения в поколение. Эти тексты служили не только развлечением, но и способом сохранения культурных норм и ценностей.

Ритуалы, связанные с магией и заклинаниями, также сохранялись в устной традиции. «Мерзебургские заклинания» содержат элементы ритуальных практик, которые продолжали использоваться даже после христианизации.

«Второе Мерзебургское заклинание»:

*thu biguolen Uuodan, sô he uuola conda:
sôse benrenki, sôse bluotrenki, sôse lidirenki*¹³ –

*По силе уменья вы молитесь Водану,
кости заклиная, и кровь, и конечности* (перевод автора статьи).

Второе заклинание призывает Водана (Одина), чтобы исцелить вывихнутую кость лошади. Хотя «Мерзебургские заклинания» считаются языческими по содержанию, их запись в христианском монастыре ставит вопрос о степени редактур. Дискуссионной остается также, например, трактовка имени *Водан* – был ли он уже периферийным персонажем или сохранял сакральный статус [Nauck 1987].

Древнегерманская поэзия построена на аллитерации, что является характерной чертой устной традиции. Аллитерационный стих облегчал запоминание и передачу текстов, что способствовало сохранению и накоплению культурной информации. Впоследствии аллитерация переходит в письменные источники [Nizomova 2021]. В древнеанглийской поэме «Видение креста» используется аллитеративный стих, описывающий крест Христа как героическое дерево, сочетающее германский стиль с христианской теологией:

¹² Сага об Олафе Святом. *Norraen Dýrd*. URL: <https://norroen.info/src/konung/heimskringla/olaf-helg/ru.html> (дата обращения: 11.04.2025).

¹³ Мерзебургские заклинания. *Norraen Dýrd*. URL: <https://norroen.info/src/other/merseburger/transcr.html> (дата обращения: 11.04.2025).

*Hwæt! Ic swefna cyst secgan wylle... –
Слушайте! Я расскажу о лучшем из снов...*

Ранние рунические надписи (например, на камнях или предметах быта) демонстрируют, как устная традиция постепенно фиксировалась в письменной форме. Руны использовались не только для практических целей, но и для сохранения ритуальных и магических знаний. В том числе и аутореферентность указывает на переходный от дописьменной культуры период – это «говорящие» предметы, т. е. делающие ссылку сами на себя. Пишущий заявляет о себе в создаваемом тексте, называет себя без видимой необходимости, например, *Мюридах меня сделал (изготовил)* [Центнер 2008: 177]. По мнению А. С. Центнер, в устной культуре субъект речи и ситуация общения неотделимы друг от друга, поэтому субъект присутствует в речи и в ранних письменных памятниках необходим для того, чтобы надписи выполняли свою функцию – доносили информацию, читались.

Герои

Герои языческой мифологии (например, Сигурд-Зигфрид) трансформировались в героев христианских легенд и саг. Их подвиги и символика (например, меч как символ власти и защиты) сохранялись, но приобретали новые значения в христианском контексте. Многие святые в христианской традиции переняли функции языческих божеств. Так, святой Олаф в Скандинавии стал ассоциироваться с воинской доблестью и защитой, что соответствует архаическим маскулинным идеалам [Dragnea 2020].

Языческий бог Вотан (Один) в заговорах играет вспомогательную роль (основную роль играет бог), Вотана также включают в англосаксонские королевские родословные, некоторые из которых даже восходят к Адаму («Церковная история народа англов», кн. 1, гл. XV [Sellar 1907]).

Иисус изображается в виде воина или Одина, повелителя асов [Russell 1994]. В «Заклинании Девяти трав» говорится:

*þa pyrte gesceop pitig drihten
halig on heofonum, þa he hongode¹⁴ –
Они были созданы мудрым Господом,
святым на небесах, когда Он висел (перевод
автора статьи).*

Эти строки переключаются с «Речами Высокого»: *Знаю, висел я в ветвях на ветру девять долгих ночей, пронзенный копьем, посвященный Одину, в жертву себе же, на дереве том, чьи корни сокрыты в недрах неведомых¹⁵* (перевод А. И. Корсуна).

Оба сюжета, самопожертвование ради мудрости (Один) и спасения (Христос), демонстрируют синтез языческого и христианского мировоззрений. Древнеанглийская руническая поэма переосмысливает руны как дары Бога, сопоставляя испытания Одина с распятием Христа.

Аналогичные процессы наблюдались в славянской культуре: культ Перуна трансформировался в почитание Ильи-Пророка, а ритуалы весеннего равноденствия – в христианскую Масленицу [Топоров 1995]. Однако в германской традиции акцент на формульность устной поэзии создал уникальный механизм кумуляции.

Переход в загробный мир сопровождался определенными ритуалами и символами (например, погребальные корабли, курганы). В христианской культуре эти символы трансформировались (например, использование креста на могилах), но сохранили свою функцию обозначения перехода в иной мир [Price 2022]. Валькирии, которые в языческой традиции сопровождали павших воинов в Вальхаллу, трансформировались в христианских легендах в ангелов, сопровождающих души в рай. Эльфы и другие существа (из-за невидимости и необходимости их заклинать) приобрели новое значение в христианском мировоззрении и были адаптированы в виде демонов из-за сходства с идеей одержимости, а также для христианской адаптации в дихотомии добра и зла [Laurin 2021: 8].

Семиотика

Кумулятивный эффект также проявляется в семиотических системах – в переходные периоды происходит синтез старых и новых семиотических кодов. Как было указано, мировое древо как символ трансформируется в христианский крест, сохраняя при этом свою символическую функцию связи между мирами [Bintley 2024].

¹⁴ Nigon Wyrta Galdor. *Mimisbrunnr.info*. URL: <https://www.mimisbrunnr.info/nigon-wyrta-galdor> (accessed 11 Apr 2025).

¹⁵ Речи Высокого. *Norraen Dýrð*. URL: <https://norroen.info/src/edda/havamal/ru.html> (дата обращения: 11.04.2025).

Семантические сдвиги в языке отражают кумуляцию: например, прагерманское *ansuz* (божество) дало *ás* в древнескандинавском (с положительной коннотацией), но в древнеанглийском *ōs* стало означать языческого идола с негативным оттенком после христианизации.

Руны, изначально использовавшиеся как магические символы и знаки для письма, сохраняли свою семиотическую значимость: например, руна Альгиз (ŷ), связанная с защитой и связью с божественным, продолжала использоваться в христианском контексте как символ духовной защиты [Dahmer 2019]. На рунических камнях, которые стали активно устанавливаться в эпоху христианизации, часто сочетаются языческие и христианские символы.

Надпись на камне из Еллингга (Дания, X в.):

Haraltr kunukr bath kaurua kubl thausi aft kurm fathur sin auk aft thaurui muthur sina sa haraltr ias sar uan tanmaurk ala auk nuruiak auk tani karthi kristna –

Король Харальд велел поставить этот камень в честь Горма, отца своего, и Тюры, матери своей. Тот Харальд, что всю Данию и Норвегию покорил и крестил датчан (перевод автора статьи).

Здесь крест соседствует с рунической надписью и змеем Ермунгандом, что свидетельствует о синтезе старых и новых семиотических кодов. В древнегерманской культуре изображения волков, змей, орлов имели символическую нагрузку, связанную с мифологией и космологией. Эти образы сохранялись и трансформировались в христианскую эпоху. Например, змея, которая в язычестве могла символизировать хаос или защиту, в христианстве стала ассоциироваться с грехом [Lenders, Janssen 2014]. Дракон как мифологический персонаж символизировал хаос и силы тьмы в языческой традиции. В христианской культуре он трансформировался в символ зла (например, в «Беовульфе»), но при этом сохранил свою связь с архаическими представлениями о борьбе добра и зла.

Места, которые считались священными в языческой традиции (например, рощи, источники, камни), часто сохраняли свою значимость и после христианизации. На этих местах строились церкви или устанавливались кресты, что демонстрирует синтез

старых и новых семиотических кодов. Археология подтверждает преемственность ритуальных мест: языческий храм Уппсалы VIII в. (описанный Адамом Бременским) был заменен церковью в XII в., но это место сохранило свою роль места собраний, а ориентация по сторонам света осталась неизменной [Price 2019]. Аналогично рунические камни X–XI вв. (Еллинг, Дания) сочетают кресты и изображения Йормунганда, демонстрируя синтез символов.

В языческой традиции ограждение сакрального пространства (например, с помощью камней или деревянных конструкций) имело символический смысл. В христианской культуре эта практика трансформировалась в ограждение церковных дворов или кладбищ, сохраняя функцию обозначения священного пространства [Kleinhempel, Nicolaidis 2024].

В древнегерманской культуре цвета имели символическую нагрузку. Например, белый цвет ассоциировался с чистотой и святостью, а красный – с жизнью, войной и жертвой. Эти значения сохранялись и в христианской культуре, где белый стал символом невинности, а красный – мученичества. В христианских рукописях и декоре церквей продолжала использоваться семиотика цвета, унаследованная из языческой традиции [Lenders, Janssen 2014]. В Линдисфарнских евангелиях (VIII в.) красный цвет (языческая жизненная сила) используется для обозначения крови Христа, а белый (чистота) – ангелов. Цвета в «Линдисфарнских Евангелиях»: *Кровь Христа – красная, как жизнь, ангелы – белые, как свет небес* (перевод автора статьи).

Числа (три, девять [Laurin 2021: 3], двенадцать) имели сакральное значение в языческой традиции: например, девять миров в скандинавской мифологии [Lindow 2001] или количество трав в «Заклинании Девяти трав»: *Das VIII [m]agon pið nýgon attrum*¹⁶ – *Принимаю эти девять трав против девяти летучих ядов* (перевод автора статьи).

Эти числа сохранили свою значимость в христианской культуре (триединство Бога, двенадцать апостолов). Семиотика чисел продолжала использоваться в христианских ритуалах и архитектуре (например, три апсиды в церквях) [Hutton 1991]. В христианских версиях текстов заговоров (например, в «Лакнунге») девятка становится Троицей в квадрате (3 × 3).

Расстановка четырех тотемов любого рода по углам прямоугольного пространства возникла

¹⁶ Nigon Wyrta Galdor...

в языческом мировоззрении, а после принятия христианства начала связываться с четырьмя апостолами. В «Проповедях Коттона»¹⁷: *Как четыре столба держат дом, так четверо евангелистов держат Церковь* (перевод автора статьи).

Представление о могущественных символах на четырех углах было переосмыслено и стало частью мировоззрения англосаксов-христиан [Laurin 2021: 10]. Четыре стороны – это еще и крест:

Mid þam ðe hí andwyrdon, "Amen," þa wearð eall seo untrume menigu gehæled: and ðær com ða fleogende Godes engel scinende swa swa sunne, and fleah geond ða feower hwemmas þæs temples, and agrof mid his fingre rode-tacn on ðam fyðerscytum stánum, and cwæð, "Se God ðe me sende cwæð, Þæt swa swa ðas untruman synd gehælede fram eallum codum, swa he geclænsode þis templ fram þæs deofles fulnyssum, ðone ðe se apostol het to westene gewitan. And God bebead me þæt ic ðone deofol eowrum gesihðum ær æteowige. Ne beo ge afyrhte þurh his gesihðe, ac tearciað rode-tacn on eowrum foreheafdum, and ælc yfel gewit fram eow"¹⁸ –

И когда они отвечали: «Аминь», все множество больных исцелилось. И тогда явился летящий ангел Божий, сияющий, как солнце, и облетел четыре угла храма, и начертал перстом своим знамение креста на четырёхугольных камнях, и сказал: «Бог, пославший меня, сказал: "Как эти больные исцелились от всех недугов, так Он очистил этот храм от скверны дьявола, которого апостол повелел уйти в пустыню". И Бог повелел мне явить вам дьявола перед вашими глазами. Не бойтесь, увидев его, но начертайте знамение креста на челах ваших, и всё зло отступит от вас» (перевод автора статьи).

Обсуждение

Древнегерманская культура демонстрирует кумулятивный эффект через преобладание концептов. Данный эффект также усиливался и социальными изменениями: переход от племенных вождей

к королям требовал легитимации власти через синтез символов (молот Тора переходит в крест на монетах Кнуда Великого). Экономическая стабильность также играла роль – аграрные ритуалы сохранялись дольше в регионах с устойчивым земледелием.

Интерпретация языческих элементов осложнена тем, что большинство текстов (например, «Эдды») записаны христианскими авторами. Это создает риск ретроспективной проекции – приписывания архаическим концептам более поздних смыслов. Для минимизации искажений мы опираемся на археологические данные и сравнительный анализ с другими индоевропейскими традициями.

Важно отметить, что сходные с кумулятивным эффектом явления изучались в рамках антропологии (пережитки, синкретизм), лингвистики (персистенция) и семиотики (мемы, культурная память). Так, в религиоведении и антропологии синкретизмом называется слияние разных традиций (например, язычества и христианства). Термин применяется и к германскому двоеверию (А. Я. Гуревич [Гуревич 2007], Ж. Дюмезиль). Я. Ассман вводит понятие *культурной памяти* как механизма передачи и трансформации традиций [Ассман 2004]. Кумулятивность можно рассматривать как ее частный случай – накопление и адаптацию элементов.

Кумулятивный эффект отличается от синкретизма постепенным наслоением. В отличие от понятия культурной памяти, понятие кумулятивного эффекта подчеркивает механизмы передачи (ритуалы, формулы), а не только содержание. Персистенция же описывает сохранение элементов, но не их трансформацию.

С точки зрения теории двойной наследственности устойчивость двоеверия объясняется через когнитивный диссонанс (конфликт между новыми и устоявшимися схемами разрешается их гибридизацией), социальную полезность (ритуалы, связанные с сельскохозяйственными циклами, сохраняются благодаря практической значимости), эффект частотно-зависимого отбора (чем больше людей практикуют синкретичные обряды, тем выше их легитимность, например, культ святых-«заместителей» богов). Трансформация языческих

¹⁷ Chrysostom J. The homilies of S. John Chrysostom on the Epistles of St. Paul the Apostle to the Philippians, Colossians, and Thessalonians. Oxford: J. H. Parker; L.: J. G. F. and J. Rivington, 1843. 558 p. URL: <https://archive.org/details/homiliesofsjohn14john/page/n1/mode/2up> (accessed 11 Apr 2025).

¹⁸ Aelfric. The homilies of the Anglo-Saxon church [microform]: the first part containing the Sermones catholici, or Homilies of Aelfric in the original Anglo-Saxon. L.: Printed for the Aelfric Society, 1844. 614 p. URL: <https://www.gutenberg.org/files/38334/38334-h/38334-h.htm> (accessed 11 Apr 2025).

героев в христианских святых иллюстрирует коэволюцию смыслов на генетическом уровне (архетип защитника Одина, переходящего в св. Олафа, соответствует универсальной человеческой потребности в безопасности) и на культурном (нарративы о героях адаптируются к доминирующей идеологии, сохраняя базовую структуру).

Основываясь на понимании кумулятивного эффекта С. Г. Проскуриным [Проскурин, Центнер 2024: 141–142] и отталкиваясь от классификации В. Тэрнера, который выделяет в качестве структурно-функциональных характеристик переходных периодов лиминальность (переходные состояния), коммунитас (сообщество, объединенное ритуалами) и структуру (устойчивые культурные формы) [Тэрнер 1983: 170], а также семиотической классификации культуры Ю. М. Лотмана, формирующейся из пространства (сакральные места, топография), времени (исторические периоды, преемственность), символов (синтез старых и новых кодов) и текстов (формульность, ритуалы как тексты) [Лотман 2002], мы формируем структурно-функциональные характеристики кумулятивного эффекта (на примере древнегерманской традиции):

1. Темпоральная характеристика: переходный характер периода действия эффекта (лиминальность) и преемственность (сквозь поколения).
2. Специальная характеристика: сохранение сакральных пространств (места, имеющие сакральное значение, продолжают использоваться, даже если их символика трансформируется) и топологическая преемственность (картины мира).
3. Механизмы эффекта: ритуальность (как способ передачи культурных кодов) и формульность (устной традиции).
4. Механизмы трансформации: синтез старого и нового (взаимная интеграция старых и новых элементов, что приводит к созданию гибридных форм) и адаптация образов (мифологические и ритуальные образы адаптируются к новым культурным условиям, сохраняя при этом архаические черты).
5. Последствия: культурная преемственность (сохранение и передача культурных кодов через мифы, ритуалы и символы, что обеспечивает устойчивость культуры) и усложнение культурных концептов (аккумуляция).

Данная схема позволяет систематизировать проявления кумулятивного эффекта в древнегерманской культуре, выделяя ключевые аспекты его функционирования.

Заключение

Кумулятивный эффект проявляется как механизм культурной динамики, обеспечивающий устойчивость традиции даже в условиях глубоких идеологических трансформаций. Этот процесс не сводится к простому наслоению старых и новых элементов, а предполагает их сложное взаимодействие, ведущее к формированию новых гибридных форм. Кумулятивный эффект не ограничился Средневековьем: в XIX в. романтики (например, Р. Вагнер) реконструировали германское наследие, смешивая подлинные архаические элементы с современными им идеями. Это показывает, что механизм кумуляции работает даже в условиях сознательного мифотворчества.

Научная новизна заключается в разработанной структурно-функциональной модели анализа кумулятивного эффекта в культуре, включающей пять ключевых характеристик (темпоральность, специальность, механизмы эффекта, механизмы трансформации, последствия), а также в уточнении типологии пережиточных форм (на основе классификации С. В. Глухова выделены и детализированы семиотико-ритуальные пережитки в древнегерманской культуре; показано, как эти формы адаптируются в условиях христианизации, формируя гибридные культурные комплексы).

Дальнейшее изучение кумулятивного эффекта (по предложенной модели) может быть направлено на сравнительный анализ аналогичных процессов в других культурах (например, славянской или кельтской); исследование роли письменности в закреплении и трансформации устных традиций; применение методов цифровой гуманитаристики для выявления закономерностей в передаче культурных кодов.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: ЯСК, 2004. 368 с. [Assmann J. *Cultural memory and early civilization: Writing, remembrance, and political imagination*. Moscow: IaSK, 2004, 368. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qovtzz>
- Гимбутас М. Цивилизация Великой Богини: мир Древней Европы. М.: РОССПЭН, 2006. 572 с. [Gimbutas M. *The civilization of the goddess: The world of Old Europe*. Moscow: ROSSPEN, 2006, 572. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qtzdgp>
- Глухов С. В. Культурные пережитки Э. Б. Тайлора: попытка классификации. *Вестник культурологии*. 2022. № 4. С. 10–25. [Glukhov S. V. The survivals of E. B. Tylor: An attempt at classification. *Vestnik kulturologii*, 2022, (4): 10–25. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qgyjrj>
- Гуревич А. Я. Избранные труды. Средневековый мир. СПб.: СПбГУ, 2007. 560 с. [Gurevich A. Ya. *Selected works. The Medieval world*. St. Petersburg: SPbSU, 2007, 560. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/iurmcn>
- Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб.: Акад. проект, 2002. 544 с. [Lotman Yu. M. *Articles on the semiotics of culture and art*. St. Petersburg: Akad. Proekt, 2002, 544. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/cvzqxf>
- Проскурин С. Г. Семиотика. Язык, культура, право. 2-е изд., стер. СПб.: Лань, 2024. 252 с. [Proskurin S. G. *Semiotics. Language, culture, and law*. 2nd ed. St. Petersburg: Lan, 2024, 252. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kjnfns>
- Проскурин С. Г., Центнер А. С. Историческая семиотика. К предыстории письменной культуры. 3-е изд., перераб. и доп. СПб.: Лань, 2024. 196 с. [Proskurin S. G., Tsentner A. S. *Historical semiotics. To the prehistory of written culture*. St. Petersburg: Lan, 2024, 196. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mdzjps>
- Серкин В. П. Специфика образа мира и образа жизни шамана: модели для понимания. *Образы, традиции и культура межнационального мира и согласия*, науч. ред. А. Д. Карнышев. Иркутск: ИГУ, 2014. С. 197–225. [Serkin V. P. Specifics of the image of peace and lifestyle shaman. *Images, traditions, and culture of interethnic peace and harmony*, ed. Karnyshev A. D. Irkutsk: ISU, 2014, 197–225. (In Russ.)]
- Степанов Ю. С., Проскурин С. Г. Константы мировой культуры. Алфавиты и алфавитные тексты в период двоеверия. М.: Наука, 1993. 158 с. [Stepanov Yu. S., Proskurin S. G. *Constants of world culture. Alphabets and alphabetic texts during the period of dual faith*. Moscow: Nauka, 1993, 158. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tstthfl>
- Тэрнер В. Символ и ритуал. М.: Наука, 1983. 277 с. [Turner V. *Symbol and ritual*. Moscow: Nauka, 1983, 277. (In Russ.)]
- Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 1. Первый век христианства на Руси. М.: Гнозис, 1995. 873 с. [Toporov V. N. *Sanctity and Saints in Russian spiritual culture. Vol. 1. The first century of Christianity in Russia*. Moscow: Gnozis, 1995, 873. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ufmler>
- Центнер А. С. Семиотический анализ явления «аутореферентности» и типология критериев устного в письменном. *Сибирский филологический журнал*. 2008. № 2. С. 176–181. [Tsentner A. S. Semiotic analysis of the phenomenon of autoreference and typology of criteria of the oral in the written. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal*, 2008, (2): 176–181. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jvhvjr>
- Alvar J. Paganism and Christianity during the 4th century: Crossed influences. *New Perspectives on Late Antiquity*, ed. Hernandez de la Fuente D. Cambridge, 2011, 40–55.
- Bintley M. D. J. Trees of life in Old English and Old Norse literatures. *Sacra Silva: Bosco E Religione Tra Tarda Antichità E Medioevo*, eds. Carta F., Michetti R., Noce C. Rome: Viella, 2024, 81–98.
- Dahmer A. Pagans, Nazis, Gaels, and the Algiz Rune: Addressing questions of historical inaccuracy, cultural appropriation, and the arguable use of hate symbols at the festivals of Edinburgh's Beltane Fire Society. *Temenos-Nordic Journal for the Study of Religion*, 2019, 55(1): 137–155. <https://doi.org/10.33356/temenos.83429>
- Dragnea M. The Cult of St. Olaf in the Latin and Greek churches between the eleventh and twelfth centuries. *Hiperboreea*, 2020, 7(2): 144–166. <http://dx.doi.org/10.5325/hiperboreea.7.2.0144>
- Hauck K. Die religionsgeographische Zweiteilung des frühmittelalterlichen Europas im Spiegel der Bilder seiner Gottheiten. *Fornvännen*, 1987, 82: 161–183.
- Hultgård A. Old Scandinavian and Christian eschatology. *Scripta Instituti Donneriani Aboensis*, 1990, 13: 344–357. <https://doi.org/10.30674/scripta.67184>
- Hutton R. *The pagan religions of the ancient British isles: Their nature and legacy*. Oxford: Wiley-Blackwell, 1991, 422.
- Kleinhempel U. R., Nicolaidis A. Sacred sites, identity, and resilience-on the retrieval of collective and historic identity across religious and cultural difference. *Pharos Journal of Theology*, 2024, 105(1): 1–12.

- Laurin A. The Christian intergration of pagan elements in Anglosaxon charms. *Historia Nova*, 2021, 3(1): 1–11.
- Lenders H. R., Janssen I. A. The grass snake and the Basilisk: From pre-christian protective house God to the antichrist. *Environment and History*, 2014, 20(3): 319–346.
- Lindow J. *Norse mythology: A guide to gods, heroes, rituals, and beliefs*. Oxford University Press, 2001, 384.
- Mallory J. P. Indo-European warfare. *Journal of Conflict Archaeology*, 2006, 2(1): 77–98. <https://doi.org/10.1163/157407706778942312>
- Nizomova Z. Alliteration as a special stylistic technique. *Mental Enlightenment Scientific-Methodological Journal*, 2021, (5): 244–253.
- Parry N. *How Christmas became Christmas: The pagan and christian origins of the beloved holiday*. McFarland, 2022, 260.
- Polomé, E. C., Fee C. R., Leeming D. V. *Germanic mythology. The Oxford companion to world mythology*. Oxford University Press, 2006, 469.
- Price N. Performing the Vikings: From Edda to Oseberg. *Religionsvidenskabeligt tidsskrift*, 2022, 74: 63–88.
- Price N. *The Viking way: Religion and war in Late Iron Age Scandinavia*. Oxbow Books, 2019, 432.
- Reichstätter J. How Northern European pagans became Christians: A typology of reasons for acceptance of baptism in medieval and modern literary sources. *The Pomegranate*, 2022, 24(2): 160–192. <https://doi.org/10.1558/pome.21455>
- Russell J. C. *The Germanization of early medieval Christianity. A sociohistorical approach to religious transformation*. N. Y.-Oxford: Oxford University Press, 1994, 258.
- Sellar A. M. *Bede's ecclesiastical history of England. A revised translation with introduction, life, and notes*. L.: George Bell and Sons, 1907. URL: <https://www.gutenberg.org/files/38326/38326-h/38326-h.html> (accessed 11 Apr 2025).
- Sermon R. From Easter to Ostara: The reinvention of a pagan goddess? *Time and Mind: The Journal of Archaeology, Consciousness and Culture*, 2008, 1(3): 331–344. <https://doi.org/10.2752/175169708X329372>
- Simon M. Early Christianity and pagan thought: Confluences and conflicts. *Religious Studies*, 1973, 9(4): 385–399.
- Thysse A. Men and trolls: A discussion of race and the depiction of the Sámi in the Hrafnistumannasögur. *Scandinavian-Canadian studies. Études scandinaves au Canada*, 2022, 29: 1–28. <https://doi.org/10.29173/scancan221>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/qcfhfq>

Трендовое исследование семантических и грамматических связей глаголов в ассоциативно-вербальной сети подростков (на примере глаголов *думать, вспоминать*)

Бутакова Лариса Олеговна

Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского, Россия, Омск

eLibrary Author SPIN: 2096-2520

<http://orcid.org/0000-0003-3210-2311>

Scopus Author ID: 57193747547

larisabut@rambler.ru

Аннотация: В статье предложена методика трендового анализа семантических и грамматических связей глаголов ментальной деятельности *думать, вспоминать* в ассоциативно-вербальной сети незрелых носителей русского языка. Проблематика связана с реконструкцией субъективной семантики лексем разных грамматических классов в сознании носителей русского языка разного возраста. Актуальность работы определяется ее принадлежностью к психолингвистическому направлению семантики слова как достояния индивида. Цель – выявить особенности семантических и грамматических связей глаголов в ассоциативно-вербальной сети подростков 12–14 лет и установить линии стабильности / изменчивости субъективной семантики и грамматики в трендовом аспекте. Новизна исследования обусловлена введением в научный оборот регионального ассоциативного материала, полученного от респондентов одного и того же возраста с разницей в 20 лет с помощью свободного ассоциативного эксперимента, а также предлагаемой методикой анализа состава ассоциативного поля. Результаты состоят в подтверждении предположения об изменении части связей в ассоциативно-вербальной сети подростков со временем при сохранении области стабильных отношений. Наиболее устойчивыми являются семантические связи глаголов с реакциями-глаголами определенных групп в формах инфинитива и с существительными в объектной позиции в формах косвенных падежей. Зафиксирована тенденция роста грамматикализованных реакций, выраженных существительными в косвенных падежах, на фоне понижения частотности реакций, переданных глаголами. Еще одна тенденция связана с увеличением линий пересечения в процессе реагирования на разные глаголы ментальных действий, что говорит о повышении сходства субъективных семантических областей в сознании омских школьников.

Ключевые слова: ассоциативно-вербальная сеть, ассоциативный эксперимент, ассоциативное поле, когнитивная структура поля, семантические связи глаголов, грамматические связи глаголов, грамматикализация

Цитирование: Бутакова Л. О. Трендовое исследование семантических и грамматических связей глаголов в ассоциативно-вербальной сети подростков (на примере глаголов *думать, вспоминать*). *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 4. С. 644–655. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-4-644-655>

Поступила в редакцию 31.05.2025. Принята после рецензирования 30.07.2025. Принята в печать 04.08.2025.

full article

Trend Study of Semantic and Grammatical Associative Networks of Verbs of Cognition in Russian Teenagers

Larisa O. Butakova

Dostoevsky Omsk State University, Russia, Omsk

eLibrary Author SPIN: 2096-2520

<http://orcid.org/0000-0003-3210-2311>

Scopus Author ID: 57193747547

larisabut@rambler.ru

Abstract: The article proposes a new methodology for trend analysis of semantic and grammatic connections. The case study featured Russian verbs of mental activity *dumat* (to think) and *vspominat* (to remember) in the associative-verbal network of teenage native Russian speakers from the city of Omsk. The research was part of a larger project aimed at modelling the subjective semantics of lexemes of different grammatical classes in the consciousness of native Russian speakers of different ages. As psycholinguistics sees word semantics as something unique for each native speaker, the goal was to test subjective semantics and grammar for stability and variability in the associative-verbal network of teenagers (12–14 y.o., Omsk residents). The results of the free associative experiment were compared with those obtained from respondents of the same age in 2003. While some connections in the associative-verbal network proved to have changed over time, a stable core area persisted, e.g., the semantic connections with reactive infinitives or objects expressed by a noun in an indirect case. The latter grew more frequent in the experiment of 2023, which also revealed more overlaps between reactions to the two verbs, indicating an increase in the similarity of subjective semantic areas in the linguistic consciousness of Omsk teenagers.

Keywords: associative-verbal network, associative experiment, associative field, cognitive field structure, semantic connections of verbs, grammatical connections of verbs, grammaticalization

Citation: Butakova L. O. Trend Study of Semantic and Grammatical Associative Networks of Verbs of Cognition in Russian Teenagers. *SibScript*, 2025, 27(4): 644–655. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-4-644-655>

Received 31 May 2025. Accepted after peer review 30 Jul 2025. Accepted for publication 4 Aug 2025.

Введение

В статье рассматриваются семантические и грамматические связи глаголов *думать*, *вспоминать* в ассоциативно-вербальной сети незрелых носителей русского языка – подростков 12–14 лет – с позиций их временной динамики. Указанные глаголы выбраны не случайно. Данные слова представляют класс глаголов ментальной деятельности, глагол *вспоминать* относится к предикатам памяти¹, глагол *думать* – к предикатам ментальных свойств². Глаголы семантически связаны в системе языка. Л. М. Васильев, описывая предикаты ментальных свойств, указывает на их общее значение «быть способным мыслить, понимать и помнить»³. В системе

русского языка оба глагола являются многозначными, переходными, обладают разветвленной системой грамматических связей с именами существительными в винительном, предложном, творительном падежах, глаголами в форме инфинитива, придаточными предложениями в структуре сложно-подчиненных предложений.

Теоретические основы исследования составили несколько теоретико-методологических линий. В первую очередь это подход к ассоциативной грамматике и ассоциативно-вербальной сети (АВС) как субъектному феномену Ю. Н. Караулова. Ассоциативная грамматика понималась ученым

¹ Васильев Л. М. Системный семантический словарь русского языка. Предикатная лексика. Уфа: Гилем, 2005. С. 371–372.

² Там же. С. 380.

³ Там же.

как способ «представления грамматических фактов и закономерностей, который является не просто разновидностью описания языка, но и претендует на то, чтобы дать ответы на онтологические вопросы: *Что есть знание грамматики и языка в целом? и Как существует это знание?* а значит, как, в каком виде существует грамматика для носителя языка» [Караулов 2010: 5]. Ю. Н. Караулов писал об ассоциативной грамматике как о грамматике речевой деятельности, понимая ее как грамматику, «которая находится в распоряжении стихийного носителя языка, вся сплошь лексикализована, привязана к отдельным лексемам, как бы распределена между ними и целиком разлита "размазана" по ассоциативно-вербальной сети (АВС)» [Караулов 1999: 6–7]. АВС – «признанный способ субъективного, интериоризированного существования лексики, но поскольку лексика не существует в отрыве от грамматики, грамматика языка также должна быть представлена в этой сети в виде отдельных словоизменительных (и словообразовательных) форм лексем, в своей совокупности – типически, в образцах – содержащих всю грамматическую систему» [Там же: 7]. Это дает возможность восстановления на материале ассоциативного поля лексических, семантических, грамматических, когнитивных связей стимула с определенными фрагментами АВС носителей языка. С этой возможностью связано предположение о стабильности/ изменчивости грамматического и лексического состава реакций, когнитивной перестройке ассоциативного поля (соответственно, того, что можно считать ассоциативным значением по А. А. Леонтьеву, А. А. Залевской).

Еще одна линия обусловлена концепцией слова как достояния индивида, двойной жизни значения (для себя и для других), наличия единой информационной базы человека, средством доступа к которой является слово [Залевская 2005; 2011]. В данной концепции лексикон понимается как одна из составляющих речевой организации человека, формирующейся через переработку и упорядочивание речевого опыта, причем «закономерности процессов речепроизводства и понимания речи должны... определять характер единиц лексикона и принципы их упорядоченности для хранения и готовности к использованию в "речи для себя" и в "речи для других"» [Залевская 2005: 215]. При таком подходе значение психологично, субъектно и интересубъектно

одновременно, слово в определенном речевом действии (в ходе естественной или неестественной коммуникации) никогда не «выходит на поверхность» во всем семантическом грамматическом, смысловом объеме. Эксперимент – один из процессов, задающих определенные условия для речевых действий респондентов, которые фиксируют определенную часть того, что есть в их сознании, через отношения стимулов и реакций; инструмент выявления типа речевых действий, структуры лексикона в части грамматических и семантических связей стимула и реакции [Залевская 2011; Пищальникова 2019; 2020; Пищальникова и др. 2019; Степыкин 2019; 2021; Стернин 2020].

Четвертая линия определяется психолингвистическим подходом к лексикону детей разного возраста, в том числе школьника, способам его изучения. Проблемы семантики слов в языковом сознании подростка освещались в разных аспектах, включая трендовый, в работах [Бутова, Гуц 2025; Гуц 2005; Лукьянова 2020], лексикон школьника как динамическая система реконструирован А. П. Сдобновой [Сдобнова 2015], способы анализа связей слов в ментальном лексиконе младшего школьника были предложены И. Г. Овчинниковой [Овчинникова 2018], возрастная динамика словесных ассоциаций школьников описана В. Е. Гольдиным [Гольдин 2007], становление разных аспектов грамматики слова и высказывания в детской речи показано в работах Санкт-Петербургской школы онтопсихолингвистики [Гагарина 2008].

Пятая линия основывается на положениях исследований русского глагола как грамматического и функционального класса. Классификации глагольных лексем по тематическим группам и полям были посвящены работы, созданные в Уральской школе⁴ [Лексико-семантические... 1988]. Подробное описание групп глаголов в этот же период было осуществлено Л. М. Васильевым [Васильев 1981]. Переносные значения основных групп глаголов физического действия были проанализированы Г. И. Кустовой [Кустова 2021]. Ассоциативной грамматике слов разных грамматических классов посвящены работы [Бутова, Шереметова 2024; Караулов 2010; Шапошникова 2022] и др.

Цель статьи – выявить особенности семантических и грамматических связей глаголов в ассоциативно-вербальной сети (АВС) подростков 12–14 лет,

⁴ Большой толковый словарь русских глаголов, ред. Л. Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС, 2008. 576 с.

установить линии стабильности / изменчивости субъективной семантики и грамматики в трендовом аспекте. Задачи:

- сопоставить ассоциативные поля (АП) глаголов по результатам САЭ 2001–2003 гг. и 2022–2023 гг.;
- определить лексический и ассоциативный состав ядер АП;
- выявить зоны стабильных соотношений стимулов и реакций;
- установить линии пересечения АП и индексы яркости реакций, их составляющих;
- создать модели когнитивных структур АП;
- установить качественно-количественный состав каждого слоя в сопоставлении;
- определить степень грамматикализации реакций в каждом АП в каждый период времени;
- выявить тенденции их изменений.

Актуальность исследования определяется его принадлежностью к психолингвистическому направлению семантики слова как достояния индивида. Указанный подход позволяет реконструировать экспериментальным путем смысловые и грамматические связи слов (субъективную семантику и грамматику) в аспекте их представленности в ассоциативно-вербальной сети носителя языка. Актуальным является изучение семантики слова и его грамматических связей как динамического феномена, изменяющегося во времени в сознании определенных групп носителей языка (трендовый аспект исследования того, что стоит «за словом»). Кроме этого, актуальны исследования семантики языковых знаков разной грамматической принадлежности в позднем онтогенезе (речи школьников среднего возраста, подростков).

Методы и материалы

Материал исследования – результаты свободных ассоциативных экспериментов, проведенных в 2001–2003 гг. и 2022–2023 гг. в школах, гимназиях, лицеях г. Омска, отраженные в базах «Ассоциативного словаря подростка»⁵ и «Ассоциативного словаря подростка 2»⁶. Общий объем выборки – по 500 анкет на каждый стимул в каждой серии экспериментов. Принцип выбора мест проведения экспериментов (школ, гимназий, лицеев, инновационных школ) – 4:1:1. Аспект исследования – трендовый, разница во времени между проведением

экспериментов – 19–20 лет. Места проведения экспериментов, возраст испытуемых, характер предъявления анкет те же. Структура ассоциативных полей традиционна: ядро полей – высокочастотные реакции, околоядерная часть – реакции с понижающимися индексами частотности, периферия – единичные реакции, расположенные в алфавитном порядке.

Анализ реакций ассоциативных полей глаголов *вспоминать*, *думать*, представленных в АСП1 и АСП2, проводился следующим образом:

1. Оценивался количественный и процентный состав ядра АП, определялось количество реакций и количество лексем (табл. 1), выявлялась частотность глагольных, именных, местоименных и наречных реакций.

2. Устанавливались линии качественных и количественных изменений состава ядра АП в аспекте частеречной и семантической отнесенности реакций и их отношений со стимулом.

3. Выявлялись грамматикализованные реакции [Караулов 2010: 11], описывался их частеречный состав, грамматические формы и связи со стимулами в каждом АП в отдельности и в сопоставлении (табл. 2).

4. Производилась семантическая классификация реакций каждого АП по типу семантического гештальта или когнитивной структуры (Ю. Н. Караулова, Н. И. Кургановой) [Караулов 2000; Курганова 2019], оценивался количественный состав каждого сектора и его динамика (табл. 3).

5. Выявлялись линии пересечения АП относительно одного и того же стимула в разное время (табл. 4, 5) и по сопоставлению друг с другом (табл. 6, 7), оценивалась частеречная принадлежность пересекаемых секторов АП и ассоциативная яркость (вес) пересекающихся реакций (табл. 4–7).

Результаты

Качественно-количественные и частеречные изменения отношений стимулов и реакций

За 20 лет в структурах АП произошли изменения, свидетельствующие о перестройке участков АВС омских школьников. Ядра АП глаголов *вспоминать*, *думать* перестраиваются в качественном и количественном отношениях. Количественная перестройка проявляется в уменьшении высокочастотных реакций за счет появления значительного числа

⁵ Гуц Е. Н. Ассоциативный словарь подростка (АСП1). Омск: Вариант-Омск, 2004. 153 с.

⁶ Гуц Е. Н. Ассоциативный словарь подростка 2 (АСП2). URL: <https://disk.yandex.ru/i/skbKBRzGbCHXtg> (дата обращения: 01.08.2024).

реакций с частотностью от 64 до 4 реакций у стимула *вспоминать* и от 45 до 4 реакций у глагола *думать*. Наиболее частотной реакцией на глагол *вспоминать* в САЭ 2003 г. была глагольная реакция *думать* (145 реакций). В САЭ 2023 г. наиболее частотной реакцией оказалось существительное *прошлое* (64) (табл. 1). В САЭ 2003 г. эта реакция соответствовала 3 рангу частотности с приблизительно тем же показателем (63), но первым и вторым рангом обладали реакции *думать* (145) и *память* (104), их частотность была значительно выше. Существительное *память* в 2023 г. стало менее актуальным для респондентов в качестве реакции на стимул *вспоминать*, частотность понизилась в 4,16 раза. На глагол *думать* в САЭ 2003 г. самой частотной была глагольная реакция *размышлять* (77). В 2023 г. у данного глагола была зафиксирована та же тенденция, что и у глагола *вспоминать*: респонденты чаще всего выбирали в качестве реакции существительное *мысли* (45) (табл. 1). Указанное существительное в САЭ 2003 г. имело 6 ранг частотности (25 реакций), уступая ряду глаголов и имен: *размышлять* (77); *мыслить* (71); *мозги* (55); *напрягаться* (55); *ум* (32). В 2023 г. оно составило самую востребованную

реакцию, но частотность ее увеличилась только в 1,8 раза. Тенденция для реакций первого ранга у обоих глаголов состоит в изменении грамматических предпочтений респондентов: актуализировались отношения **глагол + сущ.** – *вспоминать* → *прошлое* (64) по сравнению со связью *вспоминать* → *думать* (145) (данная связь уменьшилась к 2023 г. в 7,25 раза, ср.: *вспоминать* → *думать* (20)). Связь *думать* → *размышлять* (77) уменьшилась к 2023 г. в 2,9 раза, ср.: *думать* → *размышлять* (26).

Уровень стереотипизации реакций ядра АП также претерпел изменения, о чем свидетельствует состав реакций. В САЭ 2003 г. на глагол *вспоминать* было зафиксировано 9 частотных лексем, составивших 399 реакций. Частотные реакции (ядро АП) составили 79,8 % от общего состава АП, среди которых глаголы – 42 %, существительные – 24 %. На этот же глагол в 2023 г. было дано 25 лексем, составивших 323 реакции (больше в 2,8 раза). Их процентный вес был равен 64,6 % от общего состава АП. Глаголов было зафиксировано 20,6 %, существительных – 44 % (табл. 1). Налицо уменьшение стереотипности реагирования и рост стабильности отношений глагола *вспоминать* с именами существительными.

Табл. 1. Изменение состава ядра ассоциативных полей глаголов

Tab. 1. Associative field core

<i>Вспоминать</i>		<i>Думать</i>	
2003	2023	2003	2023
думать (145), память (104), прошлое (63), забыть (35), напрягаться (18), помнить (12), детство (9), хорошее (7), всё (6)	прошлое (64), забывать (42), память (25), моменты (23), душмать (20), забыть (20), ностальгия (13), помнить (13), воспоминания (12), грусть (9), детство (9), события (8), мозг (7), мысли (7), былое (6), радость (6), боль (5), момент (5), слезы (5), время (4), грустить (4), стих (4), улыбаться (4), фото (4), хорошее (4)	размышлять (77), мыслить (71), мозги (55), напрягаться (55), ум (32), мысли (25), шевелить мозгами (11), решать (10), соображать (9), мечтать (8), грузиться (6), напрягать (6), школа (6), тупить (4), шевелить извилинами (4)	мысли (45), мозг (32), мыслить (32), размышлять (26), делать (20), голова (15), долго (15), мысль (15), головой (12), знать (10), не думать (9), всегда (7), жить (7), математика (7), будущее (6), говорить (6), ум (6), учеба (6), гадать (5), много (5), читать (5), анализ (4), жизнь (4), забыть (4), работать (4), рассуждать (4), сложно (4), уставать (4), школа (4)
Частеречная представленность: количество лексем; количество реакций; %			
9 лексем; 399 реакций; 79,8 % Pr = 4; 210; 42 % N = 3; 120; 24 % Pron = 1; 6; 1,25 %	25 лексем; 323 реакции; 64,6 % Pr = 6; 103; 20,6 % N = 19; 220; 44 %	15 лексем; 375 реакций; 75 % Pr = 9; 246; 49,2 % Pr + n = 2; 11; 3 % N = 4; 118; 23,6 %	29 лексем; 329 реакций; 65,8 % Pr = 13; 136; 27,2 % N = 12; 162; 32,4 % Adv = 4; 31; 6,2 %

Стимул *думать* вызывал в САЭ 2003 г. 15 частотных лексем, составивших 75 % от общего состава АП. Их них 49,2 % реакций ядра – глаголы, 23,6 % – имена существительные. В САЭ 2023 г. ядро составили 29 частотных лексем, образовав 65,8 % от общего состава АП. Из них глагольные реакции – 27,2 %, именные – 32,4 %. Частотными стали наречные реакции (6,2 %). В ядре АП стимула *думать* наблюдается количественный рост частотных лексем (в 1,9 раза) при относительном уменьшении самого веса стереотипных реакций, частеречной перестройке (небольшом уменьшении значимости глагольных реакций, увеличении в 3 раза именных, появлении наречных реакций) (табл. 1). При этом оба стимула сохраняют высокий уровень стереотипности реагирования.

Динамика и статика грамматикализованных отношений

Сравнение состава АП описываемых глаголов выявило общую тенденцию неполного формального выражения грамматических связей стимулов и реакций, что подтверждает тезис Ю. Н. Караулова о том, что субъективная грамматика только в части реакций овнешняется с помощью формально выраженных грамматических отношений (табл. 2).

В системе русского литературного языка, как было отмечено выше, оба глагола управляют существительными в родительном, винительном, творительном, предложном падежах с предлогами и без них. Эксперименты показали, что объем грамматикализованных отношений стимула-глагола и реакций-существительных с предлогами и без них значительно меньше областей со слабо грамматикализованными и неграмматикализованными отношениями (о таких типах отношений и о качестве грамматикализации АП см. [Караулов 2010: 10–19]). Наиболее частотными в качестве реакций

с выраженной грамматической связью на глагол *вспоминать* в САЭ 2003 г. были существительные в винительном падеже без предлога, составившие 108 реакций (21,6 %): *прошлое* (63), *детство* (9), *хорошее* (7), *мысли* (3), *зло* (2), *любовь* (2) и пр. Существительных в предложном падеже с предлогом было всего 4: *о ком-то*, *о матери*, *о хорошем*, *о чём-то важном* (0,8 %). Неграмматикализованные реакции-существительные *память* (104), *ностальгия* (3), *друг* (2) и др. составили 23,4 % (117 реакций). Наиболее востребованными реакциями со слабой грамматикализацией были инфинитивы *думать* (145), *забыть* (35), *напрягаться* (18), *помнить* (12), *мечтать* (2), *понимать* (2) и пр. (всего 239 реакций, 47,8 %) (табл. 2). В САЭ 2023 г. сектор грамматикализованных реакций-существительных в винительном падеже вырос до 33,8 %. Состав существительных с предлогом в предложном падеже остался тот же (0,8 %). Неграмматикализованные реакции-существительные *память* (25), *ностальгия* (13), *воспоминания* (12), *мозг* (7) и др. несколько уменьшились, составив 21,6 % (108 реакций). Реакции-глаголы, образующие сектор слабой грамматикализации, уменьшились почти вдвое.

Реакции на стимул *думать* не отличаются высоким уровнем грамматикализации (табл. 2). Значительно преобладали в 2003 г. слабо грамматикализованные реакции, выраженные глаголами: *размышлять* (77), *мыслить* (71), *напрягаться* (55) и др. (59,2 %, 296 реакций). Имена существительные с предлогами и без них в творительном и предложном падежах *о девушке*, *о деле*, *о деньгах*, *о жизни*, *о любви*, *мозгами* и др. составили в совокупности 2,8 % (14 реакций). Позиция зависимого имени в винительном или родительном падеже в реакциях не была реализована. Неграмматикализованные реакции в САЭ 2003 г. образовали 47,8 % (239 реакций). Тенденции

Табл. 2. Грамматикализованные и слабо грамматикализованные реакции в составе ассоциативных полей глаголов
Tab. 2. Grammaticalized and weakly grammaticalized reactions in the associative fields of verbs

Вспоминать		Думать	
2003	2023	2003	2023
S → Rn4 = 108; 21,6 %	S → Rn4 = 169; 33,8 %	–	–
S → Rn / pron6 = 4; 0,8 %	S → Rn6 = 4; 0,8 %	S → Rn6 = 12; 2,4 %	S → Rn6 = 14; 2,8 %
–	–	S → Rn5 = 2; 0,4 %	S → Rn5 = 12; 2,4 %
S → R pron = 9; 1,8 %	S → R pron = 2; 0,4 %	S → R pron = 5; 1 %	S → R pron = 7; 1,4 %
S → R vf = 239; 47,8 %	S → R vf = 133; 26,6 %	S → R vf = 296; 59,2 %	S → R vf = 196; 39,2 %

САЭ 2023 г. связаны с некоторыми изменениями. Увеличились секторы грамматикализованных реакций-существительных с предлогом (в 1,2 раза) и без него (в 6 раз). Сектор слабо грамматикализованных реакций-глаголов уменьшился в 1,2 раза, составив 39 % (195 реакций). Неграмматикализованные реакции составили 38,6 % (193 реакции) (табл. 2). Тенденция усиления грамматикализации ощутима.

Семантические особенности связей глаголов *вспоминать*, *думать* в АВС школьников

Построение семантического гештальта (когнитивной структуры) АП анализируемых глаголов показало смысловые области, связанные со стимулом, их объем, соответственно, наиболее / наименее типичные средства реагирования. Их наличие обусловлено грамматическими и семантическими свойствами глаголов (табл. 3). Для обоих глаголов наиболее типичными являются реакции парадигматического типа – симиляры и оппозицы, причем такой тип реагирования уменьшается (это видно при сравнении состава полей школьников друг с другом). Его уменьшение компенсируется увеличением второго по актуальности типа – синтагматического

(объектного) типа, для которого преобладают наименования нематериальных объектов (особенно это касается первого глагола). Не столь актуальные субъектные и результативные реакции постепенно становятся более значимыми у школьников. Причем данная тенденция сохраняется у студентов в области субъектов для глагола *вспоминать*.

Результативные реакции на глагол *вспоминать* выросли у школьников в САЭ 2023 г. в 5 раз, у глагола *думать* – в 2,8 раза. Оценочные и образные способы реагирования, а также реакции, передающие интенсивность и образ совершения действия, постепенно становятся более актуальными.

Пересечение ассоциативных полей

Стабильность состава полей и способов соотношения стимулов и реакций проявляются при сопоставлении реакций в АП разного периода (табл. 4, 5). Очевидно, что есть типовые наборы реакций школьников для каждого из глаголов. У глагола *вспоминать* типовой набор составили 4 глагола, 12 существительных. С глаголом *думать* глагол *вспоминать* стабильно находится в отношениях *стимул – реакция*, правда интенсивность отношений понизилась

Табл. 3. Семантический состав реакций АП глаголов *вспоминать* и *думать*, 2003 vs. 2023

Tab. 3. Semantic composition of reactions to the verbs *vspominat* (to remember) vs. *dumat* (to think), 2003 vs. 2023

Семантические связи	Вспоминать, количество реакций; %		Думать, количество реакций; %	
	2003	2023	2003	2023
Симиляры / оппозицы	239; 47,8 %	133; 26,6 %	294; 58,8 %	196; 39,2 %
Объекты:	113; 22 %	187; 47,8 %	17; 3,4 %	48; 9,6 %
нематериальные	110; 22 %	176; 35,2 %	17; 3,4 %	48; 9,6 %
материальные	3; 0,6 %	11; 2,2 %	–	–
Субъекты	3; 0,6 %	11; 2,2 %	16; 3,2 %	2; 0,4 %
Результаты	12; 2,4 %	61; 12,2 %	32; 6,4 %	90; 18 %
Время	1; 0,2 %	26; 5,2 %	1; 0,2 %	25; 5 %
Оценка	3; 0,6 %	20; 4 %	2; 0,4 %	26; 5,2 %
Образ	5; 1 %	4; 1,76 %	3; 0,6 %	19; 3,8 %
Инструменты	105; 21 %	50; 10 %	93; 18,6 %	70; 14 %
Место	–	1; 0,02 %	11; 2,2 %	18; 3,4 %
Модальные	–	10; 2 %	–	5; 1 %
Отказы	19; 3,8 %	1; 0,02 %	31; 6,2 %	–
Образ действия, интенсивность	–	–	2; 0,4 %	26; 5,2 %

в 7,25 раза (табл. 4). В 2023 г. эти отношения приобрели взаимообратимый характер (*думать* → *вспоминать*) (табл. 6, 7). Актуальность антонимичных отношений *вспоминать* → *забывать* увеличилась в 1,2 раза, усилившись появлением сопоставимой по виду реакции *забыть* (табл. 4).

У глагола *думать* типовой набор охватывает 5 глаголов (4 глагола и одно глагольное словосочетание), 4 существительных. Интересно, что значимость для *думать* процессов *размышлять*, *мыслить*, *соображать* понижается, как и актуальность реакций-имен *мозг / мозги*, *ум* (табл. 5), зато растет значимость реакций *мысль / мысли*, *голова*.

Табл. 4. Пересечение состава ассоциативных полей глагола *вспоминать*, 2003 vs. 2023

Tab. 4. Overlaps in associative fields to the verb *vspominat* (to remember), 2003 vs. 2023

2003, количество реакций; индекс яркости	2023, количество реакций; индекс яркости
Глаголы	
думать = 145; 0,29	думать = 20; 0,04
забыть = 35; 0,07	забывать = 42; 0,084; забыть = 20; 0,04
напрягаться = 18; 0,036	–
помнить = 12; 0,024	помнить = 13; 0,026
Имена существительные	
память = 104; 0,208	память = 25; 0,05
прошлое = 63; 0,126	прошлое = 64; 0,128
детство = 9; 0,018	детство = 9; 0,018
ностальгия = 3; 0,006	ностальгия = 13; 0,026
воспоминания = 1; 0,002	воспоминания = 12; 0,024
мысли = 3; 0,006	мысли = 7; 0,014; мысль = 2; 0,004
моменты = 1; 0,002	моменты = 23; 0,046; моменты жизни = 2; 0,004
события = 1; 0,002	события = 8; 0,016
мозги = 1; 0,002	мозг = 7; 0,014
голова = 1; 0,002	голова = 1; 0,002
–	былое = 6; 0,012
хорошее = 7; 0,014	–
события = 1; 0,002	события = 8; 0,016

Табл. 5. Пересечение состава ассоциативных полей глагола *думать*, 2003 vs. 2023

Tab. 5. Overlaps in associative fields to the verb *думат* (to think), 2003 vs. 2023

2003, количество реакций; индекс яркости	2023, количество реакций; индекс яркости
Глаголы	
размышлять = 77; 0,154	размышлять = 26; 0,052
мыслить = 71; 0,142	мыслить = 32; 0,064
напрягаться = 55; 0,11	–
шевелить мозгами = 11; 0,022	шевелить мозгами = 2; 0,004
соображать = 9; 0,018	соображать = 1; 0,002
Имена существительные	
мозги = 55; 0,11	мозг = 32; 0,064
ум = 32; 0,064	ум = 6; 0,012
мысли = 25; 0,05	мысли = 45; 0,09; мысль = 15; 0,03
голова = 3; 0,006	голова = 15; 0,03; головой = 12; 0,024

Пересечение АП обоих глаголов в 2003 г. показывает сходство по 6 глагольным реакциям, двум именным и трем устойчивым сочетаниям (табл. 6). *Напрягаться*, *размышлять*, *мыслить*, *грузиться* для стимула *думать* были более значимы, чем для *вспоминать*.

В 2023 г. пересечение полей охватило 7 глаголов, 7 существительных и 3 наречия, что указывает на рост сходства процессов ассоциирования сравнимых глаголов (табл. 7). Сохранение большей значимости *мыслить*, *знать*, *мозг*, *мысль*, *мысли*, *голова*, *долго* и *много* для стимула *думать* свидетельствует о том, что школьники все-таки разграничивают интенсивность процессов, обозначенных стимулами.

Заключение

Ассоциативно-вербальная сеть носителя языка определенного возраста – динамическая система, в которой семантические и грамматические связи слов подвержены частичным изменениям на фоне областей стабильных отношений. Исследование семантических и грамматических связей глаголов *вспоминать*, *думать* в ассоциативно-вербальной сети подростков подтвердило указанные свойства, выявив определенные линии тренда.

Табл. 6. Пересечение АП *вспоминать* и *думать* САЗ, 2003 г.
Tab. 6. Overlaps in associative fields to the verbs *dumat* (to think) vs. *vspominat* (to remember), 2003

Вспоминать, количество реакций; индекс яркости	Думать, количество реакций; индекс яркости
Глаголы	
думать = 145; 0,29	–
напрягаться = 18; 0,036	напрягаться = 55; 0,11
размышлять = 2; 0,004	размышлять = 77; 0,154
мыслить = 1; 0,002	мыслить = 71; 0,142
мечтать = 2; 0,004	мечтать = 8; 0,016
задуматься = 1; 0,002	задуматься = 1; 0,002
грузиться = 1; 0,002	грузиться = 6; 0,012
Имена существительные	
мысли = 3; 0,006	мысли = 25; 0,05
голова = 1; 0,002	голова = 3; 0,006
Словосочетания	
напрягать извилины = 1; 0,002	напрягать извилины = 1; 0,002
напрягать мозги = 1; 0,002	напрягать мозги = 1; 0,002
шевелить мозгами = 1; 0,002	шевелить извилинами = 4; 0,008

Семантические связи указанных глагольных стимулов устойчивы в ассоциативно-вербальной сети школьников 12–14 лет, представлены в большей степени линиями S глагол → R глагол и S глагол → R сущ. с объектной семантикой.

Развитие отношений внутри ассоциативно-вербальной сети омских подростков для стимула *вспоминать* проходит по линиям уменьшения отношений S глагол → R глагол и увеличения отношений S глагол → R сущ. с объектной семантикой.

Развитие связей для стимула *думать* направлено на уменьшение актуальности отношений S глагол → R глагол и увеличение значимости отношений S глагол → R сущ. с объектной, результативной, оценочной и инструментальной семантикой.

Ассоциативная связь глаголов *вспоминать* → *думать* остается через 20 лет актуальной, но менее востребованной. Обратная ассоциативная связь *думать* → *вспоминать* в начале 2000-х гг. была опосредованной – через реакции *помнить*, *размышлять*, *забывать*, *мысли*, *мыслить*. Опосредованные

Табл. 7. Пересечение АП *вспоминать* и *думать* САЗ, 2023 г.
Tab. 7. Overlaps in associative fields to the verbs *dumat* (to think) vs. *vspominat* (to remember), 2023

Вспоминать, количество реакций; индекс яркости	Думать, количество реакций; индекс яркости
Глаголы	
думать = 20; 0,04	вспоминать = 3; 0,006
забыть = 20; 0,04	забыть = 4; 0,008
анализировать = 2; 0,004	анализировать = 3; 0,006
мыслить = 2; 0,004	мыслить = 32; 0,064
знать = 1; 0,002	знать = 10; 0,02
мечтать = 1; 0,002	мечтать = 3; 0,006
грустить = 4; 0,008	грустить = 1; 0,002
Имена существительные	
мозг = 7; 0,014	мозг = 32; 0,064
мысли = 7; 0,014	мысли = 45; 0,09
мысль = 2; 0,004	мысль = 15; 0,03
жизнь = 2; 0,004	жизнь = 4; 0,008
школа = 1; 0,002	школа = 4; 0,008
голова = 1; 0,002	голова = 15; 0,03
разум = 1; 0,002	разум = 1; 0,002
Наречия	
хорошо = 1; 0,002	хорошо = 2; 0,004
долго = 3; 0,006	долго = 15; 0,03
много = 1; 0,002	много = 5; 0,01

отношения с указанными словами сохранились через 20 лет, усилив связи *думать* → *мысль*, *мысли*. Кроме этого, отношения *вспоминать* → *думать* стали в 2023 г. взаимобратимыми с неравной актуальностью связей S → R → S.

Процессы выраженности / невыраженности грамматической связи вписываются в наблюдения, сделанные Ю. Н. Карауловым для ряда глаголов [Караулов 2010: 30–50].

В области грамматикализации отношений с реакциями у стимулов *вспоминать*, *думать* зафиксированы общие тенденции. У обоих глаголов в начале 2000-х гг. грамматикализованные реакции, выраженные существительными, употребленными в формах косвенных падежей, значительно уступали

неграмматизированным, выраженным глаголами в форме инфинитива, и реакциям со слабой грамматической выраженностью, оформленным именами существительными и передающим инструмент действия. Определенный процент составляли реакции типа *вспоминать* → *прошлое* (63), *детство* (9); *думать* → *мысли* и пр., представляющие готовые речевые паттерны или семантические примитивы как показатели полноты / неполноты цикла синтаксирования или перехода речевых действий в операции в понимании Н. И. Степыкина [Степыкин 2019].

К 2023 г. у анализируемых глаголов вырос объем грамматизированных реакций, выраженных существительными в косвенных падежах. Соответственно понизилась частотность реакций, переданных глаголами. При этом усилилась тенденция актуализировать результаты действия, названного стимулом: *вспоминать* → *воспоминания* (12), *мысли* (7); *думать* → *воспоминания* (12); *мысли* (7); *грусть* (9) и др. с помощью выбора словоформ, не имеющих выраженных грамматических связей.

Увеличение линий пересечения рассмотренных ассоциативных полей позволяет сделать вывод

о повышении сходства фрагментов ассоциативно-вербальной сети омских школьников, связанных с глаголами, передающими разные ментальные процессы.

Результаты, полученные с помощью ассоциативных экспериментов регионального уровня, отличаются новизной, как и линия трендового анализа, прочерченная для глагольной лексики. Были выявлены грамматические и семантические тенденции, которые требуют дальнейшего развития и анализа на ином возрастном и частеречном материале. Сделанные наблюдения, предложенная методика анализа субъективных значений тематически близких лексем в динамике могут быть полезны в практике преподавания русского языка как родного и как иностранного.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Бутакова Л. О., Гуц Е. Н. Особенности идентификации слов невзрослыми носителями русского языка: трендовое исследование. *Вопросы психолингвистики*. 2025. № 1. С. 44–61. [Butakova L. O., Guts E. N. Features of word identification by non-adult Russian speakers: A trend study. *Journal of Psycholinguistics*, 2025, (1): 44–61. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2025-63-1-44-61>
- Бутакова Л. О., Шереметова А. С. Динамика изменений актуальных связей русских глаголов. *Филологический класс*. 2024. Т. 29. № 3. С. 91–101. [Butakova L. O., Sheremetova A. S. The dynamics of change in grammatical cohesion of some Russian verbs. *Philological Class*, 2024, 29(3): 91–101. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ixlclld>
- Васильев Л. М. Семантика русского глагола. М.: Высш. шк., 1981. 184 с. [Vasiliev L. M. *Semantics of the Russian verb*. Moscow: Vyssh. shk., 1981, 184. (In Russ.)]
- Гагарина Н. В. Становление грамматических категорий русского глагола в детской речи. СПб.: Наука, 2008. 275 с. [Gagarina N. V. *Formation of grammatical categories of the Russian verb in children's speech*. St. Petersburg: Nauka, 2008, 275. (In Russ.)]
- Гольдин В. Е. Возрастная динамика словесных ассоциаций школьников. *Язык в движении: к 70-летию Л. П. Крысина*, ред. Е. А. Земская. М.: ЯСК, 2007. С. 126–137. [Goldin V. E. Age dynamics of verbal associations of schoolchildren. *Language in motion: 70th anniversary of L. P. Krysin*, ed. Zemskaya E. A. Moscow: IaSK, 2007, 126–137. (In Russ.)]
- Гуц Е. Н. Психолингвистическое исследование языкового сознания подростка. Омск: Вариант-Омск, 2005. 260 с. [Guts E. N. *Psycholinguistic study of the linguistic consciousness of a teenager*. Омск: Variant-Omsk, 2005, 260. (In Russ.)]
- Залевская А. А. Значение слова и возможности его описания. In: Залевская А. А. *Психолингвистические исследования. Слово. Текст*. М.: Гнозис, 2005. С. 215–234. [Zalevskaya A. A. The meaning of the word and the possibilities of its description. In: Zalevskaya A. A. *Psycholinguistic research. Word. Text*. Moscow: Gnosis, 2005, 215–234. (In Russ.)]

- Залевская А. А. Значение слова через призму эксперимента. Тверь: ТвГУ, 2011. 240 с. [Zalevskaya A. A. *The meaning of the word through the prism of experiment*. Tver: TverSU, 2011, 240. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qbwlyf>
- Караулов Ю. Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М.: ИРЯ РАН, 1999. 180 с. [Karaulov Yu. N. *Active grammar and associative-verbal network*. Moscow: RLI RAS, 1999, 180. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qrocza>
- Караулов Ю. Н. Ассоциативная грамматика русского языка. М.: ЛКИ, 2010. 328 с. [Karaulov Yu. N. *Associative grammar of the Russian language*. Moscow: LKI, 2010, 328. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rtdqnb>
- Караулов Ю. Н. Семантический гештальт ассоциативного поля и образы сознания. *Языковое сознание: содержание и функционирование*: XIII Междунар. симпозиум. (Москва, 1–3 июня 2000 г.) М.: Сов. писатель, 2000. С. 107–108. [Karaulov Yu. N. Semantic gestalt of the associative field and images of consciousness. *Language consciousness: Content and functions*: Proc. XIII Intern. Symposium, Moscow, 1–3 Jun 2000. Moscow: Sov. pisatel, 2000, 107–108. (In Russ.)]
- Курганова Н. И. Ассоциативный эксперимент как метод исследования значения живого слова. *Вопросы психолингвистики*. 2019. № 3. С. 24–37. [Kurganova N. I. Associative experiment as a method of studying the living word meaning. *Journal of Psycholinguistics*, 2019, (3): 24–37. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vxdhkp>
- Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. 2-е изд., испр. М.: ФЛИНТА, 2021. 469 с. [Kustova G. I. *Types of derived meanings and mechanisms of language expansion*. 2nd ed. Moscow: FLINTA, 2021, 469. (In Russ.)]
- Лексико-семантические группы русских глаголов, науч. рук. Э. В. Кузнецова. Свердловск: Урал. ун-т, 1988. 151 с. [Lexical-semantic groups of Russian verbs, sci. dir. Kuznetsova E. V. Sverdlovsk: Ural University, 1988, 151. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vpouib>
- Лукьянова Е. Е. Ассоциативный эксперимент как метод исследования языкового сознания школьника (на материале слов широкой семантики). *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология*. 2020. № 4. С. 244–249. [Lukyanova E. E. Associative experiment as a tool to analyze schoolchild's consciousness (with every semantics words as stimuli). *Vestnik TvGU. Series: Philology*, 2020, (4): 244–249. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26456/vtfilol/2020.4.244>
- Овчинникова И. Г. Входящие и исходящие связи слова в ментальном лексиконе младшего школьника. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. 2018. № 189. С. 160–169. [Ovchinnikova I. G. Connections between words within the mental lexicon of primary school children. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 2018, (189): 160–169. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vpyrwm>
- Пищальникова В. А. Интерпретация ассоциативных данных как проблема методологии психолингвистики. *Russian Journal of Linguistics*. 2019. Т. 23. № 3. С. 749–761. [Pishchalnikova V. A. Interpretation on of associative data as a methodological issue of psycholinguistics. *Russian Journal of Linguistics*, 2019, 23(3): 749–761. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/toezzz>
- Пищальникова В. А. Экспериментальное психолингвистическое исследование значения слова: нерешенные проблемы. *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика*. 2020. Т. 10. № 1. С. 17–29. [Pishchalnikova V. A. Experimental psycholinguistic research of word meaning: Unresolved issues. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika*, 2020, 10(1): 17–29. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/raydor>
- Пищальникова В. А., Карданова-Бирюкова К. С., Панарина Н. С., Степыкин Н. И., Хлопова А. И., Шевченко С. Н. Ассоциативный эксперимент: теоретические и прикладные перспективы психолингвистики. М.: Р. Валент, 2019. 200 с. [Pishchalnikova V. A., Kardanova-Biryukova K. S., Panarina N. S., Stepykin N. I., Khloпова A. I., Shevchenko S. N. *Associative experiment: Theoretical and applied perspectives of psycholinguistics*. Moscow: R. Valent, 2019, 200. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xsisme>
- Сдобнова А. П. Лексикон школьника как динамическая система. Саратов: СарГУ, 2015. 245 с. [Sdobnova A. P. *Schoolchild's lexicon as a dynamic system*. Saratov: SSU, 2015, 245. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xfgkaf>

- Степыкин Н. И. К проблеме перехода речевых действий в операции. *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика*. 2019. Т. 9. № 1. С. 73–79. [Stepykin N. I. To the issue of transforming speech actions in operations. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika*, 2019, 9(1): 73–79. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zamhet>
- Степыкин Н. И. Потенциал применения формализованных параметров для моделирования речевого действия. *Научный диалог*. 2021. № 8. С. 112–127. [Stepykin N. I. Potential of using formalized parameters for modeling speech action. *Nauchnyi Dialog*, 2021, (8): 112–127. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-8-112-127>
- Стернин И. А. Проблемы интерпретации результатов ассоциативных экспериментов. *Вопросы психолингвистики*. 2020. № 3. С. 110–125. [Sternin I. A. Interpretation problems of associative experiments. *Journal of Psycholinguistics*, 2020, (3): 110–125. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2020-45-3-110-125>
- Шапошникова И. В. Ассоциативная грамматика и смысл (на примере имени существительного). *Сибирский филологический журнал*. 2022. № 1. С. 268–284. [Shaposhnikova I. V. Associative grammar and meaning (on the example of nouns). *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal*, 2022, (1): 268–284. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/18137083/78/19>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/loxwxd>

Методика анализа результатов трендового исследования: к постановке проблемы

Гуц Елена Николаевна

Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского, Россия, Омск

eLibrary Author SPIN: 9052-3970

<http://orcid.org/0000-0003-1604-6575>

Scopus Author ID: 57224590632

egoots@yandex.ru

Аннотация: Проблема подготовки, проведения и анализа результатов свободных ассоциативных экспериментов, разделенных по времени, актуальна по нескольким причинам. Во-первых, накоплен ассоциативный материал экспериментов прошлых лет и есть возможность проведения трендового исследования, то есть повторения первого эксперимента в тех же условиях и с испытуемыми, обладающими теми же социальными характеристиками, в частности возрастными и гендерными. Во-вторых, есть необходимость дальнейшей разработки методики количественного анализа экспериментального материала и его интерпретации, а также выбора оптимального и адекватного задачам исследования метода семантического анализа состава реакций сравниваемых ассоциативных полей. Цель – дополнить и апробировать методику анализа одноименных ассоциативных полей, смоделированных на материале двух ассоциативных экспериментов, разделенных по времени (2002 г. и 2022 г.). Для того чтобы повысить объективность (достоверность) и проверяемость результатов трендового исследования, методика проведения второго эксперимента была максимально приближена к тем условиям, которые соблюдались при организации первого ассоциативного эксперимента: был использован тот же список стимулов (112 лексических единиц), количество испытуемых (500 человек), письменная форма выполнения. Применение методики количественной оценки близости ассоциативных полей, разработанной А. А. Григорьевым и М. С. Кленской, позволило решить поставленную в исследовании задачу количественного анализа одноименных ассоциативных полей. Их качественный анализ проводился с применением методики построения семантического гештальта (Ю. Н. Караулов). Данная методика дала возможность на материале одноименных реакций построить модель семантического поля, определить его структуру, выделив ядерные и периферийные зоны. Повысить объективность анализа семантической структуры гештальта мы смогли, используя количественный метод определения относительных частот не только отдельных реакций, но и зон гештальта, то есть семантических классов.

Ключевые слова: трендовое исследование, свободный ассоциативный эксперимент, стандартность ассоциаций, степень близости ассоциативных полей, семантический гештальт

Цитирование: Гуц Е. Н. Методика анализа результатов трендового исследования: к постановке проблемы. *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 4. С. 656–666. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-4-656-666>

Поступила в редакцию 02.06.2025. Принята после рецензирования 28.07.2025. Принята в печать 28.07.2025.

full article

Methodology for Trend Research Analysis: Problem Statement

Elena N. Guts

Dostoevsky Omsk State University, Russia, Omsk

eLibrary Author SPIN: 9052-3970

<http://orcid.org/0000-0003-1604-6575>

Scopus Author ID: 57224590632

egoots@yandex.ru

Abstract: If free associative experiments are separated in time, they require a separate methodology. Previous results mean an opportunity for a trend study, provided that the first experiment is replicated under the same conditions and with similar subjects in terms of age and gender. The quantitative analysis of experimental data needs an efficient method of semantic analysis to process the reactions and associative fields. The author developed and tested a new methodology for analyzing the same-name associative fields based on two associative experiments (2002 and 2022). To obtain a reliable trend study, the second experiment recreated the conditions of the first one, i.e., stimuli (112 words), subjects (500 people), written form, etc. A. A. Grigoriev and M. S. Klenskaya's methodology for quantitative assessment of associative fields made it possible to analyze the same-name associative fields separated in time. The qualitative analysis involved Yu. N. Karaulov's semantic gestalt methodology, which yielded a semantic field model based on the same-name reactions with a distinct core-periphery structure. It was modified by using the quantitative method for relative frequencies of both individual reactions and gestalt zones, i.e., semantic classes.

Keywords: trend study, free association experiment, standard associations, proximity of associative fields, semantic gestalt

Citation: Guts E. N. Methodology for Trend Research Analysis: Problem Statement. *SibScript*, 2025, 27(4): 656–666. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-4-656-666>

Received 2 Jun 2025. Accepted after peer review 28 Jul 2025. Accepted for publication 28 Jul 2025.

Введение

Данное исследование относится к трендовым, отвечающим следующим требованиям: «в двух разных по времени обследованиях изучаются различные, но обладающие идентичными наборами социальных характеристик индивиды» [Беликов, Крысин 2001: 231].

Российские социологи используют разные методы повторных исследований: лонгитюдные, когортные, трендовые, мониторинговые. Наиболее близки к нашим задачам регулярные мониторинговые и трендовые опросы социальных настроений молодежи. Всероссийский центр изучения общественного мнения, Фонд «Общественное мнение» и другие крупные исследовательские компании специализируются на оперативных мониторингах и способны отслеживать изменения по повторяющимся вопросам – от раза в неделю до раза в несколько лет. Исследование «Новое Поколение» проводится компанией IPSOS регулярно с 1999 г. дважды в год (весной и осенью) на большой выборке,

что обеспечивает надежность и устойчивость полученных данных. Трендовые исследования фиксируют долгосрочные изменения (раз в 1–10 лет). Например, социологи Фонда социальных исследований изучали адаптацию молодежи Самарской области к трансформации социально-экономической повседневности с 1993 г. Каждый этап включал опрос 800 респондентов 14–30 лет, репрезентирующих группу по полу, возрасту и типу населенного пункта. Спустя 25 лет, в 2018 г., был сделан вывод о качественном изменении ценностных ориентаций [Звоновский 2018].

Материалом для исследования В. С. Магуна и М. В. Энговатова послужили повторяющиеся опросы среди российской и украинской молодежи в 1985–2005 гг. Авторы исследовали, как социально-культурные, экономические и политические изменения конца 1980-х – начала 1990-х гг. повлияли на уровень притязаний и готовность молодежи идти на жертвы для их достижения (5 повторных замеров с расширением географии) [Магун, Энговатов 2007].

В социолингвистике и психолингвистике используются различные методы сравнительно-сопоставительного анализа ассоциативных полей (АП), смоделированных на материале экспериментов, разделенных по времени. Так, был проведен анализ ассоциативных полей «Словаря ассоциативных норм русского языка» (САНРЯ) и «Русского ассоциативного словаря» (РАС): «Для САНРЯ материалы собирались в течение 1969–1972 гг., а для РАС – в течение 1988–1991 гг.» [Уфимцева 2002: 161]. На основании данного исследования был сделан вывод о существенном снижении уровня стереотипности реакций – в среднем на 12 %, а также о том, что, несмотря на изменения в структуре некоторых полей, «системность языкового сознания, которая вскрывается при анализе материалов массового свободного ассоциативного эксперимента с русскими испытуемыми, является достаточно стабильной» [Там же: 162].

Возрастную динамику АП изучал на материале «Ассоциативного словаря школьников Саратова и Саратовской области» (АСШС) В. Е. Гольдин [Гольдин 2020]. Для нашего исследования важны разработанные им методики определения динамического типа стандартизации, динамического типа усложнения поля и типа периферийного развития как динамической последовательности АП [Там же: 62–66].

На материале этого же словаря А. А. Григорьев и Т. Н. Ушакова для оценки возрастной динамики применили двухфакторный дисперсионный анализ, что позволило авторам сделать выводы о продуктивности использования данных ассоциативного словаря и о возможности психологической интерпретации результатов эксперимента [Григорьев, Ушакова 2017: 29].

Для сравнительно-сопоставительного анализа реакций, полученных в ассоциативном эксперименте с детьми и подростками, мы использовали методику индексирования взаимной ассоциативной связи и методику индексирования пересечения ассоциаций на группу слов [Гуц 2005]. Количественные методики, дополненные качественным анализом элементов сравниваемых АП, позволили сделать вывод (в рамках исследования некодифицированной лексики) о формировании уже в детском возрасте образов сознания, репрезентированных (наряду с кодифицированной или без нее) некодифицированной лексикой [Там же: 177].

Мы рассмотрели аспекты и методы трендовых социологических и психолингвистических исследований. Для нашей работы важен и опыт, накопленный в парадигме межъязыковых исследований. Подробный обзор сопоставительных исследований представлен в монографии [Гуц 2005]. Отметим только то, что во всех межъязыковых исследованиях большое внимание уделяется анализу АП, количественному и качественному, в целях выявления этнокультурной специфики языкового сознания носителей изучаемых языков. Еще в 1970-е гг. А. А. Залевская разработала и апробировала качественные и количественные методики анализа результатов ассоциативных экспериментов, проведенных на материале нескольких языков [Залевская 1971]. Мы в своих исследованиях применяли представленные и описанные ею методики индексирования степени ассоциативной связанности, например индекс частоты ассоциативной связи слов [Залевская 2011: 86].

В современных межъязыковых исследованиях разрабатываются и апробируются количественные методы сравнительно-сопоставительного анализа. Исследовательский интерес представляет созданная К. П. Дадашевой информационная система, содержащая базу данных русско-татарско-башкирского ассоциативного словаря, а также применение модуля расчета показателей меры связанности между стимулами на разных языках [Дадашева 2022]. Т. Ю. Касаткина, исследуя структуру АП цвета на материале вербальных ассоциаций на русском и удмуртском языках, применила количественные параметры, включающие уровень стереотипности реакций; количество разных единичных реакций на слово-стимул; расхождения в степенях актуальности лексико-семантических вариантов [Касаткина 2016]. Ю. В. Баранов при изучении этнокультурной специфики социума (на материале ассоциативных полей русских, немцев, австрийцев) использовал количественные данные при сопоставлении ядер анализируемых полей [Баранов 2024].

Представив краткий обзор трендовых и межъязыковых исследований, методов и приемов количественного анализа, применяемых в них при сравнительно-сопоставительном изучении АП, подчеркнем высокий эмпирический потенциал данных исследований.

Цель данного исследования – на примере АП *умный* дополнить и апробировать методику анализа одноименных ассоциативных полей, смоделированных на материале двух ассоциативных экспериментов,

разделенных по времени двадцатью годами (2002 г. и 2022 г.). Мы использовали сокращенную схему анализа с применением данной методики при анализе одноименных ассоциативных полей *человек* [Гуц 2025].

Методы и материалы

Основной метод получения эмпирических данных для исследования – свободный ассоциативный эксперимент (САЭ). При подготовке и проведении первого ассоциативного эксперимента (2002 г.) мы стремились обеспечить внешнюю валидность, т. е. «возможность переноса и / или обобщения результатов на другие объекты и условия исследования» [Дружинин 2003: 303], а также воспроизводимость эксперимента.

Для того чтобы повысить объективность (достоверность) и проверяемость результатов трендового исследования, мы максимально приблизили методику проведения ассоциативного эксперимента (САЭ2 – 2022 г.) к тем условиям, которые соблюдались при организации первого ассоциативного эксперимента (САЭ1 – 2002 г.): был использован тот же список стимулов (112 лексических единиц), взятых из словника «Славянского ассоциативного словаря»; количество испытуемых (500 человек); письменная форма выполнения (каждый испытуемый получал бланк анкеты и должен был отвечать на каждый стимул первым приходящим в голову словом). Испытуемыми в том и другом эксперименте были подростки 15–17 лет, учащиеся общеобразовательных школ, СПТУ (в 2002 г.) и колледжей (в 2022 г.). Базы для проведения первого эксперимента определялись с учетом требования репрезентативности выборки, т. е. соотношения школ, СПТУ, лицеев и гимназий. Методика проведения первого ассоциативного эксперимента подробно описана в [Гуц 2005]. В 2022 г. (САЭ2) все требования к проведению исследования были сохранены. Итак, мы получили два эксперимента, материалы которых представлены в «Ассоциативном словаре подростка»¹ и в «Ассоциативном словаре подростка 2»².

Интерпретация ассоциативных данных – одна из самых актуальных проблем методологии психолингвистики [Пищальникова 2019]. Трендовое экспериментальное исследование, безусловно, требует рассмотрения и интерпретации таких показателей,

как стандартность (стабильность) и динамика (изменчивость) вербальных ассоциативных связей.

В нашем исследовании для определения степени стандартности АП была применена методика, разработанная А. А. Григорьевым и М. С. Кленской [Григорьев, Кленская 2000]. На первом этапе определялись одинаковые реакции, частотные, малочастотные и единичные. Далее устанавливалась степень совпадения состава реакций сравниваемых полей. Для этого высчитывались относительные частоты реакций (их вес в АП), для каждой пары ассоциатов определялось меньшее значение. Искомый показатель степени близости исследуемых полей (W) равен сумме меньших значений относительных частот всех пар одинаковых реакций и принимает значение от 0 до 1. Для нашего исследования было важно то, что данная методика была применена В. Е. Гольдиным для оценки степени стандартности АП, смоделированных на материале «Ассоциативного словаря школьников Саратова и Саратовской области», и на основании полученных результатов был сделан вывод о возможной точке отсчета (W = от 0,5) «в аналогичных исследованиях на дугом материале» [Гольдин 2020: 25].

Результаты

Представим одноименные поля *умный*, смоделированные на материале ассоциативных экспериментов 2002 г. и 2022 г.

САЭ1

Умный – ботаник (57); тупой (50); человек (44); гений (28); ботан (19); заучка (18), мозги (18), отличник (18); глупый (16), я (16); человек (11); очкарик (9), ученый (9); дурак (7), хороший (7); очки (5), ученик (5); знающий (4), лох (4), образованный (4); богатый (3), знания (3), книга (3), молодец (3), ребенок (3), хорошо (3); всё знающий (2), голова (2), грамотный (2), задачи (2), интеллект (2), козёл (2), любознательный (2), мальчик (2), много знающий (2), начитанный (2), неглупый (2), оценка 5 (2), русский язык (2), с мозгами (2), сильный (2), смелый (2), сообразительный (2), тормоз (2), умный (2), учебник (2), учитель (2); адвокат, батон, бестолочь, богатая зараза, больше мозгов, большой, брат, веселый, взгляд, воробей, все знает, всезнайка, горшок, грязный, декан, депутат, добрый, доктор, дурной, дятел, есть мозги, ещё умнее, животное, завуч, задира, зазнайка,

¹ Гуц Е. Н. Ассоциативный словарь подростка (АСП1). Омск: Вариант-Омск, 2004. 153 с.

² Гуц Е. Н. Ассоциативный словарь подростка 2. URL: <https://disk.yandex.ru/i/skbKBRzGbCHXtg> (дата обращения: 01.08.2024).

заумный, зелёный, знает всё, знаток, знать, зубрила, играть, имеется умный, имеющий знание, интеллект, интересный, как дурак, классный, красивый, лучший, мальчик в очках, много знает и понимает, много знает, мозг, молоток, наука, находчивость, не весёлый, не дурак, не повезло, незнайка, некрасивый, нормальный, палка, партнёр, пидор, понимающий, придурок, профессор, пятерка, пятерышник, работающий учителем, разум, с головой, с развитым интеллектом, самый умный, самый, свинья, скука, слабый, слепой, совет, справедливый, старательный, старец, тетрадь, тупица, тупой швед, тупые, умник, умно, урод, уроки, философ, хорошо учится, человек думающий, школа, школьник, щенок, Эйнштейн (1); 500 + 0.

САЭ2

Умный – глупый (64); человек (60); очки (20); я (17); мозг (16); тупой (15); образованный (9); отличник (8); книги (7), ученик (7), учёный (7); гений (6), несчастный (6); знания (5), ребенок (5), учитель (5); грустный (4), дом (4), книга (4), мудрый (4), начитанный (4), профессор (4), сильный (4), способный (4); ботаник (3), голова (3), интересный (3), парень (3), пёс (3), разумный (3), Роберт (3), смелый (3), старый (3), успешный (3), учёба (3), честный (3), школа (3); бедный (2), вундеркинд (2), друг (2), дурак (2), интеллект (2), красивый (2), лучший (2), математика (2), мозги (2), не я (2), нет (2), образование (2), одинокий (2), папа (2), писатель (2), робот (2), свободный (2), смелый (2), философ (2), Эйнштейн (2), clever (2); Артём, аттестат, библиотека, богатый, ботан, был, в школе, Вадик, весьма, всегда, ВУЗ, гиперразум, глупость, годный, Гордей, гость, грешник, добрый, догадка, доктор, достижения, думать, дурной, дядя, дятел, жертва, заблуждение, закрытый, зануда (теоретик), заучка, здоровый, знает, знание, знаток, знать, знающий, институт, интерес, Кирилл, клевер, компьютер, красавчик, кругозор, кто-то, лампочка, лесть, ложь, любознательный, мой лучше, молодец, мудрость, мудрый (ворон), мяч, находит выход из любой ситуации, находчивый, не всегда, не всегда хорошо, не по годам, не поможет, не правда, невероятный, немой, немислимый, ненавистный, неповторимый, нормально, нудный, нужный, одинок, одноклассник, окно, олимпиада, опытный, очень умный, пень, первый, понимание, понимающий, понять, попугай, поступит, приятный, продвинутый, противоречивый, работа, разбирается, развитие, развитый, разговор, разносторонний, рассеянный, рациональный, рубашка, с рождения,

саморазвитие, самый, свежий, сестра, Сидоров, сила, слабый, слишком, сложно, собака, собеседник, сообразительный, старик, странный, страшный, счастливый, сыт, телевизор, терпеливый, труд, уважаемый, ум, умелый, умеющий, умник, умный, упорство, успех, ученик Меджид, физика, хитрый, хорошо, хорошо соображает, эрудиция, юнец, химия (1); 500.

На первом этапе анализа АП выписывались все совпадающие реакции, включая малочастотные и единичные. Далее определялись следующие показатели степени близости (стандартности) исследуемых полей: относительная частота каждой реакции (для САЭ-1 и САЭ-2), меньшее значение относительных частот для каждой пары реакций и, наконец, сумма меньших значений относительных частот всех пар совпадающих реакций. Результаты анализа представлены в таблице.

Табл. Показатели степени близости (стандартности) одноименных ассоциативных полей умный

Tab. Proximity (standardization) of associative fields to the stimulus smart

Ассоциации	САЭ1, 2002 г.		САЭ2, 2022 г.		Относительная частота употребления, итого: 39,4 (0,3)
	Количество общих реакций	Процентное соотношение	Количество общих реакций	Процентное соотношение	
Ботаник	57	11,4 %	3	0,6 %	0,6 %
Тупой	50	10 %	15	3 %	3 %
Человек	55	11 %	60	12 %	8,8 %
Гений	28	5,6 %	6	1,2 %	1,2 %
Ботан	19	3,8 %	7	1,4 %	1,4 %
Заучка	18	3,6 %	1	0,2 %	0,2 %
Мозги	18	3,6 %	2	0,4 %	0,4 %
Отличник	18	3,6 %	8	1,6 %	1,6 %
Глупый	16	3,2 %	64	12,8 %	3,2 %
Я	16	3,2 %	17	3,4 %	3,2 %
Учёный	9	1,8 %	7	1,4 %	1,4 %
Дурак	7	1,4 %	2	0,4 %	0,4 %

Ассоциации	САЭ1, 2002 г.		САЭ2, 2022 г.		Относительная частота употребления, итого: 39,4 (0,3)
	Количество общих реакций	Процентное соотношение	Количество общих реакций	Процентное соотношение	
Очки	5	1 %	20	4 %	1 %
Ученик	5	1 %	7	1,4 %	1 %
Знающий	4	0,8 %	1	0,2 %	1 %
Образование	4	0,8 %	9	1,8 %	0,8 %
Богатый	3	0,6 %	1	0,2 %	0,2 %
Знание	3	0,6 %	5	1 %	0,6 %
Книга	3	0,6 %	4	0,8 %	0,6 %
Молодец	3	0,6 %	1	0,2 %	0,2 %
Ребёнок	3	0,6 %	5	1 %	0,6 %
Хорошо	3	0,6 %	1	0,2 %	0,2 %
Голова	2	0,4 %	3	0,6 %	0,4 %
Любознательный	2	0,4 %	1	0,2 %	0,2 %
Начитанный	2	0,4 %	4	0,8 %	0,4 %
Сильный	2	0,4 %	4	0,8 %	0,4 %
Смелый	2	0,4 %	2	0,4 %	0,4 %
Сообразительный	2	0,4 %	1	0,2 %	0,2 %
Умный	2	0,4 %	1	0,2 %	0,2 %
Учитель	2	0,4 %	5	1 %	0,4 %

Ассоциации	САЭ1, 2002 г.		САЭ2, 2022 г.		Относительная частота употребления, итого: 39,4 (0,3)
	Количество общих реакций	Процентное соотношение	Количество общих реакций	Процентное соотношение	
Мозг	1	0,2 %	16	3,2 %	0,2 %
Профессор	1	0,2 %	4	0,8 %	0,2 %
Интересный	1	0,2 %	3	0,6 %	0,2 %
Школа	1	0,2 %	3	0,6 %	0,2 %
Интеллект	1	0,2 %	2	0,4 %	0,2 %
Красивый	1	0,2 %	20	4 %	0,2 %
Лучший	1	0,2 %	2	0,4 %	0,2 %
Философ	1	0,2 %	2	0,4 %	0,2 %
Эйнштейн	1	0,2 %	2	0,4 %	0,2 %
Добрый	1	0,2 %	1	0,2 %	0,2 %
Доктор	1	0,2 %	1	0,2 %	0,2 %
Дурной	1	0,2 %	1	0,2 %	0,2 %
Дятел	1	0,2 %	1	0,2 %	0,2 %
Знаток	1	0,2 %	1	0,2 %	0,2 %
Знать	1	0,2 %	1	0,2 %	0,2 %
Самый	1	0,2 %	1	0,2 %	0,2 %
Слабый	1	0,2 %	1	0,2 %	0,2 %
Умник	1	0,2 %	1	0,2 %	0,2 %

Сумма меньших значений относительных частот всех пар совпавших реакций в АП САЭ1 и САЭ2 в соответствии с выбранной нами методикой равна 0,39, что меньше точки отсчета (0,5) для определения высокой степени стандартности ассоциаций [Гольдин 2020]. Интерпретировать полученный результат без обращения к семантике ассоциатов и далее к их семантической (тематической) близости не представлялось возможным.

Один из путей верификации полученных результатов – «обобщение ассоциативных реакций в пределах по-разному понимаемых классов» [Там же: 22]. В данной статье в качестве семантических классов моделировались зоны семантического гештальта,

который представляет собой «одну из структур, с помощью которых можно упорядочить состав ассоциативного поля», и «воплощает тот аспект языкового сознания носителя языка, который связан с отражением окружающей реальности, образов национально-культурного мира, запечатленных в родном языке» [Караулов 2000b: 107–108]. Ю. Н. Караулов разработал методику моделирования семантического гештальта для анализа АП, одноименных полей, а также ядра языкового сознания носителей языка.

В психолингвистике данная модель используется при изучении языкового сознания носителей разных языков, в этнопсихолингвистических

и межкультурных исследованиях [Васильева 2016; Залевская 2005; Караулов, Санчес Пуиг 2000; Кечина, Гришенина 2016; Мезенцева, Темирбекова 2015; Рев, Харченко 2019; Уфимцева 2017; Цзинь, Харченко 2018; Цзя 2021; Юй 2023]. Данные сравнительно-сопоставительные исследования, проведенные на материале ассоциативных экспериментов с носителями разных языков, имеют практическую значимость и подтверждают большой эвристический потенциал модели *семантический гештальт*.

Данная модель в сравнительно-сопоставительных исследованиях состоит из следующих зон: субъект, объект, действия и состояния, характеристика (оценка положительная и отрицательная), локус, время, эго и прочее, не вошедшее в заявленную схему. Такая схема подходит для ассоциативных полей стимулов, выраженных именами существительными и глаголами, для прилагательных требуется некоторая модификация. Необходимо отметить и унифицированность данной схемы, возможность использования для анализа полей в сравнительно-сопоставительном аспекте на материале двух и более языков.

В статье представлены результаты анализа одноименных АП *умный*. Стимул, выраженный именем прилагательным, вызывает ассоциации, которые «не подчиняются» общепринятой схеме, но объединяются в зоны по другой схеме, разработанной Ю. Н. Карауловым. При построении семантического гештальта названия зонам давались по самому частотному в иерархии слову; порядок следования зон определялся суммарной частотой слов-понятий, их составляющих; слова в зоне группировались по смысловой близости, а также с учетом убывания частоты [Караулов 2000а].

Представим **семантический гештальт**, построенный на материале совпадающих реакций в одноименных полях *умный* (САЭ1 и САЭ2).

Умный

1. Человек (8,8), я (3,2), ребенок (0,6).
2. Отличник (1,6), ботан (1,4), гений (1,2), ботаник (0,6), заучка (0,2), умник (0,2), знаток (0,2).
3. Ученый (1,4), ученик (1), учитель (0,4), профессор (0,2), философ (0,2), Эйнштейн (0,2), доктор (0,2).
4. Дурак (0,4), дятел (0,2).
5. Знающий (1), начитанный (0,4), любознательный (0,2), умный (0,2), сообразительный (0,2).
6. Глупый (3,2), тупой (3)
7. Мозги (0,4), голова (0,4), мозг (0,2), интеллект (0,2).

8. Очки (1), образование (0,8), книга (0,6), знание (0,6), школа (0,2).

9. Сильный (0,4), смелый (0,4), богатый (0,2), красивый (0,2), добрый (0,2), лучший (0,2), интересный (0,2), самый (0,2).

10. Слабый (0,2), дурной (0,2).

11. Молодец (0,2), хорошо (0,2).

В АП выделено 11 семантических зон, каждая из которых «является характеристикой некоторого существенного признака соответствующего референта» [Караулов 2000б: 108].

Для того чтобы получить адекватные поставленным задачам и непротиворечивые выводы, мы суммировали относительные частоты употребления реакций в каждой зоне и получили относительные частоты реакций данного класса в целом. Последовательность зон при этом изменилась в соответствии с полученными показателями.

1. Человек (12,6).
2. Глупый (6,2).
3. Отличник (5,4).
4. Ученый (3,6).
5. Очки (3,4).
6. Сильный (2).
7. Знающий (2).
8. Мозги (1,2).
9. Дурак (0,6).
10. Слабый (0,4).
11. Молодец (0,2).

В первую по частотности зону входит реакция *человек*, занимающая первое место по частоте в ядре языкового сознания подростка [Гуц 2005: 128]. Реакции *я* и *ребенок* также входят в первую зону семантического гештальта ядра языкового сознания подростка [Там же].

Следующая по частотности зона включает две реакции (синонимы), антонимичные слову-стимулу: *глупый* и *тупой*. *Отличник* и близкие ему по значению реакции образуют третью зону гештальта. Зоны *ученый* и *дурак*, так же как и предыдущие зоны, включают номинации лица. Сумма относительных частот употребления реакций в каждой зоне равна 24. Таким образом, семантическое поле *человек* с входящими в него зонами включает частотные, совпадающие в одноименных АП реакции, образующие в нем (по закону полевой организации) ядро и периферию.

Семантические зоны *глупый* (2 ранг), *сильный* (6 ранг), *знающий* (7 ранг), *слабый* (10 ранг) включают реакции собственно семантические, антонимичные (2) и синонимичные (7) стимулу, а также

собственно ассоциативные реакции [Гуц 2005: 70–75]. Сумма относительных частот употребления реакций в каждой зоне равна 10,6.

Семантические зоны *очки* и *мозги* представлены разнообразными собственно ассоциативными реакциями, обозначающими то, что, по мнению испытуемых, связано с *умным*: *очки*, *книга* и *школа*, что определяет *умного* – *мозги*, *голова* и *интеллект*. Собственно ассоциативные реакции являются результатом пропозициональной тактики испытуемых, «отдающих предпочтение пропозиции, т.е. отвечающих на стимул актантом или актантами, при которых предикация прямо не обозначена, а только подразумевается и которые вместе со стимулом задают пропозицию (восходящую опять-таки к некоторому прототипическому для данного испытуемого тексту)» [Караулов 1999: 123]. Сумма относительных частот употребления реакций в каждой зоне, представленной в данном семантическом поле, равна 4,6.

Оценочная реакция *молодец* выделена в отдельную зону с относительной частотой 0,2.

Таким образом, исследуемое семантическое пространство включает четыре поля, каждое из которых содержит несколько (две и более) семантических зон, которые и являются элементами модели семантического гештальта.

Обсуждение

Приступая к моделированию гештальта, мы учитывали, что «понятие модели является относительным и зависит от того, насколько важна или неважна для моделирующего человека степень материального совпадения с оригиналом (структурное совпадение является обязательным во всех случаях)» [Степанов 2007: 106]. Модель есть объект, результаты изучения которого используются как знания об исходном объекте.

В рамках нашего исследования это знание о степени стандартности одноименных полей *умный*, смоделированных на материале двух ассоциативных экспериментов, разделенных по времени (САЭ1 и САЭ2).

На первом этапе моделирования использовалось два параметра: частотность совпадающих реакций (с учетом убывания частоты) и их смысловая близость. Далее определялись относительные частоты реакций и вычислялся показатель близости исследуемых ассоциативных полей. Для вычисления искомого показателя мы использовали методику количественной оценки близости ассоциативных полей,

разработанную А. А. Григорьевым и М. С. Кленской [Григорьев, Кленская 2000]. Полученные результаты мы сравнили с показателями близости одноименных АП, представленными в исследованиях В. Е. Гольдина [Гольдин 2020]. Показатель W в нашем исследовании равен 0,39, что меньше предлагаемых В. Е. Гольдиным оптимальных для оценки высокой степени стандартности ассоциаций: $W \leq 0,5$. Качественный и количественный анализ одноименных полей *умный* и интуитивная оценка материала позволяют согласиться с данной точкой отсчета и признать недостаточно высокую степень близости исследуемых полей.

Объективность полученных нами результатов обосновывается и тем, что «если социальные, культурные, возрастные и другие существенные для анализа характеристики участников таких групп одинаковы или почти одинаковы, а условия проведения эксперимента существенно не различаются, то полученные показатели близости рассматриваемых ассоциативных полей можно, по-видимому, считать одновременно и показателями степени стандартности ассоциаций» [Там же: 19].

На втором этапе исследования, получив невысокий показатель близости одноименных полей *умный*, мы решили попытаться построить из имеющегося языкового (ассоциативного) материала семантическое поле и выделить в нем ядро и периферию, тем самым надеясь получить дополнительную информацию об исследуемом объекте. Необходимо было выбрать такую модель, которая была бы максимально приближена к объекту и адекватна поставленной исследовательской задаче. Было опасение и поддаться «произволу исследователя» [Григорьев, Кленская 2000: 317]. Однако опыт семантического моделирования позволил согласиться с высказыванием В. Е. Гольдина: «решение сравнивать ассоциативные поля по классам реакций представляет собой не больший произвол, чем решение не обобщать реакции» [Гольдин 2020: 23].

Заключение

Исследование одноименных ассоциативных полей, полученных в разделенных по времени ассоциативных экспериментах, потребовало рассмотрения ряда теоретических вопросов. В число их входило изучение опыта проведения трендовых исследований в социологии и социолингвистике, в частности методики анализа, качественного и количественного, их результатов. Применение методики количественной оценки близости ассоциативных полей,

разработанной А. А. Григорьевым и М. С. Кленской, позволило решить поставленную в исследовании задачу количественного анализа одноименных ассоциативных полей. Качественный их анализ проводился с применением методики построения семантического гештальта. Данная методика дала возможность на материале одноименных реакций построить модель семантического поля, определить его структуру, выделив ядерные и периферийные зоны. Повысить объективность анализа семантической структуры гештальта мы смогли, используя количественный метод определения относительных частот не только отдельных реакций, но и зон гештальта, т. е. семантических классов.

Новизна данного исследования состоит в том, что апробированная в нем комплексная методика анализа одноименных ассоциативных полей, построенных на материале двух экспериментов, разделенных во времени, включает следующие этапы:

- 1) выделение в сравниваемых полях одноименных реакций, включая периферийные и единичные;
- 2) определение степени совпадения (наложения) состава реакций исследуемых полей;
- 3) вычисление относительных частот совпадающих реакций;
- 4) определение суммы меньших значений относительных частот всех пар одноименных реакций;
- 5) построение семантического гештальта на полученном языковом (ассоциативном) материале;

6) вычисление относительных частот каждой семантической зоны, входящей в семантический гештальт;

7) распределение зон в соответствии с полученными показателями;

8) проведение анализа структуры и семантики построенной модели.

Таким образом, сочетание количественных и качественных методов анализа отдельных совпадающих реакций, а также семантических классов, представленных в одноименных ассоциативных полях, дает возможность решать различные задачи сравнительно-сопоставительного исследования материалов ассоциативных экспериментов и может быть модифицировано для применения в исследованиях одноименных реакций на стимул, выраженный другой частью речи (именем существительным или глаголом), для решения других задач изучения стабильности (стандартности) ассоциативных полей, смоделированных на материале двух или нескольких экспериментов.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Баранов Ю. В. Обнаружение этнокультурной специфики социума (на материале ассоциативных полей русских, немцев, австрийцев). *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2024. № 3. С. 55–62. [Baranov Yu. V. The discovery of the ethnocultural specifics of society (based on the material of the associative fields of Russians, Germans, Austrians). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2024, (3): 55–62. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sgvvhfi>
- Беликов В. И., Крысин Л. П. Социолингвистика. М.: РГГУ, 2001. 439 с. [Belikov V. I., Krysin L. P. *Sociolinguistics*. Moscow: RSUH, 2001, 439. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pwفالv>
- Васильева С. П. Деньги как ценность в языковом сознании русских Приенисейской Сибири. *Вестник КГПУ им. В. П. Астафьева*. 2016. № 3. С. 158–165. [Vasilyeva S. P. Money as a value in the linguistic consciousness of the Russians of Yenisei Siberia. *Vestnik KGPU im V. P. Astafieva*, 2016, (3): 158–165. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wvoxsv>
- Гольдин В. Е. Языковое сознание. Речевая коммуникация: избранные работы. Саратов: СГУ, 2020. 496 с. [Goldin V. E. *Linguistic consciousness. Speech communication: Selected works*. Saratov: SSU, 2020, 496. (In Russ.)]
- Григорьев А. А., Кленская М. С. Проблема количественного анализа в сопоставительных исследованиях ассоциативных полей. *Языковое сознание и образ мира*, отв. ред. Н. В. Уфимцева. М.: ИЯз РАН, 2000. С. 313–318. [Grigoriev A. A., Klenskaya M. S. Quantitative analysis in comparative studies of associative fields. *Linguistic consciousness and the world image*, ed. Ufimtseva N. V. Moscow: IL RAS, 2000, 313–318. (In Russ.)]

- Григорьев А. А., Ушакова Т. Н. Применение количественного анализа для исследования семантического компонента слова. *Экспериментальная психология*. 2017. Т. 10. № 3. С. 16–32. [Grigoriev A. A., Ushakova T. N. Investigating word's semantic component with quantitative analysis. *Experimental Psychology (Russia)*, 2017, 10(3): 16–32. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/exppsy.2017100302>
- Гуц Е. Н. Представление подростков о человеке. *Казанская наука*. 2025. № 1. С. 206–208. [Guts E. N. Adolescents' concepts of humanity: An experience of a diachronic study. *Kazan Science*, 2025, (1): 206–208. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xvjusz>
- Гуц Е. Н. Психолингвистическое исследование языкового сознания подростка. Омск: Вариант-Сибирь, 2005. 259 с. [Guts E. N. *Psycholinguistic study of adolescent linguistic consciousness*. Omsk: Variant-Sibir, 2005, 259. (In Russ.)]
- Дадашева К. П. Обзор методов межъязыкового сопоставления ассоциативных полей. *Вопросы психолингвистики*. 2022. № 3. С. 150–160. [Dadasheva K. P. Overview of methods for cross-language matching of associative fields. *Journal of Psycholinguistics*, 2022, (3): 150–160. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2022-53-3-150-160>
- Дружинин В. Н. Экспериментальная психология. 2-е изд., доп. СПб.: Питер, 2003. 319 с. [Druzhinin V. N. *Experimental psychology*. 2nd ed. St. Petersburg: Piter, 2003, 319. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sgbtzz>
- Залевская А. А. Значение слова через призму эксперимента. Тверь: ТвГУ, 2011. 240 с. [Zalevskaya A. A. *The meaning of the word through experiments*. Tver: TverSU, 2011, 240. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qbwlyf>
- Залевская А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст. М.: Гнозис, 2005. 543 с. [Zalevskaya A. A. *Psycholinguistic research. Word. Text*. Moscow: Gnozis, 2005, 543. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qlwpxp>
- Залевская А. А. Свободные ассоциации трех языках. *Семантическая структура слова*, отв. ред. А. А. Леонтьев. М.: Наука, 1971. С. 178–194. [Zalevskaya A. A. Free associations in three languages. *Semantic structure of the word*, ed. Leontiev A. A. Moscow: Nauka, 1971, 178–194. (In Russ.)]
- Звоновский В. Б. Динамика ценностей молодежи Самарской области. *Logos et Praxis*. 2018. Т. 17. № 4. С. 88–94. [Zvonovsky V. B. Dynamics of youth values in the Samara region. *Logos et Praxis*, 2018, 17(4): 88–94. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2018.4.10>
- Караулов Ю. Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М.: ИРЯ РАН, 1999. 180 с. [Karaulov Yu. N. *Active grammar and associative-verbal network*. Moscow: RLI RAS, 1999, 180. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pwfahf>
- Караулов Ю. Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети. *Языковое сознание и образ мира*, отв. ред. Н. В. Уфимцева. М.: ИЯЗ РАН, 2000а. С. 191–206. [Karaulov Yu. N. Indicators of the national mentality in the associative-verbal network. *Linguistic consciousness and the world image*, ed. Ufimtseva N. V. Moscow: IL RAS, 2000a, 191–206. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sijqlh>
- Караулов Ю. Н. Семантический гештальт ассоциативного поля и образы сознания. *Языковое сознание: содержание и функционирование: XIII Междунар. симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации*. (Москва, 1–3 июня 2000 г.) М.: Сов. писатель, 2000b. С. 107–108. [Karaulov Yu. N. Semantic gestalt of the associative field and images of consciousness. *Linguistic consciousness: Content and functions: Proc. XIII Intern. Symposium on Psycholinguistics and Communication Theory*, Moscow, 1–3 Jun 2000. Moscow: Sov. pisatel, 2000b, 107–108. (In Russ.)]
- Караулов Ю. Н., Санчес Пуиг М. Сопоставительный анализ образов сознания испанцев и русских. *Языковое сознание: содержание и функционирование: XIII Междунар. симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации*. (Москва, 1–3 июня 2000 г.) М.: Сов. писатель, 2000. С. 109–110. [Karaulov Yu. N., Sanchez Puig M. Comparative analysis of the consciousness images of Spaniards and Russians. *Linguistic consciousness: Content and functions: Proc. XIII Intern. Symposium on Psycholinguistics and Communication Theory*, Moscow, 1–3 Jun 2000. Moscow: Sov. pisatel, 2000, 109–110. (In Russ.)]
- Касаткина Т. Ю. Анализ структуры ассоциативного поля цвета (на материале удмуртского и русского языков). *Многоязычие в образовательном пространстве*. 2016. Т. 8. С. 60–67. [Kasatkina T. Yu. Analysis of the associative field structure of colour (based on Udmurt and Russian languages). *Mnogoiazychie v obrazovatelnom prostranstve*, 2016, 8: 60–67. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zeneyt>
- Кечина Э. А., Гришенина Ю. А. Счастье как базовая ценность в языковом сознании русских и арабских студентов. *Международный научно-исследовательский журнал*. 2016. № 12-2. С. 48–49. [Kechina E. A., Grishinina Yu. A. Happiness as a basic value in the linguistic consciousness of Russian and Arab students. *International Scientific Journal*. 2016. No 12-2. P. 48–49.]

- Happiness as basic value in the language consciousness of Russian and Arab students. *International Research Journal*, 2016, (12-2): 48–49. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xeoaej>
- Магун В. С., Энговатов М. В. Динамика притязаний и изменение ресурсных стратегий молодежи: 1985–2005 годы. *Россия реформирующаяся*. 2007. № 6. С. 197–219. [Magun V. S., Engovatov M. V. Dynamics of aspirations and changes in resource strategies of youth: 1985–2005. *Rossiiia peformiruiushaiasia*, 2007, (6): 197–219. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pbudrx>
- Мезенцева Е. С., Темирбекова Г. А. Сопоставительные исследования в казахстанской лингвистике (по материалам ассоциативных экспериментов). *Вестник Московского института лингвистики*. 2015. № 1. С. 36–39. [Mezentseva E. S., Temirbekova G. A. Comparative studies in Kazakh linguistics (materials associative experiments). *Vestnik Moskovskogo instituta lingvistiki*, 2015, (1): 36–39. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ubduyb>
- Пищальникова В. А. Интерпретация ассоциативных данных как проблема методологии психолингвистики. *Russian Journal of Linguistics*. 2019. Т. 23. № 3. С. 749–761. [Pishchalnikova V. A. Interpretation of associative data as a methodological issue of psycholinguistics. *Russian Journal of Linguistics*, 2019, 23(3): 749–761. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-3-749-761>
- Рев В. С. С. Т., Харченко Е. В. Образ семьи в языковом сознании носителей разных лингвокультур (на примере Шри-Ланки и России). *Филологический класс*. 2019. № 4. С. 40–48. [Rev W. S. S. T., Kharchenko E. V. Image of family in the linguistic consciousness of native speakers in different linguocultures (on the example of Russia and Sri Lanka). *Philological Class*, 2019, (4): 40–48. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26170/FK19-04-05>
- Степанов Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики. 6-е изд. М.: ЛКИ, 2007. 312 с. [Stepanov Yu. S. *Methods and principles of modern linguistics*. 6th ed. Moscow: LKI, 2007, 312. (In Russ.)]
- Уфимцева В. В. Культура и проблема заимствования. *Встречи этнических культур в зеркале языка (в сопоставительном лингвокультурном аспекте)*, отв. ред Г. Л. Нещименко. М.: Наука, 2002. С. 152–170. [Ufimtseva V. V. Culture and the problem of borrowing. *Encounters of ethnic cultures in the mirror of language: Comparative cultural linguistics*, ed. G. L. Neshchimenko. Moscow: Nauka, 2002, 152–170. (In Russ.)]
- Уфимцева Н. В. Содержание ценности «жизнь» в языковом сознании при межкультурном сопоставлении. *Вопросы психолингвистики*. 2017. № 34. С. 116–123. [Ufimtseva N. V. The content of value "Life" in language consciousness in cross-cultural comparison. *Journal of Psycholinguistics*, 2017, (34): 116–123. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vsizbr>
- Цзинь Ч., Харченко Е. В. Сходство и отличие образа ребенка в языковом сознании носителей разных лингвокультур (по данным ассоциативных словарей). *Вестник Челябинского государственного университета*. 2018. № 10. С. 271–279. [Tszyn Ch., Kharchenko E. V. Similarity and distinction of a child's image in language consciousness of the carriers of different linguocultures (according to associative dictionaries). *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2018, (10): 271–279. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24411/1994-2796-2018-11039>
- Цзя Ш. Образ врача в языковом сознании носителей русского и китайского языков. *Вопросы психолингвистики*. 2021. № 1. С. 160–169. [Jia Sh. The image of a doctor in the linguistic consciousness of native speakers of Russian and Chinese. *Journal of Psycholinguistics*, 2021, (1): 160–169. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2021-47-1-160-169>
- Юй М. Синхронно-диахронический анализ образа «я» в языковом сознании современных носителей китайского и русского языков (на материале ассоциативных экспериментов). *Мир науки, культуры, образования*. 2023. № 3. С. 500–503. [Yu M. Synchronic-diachronic analysis of "I" in the language consciousness of modern Chinese and Russian languages (on the basis of associative experiments). *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 2023, (3): 500–503. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2023-3100-500-503>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/ilwphr>

Семантические классы лексики сборника О. Мандельштама «Камень»

Духнова Мария Александровна

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Россия, Пермь
eLibrary Author SPIN: 7470-3463
<https://orcid.org/0000-0001-6788-1832>
mariya.dukhnova@yandex.ru

Обухова Ирина Андреевна

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Россия, Пермь
eLibrary Author SPIN: 9448-2814
<http://orcid.org/0000-0002-7574-7833>
Scopus Author ID: 58309332000

Ерофеева Елена Валентиновна

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Россия, Пермь
eLibrary Author SPIN: 4653-7454
<https://orcid.org/0000-0002-6659-6519>
Scopus Author ID: 55932222100

Аннотация: В статье анализируется частотный словарь лексики сборника стихов О. Мандельштама «Камень». Актуальность темы исследования обусловлена значимостью анализа лексики для понимания художественного мира Осипа Мандельштама, что способствует осмыслению поэтики автора и развивает методологию филологических исследований поэтического текста. Цель – проанализировать семантические классы лексики сборника «Камень», учитывая их объем, то есть значимость для творчества поэта данного периода. При помощи машинной обработки текста определен список лемм сборника и составлен его частотный словарь. Анализируются семантические классы и подклассы словаря лемм, выделенные на основе называемых литературоведами базовых мотивов творчества поэта. Подобный анализ лексики сборника проводится впервые. Результаты анализа объемов семантических классов и подклассов лексики сборника, а также связей между данными классами и подклассами демонстрируют, что ядерным семантическим классом сборника является класс ФОРМА, имеющий прямые или косвенные связи с другими классами, образующими предъядерную зону – человек, бытие, природа, движение, сенсорика. Центральное положение класса ФОРМА и его взаимосвязь с другими классами иллюстрируют значимость и вариативность идеи формы в лирике сборника. Мотив формы реализуется не только через наименование объектов, но и через природные явления, человеческое тело, идею движения, звуковые образы. Согласно анализу, сборник «Камень» подчинен идее оформления бесформенного и заполнения пустоты. Проведенное исследование подтверждает, что сборник «Камень» носит характер манифеста акмеизма: акмеизм как проект противостоит бесформенности символистов и нарождающегося авангарда.

Ключевые слова: Осип Мандельштам, сборник стихов О. Мандельштама «Камень», частотный словарь, семантические классы, форма, наполнение

Цитирование: Духнова М. А., Ерофеева Е. В., Обухова И. А. Семантические классы лексики сборника О. Мандельштама «Камень». *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 4. С. 667–680. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-4-667-680>

Поступила в редакцию 05.02.2025. Принята после рецензирования 07.04.2025. Принята в печать 07.04.2025.

full article

Semantic Classification of Vocabulary in Osip Mandelstam's *Stone*

Mariia A. Dukhnova

Perm State National Research University, Russia, Perm

eLibrary Author SPIN: 7470-3463

<https://orcid.org/0000-0001-6788-1832>

mariya.dukhnova@yandex.ru

Irina A. Obukhova

Perm State National Research University, Russia, Perm

eLibrary Author SPIN: 9448-2814

<http://orcid.org/0000-0002-7574-7833>

Scopus Author ID: 58309332000

Elena V. Erofeeva

Perm State National Research University, Russia, Perm

eLibrary Author SPIN: 4653-7454

<https://orcid.org/0000-0002-6659-6519>

Scopus Author ID: 55932222100

Abstract: A frequency vocabulary helps to understand the artistic world and poetics of the author. This article introduces Osip Mandelstam's frequency vocabulary compiled from his collection of poetry *Stone* (1913). The new research methodology made it possible to analyze the semantic classes of vocabulary in the poetic texts based on their volume, i.e., their significance for that period in Mandelstam's oeuvre. The lemmas and semantic classes were compiled using a system of automatic text processing and categorized based on fundamental motives identified by literary scholars in Mandelstam's poetry. According to the volumes of semantic classes, subclasses, and their relationships, the SHAPE class proved to be the core semantic class. This class had direct or indirect connections with other classes in the pre-core zone, namely *human*, *existence*, *nature*, *movement*, and *sensory perception*. The high occurrence of the SHAPE class and its relationship with other classes illustrated the significance and variability of the idea of form and shape in the verse. It was expressed not only by naming objects but also through natural phenomena, human body, movement, and sound. *Stone's* key pathos was to give shape to initially shapeless objects and fill in the void. In this respect, the collection was a manifesto of Acmeism, which opposed the poetic shapelessness of Symbolism.

Keywords: Osip Mandelstam, Osip Mandelstam's collection of poetry *Stone*, frequency vocabulary, semantic classes, form, filling

Citation: Dukhnova M. A., Erofeeva E. V., Obukhova I. A. Semantic Classification of Vocabulary in Osip Mandelstam's *Stone*. *SibScript*, 2025, 27(4): 667–680. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-4-667-680>

Received 5 Feb 2025. Accepted after peer review 7 Apr 2025. Accepted for publication 7 Apr 2025.

Введение

Частотные словари – отдельный вид словарей, которые представляют собой упорядоченные списки слов с указанием при каждом слове частоты его употребления в совокупности текстов определенной длины [Алексеев 1975]. Цели, с которыми создаются такие упорядоченные списки слов текстов определенного типа, могут быть самыми разными. Изначально частотные словари использовались для определения наиболее частотной лексики в целях обучения иностранному языку [Eaton 1934; Eldrige 1911; Thorndike, Loge 1944], в настоящее время частотные словари востребованы при преподавании языков, создании учебных или исследовательских словарей, применяются при разработке приложений компьютерной

лингвистики и для решения других прикладных задач (см., например, [Хохлова 2023: 84]).

Особый тип частотных словарей – частотные словари писателей и поэтов, которые используются для анализа языка писателя, его стиля и семантики частотной лексики, помогающих раскрыть акцентные темы и проанализировать ключевые мотивы творчества авторов [Барановский, Бабенко 2023; Глазырин, Казарин 2017; Зиямухамедова 2023; Зотова 2013; Мартыненко, Григорьев 2017; Матаненкова 2010; Шатохина 2017; Hugh 2002; Madden 1953; Tsukasaki 2000]. Материалы подобных словарей составляют базу для дальнейших лексикографических разработок и углубленных монографических

исследований художественной речи – в первую очередь на лексическом, но также и на других уровнях [Шестакова 2011: 378].

«В многообразной символике поэтического произведения мы обнаруживаем постоянные, организующие, цементирующие элементы, являющиеся носителями единства в многочисленных произведениях... <...> Наряду с варьируемыми элементами, которые свойственны отдельному стихотворению, особое значение имеет некая постоянная мифология, лежащая в основе стихотворного цикла, а нередко и всего творчества поэта» [Якобсон 1987: 145–146]. Эта мифология создается не чем иным, как языковыми средствами, в частности семантикой лексических единиц с их первичными и переносными значениями, формирующих в стихотворении или цикле стихотворений семантические поля и группы, работающие на создание определенных образов.

В данной статье анализируется частотность лексики сборника О. Мандельштама «Камень». Анализ частотных слов одного произведения или цикла произведений важен, поскольку своеобразие словаря художественного текста «сосредоточено главным образом в его верхней области, в самых частотных словах» [Баевский и др. 2003: 34]. Однако не стоит преуменьшать и значимость наименее частотных слов, расширяющих и обогащающих смысловую композицию сборника: «Каждое слово, имеющее вещественное значение, является для художника поэтической темой, своеобразным приемом художественного воздействия» [Жирмунский 1977: 30].

Цель данной работы – проанализировать семантические классы лексики сборника «Камень», учитывая их объем, т. е. значимость для творчества поэта данного периода. Эта цель достигается путем составления частотного словаря всех значимых лексем сборника, семантического анализа этого словаря, выделения основных семантических классов лексики сборника и анализа их взаимосвязей. Таким образом, объектом исследования является лексика сборника О. Мандельштама «Камень», а предметом становится иерархия семантических классов лексики как отражение основных мотивов и образов в творчестве поэта. Подобный анализ лексики поэтического произведения проводится впервые.

Актуальность темы исследования обусловлена значимостью анализа лексики для понимания художественного мира О. Мандельштама. Выявление

не просто основных семантических классов частотного словаря сборника, но и характеристика их объема и взаимосвязей, способствует осмыслению поэтики автора, развивает методологию филологических исследований поэтического текста.

Методы и материалы

Сборник «Камень»¹ рассматривается в его первом варианте, датированном 1913 г.; в эту редакцию сборника вошли 23 стихотворения. Каждое стихотворение, вошедшее в сборник, отнюдь не случайно, «это не свод всех опубликованных (и неопубликованных) стихов, а выборка, причем с очень строгими критериями отбора» [Фролов 2009: 155]. Стихотворения, относящиеся к сборнику «Камень», следует рассматривать как отдельный этап творчества О. Мандельштама, важный для формирования его в качестве поэта и имеющий свои характерные особенности.

Стихотворения, вошедшие в сборник, написаны в промежутке с 1909 по 1913 г.; в начале этого периода О. Мандельштаму было всего 18 лет. Для этого этапа творчества поэта характерна глубокая рефлексия (переживание эмоций, возникающих при соприкосновении с миром, поиск себя и своего места в жизни), которая видится поэту неизведанной, чужеродной, равнодушной и даже враждебной. Ранняя поэзия О. Мандельштама созерцательна: он называет все видимое, слышимое, чувствуемое им, все явления действительности преобразуются в его поэтическом мире и превращаются в абстракции высокого порядка, содержащие глубокий подтекст [Карпенко 1999: 60]. Стихотворения данного периода отражают состояние поэта, видение им мира: попытка понять законы мироздания, определение себя в мире, трепетное отношение к творчеству вообще и слову в частности. Кроме того, «в оформлении книги задается основная (или одна из основных) ее тема – размышления о творчестве и искусстве, о месте поэта и его личном вкладе» [Фролов 2009: 162].

Изучение семантических групп лексики «Камень» уже проводилось лингвистами [Глазырин, Казарин 2018; 2021], однако подход к распределению лексических единиц по семантическим классам, а также их дальнейший анализ отличен от настоящего исследования. Авторы идеографического словаря, составленного на материале текстов сборника

¹ Мандельштам О. Э. Камень. СПб.: Акмэ, 1913. 34 с.

«Камень», опираются на метод поэтической идеографии (метод предложен Ю. В. Казариным в 1999 г.) [Глазырин, Казарин 2021]. Основываясь на этом методе, исследователи создают словник поэта, где каждая лексическая единица на базе словарного значения относится к определенной (и только одной) сфере лексики с учетом контекста стихотворения. Словарная статья идеографического словаря, составленного авторами, представляет собой систему, единство разнородных характеристик, качеств и свойств слова / лексемы / словоформы, функционирующих в том или ином поэтическом тексте [Глазырин, Казарин 2018: 80]. Полученные результаты свидетельствуют о том, что у распределения частот слов сборника намечается статистически значимая корреляция со словарями прозы [Баевский и др. 2003], что, очевидно, связано с указанной выше ориентацией О. Мандельштама в «Камне» на чувственные, осязаемые образы.

В данном исследовании распределение лексики по классам производится не только на основании контекста стихотворения, но и на базе основных мотивов и образов, выделяемых литературоведами как наиболее значимыми для творчества поэта данного периода в целом, что определяет научную новизну исследования. В данном случае анализ семантических классов используется как инструмент определения конфигурации основных мотивов в поэтическом сборнике. Соответственно, полученные семантические классы отличаются от тех, что предлагаются авторами идеографического словаря. Кроме того, одна лексическая единица относится в большинстве случаев к нескольким классам, поскольку не только сами семантические классы, но и их зоны пересечений отражают авторское мировоззрение, отношение к окружающему миру.

Алгоритм анализа в настоящем исследовании был следующим:

- 1) лемматизация текстов с удалением стоп-слов,
- 2) определение частотности лемм и формирование частотного словаря,
- 3) семантическая классификация лемм,
- 4) количественный анализ семантических классов и подклассов лемм,
- 5) анализ связи семантических классов.

Результаты

Лемматизация текстов

В данном исследовании при помощи машинной обработки текстов была выполнена лемматизация текстов сборника в количестве 23 стихотворений, т. е. приведение словоформ текста к их начальной (словарной) форме, называемой леммой [Бенгфорт и др. 2019: 101–102], с последующим анализом частотности лемм без учета так называемых стоп-слов – общеупотребительных слов, не несущих значимой смысловой нагрузки, а также объединение (агрегация) данных в единый словарь. Для решения этих задач были использованы следующие библиотеки Python: библиотека `rnmystem3`, которая предоставляет доступ к инструменту лемматизации русскоязычных текстов под названием `MyStem`², и библиотека `NLTK` для обработки стоп-слов³. Просмотр программного кода, отражающего этапы анализа, доступен по ссылке⁴.

Полученные в результате машинной обработки текстов каждого из стихотворений частотные списки лемм без стоп-слов точнее отражают ключевые смыслы текста, чем полные списки слов, поскольку исключают слова, не влияющие на содержание стихотворения. Общий частотный список лемм (889 знаменательных слов, из них 690 – уникальных) позволяет выявить ключевые темы всего сборника стихотворений и может служить основой для анализа тематических особенностей поэтических текстов.

Список наиболее частотных лемм сборника О. Мандельштама «Камень» с частотой употребления не менее 4: *душа* (7), *ветер* (6), *слово* (6), *туман* (6), *звезда* (5), *любить* (5), *сердце* (5), *вернуться* (4), *вечность* (4), *день* (4), *дом* (4), *колокол* (4), *музыка* (4), *небо* (4), *печаль* (4), *раковина* (4), *сказать* (4). Наиболее частотными являются лексемы, имеющие отношение к человеческой способности чувствовать и переживать эмоции (*душа, любить, сердце, печаль*), а также слова, передающие природные образы (*ветер, туман, звезда* и др.). В топе частотного списка присутствуют и леммы, связанные с категориями бытия, времени и языка (*вечность, день, слово*), лексемы, указывающие на значимость для О. Мандельштама музыки (*колокол, музыка*).

² MyStem. URL: <https://github.com/nlpub/pymystem3> (accessed 10 Jan 2025).

³ NLTK. URL: <https://www.nltk.org/howto/corpus.html> (accessed 10 Jan 2025).

⁴ Частотный словарь сборника О. Мандельштама. URL: <https://colab.research.google.com/drive/1SLNT5jLTAESHGm6zmF4Lmfcru2glug9?usp=sharing> (дата обращения: 10.01.2025).

Таким образом, только список наиболее частотных лемм уже дает возможность определить важные категории лексики сборника, однако не раскрывает их значимость в семантической структуре текста. Эту задачу помогает решить выделение семантических классов лемм и анализ их объемов.

Принципы семантической классификации лемм

Полученные в результате машинной обработки леммы общего частотного списка были сгруппированы по семантическим категориям (соответствующим ключевым темам сборника стихотворений) с учетом контекста. При семантической классификации учитывались те смысловые оттенки, которые важны для О. Мандельштама и выделяются литературоведами как базовые мотивы его творчества. При этом одна и та же лемма могла относиться сразу к нескольким семантическим классам (поэтому сумма объемов классов получилась больше общего количества лемм), поскольку значение слова всегда включает несколько семантических признаков.

Например, лемма *колокол* относится к трем семантическим классам: ФОРМА (колокол как изделие определенной формы, полое внутри), РЕЛИГИЯ (колокол как церковный и религиозный символ), СЕНСОРИКА (колокольный звон как воплощение музыки); лемма *раковина* принадлежит таким семантическим классам, как ФОРМА (объект своеобразной формы) и ПРИРОДА (природный объект); лемма *пешеход* относится к классам ЧЕЛОВЕК (человек, который передвигается пешком) и ДВИЖЕНИЕ (тип передвижения) и т. д.

Для каждого семантического класса был рассчитан его объем, который позволяет определить долю группы в лексике текста. Наиболее частотные группы, составляющие ядерную и предъядерную зоны полученного частотного словаря, анализировались по семантическим подклассам (учитывая объемы подклассов).

Завершающим этапом анализа стало рассмотрение связей между основными семантическими классами и между подклассами. Наличие связи между классами и подклассами фиксируется в том случае, если в рамках одного контекста лемма при классификации попадает в два или более класса (подкласса); сила связи устанавливается по количеству контекстов, в которых оказываются связаны конкретные классы (подклассы).

Семантические классы лексики и их объемы

При семантическом анализе частотного словаря лемм было выделено 18 семантических классов, которые вместе с их абсолютными объемами представлены на рисунке 1. Ядерным семантическим классом текстов сборника «Камень» является класс ФОРМА, содержащий 144 слова, 109 из которых уникальны. Предъядерную зону образуют семантические классы ЧЕЛОВЕК (121 слово, 90 уникальных), БЫТИЕ (112 слов, 90 уникальных), ПРИРОДА (110 слов, 67 уникальных), ДВИЖЕНИЕ (107 слов, 93 уникальных), СЕНСОРИКА (94 слова, 68 уникальных). Ядерный и предъядерные семантические классы включают 77,4 % всех лемм текста. Остальные классы менее частотны и образуют среднюю зону распределения (ЭМОЦИЯ, ПРЕДМЕТ, РЕЛИГИЯ, СВЕТ, РАЗУМ, ЦВЕТ) и его периферию (МАТЕРИАЛ, МЕСТО, СВЯЗЬ, НАРУШЕНИЕ, ИНТЕНСИВНОСТЬ, ОЦЕНКА). Семантические подклассы классов, расположенных в ядерной и предъядерной зонах, с их объемами представлены в таблице.

Семантический класс **ФОРМА** оказывается наиболее значимым, ядерным для сборника «Камень». Он включает слова, называющие внешние очертания, структуру, конфигурацию предметов или явлений, а также лексемы, связанные с восприятием и описанием физических границ и форм объектов, их изменением или взаимодействием с пространством. В классе ФОРМА выделяется пять подклассов:

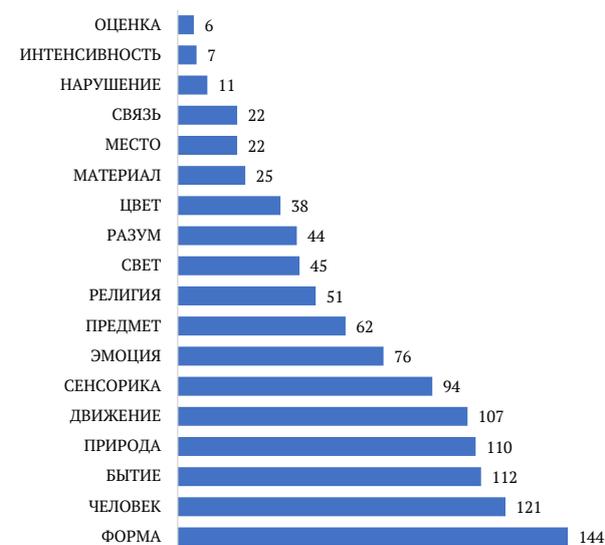

Рис. 1. Объемы семантических классов лемм сборника О. Мандельштама «Камень», абсолютные объемы
Fig. 1. Absolute volumes of semantic classes of lemmas in O. Mandelstam's collection of poetry Stone

Табл. Объем ядерных семантических подклассов в частотном словаре

Tab. Volume of core semantic subclasses in frequency vocabulary

Семантический класс	Семантический подкласс	Примеры	Объем
ФОРМА	архитектура	апсида, арка, дверь, дом, колокольня, купол, храм	42
	состояние вещества	дымка, муть, облако, пена, песок, пыль, слеза, туман	41
	внешний вид	волна, зыбь, излучина, круг, кружево, паутина, узор	34
	вместилище	ваза, выплеснуть, кубок, наполнить, раковина, сосуд	16
	предел	бездна, берег, грань, дно, край, лезвие, недра, пропасть	11
ЧЕЛОВЕК	тело	глаз, голова, грудь, нерв, мышца, палец, плоть, ребро	39
	вид деятельности	всадник, кучер, офицер, пешеход, прохожий, путник	19
	государство	государство, иностранец, отчий, право, сенат, царь	19
	душа	душа, сердце	12
	социальная характеристика	жена, князь, мужик, поклонник, узник, царь	11
	оценочная характеристика	больной, бродяга, лицемерка, пьяница, чудак	10
	персоналии	Батюшков, Верлен, Дюма, Крез, Петр, Сократ	10
	половозрастные характеристики	дама, дева, старик, человек	7
группа людей	народ, орава, сброд, свита	6	
БЫТИЕ	время	век, вечность, год, мгновение, миг, накануне, срок	50
	пространство	близ, вдаль, всюду, нигде, мир, рядом, снаружи	25
	жизнь	быть, живой, жить, земной, оживать, пережить	18
	начало	бог, первоначальный, первооснова, предтеча	13
	отсутствие жизни	бездыханный, гробовой, покойный, смерть, умереть	8
	судьба	вещий, рок, случай, судьба, суждено	5
ПРИРОДА	форма объекта	берег, волна, грот, гора, радуга, сугроб	44
	погода	ветер, дождь, метель, мороз, снежный, туман	31
	животное	ворон, крыло, кузнечик, ласточка, птица, стрекоза	17
	растение	дуб, лес, листва, роза, сирень, тростинка, цветок	14
	вещество	вода, воздух, песок	5
ДВИЖЕНИЕ	форма движения	гнутья, дрожать, мелькать, свиваться	33
	тип движения	блуждать, бродить, вскочить, встать, лететь	32
	помещение в объем	вернуться, возвращаться, забиться, поглотить	13
	воздействие	бить, бросить, волочить, ломать	13
	извлечение	выбросить, вылететь, выплеснуть, выходить	10
	граница движения	донести, достигать, исчерпать, остановиться	6
СЕНСОРИКА	речь	беседа, бормотать, сказать, слово, спорить, ругань	27
	музыка	гимн, колокол, музыка, нота, оперный, ритм, хор	23
	тип звука	визг, выстрел, сигнал, сирена, скрипеть, стон	21
	отсутствие звука	немой, немота, тихо, тишина, умолкнуть	12
	восприятие	видать, глядеть, слух, слушать, чують, щупать	11

архитектура, состояние вещества, внешний вид, вместилище, предел (табл.).

Подкласс *архитектура* содержит не только наименования различных строений, но и обозначения их частей, таких как *дверь, окно, стена* и т.д.; лексические единицы этого подкласса зачастую называют религиозные сооружения либо их части (*базилика, свод, храм, колокольня* и др.). Архитектурные сооружения служат связью между миром духовного и материального, символами незыблемости и упорядоченности мира (*твердыня Notre-Dame; мудрое сферическое здание; прекрасен храм, купающийся в мире*). Поэтому архитектура для О. Мандельштама тесно связана с творчеством, в том числе и поэтическим. Сам поэт отмечает, что «строить – значит бороться с пустотой, гипнотизировать пространство. Хорошая стрела готической колокольни – злая, потому что весь ее смысл уколоть небо, попрекнуть его тем, что оно пустое» [Мандельштам 1987: 170]. Как писал Н. А. Струве, архитектура становится для поэта символом реальности, «антитезой неопределенности и страху пустоты» [Струве 1992: 150], уравновешивая хаос и беспорядок мира.

Компоненты подкласса *состояние вещества* описывают физическое состояние, изменение формы или структуры, физические свойства различных веществ и материалов. Тягучие, кристаллизирующиеся, застывающие формы вещества представляют собой способ восприятия бытия, ведь «вещество понимается автором как одухотворенная материя, из которой состоят все предметы, в том числе и человек» [Калинина 2006: 75]. Основное свойство формы – быть вместилищем для чего-то, иметь внутреннее содержание. И это содержание – стихия, состояние вещества, материи: *пена, туман*. Именно стихия, наполняя форму, подчеркивает связь между формой и первоначалом (*наполнишь шепотами пены, туманом, ветром и дождем; останься пеной, Афродита*). Форма создается путем выделения частей из хаоса, которые, будучи оформленными, начинают существовать как самостоятельные объекты. Зачастую форма предстает «гарантией сохранности бытия, противостоящего не-бытию и конечности жизни» [Севастьянова 2010: 130].

Подкласс *внешний вид* включает в себя слова, описывающие внешние характеристики объектов или явлений, а также передающие визуальные впечатления от внешнего вида объекта (*узор, вал, волна, дюна, зыбь* и др.). У Осипа Мандельштама форма служит средством освоения и познания хаоса человеком

(лирическим героем). Форма очерчивает границы, выделяя из хаоса отдельные сущности бытия, превращает бесформенное в конкретное, позволяя человеку познавать и осознавать реалии мира (*запечатлеется на нем узор, неузнаваемый с недавних пор; кружевом камень будь и паутиной стань*).

Подкласс *вместилище* включает названия объектов, предназначенных для хранения, удержания других предметов или веществ, т.е. их основная способность – выступать в качестве вместилищ. Компоненты этого подкласса отражают идею формы, предназначенной для наполнения ее содержанием (*раковина, ваза, сосуд* и др.). Форма удерживает содержимое, взаимодействует с ним, высвобождает, становясь не просто статичным объектом, а динамичным участником происходящих событий (*цветочная проснулась ваза и выплеснула свой хрусталь*).

Наименьшим по объему является подкласс *предел*, включающий в себя лексемы, которые описывают пограничные элементы объектов, объекты, разделяющие пространство, а также отсутствие предела – бездонность, отсутствие видимых границ. Компоненты этого класса, выражающие ограничение пространства, становятся не только материальной границей, но и способом осмысления пространства (*я выброшен на берег твой; ложится якорь на морское дно; явлений раздвинь грань*), тогда как отсутствие границ ассоциируется с хаосом, отсутствием устойчивости (*душа висит над бездною проклятой; над пропастью, на гнущихся мостках*).

Анализ слов, входящих в подклассы семантического класса ФОРМА, показал, что зачастую слова, выражающие идею формы, передают идею динамики, движения. Это лексические единицы, относящиеся к подклассам *внешний вид* и *вещество*, например: *волна, клубиться, кружиться, костер, свиваться* и т.д. Через лексемы, называющие религиозные архитектурные формы, выражается связь земного и небесного. В противовес основному подклассу семантического класса ФОРМА – *архитектура*, лексические единицы которого передают идею статичности и выступают знаками упорядоченного мира, фундаментальности, форма в ее внешнем проявлении зачастую не является статичной, находится в постоянном движении. Отсутствие границы как отсутствие формы связано с воплощением вечности и хаоса, а «возникновение мотива границы связано со стремлением героя опредметить беспредельное, придать ему твердость, сделать соразмерным человеческому взгляду» [Бреева 2020: 37].

Класс **ЧЕЛОВЕК** охватывает широкий диапазон лексем, называющих различные свойства и качества человека от его физических характеристик до социальных ролей. Центральную позицию в данном классе занимает подкласс *тело*, содержащий не только наименования частей тела человека, но и обозначения физических процессов. Контексты с использованием лексики, обозначающей части тела, очень разнообразны. Одна из функций лексем этого подкласса – создание портрета персонажа (*тончайших пальцев белизна; румянец под вуалью; в глазах лукавый или детский зеленый огонек*), однако их функции не ограничиваются только портретными описаниями или описаниями различных ситуаций (телесный контакт, любовные отношения), но включают и контексты, связанные с описанием поэтического творчества (*да обретут мои уста первоначальную немому*). Кроме того, лексика данного подкласса подчеркивает единство плоти и духа, тело становится хранителем души, сосудом для нее (*божье имя, как большая птица, вылетело из моей груди*).

Значимыми объемами внутри класса **ЧЕЛОВЕК** обладают подклассы *вид деятельности*, связанный с различными видами человеческой деятельности, в том числе профессиональной, и *государство*, охватывающий лексику, связанную с темой власти, политики, законов. Различные виды деятельности зачастую ассоциированы с движением (*кучер, всадник, путник, пешеход* и др.), что указывает на динамичность человеческой жизни, переосмысление жизни человека как пути. Лексика подкласса *государство* указывает на существование человека внутри определенных рамок. Упоминание конкретных исторических персоналий (*Крез, Петр, Юстиниан*) также подчеркивает эти социально-временные рамки человеческой жизни.

Остальные подклассы данного класса отличаются меньшим объемом и содержат слова, обозначающие разные по численности группы людей, персоналии, оценочные и социальные характеристики, половозрастные характеристики. Из этих подклассов стоит остановиться на подклассе *душа*, который формируется только двумя леммами – *душа* и *сердце*. Поэт определяет сердце не только как часть тела, но и как орган, откликающийся на все проявления внешнего мира, который является средоточием самосознания лирического субъекта [Петрова, Фатеева 2023: 159]. Сердце и душа воспринимаются поэтом как центр жизни и эмоций (*я печаль, как птицу серую, в сердце медленно несу; нежилого*

сердца дом; сердце сердца устыдись; душа висит над бездною проклятой; маятник душ строг). Несмотря на довольно низкую частотность этого подкласса (и лемм), это крайне важный подкласс, поскольку именно душа и сердце, понимаемое как носитель души, являются центром человека, тем, что заполняет тело (форму), делает его целым.

Таким образом, человек у О. Мандельштама оказывается в первую очередь телесным воплощением духа и в то же время путником, т. е. субъектом движения, которое является неотъемлемой частью его существования.

Класс **БЫТИЕ** включает лексемы, относящиеся к реальности, существованию, времени. Центральную позицию в этом классе занимает подкласс *время*. Время рассматривается поэтом в связи с историческими событиями, являясь неотъемлемой частью движения жизни и развития культуры. Помимо этого, лексические единицы данного подкласса связаны с осознанием быстротечности жизни, время уподобляется проносящемуся мимо потоку, в который оказывается вовлечен человек (*пускай мгновения стекает муть*). Кроме того, лексемы этого класса связаны с движением (как иллюстрирует пример выше), что характеризует не только быстротечность времени, но и его принципиальную нестатичность, и со звуком (*и вечность бьет на каменных часах*), где звук становится отражением восприятия времени поэтом.

Довольно большой объем отмечается и у подкласса *пространство*. Наряду с временем пространство является одной из базовых категорий поэзии и прозы О. Мандельштама [Романов, Романова 2013: 185]. Эти две оси человеческого бытия тесно связаны: некоторые лексические единицы подкласса *пространство* относятся одновременно и к подклассу *время* (*позади, впереди*), что иллюстрирует их взаимопроникновение. Окружающее человека пространство пронизано ощущением течения времени, природа и человек – всё находится во власти временных изменений.

Подкласс *жизнь* также отличается довольно значительным объемом. Живой мир ассоциируется с движением (*мысли живой стрела*), бытие рассматривается как основа существования, как базовый принцип мироздания (*всего живого ненарушаемая связь; с первоосновой жизни слито*). Этот подкласс тесно связан с подклассами *начало*, в котором объединены леммы, обозначающие начало жизни вообще или конкретной жизни, а также *отсутствие*

жизни, включающем лексемы, связанные с обозначением смерти и ее атрибутов.

Лексемы подкласса *судьба* называют предначертанный путь человека, т. е. отчасти связаны с классами ФОРМА и ЧЕЛОВЕК.

Так, бытие у О. Мандельштама связано в первую очередь с категориями пространства и времени, которые нестатичны и взаимосвязаны.

Класс ПРИРОДА содержит лексические единицы, называющие природные объекты и состояние природы. Природа в лирике О. Мандельштама рассматривается литературоведами как важный элемент, позволяющий выразить состояние мира, отразить эмоции лирического героя, охарактеризовать отношения между миром и человеком [Казарин 2019].

Наиболее крупным подклассом в классе ПРИРОДА является *форма объекта*, характеризующий внешнюю форму природных элементов. Выделение конкретных предметов, в данном случае природных, из хаоса, с одной стороны, помогает создать и упорядочить мир (*я блуждал в игрушечной чаще и открыл лазоревый грот*), с другой – служит метафорой человеческого тела (*как раковина без жемчужин*) и метафорой сил, играющих человеком (*стихийный лабиринт, непостижимый лес; ты равнодушно волны пенишь*). Последний мотив также силен в лексемах подкласса *погода*, включающего слова, называющие осадки, погодные условия и смену сезонов, с помощью которых выражается влияние мира на человека и его мироощущение. Так, туман становится символом размытых границ, неопределенности (*как пустая башня белая, где туман и тишина*), метель отражает беспорядок (*кружилась долго мутная метель*). Кроме того, природные стихии становятся материалом, заполняющим пустую форму, наполняя жизнью пустое пространство (*и хрупкой раковины стены, – как нежилого сердца дом, – наполнишь шепотами пены, туманом, ветром и дождем*).

Большинство лемм подкласса *животные* – это наименования птиц и насекомых (*кузнечик, ласточка, стрекоза* и др.), т. е. тех, кто связан с воздушной стихией и полетом. Полет ассоциируется со свободой и легкостью, отстраненностью от земных забот (*люблю следить за чайкою крылатой*), тогда как насекомые являются отражением хрупкости, бренности бытия, скоротечности жизни (*трепетание стрекоз быстроживущих, синеглазых*). Подкласс *растение* включает как наименования конкретных растений, так и их частей. Последний подкласс *вещество*

объединяет названия веществ природного происхождения (*вода, воздух, песок*).

Таким образом, контексты, в которых фигурирует лексика, относящаяся к классу ПРИРОДА, отражают кровное родство человека с природным миром, ведь природное – основополагающее начало человеческого бытия – и потому уже занимает прочное место в сознании поэта [Карпов 2001].

Класс ДВИЖЕНИЕ содержит лексические единицы, характеризующие перемещение в пространстве, изменение положения объекта в результате воздействия. Мотив движения используется О. Мандельштамом, чтобы отразить ощущение изменчивости окружающего мира, являясь одновременно «движением лирического субъекта, лирического объекта, движением души и движением лирического поэтического чувства» [Сегал 1993: 386]. Движение становится способом отражения внутреннего состояния поэта, восприятия им действительности, символом изменений в пространстве и времени, в целом – в жизни (*пускай мгновения стекает муть; струится вечности мороз; за мигом летит миг; впереди густой туман клубится*). Так, движение отражает не только физическую смену положения в пространстве, но и смену чувств в душе человека, восприятие человеком хода времени.

Наиболее многочисленным в данном классе является подкласс *форма движения*, описывающий характер движения объекта, т. е. визуальный образ движения, ту внутреннюю форму, которая стоит за описанием движения. Лексемы, связанные с формой движения, часто подчеркивают мимолетность бытия (*осенних роз мелькнула бутоньерка*), нестатичность природного мира (*кружилась долго мутная метель*).

Подкласс *тип движения* включает слова, описывающие характеристику движения по скорости и изменению тела в пространстве (*тянулись иностранцы лентой черной; встала медная луна*); через лексемы этого подкласса может передаваться эмоциональное состояние героя, например неуверенность и запутанность (*я блуждал в игрушечной чаще*). Подкласс *воздействие* содержит слова, обозначающие взаимодействие одного объекта с другим; лексемы этого подкласса иллюстрируют восприятие бытия лирическим героем (*я выброшен на берег твой; и страстно стучит рок в запретную дверь к нам*). Подклассы *помещение в объем* и *извлечение* связаны с классом ФОРМА и выражают идею возвращения, погружения в некий объем или состояние и, наоборот, выход

из него (*останься пеной, Афродита, и слово в музыку вернись*). Самый немногочисленный подкласс рассматриваемого класса – *граница движения* – соотносится с идеей остановки, достижения определенной точки в движении (*или свой путь и срок я, исчерпав, вернись*); завершение движения связано не только с окончанием действия, но и с его цикличностью.

Таким образом, через лексемы класса ДВИЖЕНИЕ проявляется взаимодействие явлений бытия между собой и их взаимодействие с человеком.

Класс **СЕНСОРИКА** содержит лексику, связанную с ощущениями, восприятием, в первую очередь звуком. Основными подклассами данного класса являются *речь* и *музыка*. Подкласс *речь* характеризует устную речь в разных ее формах. Сборник «Камень» отличается обилием лексических единиц, описывающих речевую деятельность героя, лирический герой ведет как внешние, так и внутренние диалоги [Чернова, Кузнецова 2020: 55] (*он богохульствует, бормочет несвязные слова; «Господи!», сказал я по ошибке, сам того не думая сказать*). Центральную позицию в этом подклассе занимает лемма *слово* (6 упоминаний): в поэтике О. Мандельштама слово является символом творчества, оно выступает для поэта строительным материалом. Подкласс *музыка* также обладает довольно большим объемом и содержит лексические единицы, относящиеся к характеристике музыкальных произведений, упорядоченным звукам, мелодии, гармонии. Значимость мотива музыки в творчестве поэта действительно велика, к тому же «для Мандельштама важна внутренняя, духовная составляющая, роль музыки в постижении мира, искусства, самого себя» [Шутова 2019: 51]. Музыка присутствует в природе (*кузнечиков хор спит*), в бытийном мире (*осенний сумрак – ржавое железо скрипит, поэт и разъедает плоть*), даже душа человека наполнена музыкой (*и подлинно во мне печаль поет*). Музыка становится проявлением упорядоченности и гармонии (*как кристаллическая нота, что от рождения чиста*). Кроме того, очевидна связь семантических подклассов *музыка* и *речь* (*она и музыка, и слово; и слово в музыку вернись*).

Значительный объем имеет подкласс *тип звука*, описывающий разные категории звуков и их характеристики. Звуковые образы (*свист, шепот, звон, визг* и др.) сопровождают едва ли не каждое стихотворение сборника, поэтому автометафора поэта – *неисправимый звуколюб* – не случайна [Разумкова 2022: 31]. Многообразие проявлений звука, разнообразие его характеристик создают

многослойные образы: звуковые образы заполняют все пространство (*черный ветер шелестит; свист паровоза; выстрел пушечный*), сопровождают все аспекты жизни человека, даже мыслительную деятельность (*дум туманный перезвон*). В целом звук во всех его проявлениях (*речь, музыка, звуки природы* и др.) реализует в сборнике мотив коммуникации между Богом, человеком и природой.

Подкласс *отсутствие звука* охватывает лексемы, связанные с состоянием молчания и тишины. Отсутствие звука может быть связано с невозможностью его извлечения, что, с одной стороны, выражает идею ненаполненного смыслом пространства (*и стоит осиротелая и немая вышина*), с другой – идею осмысленного, наполненного ожиданием творчества (*да обретут мои уста первоначальную немому*).

Самым малочисленным в классе СЕНСОРИКА является подкласс *восприятие*, лексические единицы которого связаны с чувственным восприятием окружающего мира, при этом чаще всего со слухом. О. Мандельштам, наполняя пространство стиха звуками, наделяет лирического героя свойством осмысления мира через восприятие этих звуков (*я слушаю, как узник без боязни, железа визг и ветра темный стон*).

Итак, лексемы класса СЕНСОРИКА демонстрируют значимость звуковых образов для поэта.

Связь семантических классов и подклассов

Анализ связей семантических классов лемм в корпусе текстов сборника О. Мандельштама «Камень» показал, что ядерный семантический класс ФОРМА непосредственно связан с четырьмя классами, находящимися в предъядерной зоне, т. е. со всеми указанными классами, кроме класса БЫТИЕ (рис. 2а).

Самая сильная связь образуется между классами ФОРМА и ПРИРОДА (сила связи – 28), при этом наиболее устойчивые связи наблюдаются между подклассами *внешний вид* класса ФОРМА и *форма объекта* класса ПРИРОДА (9) (рис. 2б), между подклассами *состояние вещества* класса ФОРМА и *погода* класса ПРИРОДА (8). Природа служит источником для очерчивания формы, а природные явления выступают в качестве материала, посредством которого формируется и заполняется пустое пространство. Отметим, что прямая связь классов ФОРМА и БЫТИЕ отсутствует, однако данная взаимосвязь формируется опосредованно через класс ПРИРОДА, т. е. природа рассматривается как основа, с помощью которой оформляется, воплощается бытие.

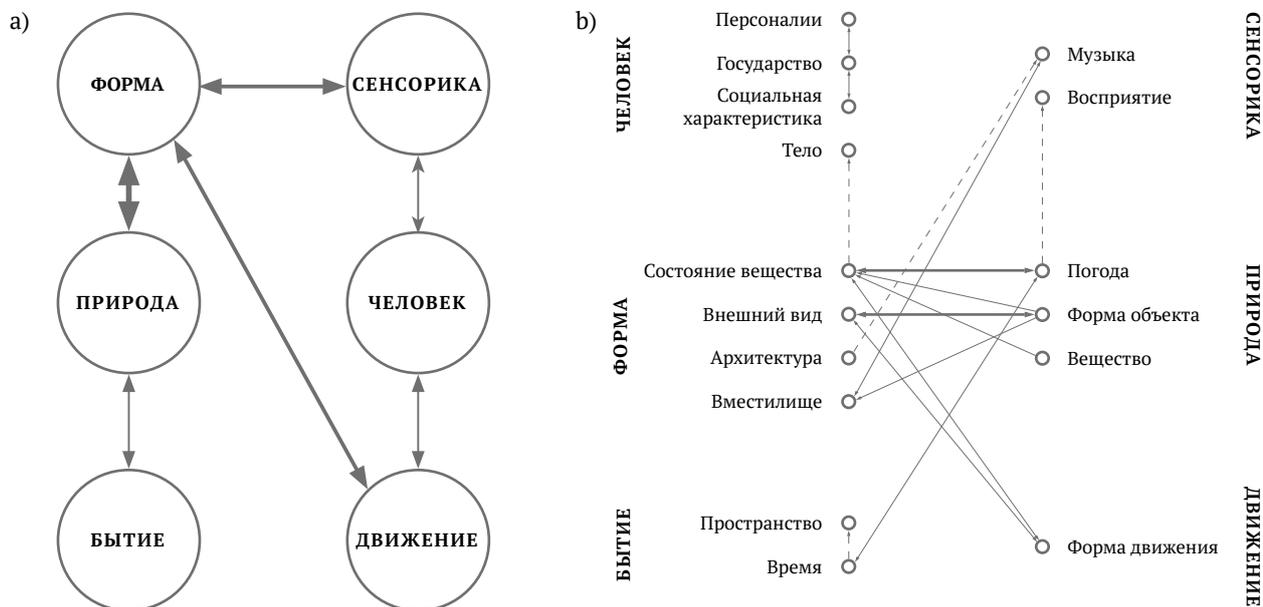

Рис. 2. Связь семантических классов (а) и подклассов (б)
 Fig. 2. Relationships between semantic classes (a) and subclasses (b)

Сильная связь обнаруживается также у семантического класса ФОРМА с классом ДВИЖЕНИЕ (9). Подкласс *форма движения* класса ДВИЖЕНИЕ создает устойчивые связи с подклассами *внешний вид* (5) и *состояние вещества* (4) класса ФОРМА, характеризующая динамичность внутреннего содержания или внешнего выражения формы.

Связь классов ФОРМА и СЕНСОРИКА (6) реализуется за счет лексем, связанных со звуком, таким образом звук может функционировать как средство заполнения пространства. Интересно отметить наличие связей между подклассом *музыка* класса СЕНСОРИКА и подклассами *архитектура* (2) и *вместительность* (4) класса ФОРМА. Музыка реализуется не только как звук, но и как форма, которая становится связующим звеном между пространством и звуком. Как музыка характеризуется гармоничностью и структурой, так и архитектурные элементы структурируют пространство. Кроме того, музыка выступает в качестве содержательного наполнения формы, в ее отсутствии форма остается пустой, а значит лишенной смысла.

Связи между остальными классами имеют меньшую силу, однако вносят вклад в формирование общей концептуальной идеи сборника – воплощение и наполнение формы.

Итак, анализ связей шести основных семантических классов, выделенных на основе текстов

сборника О. Мандельштама «Камень», показывает их тесную взаимосвязь. Большинство подклассов класса ФОРМА взаимодействуют с подклассами других семантических классов, т.к. форма проявляет себя в разнообразных вариантах через компоненты различных тематических сфер. Идея формы – семантический класс, вокруг которого строится весь цикл стихотворений – реализуется не только через непосредственное именование различных форм, но и через наименование природных объектов, человека, движения и сенсорных образов.

Заключение

Центральным семантическим классом лексики сборника О. Мандельштама «Камень» является класс ФОРМА. Вокруг этого класса и через его связи с другими классами и их подклассами организуется система семантических сфер сборника, выражающая основные образы и мотивы лирики поэта.

Форма – одна из важнейших категорий творчества О. Мандельштама, в сборнике «Камень» поэт реализует идею формы как способа существования реальности, воплощения бесформенного. Форма позволяет выделять конкретные объекты, без оформленности мир предстает как хаос; наполнение формы рассматривается как придание объекту функции, смысла, сущности. Мотив формы прослеживается не только в наименовании конкретных объектов, но и в связях

лексики семантического класса ФОРМА с другими семантическими классами. Связь (прямая или опосредованная) всех классов с классом ФОРМА иллюстрирует отражение идеи формы в различных аспектах, включая природные явления, человеческое тело, акустические образы и процессы движения. Кроме того, связь некоторых компонентов этого класса с религиозной тематикой выражает форму как средство взаимодействия между духовным и материальным мирами.

Полученные результаты позволяют расширить понимание поэтики О. Мандельштама, т. к. дают представления не только об основных мотивах сборника «Камень», но и об их конфигурации, связях и значимости для творчества поэта. Проведенный анализ подтверждает, что сборник «Камень» носит характер манифеста акмеизма: акмеизм как проект противостоит бесформенности символистов и нарождающегося авангарда.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: М. А. Духнова – анализ и интерпретация результатов, визуализация, написание текста статьи. Е. В. Ерофеева – концептуализация, методология, просмотр и редактирование текста статьи. И. А. Обухова – написание кода для составления частотного словаря сборника, методология.

Contribution: M. A. Dukhnova provided the analysis, data interpretation, visualization, and the draft. E. V. Erofeeva was responsible for the research concept, methodology, and proofreading. I. A. Obukhova designed the code and methodology.

Литература / References

- Алексеев П. М. Статистическая лексикография (типология, составление и применение частотных словарей). Л.: ЛГПИ им. Герцена, 1975. 120 с. [Alekseev P. M. *Statistical lexicography: Typology, compilation, and application of frequency vocabularies*. Leningrad: Herzen University, 1975, 120. (In Russ.)]
- Баевский В. С., Романова И. В., Самойлова Т. А. Русская лирика XIX–XX веков в диахронии и синхронии. *Математическая морфология: электронный математический и медико-биологический журнал*. 2003. Т. 5. № 1. С. 33–57. [Baevsky V. S., Romanova I. V., Samoilova T. A. The Russian lyric poetry of the 19th and 20th centuries: Diachrony and synchrony. *Matematicheskaiia morfologiia: elektronnyi matematicheskii i mediko-biologicheskii zhurnal*, 2003, 5(1): 33–57. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/bjirjf>
- Барановский П. С., Бабенко Н. Г. Цифровой частотный словарь языка Бориса Рыжего в контексте современной авторской лексикографии. *Terra Linguistica*. 2023. Т. 14. № 3. С. 7–18. [Baranovskii P. S., Babenko N. G. Digital frequency dictionary of Boris Ryzhy's language in the context of modern author lexicography. *Terra Linguistica*, 2023, (3): 7–18. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18721/JHSS.14301>
- Бенгфорт Б., Билбро Р., Охеда Т. Прикладной анализ текстовых данных на Python. Машинное обучение и создание приложений обработки естественного языка. СПб.: Питер, 2019. 368 с. [Bengfort B., Bilbro R., Ojeda T. *Applied text analysis with Python. Enabling language aware data products with machine learning*. St. Petersburg: Piter, 2019, 368. (In Russ.)]
- Бреева Т. Н. Художественный мир Осипа Мандельштама. 4-е изд. М.: ФЛИНТА, 2020. 136 с. [Breeva T. N. *The artistic world of Osip Mandelstam*. 4th ed. Moscow: FLINTA, 2020, 136. (In Russ.)]
- Глазырин В. А., Казарин Ю. В. Авторский идеографический словарь: теория и практика (на материале книги стихотворений О. Э. Мандельштама «Камень»). *Лексикография и коммуникация – 2017: III Междунар. науч. конф. (Белгород, 27–28 апреля 2017 г.)* Белгород: ИД «Белгород», 2017. С. 25–31. [Glazyrin V. A., Kazarin Yu. V. Author's ideographic dictionary: Theory and practice (based on "The Stone" collection by O. E. Mandelstam). *Lexicography and communication 2017: Proc. III Intern. Sci. Conf., Belgorod, 27–28 Apr 2017*. Belgorod: ID "Belgorod", 2017, 25–31. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zsehrn>
- Глазырин В. А., Казарин Ю. В. Интерпретационная сфера авторского словаря (на материале книги стихотворений О. Э. Мандельштама «Камень»). *Филологический класс*. 2021. Т. 26. № 2. С. 123–133. [Glazyrin V. A., Kazarin Yu. V. Interpretation sphere of the author's vocabulary (on the material of the book "Stone" by O. E. Mandelstam). *Philological Class*, 2021, 26(2): 123–133. (In Russ.)] <https://doi.org/10.51762/1FK-2021-26-02-10>

- Глазырин В. А., Казарин Ю. В. Опыт составления словарной статьи авторского словаря языка О. Э. Мандельштама (книга стихотворений «Камень»). *Известия Уральского федерального университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры*. 2018. Т. 24. № 3. С. 79–89. [Glazyrin V. A., Kazarin Yu. V. The dictionary article of the author's dictionary of the O. Mandelstam's poetic language (book of poems "Stone"). *Izvestia Ural Federal University journal. Series 1. Issues in education, science and culture*, 2018, 24(3): 79–89. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ykvttf>
- Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л.: Наука, 1977. 376 с. [Zhirmunskiy V. M. *Theory of literature. Poetics. Stylistics*. Leningrad: Nauka, 1977, 376. (In Russ.)]
- Зиямухамедова Ш. Лексика газелей Бабура и маленький частотный словарь (на примере 116 газелей). *Universum: филология и искусствоведение*. 2023. № 1. С. 17–21. [Ziyamukhamedova Sh. Vocabulary of Babur's gazelles and a small frequency dictionary (on the example of 116 gazelles). *Universum: filologiya i iskusstvovedenie*, 2023, (1): 17–21. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rmassd>
- Зотова О. Н. Общие характеристики частотного словаря лирики Владимира Соловьёва. *Соловьёвские исследования*. 2013. № 4. С. 27–42. [Zotova O. N. Basic characteristics of the frequency glossary of Vladimir Solovyov's lyrics. *Solovyov Studies*, 2013, (4): 27–42. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rqcgqj>
- Казарин Ю. В. Поэтическая гармония и внутренний мир Осипа Мандельштама. Екатеринбург-М.: Кабинетный ученый, 2019. 288 с. [Kazarin Yu. V. *The poetic harmony and the inner world of Osip Mandelstam*. Ekaterinburg-Moscow: Kabinetnyi uchenyi, 2019, 288. (In Russ.)]
- Калинина Л. В. Вещественные существительные в поэзии О. Э. Мандельштама (на материале стихотворений 1906–1920 годов). *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*. 2006. № 15. С. 70–75. [Kalinina L. V. The material substantives in O. Mandelstam's poetry (on the example of the 1906–1920 period poems). *Vestnik Viatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*, 2006, (15): 70–75. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nbputv>
- Карпенко А. В. Поэтика О. Мандельштама 1908–1920 гг. *Вестник Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта*. 1999. № 1. С. 56–61. [Karpenko A. V. O. Mandelstam's poetics in 1908–1920. *Bulletin of Vitebsk State University*, 1999, (1): 56–61. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vsnqfv>
- Карпов А. С. Природа в художественном мире О. Мандельштама. *Филологические науки*. 2001. № 1. С. 22–28. [Karpov A. S. Nature in O. Mandelstam's artistic world. *Filologicheskie nauki*, 2001, (1): 22–28. (In Russ.)]
- Мандельштам О. Э. Слово и культура. М.: Сов. писатель, 1987. 320 с. [Mandelstam O. E. *Word and culture*. Moscow: Sov. pisatel, 1987, 320. (In Russ.)]
- Мартыненко Г. Я., Григорьев Ю. Д. Индексы концентрации частотных словарей. *Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2017. Т. 15. № 1. С. 41–53. [Martynenko G. Ya., Grigoriev Yu. D. Concentration indices for measuring and comparing of word frequency lists. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2017, 15(1): 41–53. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ykgjwd>
- Матаненкова Т. А. К вопросу о языковом сознании поэта: тематика книги стихов Татьяны Бек «Скворешники». *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*. 2010. Т. 1. № 2. С. 141–150. [Matanenkova T. A. To the issue about the poet's linguistic perception: Themes of Tatiana Bek's poetry book "Starling-houses". *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina*, 2010, 1(2): 141–150. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/owabsj>
- Петрова З. Ю., Фатеева Н. А. Особенности употребления соматической лексики в поэзии О. Мандельштама. *Новый филологический вестник*. 2023. № 3. С. 151–166. [Petrova Z. Yu., Fateeva N. A. Specific features of the use of somatic vocabulary in the poetry of O. Mandelstam. *Novyi filologicheskii vestnik*, 2023, (3): 151–166. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/byuspg>
- Разумкова Н. В. Лексические репрезентации сенсорных образов в лирике Осипа Мандельштама. *Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates*. 2022. Т. 8. № 3. С. 23–44. [Razumkova N. V. Lexical representations of sensory images in Osip Mandelstam's lyrics. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 2022, 8(3): 23–44. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2022-8-3-23-44>
- Романов А. В., Романова Д. Б. Категории пространства и времени в творчестве О. Э. Мандельштама. *Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого*. 2013. № 3. С. 175–186. [Romanov A. V., Romanova D. B. Categories

- of space and time in the works of O. E. Mandelstam. *Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L. N. Tolstogo*, 2013, (3): 175–186. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rhmhdd>
- Севастьянова В. С. «В заговоре против пустоты...» (О борьбе с не-бытием в «Камне» О. Манделъштама). *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2010. № 4. С. 124–136. [Sevastyanova V. S. Conspiracy against emptiness (fight with non-being in O. Mandelstam's "Stone"). *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, 2010, (4): 124–136. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/odwhqh>
- Сегал Д. История и поэтика у Манделъштама: Становление поэтического мира. *Cahiers du monde russe et soviétique*. 1993. Vol. 34. № 3. С. 369–413. [Segal D. Mandelstam's history and poetics: Formation of the poetic world. *Cahiers du monde russe et soviétique*, 1993, 34(3): 369–413. (In Russ.)]
- Струве Н. А. Осип Манделъштам. Томск: Водолей, 1992. 272 с. [Struve N. A. *Osip Mandelstam*. Tomsk: Vodolei, 1992, 272. (In Russ.)]
- Фролов Д. В. О ранних стихах Осипа Манделъштама. М.: ЯСК, 2009. 312 с. [Frolov D. V. *About the early poems of Osip Mandelstam*. Moscow: IaSK, 2009, 312. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/suqglx>
- Хохлова М. В. Статистические методы в лексикографических исследованиях: представление частотной лексики. *Terra Linguistica*. 2023. Т. 14. № 3. С. 80–93. [Khokhlova M. V. Statistical methods in lexicographic research: Representing frequency vocabulary. *Terra Linguistica*, 2023, 14(3): 80–93. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18721/JHSS.14307>
- Чернова Ю. В., Кузнецова Г. В. Особенности речевого поведения лирического героя О. Э. Манделъштама (на примере сборника «Камень»). *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2020. Т. 13. № 1. С. 54–58. [Chernova Yu. V., Kuznetsova G. V. Specificity of speech behaviour of O. E. Mandelstam's lyrical hero (by the example of "Kamen (Stone)" poetical collection). *Philology. Theory & Practice*, 2020, 13(1): 54–57. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.1.11>
- Шатохина О. А. Постпейзажные образы природы в творчестве И. В. Кашпурова. Частотный словарь. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2017. № 6-1. С. 45–47. [Shatokhina O. A. The post-landscape images of nature in I. V. Kashpurov's creative work. *Frequency word list. Philology. Theory & Practice*, 2017, (6-1): 45–47. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yngnzx>
- Шестакова Л. Л. Русская авторская лексикография: Теория, история, современность. М.: ЯСК, 2011. 464 с. [Shetakova L. L. *Russian authentic lexicography: Theory, history, and modernity*. Moscow: IaSK, 2011, 464. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rbbzmx>
- Шутова А. В. Концепт «музыка» в ранней лирике О. Э. Манделъштама и его отражение в лексической структуре поэтических текстов автора. *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2019. № 2. С. 49–55. [Shutova A. V. The concept "music" in the early lyrics of O. E. Mandelstam and its representation in lexical structure of the author's poetic texts. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2019, (2): 49–55. (In Russ.)] <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2019-2-49-55>
- Якобсон Р. О. Статуя в поэтической мифологии Пушкина. In: Якобсон Р. О. *Работы по поэтике*. М.: Прогресс, 1987. С. 145–180. [Jakobson R. O. Statue in Pushkin's poetic mythology. In: Jakobson R. *Works on poetics*. Moscow: Progress, 1987, 145–180. (In Russ.)]
- Eaton H. S. *Comparative frequency list based on the first thousand words in English, French, German, and Spanish frequency lists*. International Auxiliary Language Association, 1934, 279.
- Eldrige R. C. *Six thousand common English words: Their comparative frequency and what can be done with them*. Clement Press, 1911, 64.
- Hugh C. Common-words frequencies, Shakespeare's style, and the *Elegy* by W. S. *Early Modern Literary Studies*, 2002. URL: <http://purl.oclc.org/emls/08-1/craistyl.htm> (accessed 27 Nov 2024).
- Madden J. F. A Frequency word-count of Anglo-Saxon poetry. *Mediaeval Studies*, 1953, 15(1): 221–225.
- Thorndike E. L., Lorge I. *The Teacher's Word Book of 30000 Words*. N. Y.: Bureau of publications teachers college, 1944, 306.
- Tsukasaki R. Word frequency in the poems of Emily Brontë. *Brontë Society Transactions*, 2000, 25(2): 154–159. <https://doi.org/10.1179/030977600794173386>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/bfxgxy>

Лингвоаксиологический взгляд на языковую ситуацию в современной России

Мякшева Ольга Викторовна

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, Саратов

eLibrary Author SPIN: 5239-9639

<https://orcid.org/0000-0003-2553-8555>

Scopus Author ID: 57997778200

myaksheva.ov@gmail.com

Аннотация: Цель – обозначить наиболее рискогенные процессы в языковой ситуации России, несовместимые с идеей сохранения культурных кодов россиян. Методологической основой работы являются описательный и интерпретативный методы, дискурс-анализ, допускающий расширение аргументационной базы в процессе размышлений и формулировок выводов; трансформационные методики, заключающиеся в замене компонентов оригинальных фраз из анализируемых форм общения (реклама и СМИ) возможными (с сохранением смысла), с целью выяснения приобретений или потерь с точки зрения влияния словоупотребления на формирование ценностной картины мира. Утверждается, что языку, выполняющему роль инструмента мышления, в современном глобализованном мире активно навязывается роль его корректора в целях создания в мировосприятии человека концепции «правильного» понимания закономерностей развития природы и общества. Ценности культуры, сформированные русской классической литературой, находятся в тесной связи с нравственными ценностями; реклама, СМИ, искусно манипулируя богатейшими ресурсами языка, предпринимают попытки изменить культурные коды россиян. Одним из принципов манипуляционных стратегий в речевой деятельности этих сред общения служит завуалированный обман, замешанный на апелляции к концептам культуры. Механизм действия этой манипуляции базируется на том, что речевые репрезентанты ключевых концептов культуры в тексте имеют сильный позитивный коннотативный «шлейф», которым способны накрыть расположенные рядом номинации. Второй опасной тенденцией языковой ситуации является англицизация, которая заключается в предпочтении из прагматического ряда слов (синонимов, антонимов) неродного слова, что способно разорвать нить культурной преемственности в развитии языка. Беспрецедентное распространение обцененной лексики в современном российском обществе – объективная оценка падения уровня нравственности.

Ключевые слова: языковая ситуация в России, реклама, СМИ, манипуляции, ценностная картина мира, культурные концепты, англицизация, обцененизация

Цитирование: Мякшева О. В. Лингвоаксиологический взгляд на языковую ситуацию в современной России. *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 4. С. 681–692. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-4-681-692>

Поступила в редакцию 27.03.2025. Принята после рецензирования 11.06.2025. Принята в печать 16.06.2025.

full article

Linguistic Situation in Modern Russia: Axiological Linguistics

Olga V. Myaksheva

Saratov State University, Saratov, Russia

eLibrary Author SPIN: 5239-9639

<https://orcid.org/0000-0003-2553-8555>

Scopus Author ID: 57997778200

myaksheva.ov@gmail.com

Abstract: Some current trends in the current Russia's linguistic status seem to threaten its cultural code. This research relied on the descriptive and interpretative methods, as well as the method of discourse analysis. The transformation technique consisted in replacing some components of phrases from advertising or mass media with their alternatives in order to clarify the gains or losses from the perspectives of the effect of vocabulary on the axiological worldview. While being an instrument of thinking, the language cannot but corrects it, imposing the targeted understanding of the laws of nature and society. The values of culture formed by Russian classical literature are in fact moral values; advertising and mass media manipulate its resources to change the national cultural codes. Their most popular manipulative strategies are based on a deceptive appeal to the basic cultural concepts. The speech representatives of key cultural concepts serve as a positive connotative umbrella for the neighboring nominations. Anglicization is another dangerous trend: Russian speakers prefer a foreign word from a pragmatic chain of synonyms or antonyms. This phenomenon also threatens the cultural continuity in the development of the national language. In addition, the unprecedented spread of obscene language marks the degradation of the public morals.

Keywords: linguistic situation in Russia, advertising, mass media, manipulative techniques, axiological worldview, cultural concepts, anglicization, obscenization

Citation: Myaksheva O. V. Linguistic Situation in Modern Russia: Axiological Linguistics. *SibScript*, 2025, 27(4): 681–692. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-4-681-692>

Received 27 Mar 2025. Accepted after peer review 11 Jun 2025. Accepted for publication 16 Jun 2025.

Введение

В 2016 г. было опубликовано второе издание антологии «И мы сохраним тебя, русская речь, великое русское слово!..», характеризуемой составителями как «широкая культурологическая картина, в которой злободневная тема защиты русского языка и любви к родному слову (и культуры в целом!) разворачивается на протяжении четырех веков (XVIII, XIX, XX, а теперь уже XXI века!)»¹. Название книги – строка из стихотворения А. Ахматовой «Мужество» (1942 г.).

В 2020 г. вышла в свет монография широко известных в России и за рубежом лингвистов под названием «Но мы сохраним тебя, русский язык». Что касается замены в названии монографии по отношению к оригиналу слова *речь* на слово *язык*, то она имеет лингвистическое объяснение (О. Б. Сиротина

в этом отношении пишет, что изменения в речи не так страшны, как изменения в языке [Дегальцева, Сиротина 2022; Сиротина 2020]) и связана, вероятно, со стремлением показать серьезность современной языковой ситуации в России.

Для нашего размышления важной является другая замена: соединительного союза *и* (в стихотворении А. Ахматовой) на противительный союз *но* в названии монографии, приобретающий в контексте ее содержания коннотативную семантику сопротивления.

Как хорошо известно, русская классическая литература выполнила свою историческую миссию, сформировав литературный язык. Именно в ней отражены коды, константы русской культуры. Это хорошо видел и много об этом писал великий гуманист, выдающийся филолог, культуролог XX в.

¹ «И мы сохраним тебя, русская речь, великое русское слово!..» Классики и современники о русском языке. Антология, сост. Г. Н. Красников. 2-е изд. М.: Вече, 2016. С. 2.

Д. С. Лихачев: «Литература, созданная русским народом, – это не только его богатство, но и нравственная сила, которая помогает народу во всех тяжелых обстоятельствах, в которых русский народ оказывался. К этому нравственному началу мы всегда можем обращаться за духовной помощью. ...ценности русской литературы своеобразны в том отношении, что их художественная сила лежит в тесной связи ее с нравственными ценностями. Русская литература – совесть русского народа» [Лихачев 1991: 8]. В книге О. Б. Сиротининой «Жизнь вопреки, или я счастливый человек», в которой ученый делится своими воспоминаниями о прожитой жизни, как будто в подтверждение размышлений Д. С. Лихачева, есть такие строки: «В положительном смысле всю жизнь больше всего на меня влияла художественная литература, я ориентировалась на нее и на ее героев, перестраивала себя под ее влиянием»².

Однако роль классической литературы в современном российском обществе продолжает стремительно сокращаться, несмотря на все усилия современных ученых, преподавателей, даже политиков препятствовать этому процессу. СМИ, реклама создают свои нормы порождения речи, влияя тем самым на язык как сложную структуру закономерных отношений между языковыми единицами, как систему парадигматических и синтагматических связей внутри этой структуры.

Современная молодежь, да и среднее поколение, «перестраивают себя» (О. Б. Сиротинина) уже не под влиянием высоконравственной художественной литературы, а под влиянием названных выше сфер существования языка, в результате чего формируется мировоззрение, далекое от духовных ориентиров, которые, например, в форме констант, концептов перечислены Ю. С. Степановым: *Вера, Любовь, Радость, Воля, Душа, Совесть, Страх, Тоска, Грех, Печаль* и др. [Степанов 2001]. О роли концепта *совесть* в русской культуре в выступлениях на телевидении говорит Патриарх Кирилл: *Господь через совесть нами управляет*. А. Г. Дугин, видный русский философ, на одном из политических

ток-шоу сказал: *Они били по сербам, а больно было нам, что является ярким доказательством существования в русской культуре концепта *сострадание**.

Сострадание, милосердие, совесть, справедливость, правда, сочувствие, соборность – эти слова нередко даже своей внутренней формой, словообразовательной структурой (*со-страдание, мил-о-сердие, со-чувствие, с-праведливость, со-борность*) задают вектор направления к содержанию национальных концептов.

В современных толковых словарях русского языка *соборность*, например, объясняется как «духовная общность многих совместно живущих людей»³. Современный толковый словарь русского языка лишает это слово в современной речевой среде статуса общеупотребительного, делая к нему помету *книж.* и трактуя так: «Совокупность религиозно-философских взглядов, идей, воспринятых русской религиозной философией в конце 19 – начале 20 вв. и направленных на единение людей на основе православия и традиционной народной нравственности»⁴. Кстати, у слова *соборность* нет английских аналогов, в словарях английского языка оно предложено как калька, латиницей, этого слова (*sobornost*)⁵. А как мы понимаем, нет слова и нет в языковой картине мира носителей языка стоящего за ним понятия, концепта.

В научно-биографическом очерке о выдающемся ученом, академике Н. Н. Сиротинине, дяде О. Б. Сиротининой, читаем: «Будучи постоянно в поиске нового, он испытывал потребность, которую можно назвать "ощущением нахождения в традиции". Может быть, так проявлялась черта, особенность русского менталитета – соборность, когда *мы важнее, чем я*» [Ивашкевич, Шевко 2007: 13–14].

Цель данной статьи – обозначить наиболее рискованные процессы в языковой ситуации России, несовместимые с идеей сохранения культурных кодов россиян. Новизна исследования заключается в попытке обнаружения языковых механизмов, способных деформировать ценностную картины мира носителей русского языка.

² Сиротинина О. Б. Жизнь вопреки, или я счастливый человек: Воспоминания, запись и подгот. текста, предисл., справ. аппарат О. В. Мякшевой; Хронологический указатель трудов О. Б. Сиротининой – Т. Н. Сиротининой, А. В. Дегальцевой, ред. О. В. Мякшева, А. Н. Байкулова. 2-е изд., испр. и доп. Саратов: Амирит, 2022. С. 237. <https://elibrary.ru/ppiqxu>

³ Соборность. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М.: ИД «Азбуковник», 2011. С. 909.

⁴ Соборность. Современный толковый словарь русского языка, гл. ред. С. А. Кузнецов. М.: Ридерз Дайджест, 2004. С. 766.

⁵ См., напр.: sobornost. *The Concise Oxford Dictionary of the Christian Church*, ed. E. A. Livingstone. 3rd ed. Oxford University Press, 2013. URL: <https://www.oxfordreference.com/display/10.1093/acref/9780199659623.001.0001/acref-9780199659623-e-5392?rkey=q3TG3x&result=1> (accessed 8 Jan 2025).

Методы и материалы

Методологической основой работы является совокупность традиционных и современных методов: описательного и интерпретативного, дискурс-анализа, допускающего расширение аргументационной базы в процессе размышлений и формулировок выводов, в частности, привлечения сведений о культурно-исторических условиях появления определенных языковых / речевых явлений; трансформационных методик, заключающихся в замене компонентов оригинальных фраз из анализируемых форм общения (СМИ и реклама) возможными (с сохранением смысла), с целью выяснения приобретений или потерь с точки зрения влияния словоупотребления на формирование ценностной картины мира.

Исследование проводится на основе данных собственноручных записей (материалов рекламных, преимущественно телевизионных, текстов, электронных и телевизионных СМИ) за 2021–2025 гг.

Результаты

СМИ информируют и одновременно воздействуют на адресата, исподволь или открыто навязывая ему определенную точку зрения на события, журналисты интерпретируют происходящее в обществе под углом зрения определенного, заданного «хозяевами» целеполагания, представляя массовой аудитории видение происходящего сквозь призму политических ориентиров. Эта исходная позиция во многом определяет специфику данной сферы, является основой для формирования в ней манипуляционных стратегий (искажение информации, ее пристрастный отбор, навязывание оценок, навешивание ярлыков и т. д.). Об этом много пишут, например, О. Б. Сиротинина и М. А. Кормилицына, названия статей о языке СМИ говорят об их содержании: «Компетентность журналиста как проблема профессии и общества» [Сиротинина 2010a], «СМИ и картина мира: она реальна или подчиняется власти СМИ?» [Сиротинина 2010b], «Речевые преступления в массмедиа» [Кормилицына, Сиротинина 2018b], «Влияние девиации языковой системы и коммуникативной некомпетентности журналистов на речь в СМИ и систему языка» [Кормилицына, Сиротинина 2018a], «Явные нарушения экологии в текстах современных СМИ и речи молодежи: как с этим бороться» [Сиротинина 2022] и т. д.

Для демонстрации попыток деформации мировоззрения современного общества остановимся, например, на рекламе как форме принудительного

общения. Она активно вошла в нашу жизнь, практически ни один текст на телевидении, в Интернете, на радио не обходится без вмешательства в ткань текстового повествования этих микротекстов.

Если следовать характеристике некоторых жанров речи В. В. Дементьева, то рекламу тоже следует назвать «сильно культурно обусловленным» жанром, который требует для правильного понимания привлечения обширного культурного и исторического контекста [Дементьев 2024: 6]. Являясь продуктом потребительского общества, реклама имеет цель, которая заключается в очень простой, откровенной и публично заявляемой с экрана телевизора фразе: *Мы знаем, как превратить телезрителя (читай: радиослушателя, пользователя Интернет) в покупателя.* Для решения этой сверхзадачи рекламодатели не гнушаются ничем, в том числе используют богатые выразительные возможности русского языка.

Одним из принципов манипуляционных стратегий в речевой деятельности этой среды общения служит завуалированный обман, замешанный на апелляции к концептам культуры. Механизм действия этой манипуляции базируется на том, что в тексте речевые репрезентанты ключевых концептов культуры имеют сильный позитивный коннотативный «шлейф», которым способны накрыть расположенные рядом номинации. Авторы реклам активно пользуются этим механизмом. Например, в нашем народе традиционно воспитывается гордость за вещь, сделанную своими руками. Авторы рекламы отсекают от фразы последнее слово, и получается: *мир – это не просто вещи, это вещи, которые ты сделал своими.* Пафос трудолюбия трансформируется в тягу к приобретательству, и это коренным образом меняет смысл фразы и способно изменить жизненные ориентиры потребителей рекламы.

Старшее поколение в нашей стране воспитывалось на таких выражениях, как: *бороться с несправедливостью, за правое дело, сейчас же, благодаря рекламе, мы строим свою жизнь, борясь с перхотью, протеканием и недержанием; вместо осмысления и использования устойчивых словосочетаний золотые руки, мозолистые руки мы упражняемся в употреблении сочетания руки-загребуки (подробнее об этом см. [Мякшева 2019; Мякшева, Сиротинина 2023]).*

Актриса Равшана Куркова убеждает нас с экрана телевизора, что улыбаться – это выгодно. В толковом словаре лексико-семантические варианты глагола

улыбаться связаны с проявлением чувств расположения, сочувствия, доброго отношения⁶. Вспомним прецедентное имя – Барона Мюнхгаузена в исполнении О. Янковского – и его абсолютно лишённое прагматических последствий фразу: *Улыбайтесь, друзья, улыбайтесь!* В рекламе же значение слова *улыбаться* включает сему выгодных для человека утилитарных следствий от этого действия, см. продолжение рекламного текста: *Оплачивайте покупку улыбкой*. Если пытаться соответствовать назначению улыбки в рекламе – оплатить товар, то значительно точнее употребить здесь слово *щериться* (см. толкование: *разг.* «Щерить зубы, скалиться»⁷). Но это слово в русской культуре имеет совсем другие коннотации, которые, конечно, не заинтересуют авторов рекламы.

В одной из реклам утверждается, что *лучше гор могут быть не горы* (вспомним продолжение этой фразы из песни, овеянной романтикой путешествий и приключений: *на которых еще не бывал*), а *проценты по вкладу*. В предновогодние дни представители властных структур снимали с «ёлки желаний» детские записочки Деду Морозу, чтобы исполнить мечту ребенка, а в это же время в рекламе одного из банков на *доске желаний* герои заклеивают слово *желаний* более востребованным сейчас словом – *накоплений*.

К юбилею производства продуктов быстрого приготовления торговой марки Роллтон стал использоваться слоган: *25 лет дарим тепло*. Манипулируя устойчивой фразой с позитивной коннотативной аурой (см. продолжение в сознании носителей языка ассоциативного ряда с глаголом *дарим* – *любовь, заботу, внимание* и т.д.), производители таким образом стремятся к повышению спроса на этот товар. В рекламном пространстве интернет-магазина Wildberries появился текст: *Одни все время летают в облаках, а другие заказывают товары на Вайлдберриз*. Антитеза фразеологизму *витать (парить) в облаках* («Пребывать в мечтательном состоянии, предаваясь бесплодным фантазиям, не замечая окружающего»⁸) в «облегченном» для восприятия рядового носителя языка варианте

(не *витать, парить, а летать*) предполагает, на наш взгляд, значение «быть рациональным, практичным, земным, деловым, активным», что, по мнению авторов рекламы, отличает пользователей этого сайта от других людей.

Даже очень далекие от потребительских запросов человека реалии «высокого и бесконечного» в линейном ряду рекламного текста соседствуют с гастрономическими товарами, выполняя роль актуализаторов физиологических потребностей: *Это просто космос, когда вы пробуете ветчину, космически вкусно! Черкизово*. И получается, что *космос* – это вдоволь наесться, а не ощутить бескрайность мира. *Декабрь* переименовывается в *хватабрь*, см.: *хватать* – «Брать резким, быстрым движением руки или **зубов** (прим. – выделено автором статьи), рта»⁹, в предновогодние дни вокруг не праздничная суета, а хватамба.

Студенты-филологи организовали в стенах университета выставку новых книг, но это мероприятие в их осмыслении – не знакомство с новинками интеллектуального труда, а дегустация книг. См.: дегустация – «определение качества какого-л. продукта **по виду, вкусу, запаху**»¹⁰ (прим. – выделено автором статьи) и т.д.

Одной из ведущих тенденций развития современного русского языка, по мнению, например, Г. Я. Солганика, является резкий рост количества заимствований [Солганик 2010: 122]. Ученый считает, что этот процесс связан с развитием науки, экономики, новых веяний в массовой культуре; заимствования способствуют расширению словесных ресурсов, развитию семантики, интеллектуализации языка, лаконизму речи [Там же: 124]. Ученые объясняют использование иноязычной лексики объективными процессами взаимообогащения языков (см. об этом [Кронгауз 2008; Сиротинина 2016: 47–48]). Естественно вошли в наш язык слова *роуминг, вай-фай, волонтер, клик, триггер* (вместо словосочетания *спусковой крючок*), *баннер* (вместо *красочный транспарант, средство наружной рекламы*), *спойлер, фейк, дипфейк, пранк, пранкеры* (мастера розыгрыша) и мн. др.

⁶ Улыбаться. *Современный толковый словарь русского языка*... С. 488.

⁷ Щериться. *Словарь русского языка*: В 4-х т. Т. 4: С–Я, гл. ред. А. П. Евгеньева. М.: Рус. яз., 1988. С. 742.

⁸ Витать (парить) в облаках. *Фразеологический словарь русского языка*, сост. Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1986. С. 69.

⁹ Хватать. *Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов*... С. 1061.

¹⁰ Дегустация. *Современный толковый словарь русского языка*... С. 152.

Конечно, употребление иностранного слова находится в прямой зависимости от степени его уместности в определенном контексте. Например, министр иностранных дел России С. В. Лавров, речь которого всегда информативна, точна, убедительна и выразительна, на XIII Международной встрече высоких представителей по вопросам безопасности в Москве (28.05.2025) произнес фразу, в которой вместо англицизма *триггер* употребил сочетание *спусковой крючок*: *Множественно говорил, что **спусковым крючком** конфликта на Украине (и в более широком объеме – глубокого кризиса безопасности в Европе) стала именно агрессивная, многолетняя экспансия НАТО на восток*, отчего фраза не потеряла своей яркости и злободневности.

Но очевиден и другой процесс. Попробуйте дать толкование словам *кринж*, *пруф*, *синквейн*, *мерчандайзинг*, *ивент*, *супервайзер*, *коучинг*, *челлендж*, *сталкинг*, *лизинг*, *тикшеринг*, *криповый*, *рандомный* – ряд бесконечен, без хорошего знания английского языка это вряд ли получится. И здесь уместно привести такое рассуждение: «Многие журналисты, злоупотребляя возможностями заимствований, свободно вставляют их в свои тексты, не задумываясь о том, не создает ли такое употребление неизвестных массовому адресату слов коммуникативные риски непонимания или неправильного понимания» [Сиротина 2016: 48].

Мотивом употребления англицизма в современном обществе очень часто является так понимаемый социальный престиж [Крысин 2002: 29], мода [Сиротина, Дегальцева 2023: 32], чему есть множество подтверждений.

На Первом канале в новостном блоке (01.03.2025) прошла информация из Ивановской области, посвященная бережному отношению к культурному наследию, говорилось о необходимости сохранять исторический облик городов и деревень. Выбор же языковых форм разговора нередко был далек от общего пафоса. Например, журналист отметил, что забота об историческом облике городов *уже стала брендом*, т. е. он, к сожалению, не смог обойтись без слова, находящегося в иной, по сравнению со стратегией сообщения, культурной парадигме.

Чем принципиально отличается *чемпионат* от *кейс-чемпионата*, а *фестиваль* от *кейс-фестиваля*? Что представляет собой *Топ-контент*

на новый год (такую фразу можно было увидеть на баннерах предновогоднего Саратова)? Почему, включая в наш язык слово *кемпинг* (англ. *camping* от *camp* – лагерь – «Специально оборудованный лагерь для автотуристов»¹¹), мы несколько позже заимствуем и слово *глэмпинг*? Для уяснения отличий между этими словами сначала надо «включить переводчика», а потом уже пытаться разобраться в нюансах смысла.

Вспомним основные функции публицистики: информация и воздействие – и предположим, что ни та, ни другая при злоупотреблении заимствованиями не реализуется. Конечно, если не иметь в виду состояние восторга от употребления английского названия как способа приобщения к так понимаемой цивилизации, о котором говорит М. А. Артемьев в полемической статье «Как спасти русский язык» (Московский комсомолец. 07.06.2019).

На новостном сайте СГУ читаем такие сообщения: *На факультете психолого-педагогического и специального образования 6 июня в 14:00 студенты могут принять участие в литературном квизе* (06.06.2024); *В честь 225-летия со дня рождения А. С. Пушкина в СГУ прошел интеллектуальный квиз* (07.06.2024). В переводе с английского *quiz* – это «проверочные вопросы, викторина, опрос, экзамен»¹². Произведем трансформацию, заменив в одной из фраз слово *квиз* общеупотребительными номинациями: *В честь 225-летия со дня рождения А. С. Пушкина в СГУ прошла интеллектуальная игра / прошел интеллектуальный конкурс / прошло интеллектуальное состязание*. Думается, в отличие от слов *конкурс*, *состязание*, *игра*, англицизм *квиз* по причине ассоциации с вульгарно-разговорным *плиз* не соответствует контексту, упрощая его, однако оно активно употребляется в СМИ.

Герою популярной в Саратове телепередачи «Свое мнение» (26.12.2024) даже выговорить сочетание *локейшн-тур* непросто, чужеродным воспринимается производное от этого слова именование лиц *локейшны* из фразы его коллеги по популяризации данного мероприятия: *Мы выбираем самых опытных локейшнов для своего проекта*. Кроме того, звуковые ассоциации слова *локейшн* со словом *лакей* не улучшают коммуникативных качеств фразы.

Телеинтервью, посвященное проблемам региона, официальный представитель одной из областей

¹¹ Лагерь. *Современный толковый словарь русского языка...* С. 268.

¹² Quiz. In: Мюллер В. К. *Новый англо-русский словарь*. М.: Рус. яз., Медиа, 2005. С. 634.

Поволжья закончил так: *Мы все сегодня находимся в тренде*. Представляется, что чиновнику не совсем понятно значение слова тренд, но употребить это слово, в его понимании, – значит повысить личный рейтинг, продемонстрировать свою погруженность в проблемы региона. Однако по закону синтаксического развертывания фразы с учетом дискурсивного контекста ожидания конкретного адресата срабатывает неуместный в этой официальной ситуации механизм, и ее эффективность сводится к нулю, если не рождает попутные, нежелательные смыслы (Хочется переспросить: *Так где мы сейчас находимся?*).

Факторами, казалось бы, запрещающими использование англицизма, является чуждый русскому языку произносительный облик слова. Как считает известный борец за чистоту русского языка О. Б. Сиротинина, «чужая произносительная оформленность заимствованного слова рискогенна» [Сиротинина 2016: 50]. Несмотря на это, место обмена книгами в библиотеках называют *букросингом*, новостные сайты вузов пестрят словами *тьютор*, *портфолио*, *нетворинг*, *коворкинг* и т.д. Совершенно справедливо мнение, что, например, термины *тьюторы*, *инклюзивные классы* вместо *наставники*, *включающее обучение* насаждаются по причине того, чтобы школы больше походили на заграничные, «нерусские», что, по мнению сторонников такой замены, престижнее [Клобукова, Клобуков 2020: 65].

Что значит *педагогический коворкинг*? См. в английском *working* – «работа, действие, деятельность»¹⁵, и тогда *коворкинг* – это *сотрудничество, взаимодействие, товарищество*. Но предпочтение в современных СМИ отдается иноязычной кальке. В образовательной среде сейчас модно слово *нетворкинг* (*знакомство с людьми, которые могут быть вам полезны*¹⁴). Приведем пример его употребления: *В первый день летнего педагогического*

*нетворкинга организаторы и участники обсудили вопросы выполнения своих проектов и разделились на команды*¹⁵. Однако носители русского языка не могут не избежать при восприятии этого слова ассоциаций с сочетанием *не творить*, и тогда коммуникативный эффект от употребления слова в синтагматическом ряду вместе со словом *педагогический* – отрицательный.

Сравните фразы: *Согласно полученным данным, разным типам буллинга хотя бы один раз в течение месяца, предшествовавшего опросу, подвергались от 30 до 60 % школьников*¹⁶ и *Травля в школе: масштаб проблемы и пути решения*¹⁷. За словом *травля* (от глагола *травить* – «8. Изводить, мучить нападениями, преследованиями»¹⁸) – исторические контексты, события в собственной жизни, судьбы предков. Носителю русского языка (системного образования с закрепленными в сознании синтагматическими и парадигматическими связями) слово *буллинг* не представляется опасным, более того, выглядит даже изящным (сравните с паронимом из сферы спорта и развлечений *боулинг*).

Приведем диалог пятилетнего мальчика с мамой:

- *Кстати, я с Чуковским согласен.*
- *В чём?*
- *Что русский язык живой, как жизнь.*
- *Как ты это понимаешь?*
- *В нём есть душа. А в этих hello, smaaart нет души (см. подробнее об этом [Мякшева 2022]).*

В русском языке есть целый ряд слов, обозначающих опредмеченное действие по глаголам *гнаться*, *преследовать*, *донимать*, *докучать*, приведем некоторые из них: *погоня*, *преследование*, *притеснение*, *угнетение*, *донимание*, *третирование*, *пресинг*. Как видим, некоторые из них – заимствованные. Несмотря на это, в нашу речь активно входит еще одно заимствованное слово – *сталкинг*. См.: *Как живут в России жертвы сталкинга?*¹⁹; *Сталкер: кто это, как защититься от сталкинга?*²⁰; *Сталкинг*

¹⁵ Working. Там же. С. 900.

¹⁴ Что такое нетворкинг и зачем он нужен. URL: <https://journal.tinkoff.ru/guide/networking/> (дата обращения: 08.01.2025).

¹⁵ Саратовский университет. URL: <https://t.me/s/saruniversity?before=2441> (дата обращения: 08.01.2025).

¹⁶ Буллинг в российских школах: опыт диагностики распространенности, половозрастных особенностей и связи со школьным климатом. *Психологическая газета*. 21.10.2022. URL: <https://psy.su/feed/10376/> (дата обращения: 08.01.2025).

¹⁷ Травля в школе: масштаб проблемы и пути решения. *ВЦИОМ Новости*. 18.09.2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/travlja-v-shkole-masshtab-problemy-i-puti-reshenija> (дата обращения: 08.01.2025).

¹⁸ Травить. *Словарь русского языка*. Т. 4: С–Я... С. 394.

¹⁹ BBC. URL: <https://www.bbc.com/russian/articles/cydvnyle7r0o> (дата обращения: 08.01.2025).

²⁰ Кто такой сталкер? Как распознать сталкинг и защитить себя. *РБК*. 11.06.2024. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/62a196789a79475b826cbe86> (дата обращения: 08.01.2025).

в России не считается преступлением: злоумышленник может следовать за другим человеком повсюду, поджидать его у дома, но оставаться безнаказанным, потому что зачастую физического контакта преследователя и пострадавшего не происходит²¹ и т.д. С близким значением слову *сталкинг* в Интернете употребляются *моббинг*, *газлайтинг* и т.д.

«Генеральной стратегией СМИ» Л. П. Крысин считает установление контакта с адресатом [Крысин 2011: 235]. Однако, имея в виду даже вышеприведенные контексты, убеждаемся в том, что адресат должен хорошо знать английский, иначе контакт адресата и адресанта будет осуществляться на уровне приблизительных догадок.

Следствием неуместного предпочтения иностранного слова родному, русскому, является превращение нас в «Иванов, не помнящих родства». Об этом, имея в виду молодое поколение, в докладе на учредительном собрании Общества Русской Слоvesности сказал Патриарх Московский и всея Руси Кирилл: «Безусловно, школьник, не знающий свой язык и не приобщающийся к национальной культуре, и в первую очередь к литературе, отрывается от своих корней. Ему сложнее осознать и тем более чувствовать сопричастность по той самой исторической вертикали со своим народом, с великими событиями прошлого, разделять нравственные, духовные и культурные идеалы с национальными героями и выдающимися личностями»²².

Англицизация активно вошла и в научную сферу общения. На международной научной конференции филологов было произнесено слово *промпт* (калька от англ. *prompt* – побуждать), на вопрос: «А почему не *запрос*, *подсказка*, *инструкция*, ведь так сложно приспособить русский артикуляционный аппарат к этому слову *промпт*?» – ответ: «Русские варианты неуклюжи». На научных конференциях мы уже не *ведущие*, а *модераторы*, не *докладчики*, а *спикеры*, вместо *кофе-паузы* у нас *кофе-брейк*. В этой связи уместно привести рассуждения недавнего президента РАН, академика А. М. Сергеева: «Мы хотим сохранить русский научный язык, чтобы ученые могли формулировать мысль понятно, красиво, интересно и на русском языке. Дело в том, что люди, работающие в науке, находятся под сильным

давлением английского языка. Уже сдались немцы, японцы, итальянцы, почти сдались французы... Мы пока не сдаемся» (АиФ. 2020. № 51).

Пройдет время, будут приняты к исполнению новые законы о русском языке, школа отвлечется от штудирования материалов ЕГЭ и освободит место для обучения детей в традиции национальной гордости за владение *великим и могучим*, что делает невозможным проникновение глобалистских устремлений на русскую почву. И тогда, например, в синонимический ряд слов с названиями «передней части головы человека», помимо существительных *лицо*, *лик* (сразу в памяти: *лик Божьей Матери*, *лики святых*), *физиономия*, *мордочка* (синтагматика: *мордочка щенка*), *морда*, *мордашка* (оценочные прилагательные с высоким индексом регулярной сочетаемости: *милая*, *забавная*), *мордаха*, *рожа*, *рожица*, может войти и слово *фейс*, но с толкованием: *лицо*, *обезображенное операциями*, с накаченными ботоксом губами, натянутой за уши кожей. Вспоминается выражение из советского прошлого, отражающее совсем иной, чем сегодня, ценностный контекст при употреблении некоторых заимствований: *таким фейсом да по тейблу бы*.

Обсценизация современного российского общества – это объективная оценка уровня падения нашей нравственности. Повседневная речь студентов, школьников, детей старших групп детских садов заполнена вульгарными, грубыми и грубейшими бранными выражениями: «Мат окружает многих людей с раннего детства» [Клобукова, Клобуков 2020: 68]. Недавний пример – группа старшеклассников, хорошо одетых и веселых, вероятно, идя с пробного экзамена, обмениваются впечатлениями, не принимая во внимание того факта, что их речь выходит далеко за пределы ограниченного круга лиц, которому она предназначена: *Интересно, Наталья Ивановна мне в е***ник даст, если я не напишу ЕГЭ. Что за х**ня!* Не подвергается сомнению то, что мат – это часть национального языка, он существует и поэтому, безусловно, имеет право на всестороннее изучение (см., например, [Ковалев 2021]), однако необходимо констатировать, что нецензурная лексика максимально расширила границы своего функционирования, вытесняя

²¹ Воробьева А. «Ты ей просто нравишься»: как женщины переживают сталкинг и сами преследуют людей. *Forbes Woman*. 04.07.2024. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/515997-ty-ej-prosto-nravis-sa-kak-zensiny-perezivaut-stalking-i-sami-presleduet-ludej> (дата обращения: 08.01.2025).

²² «И мы сохраним тебя, русская речь, великое русское слово!...» С. 6.

из повседневной речи, особенно наиболее восприимчивых ко всему запретному – детей, богатый арсенал других средств выражения.

Безусловно, существует много причин, в том числе и связанных с проблемами сегодняшней системы образования, в беспрецедентном распространении бранных слов в российском обществе. Но велика роль СМИ в этом процессе. Например, телеведущая Лера Кудрявцева в передаче «Секрет на миллион» считает допустимой произнести в эфире такую фразу: *Я немного курю и матерю* (НТВ. 03.04.2024). По мнению Л. А. Вербицкой, «преобладание примитивного, агрессивного, грубого языка говорит о соответствующем состоянии сознания нации» [Вербицкая 2014: 12]. Высокая концентрация сниженной лексики в СМИ «делает эти слова модными в глазах читателей: они подсознательно воспринимают подобные выражения как допустимые и перенимают их в свою речь <...> большинству журналистов важнее высказать свои оценки, чем думать о речи населения и судьбе языка» [Матяшевская 2016: 57].

В истории нашей страны есть и другие примеры. В газете «Красная звезда» опубликованы материалы заседания круглого стола, посвященного Сталинградской битве. На этом заседании научный директор Российского военно-исторического общества, доктор исторических наук М. Ю. Мягков (тогда кандидат наук) сообщил о том, что из более 100 тысяч просмотренных военной цензурой писем солдат с фронта родным всего в двух присутствуют матерные выражения. Ценна для нашего сегодняшнего рассуждения оценочная фраза историка: «Значит, народ-то у нас был чистый, и все общество соответственно» (КЗ. 16.11.2002).

В своих воспоминаниях О. Б. Сиротина делится тем же наблюдением: «Я первый раз услышала такие слова, только когда, возвращаясь из экспедиции осенью 1946 года... ехали на пароходе... С нами возвращался демобилизованный вчистую, но с погонами, или только на побывку ехавший вдрызг пьяный капитан. Он сидел и непрерывно ругался матом... Одна пожилая женщина сказала ему: "Сынок, ну что ж ты так, тут женщины, дети". <...> Тогда четверо мужчин подошли к нему, взяли его за руки, за ноги и сказали: "Вынесем на палубу, прохладится и протрезвеет". И вынесли... Утром он, действительно протрезвевший, умытый, причесанный,

спустился в трюм и всенародно попросил прощения»²³. Приведенные примеры употребления мата в прошлом веке показывают, что его границы как специфического пласта русского национального языка были четко очерченными.

Заключение

Ученые говорят о неразрывном единстве языка и мышления: язык воплощает, «превращает в плоть» эту высшую форму отражения действительности, выполняющую роль инструмента мышления. Языку в современном глобализованном мире активно навязывается роль корректора мышления в целях создания в мировосприятии человека концепции правильного понимания закономерностей развития природы и общества, формирования у него управляемого воззрения на мир. Законы синтагматики позволяют устанавливать грамматические в языке и, далее, логические в мышлении связи между явлениями, явно не отражающими связи, формируемые на основе высоких нравственных идеалов.

Такой целеустановке более всего соответствуют тексты СМИ и рекламы. Авторы рекламных текстов манипулируют фразами с репрезентантами национальных концептов, и эти фразы становятся носителями иных, чем заложены русской культурой, смыслов (ср.: *вещи, сделанные своими руками и вещи, сделанные своими; золотые, мозолистые руки и руки-загребуки*). «Культуроносные» фразы, слова-репрезентанты национальных концептов начинают «обслуживать» запросы потребительского общества (*улыбаться – выгодно*).

Второй опасной тенденцией языковой ситуации является англицизация, которая заключается в предпочтении из прагматического ряда слов (синонимов, антонимов) неродного слова, что способно разорвать нить культурной преемственности в развитии языка.

Широкое распространение обценной лексики в современном российском обществе, вероятно, есть следствие заполнения образовавшихся в результате вышеназванных процессов «лакун» в лексиконе носителей языка [Мякшева 2016].

Л. А. Вербицкая так характеризует современную языковую ситуацию в России: «Мы не можем не замечать, что на наших глазах скудеет наш прекрасный, удивительно богатый, яркий, образный русский язык. Безграмотность, бедный словарь, отсутствие логики, грубость, ненормативная

²³ Сиротина О. Б. Жизнь вопреки, или я счастливый человек... С. 132.

лексика, примитивная аргументация – вот черты современной русской речи» [Вербицкая 2014: 12]. Имея в виду англицизацию и обсценизацию русского языка, ученые утверждают: «на общественный языковой вкус наиболее сильно влияют две категории дисконформаторов: проводники глобализационной идеи о сближении и унификации культур (и соответственно языков) и сторонники идеи безграничной демократизации (вплоть до вульгаризации) русской разговорной речи» [Клобукова, Клобуков 2020: 61].

Названные в статье и другие рискогенные явления языковой ситуации России способны скорректировать содержание традиционных русских кодов, а это значит – попытаться сформировать чуждое русскому человеку мировоззрение. Однако книги не только классиков русской и мировой литературы, но и современных российских писателей и журналистов, лучшие современные фильмы и фильмы из золотого фонда кинематографии, репортажи с мест сражений на СВО, передачи о наших бойцах и россиянах, опаленных войной, гуманитарные проекты «Мы живы», «Мы вместе», «Наши», «От сердца к сердцу» возвращают нас к непростой работе осмысления гуманистических идей,

культивированных веками культурных достояний человечества, ценностной картины русского мира. Нация существует в языке, предаем язык – уничтожаем себя как нацию.

Приведем яркие примеры из современных СМИ на исконном русском: *Самолет над Вильнюсом, говорит Шольц, действительно загорелся, а не Путин испепелил его взглядом* (НТВ Новости. 27.11.2024); *Российский и украинский квадрокоптеры схлестнулись в кулачном бою прямо в небе²⁴*; *Курский фронт обрушили, благодаря чертятам из табакерки* (1 канал Новости. 12.03.2025).

Чтобы экзистенциально сохранить в себе национальную идентичность, необходимо вернуть в речевую среду слова с исторической памятью, они могут это сделать.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Вербицкая Л. А. Русский язык в России и за её пределами. *Мир русского слова*. 2014. № 3. С. 5–15. [Verbitskaya L. A. Russian language in Russia and abroad. *Mir russkogo slova*, 2014, (3): 5–15. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/toaioj>
- Дегальцева А. В., Сиротинина О. Б. К проблеме изменения норм современного русского языка. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика*. 2022. Т. 22. № 4. С. 368–376. [Degaltseva A. V., Sirotinina O. B. On the problem of changing the norms of the modern Russian language. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2022, 22(4): 368–376. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-4-368-376>
- Дементьев В. В. Интегральное описание речевых жанров. Саратов: СарГУ, 2024. 304 с. [Demytyev V. V. *Integral description of speech genres*. Saratov: SSU, 2024, 304. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18500/978-5-292-04868-8>
- Ивашкевич А. А., Шевко А. М. Академик Николай Николаевич Сиротинин. Киев: Абрис, 2007. 87 с. [Ivashkevich A. A., Shevko A. M. *Academician Nikolai N. Sirotinin*. Kyiv: Abris, 2007, 87. (In Russ.)]
- Клобукова Л. П., Клобуков Е. В. Четверть века спустя: к изучению языкового вкуса начала нового тысячелетия. *Но мы сохраним тебя, русский язык!*, отв. ред. В. И. Карасик. М.: ФЛИНТА, 2020. С. 29–85. [Klobukova L. P., Klobukov E. V. A quarter century later: Studying the language taste of the new millennium. *We will preserve you, Russian language!*, ed. Karasik V. I. Moscow: FLINTA, 2020, 29–85. (In Russ.)]
- Ковалев Г. Ф. Русский мат как часть национального достояния. *Российский гуманитарный журнал*. 2021. Т. 10. № 3. С. 175–196. [Kovalev G. F. Russian obscenities, as part of the national heritage. *Liberal Arts in Russia*, 2021, 10(3): 175–196. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15643/libartus-2021.3.4>

²⁴ Pressa.tv. URL: <https://pressa.tv/video/122824-rossiyskiy-i-ukrainskiy-kvadrokoptyery-shlestnulis-v-kulachnom-boyu-pryamo-v-nebe.html> (дата обращения: 08.01.2025).

- Кормилицына М. А., Сиротинина О. Б. Влияние девиации языковой системы и коммуникативной некомпетентности журналистов на речь в СМИ и систему языка. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика*. 2018а. Т. 18. № 2. С. 124–131. [Kormilitsyna M. A., Sirotinina O. B. The impact of the language system deviation and communicative incompetence of journalists on mass media speech and the system of language. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2018а, 18(2): 124–132. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2018-18-2-124-131>
- Кормилицына М. А., Сиротинина О. Б. Речевые преступления в массмедиа. *Медиалингвистика в терминах и понятиях*, науч. ред. Л. Р. Дускаева. М.: ФЛИНТА, 2018b. С. 105–107. [Kormilitsyna M. A., Sirotinina O. B. Speech crimes in mass media. *Media linguistics in terms and concepts*, ed. Duskaeva L. R. Moscow: FLINTA, 2018b, 105–107. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yrlxcp>
- Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Знак, 2008. 320 с. [Krongauz M. A. *Russian language on the verge of a nervous breakdown*. Moscow: Znak, 2008, 320. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pudkqz>
- Крысин Л. П. Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий. *Вопросы языкознания*. 2002. № 6. С. 27–34. [Krysin L. P. Lexical borrowing and calques in the Russian language of the last decades. *Voprosy Jazykoznanija*, 2002, (6): 27–34. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pvnqsb>
- Крысин Л. П. Литературная норма и речевая практика средств массовой информации. *Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке*, ред. Володиной М. Н. М.: Акад. проект, 2011. С. 235–245. [Krysin L. P. Literary norm and speech practice in mass media. *Language and media discourse in the 21st century*, ed. Volodina M. N. Moscow: Akad. proekt, 2011, 235–245. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uiireev>
- Лихачев Д. С. Русская культура в современном мире. *Новый мир*. 1991. № 1. С. 3–9. [Likhachev D. S. Russian culture in the modern world. *Novyi Mir*, 1991, (1): 3–9. (In Russ.)]
- Матяшевская А. И. Риски, связанные с употреблением сниженной лексики. *Рискогенность современной коммуникации и роль коммуникативной компетентности в ее преодолении*, ред. О. Б. Сиротинина, М. А. Кормилицына. Саратов: СарГУ, 2016. С. 52–57. [Matyashevskaya A. I. Risks associated with the usage of substandard vocabulary. *The riskiness of modern communication and the role of communicative competence in overcoming*, eds. Sirotinina O. B., Kormilitsyna M. A. Saratov: SSU, 2016, 52–57. (In Russ.)]
- Мякшева О. В. «Мне не до смеха – мне до страха» (речевое развитие ребенка от первого слова до семи лет). Саратов: СарГУ, 2022. 112 с. [Myaksheva O. V. "I'm not up for laughing – I'm up for fear": Child's speech development from the first word to seven years old. Saratov: SSU, 2022, 112. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18500/978-5-292-04782-7>
- Мякшева О. В. Активная лексика и семантические лакуны в лексиконе современного школьника. *Проблемы речевой коммуникации*, ред. М. А. Кормилицына. Саратов: СарГУ, 2016. Вып. 16. С. 48–56. [Myaksheva O. V. Active vocabulary and semantic lacuns in the lexicon of a modern pupil. *Issues of speech communication*, ed. Kormilitsyna M. A. Saratov: SSU, 2016, iss. 16, 48–56. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ysdnan>
- Мякшева О. В. Зависимость использования приемов воздействия от целей и ожидаемых результатов воздействия. *Эффективность коммуникации: понятие, роль адресанта и адресата, основные приемы ее достижения*, ред. О. Б. Сиротинина, М. А. Кормилицына. Саратов: Наука, 2019. С. 133–142. [Myaksheva O. V. Effect of goals and expected results on the choice of influence techniques. *Efficiency of communication: Concept, participants, and methods*, eds. Sirotinina O. B., Kormilitsyna M. A. Saratov: Nauka, 2019, 133–142. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/iqzsoz>
- Мякшева О. В., Сиротинина О. Б. Современный русский язык: де-юре и де-факто. *Мир русского слова*. 2023. № 4. С. 16–23. [Myaksheva O. V., Sirotinina O. B. Modern Russian language: De jure and de facto. *Mir russkogo slova*, 2023, (4): 16–23. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21638/spbu30.2023.402>
- Сиротинина О. Б. Дискурс «цифрового» поколения: в чем его угроза языку. *Личность – Язык – Культура: VII Всероссий. науч.-практ. конф. (Саратов, 27–28 ноября 2019 г.)* Саратов: Наука, 2020. С. 6–13. [Sirotinina O. B. Discourse of the "digital" generation: Its threat to the language. *Personality – Language – Culture: Proc. VII All-Russian Sci.-Prac. Conf., Saratov, 27–28 Nov 2019*. Saratov: Nauka, 2020, 6–13. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/cckujx>
- Сиротинина О. Б. Компетентность журналиста как проблема профессии и общества. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика*. 2010а. Т. 10. № 1. С. 10–13. [Sirotinina O. B. Journalist's competence as an occupation and society problem. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2010а, 10(1): 10–13. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lmatzr>

- Сиротинина О. Б. Рискогенность лексических заимствований и способы ее преодоления. *Рискогенность современной коммуникации и роль коммуникативной компетентности в ее преодолении*, ред. О. Б. Сиротинина, М. А. Кормилицына. Саратов: СарГУ, 2016. С. 47–52. [Sirotinina O. B. The danger of lexical borrowings and ways to overcome it. *The riskiness of modern communication and the role of communicative competence in overcoming*, eds. Sirotinina O. B., Kormilitsyna M. A. Saratov: SSU, 2016, 47–52. (In Russ.)]
- Сиротинина О. Б. СМИ и картина мира: она реальна или подчиняется власти СМИ? *ФИЛИА ЛОГОУ*, ред. И. Ю. Иванюшина. Саратов: Наука, 2010b. С. 272–281. [Sirotinina O. B. Mass media and worldview: Is it real, or is it subordinated to media power? *ФИЛИА ЛОГОУ*, ed. Ivanyshina I. Yu. Saratov: Nauka, 2010b, 272–281. (In Russ.)]
- Сиротинина О. Б. Явные нарушения экологии в текстах современных СМИ и речи молодежи: как с этим бороться. In: Бакланова И. И., Басовская Е. Н., Башкова И. В. и др. *Лингвозэкология: проблемы и пути их решения*. Красноярск: СФУ, 2022. С. 268–288. [Sirotinina O. B. Obvious violations of ecology in texts of modern mass media and youth speech: How to deal with it. In: Baklanova I. I., Basovskaya E. N., Bashkova I. V. et al. *Linguistic Ecology: Problems and Solutions*. Krasnoyarsk: SFU, 2022, 268–288. (In Russ.)]
- Сиротинина О. Б., Дегальцева А. В. Динамика норм русского языка: ответ на вызовы времени и новые условия жизни. Саратов: СарГУ, 2023. 128 с. [Sirotinina O. B., Degaltseva A. V. *Dynamics of Russian language norms: Response to challenges of time and new living conditions*. Saratov: SSU, 2023, 128. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18500/978-5-292-04808-4>
- Солганик Г. Я. Современная языковая ситуация и тенденции развития русского литературного языка. *Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика*. 2010. № 5. С. 122–134. [Solganik G. Ya. Modern linguistic situation and trends in development of Russian standard language. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, 2010, (5): 122–134. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ncetrj>
- Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Акад. проект, 2001. 990 с. [Stepanov Yu. S. *Constants: Dictionary of Russian culture*. 2nd ed. Moscow: Akad. proekt, 2001, 990. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qofub>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/bppuba>

Оценка уязвимости национального языка от иноязычных заимствований: роль медийных параметров

Смотров Михаил Дмитриевич

Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, Россия, Москва

lingua_bahasa@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена разработке показателя уязвимости национального языка от иноязычных заимствований, с помощью которого математическим путем вычисляется степень воздействия иностранного языка на национальный. Необходимо сформировать научно-методический аппарат оценки влияния иноязычных заимствований на национальный язык в целях обеспечения заинтересованных органов государственной власти научно обоснованными данными для их дальнейшего использования при разработке и совершенствовании положений языковой политики государства. Цель – определить основные параметры, составляющие рассчитываемый показатель. В рамках расчета показателя предлагается использовать систему универсальных параметров, функционально разделенных на три группы: параметры социально-ценностной регуляции (правовой, регулирующий и образовательный), медийные параметры (культурно-досуговый, информационный и средств массовой информации) и параметры внешнего влияния. Учет всех вышеперечисленных параметров придает исследованию комплексный характер за счет рассмотрения наиболее значимых сфер общественной жизни, при помощи которых в национальном языке происходит закрепление иноязычных лексических заимствований. Особое внимание при изучении проблемы влияния иноязычных заимствований на национальный язык следует уделить группе медийных параметров как эффективному инструменту закрепления тенденций языкового поведения в обществе, что обуславливается их информационно-психологическим воздействием на все слои населения в рамках досуговой деятельности. Универсальность параметров медийной группы проверена на примере влияния англоязычных заимствований на национальный язык Республики Индонезия (индонезийский язык).

Ключевые слова: лингвистическая глобализация, языковая политика, оценка языковой ситуации, иноязычные заимствования, индонезийский язык

Цитирование: Смотров М. Д. Оценка уязвимости национального языка от иноязычных заимствований: роль медийных параметров. *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 4. С. 693–704. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-4-693-704>

Поступила в редакцию 28.10.2024. Принята после рецензирования 31.03.2025. Принята в печать 31.03.2025.

full article

Media Parameters in Assessing the Vulnerability of a National Language to Foreign Borrowings

Mikhail D. Smotrov

Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Russia, Moscow

lingua_bahasa@mail.ru

Abstract: The influence that a foreign language exercises on a national language can be calculated mathematically. The author developed a special index for assessing the vulnerability of a national language to foreign borrowings to provide the government bodies responsible for the state language policy with scientifically substantiated data. The index consists of three functional groups of parameters: social and value regulation (law, state control, education), media (culture, leisure, information, mass media), and external influence. These parameters cover the areas of public life that legitimize foreign borrowings in the national language. Due to their informative and psychological impact on the population during leisure activities, media parameters seem especially effective

in promoting foreign borrowings as they consolidate linguistic behavior patterns in the society. The universal applicability of the media group parameters was verified in a case study of English borrowings in the Indonesian language.

Keywords: linguistic globalization, language policy, assessment of the language situation, foreign language borrowings, Indonesian language

Citation: Smotrov M. D. Media Parameters in Assessing the Vulnerability of a National Language to Foreign Borrowings. *SibScript*, 2025, 27(4): 693–704. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-4-693-704>

Received 28 Oct 2024. Accepted after peer review 31 Mar 2025. Accepted for publication 31 Mar 2025.

Введение

За последние десятилетия активное развитие новых технологий и укрепление идей информационного общества способствовали наращиванию языковых контактов и, как следствие, интенсификации процессов лексических заимствований, являющихся атрибутами иностранных культур (в основном англосаксонской) и инструментами воздействия на духовную организацию любого общества [Смотров 2024: 85]. В условиях лингвистической глобализации приобретает актуальность проблема изучения иноязычного воздействия на родной язык, составляющий основу системы национальных ценностей, что непосредственно отражается на состоянии языковой ситуации в стране. В связи с этим появляется необходимость в разработке методических подходов к анализу заимствованных элементов в языке для более упорядоченного изучения данного явления и оформления результатов исследования в рамках единого формата для их дальнейшего использования при обобщении теоретических основ, а также в практической деятельности по разработке и совершенствованию положений языковой политики государства.

С учетом вышесказанного считаем, что одним из этапов комплексного исследования языковой ситуации на страновом уровне является определение степени уязвимости национального языка от иноязычных заимствований. Данную проблему предлагается решать посредством математических расчетов авторского показателя. Статья выполнена в рамках первого этапа его разработки, обозначившего цель работы – определить основные параметры, составляющие рассчитываемый показатель. Задачи:

- 1) раскрыть сущность разрабатываемого автором показателя и определить его основные составляющие (параметры);
- 2) определить роль группы медийных параметров и раскрыть содержание каждого из них;

- 3) осуществить проверку целесообразности учета (универсальности) предлагаемых медийных параметров при расчете показателя посредством их рассмотрения на примере иностранного государства – Республики Индонезия.

Актуальность работы обусловлена:

- 1) реальностью размывания языковых границ в мире, спровоцированной процессами управляемой и насаждаемой лингвистической глобализацией, что вызывает обеспокоенность руководства многих государств;
- 2) усилением во многих странах мира тенденций повышения статусности национального языка и в связи с этим необходимостью разработки научно-методического аппарата оценки влияния иноязычных заимствований на национальный язык в целях обеспечения заинтересованных органов государственной власти научно обоснованными данными;
- 3) концентрацией внимания научных лингвистических исследований и языковедов по всему миру на проблеме иноязычных заимствований.

Новизна данного исследования заключается в предложении универсальной системы параметров для оценки влияния иностранных заимствований на национальный язык. В связи с этим автор предлагает разработать показатель уязвимости национального языка от иноязычных заимствований. Этот показатель является новаторским подходом к систематизации и количественной оценке влияния иностранных языков на национальные языки.

Методы и материалы

Целевая установка работы определила применение следующих методов исследования: систематизации, моделирования, дискурсивного анализа, многокритериальной оценки. Разрабатываемый показатель основывается на теории принятия решений.

При этом используется принцип системности – уязвимость национального языка от иноязычных заимствований возможно проследить, рассматривая его как средство обеспечения важных сфер человеческой деятельности. Данные сферы выступают в исследовании в качестве параметров, в последующем подлежащих количественной оценке, значения которой будут агрегированы в общий показатель. Определение необходимого количества базовых параметров и характеризующих их индикаторов осуществлялось по принципу разумной достаточности, который «предполагает выбор не оптимального, не наилучшего, но удовлетворительного решения» [Марченко 2016: 33].

Предполагается, что в практической плоскости разрабатываемый показатель будет применяться при сравнении степени уязвимости различных национальных языков (как вариант – одного языка, но в динамике). Данное условие требует универсального характера системы параметров оценки, т. е. возможности их применения к национальным языкам различных государств мира. В рамках статьи предлагается более подробно рассмотреть группу медийных параметров разрабатываемого показателя, проверить их универсальность на примере влияния англоязычных заимствований на национальный язык Республики Индонезия, языковая ситуация которой представляет научный интерес ввиду значимой роли индонезийского языка в процессе «формирования единой нации абсолютно разных этнических образований»¹ [Nur Hakim et al. 2023: 240]. Поскольку статья выполнена в рамках первого этапа составления методики комплексной оценки уязвимости национального языка от иноязычных заимствований (определения системы параметров оценки), проверка применимости параметров на примере Республики Индонезия осуществлялась посредством обзорного ознакомления с материалами медиaprостранства страны (аудиоматериалы прямых трансляций видеоигр, фильмов и других развлекательных передач, посты наиболее влиятельных личностей и знаменитых блогеров, тексты песен, публикации СМИ и т. д.), отобранными методом случайной выборки. При этом в каждом отдельном случае принималась во внимание популярность ресурсов: производился отбор десяти источников, включенных в авторитетные рейтинги.

Результаты

В целях решения обозначенной научной проблемы автором разработан показатель уязвимости национального языка от иноязычных заимствований (P_Y), представляющий собой совокупность параметров, отражающих возможности иностранного языка (ИЯ), оказывающего воздействие на многообразие сфер деятельности государства и общества, а также комплекс мер различных структур по осуществлению реагирования на такое воздействие.

Значение введенного показателя предлагается вычислять с применением «метода суммы средневзвешенных арифметических групповых параметров» [Попова, Зинцова 2015] по следующей формуле:

$$P_Y = S_1 \times w_1 + S_2 \times w_2 + \dots + S_n \times w_n,$$

где P_Y – значение показателя уязвимости национального языка от иноязычных заимствований; $S_1, S_2, \dots, S_n$ – значения параметров рассчитываемого показателя; $w_1, w_2, \dots, w_n$ – весовые коэффициенты параметров показателя.

Для проведения расчетов P_Y автор предлагает использовать семь параметров, определяющих его значение и по функциональному принципу разделенных на три группы.

1. Параметры социально-ценностной регуляции

- 1. Правовой параметр (P_{np}).** Анализ нормативно-правовой базы, регламентирующий языковую политику государства (меры по сохранению национального языка, средства пополнения лексического состава языка, отношение к заимствованным элементам и т. д.).
- 2. Регулирующий параметр (P_p).** Наличие и эффективность деятельности государственных и негосударственных учреждений по надзору за развитием национального языка (основные функции и направления работы, реализуемые программы по сохранению и развитию языка и т. д.).
- 3. Образовательный параметр ($P_{обр}$).** Оценка образовательных программ страны (количество часов на изучение родного и иностранного языка, приоритетность изучения родного языка относительно других дисциплин, качество преподаваемого материала, язык изучения дисциплин и др.).

¹ Здесь и далее по тексту перевод выполнен автором статьи.

II. Медийные параметры

4. **Культурно-досуговый параметр (P_{кд})**. Анализ языкового сопровождения продуктов индустрии развлечений (киноиндустрия, музыка, телевидение, литературные произведения, компьютерные игры и программы).

5. **Информационный параметр (P_{инф})**. Исследование информационного пространства страны (лингвистические особенности материалов мессенджеров и социальных сетей как государственных учреждений и организаций, так и лидеров общественного мнения (политиков, экономистов, ученых, деятелей искусства, спортсменов и др.), а также обычных жителей).

6. **Параметр средств массовой информации (P_{сми})**. Изучение лингвистических особенностей деятельности СМИ как основного института формирования общественного мнения (употребление заимствований, языковых вкраплений, осуществление переключения кодов в процессе передачи информации, наличие собственных ресурсов и их авторитетность по сравнению с филиалами западных, распространение изданий на английском языке и др.).

III. Параметр внешнего влияния

7. **Параметр внешнего влияния (P_{вв})**. Оценка деятельности внешних структур (культурных фондов, различных некоммерческих организаций) по продвижению иностранного языка в рассматриваемой стране.

В рамках данной статьи более подробно предлагается рассмотреть **медийные параметры** показателя уязвимости национального языка от иноязычных заимствований ввиду их практического характера и наибольшей актуальности на фоне активного развития информационных технологий. Приоритетность изучения группы медийных параметров подтверждается многолетним комплексным исследованием английских заимствований в современном русском языке, выполненным отечественным лингвистом А. И. Дьяковым. Так, по мнению ученого, большая востребованность англицизмов и их способность активно интегрироваться в русскоязычное высказывание, в частности в сферах молодежного сленга, компьютерного жаргона, дискурса СМИ и др., обусловлены в первую очередь полифункциональностью английских заимствований, определяемой

как характером номинации, так и сферой общения [Дьяков 2012: 256–257].

Наибольшей эффективностью в закреплении и последующей корректировке языкового поведения населения страны обладает неформальная (разговорная) среда, оказывающая скрытое информационно-психологическое воздействие на сознание человека, в том числе ребенка, на фоне его расслабленного и отвлеченного состояния. В связи с этим необходимо выделить актуальность учета **культурно-досугового параметра**, имеющего мощное влияние на ценностно-смысловую систему человека. Так, современные социологические исследования показывают тенденции изменения форм и содержания досуга в условиях информационной глобализации в сторону пассивно-созерцательных видов деятельности (отдых на диване у телевизора; пребывание в соцсетях (интернете) и т.д.) [Зубок, Чупров 2018: 176]. Основу такого досуга составляют рекламный контент и развлекательные передачи, часто являющиеся локализованной версией иностранных программ, завернутых в «национальную упаковку» и при этом транслирующих чужие ценности [Соколов 2012: 324]. Кроме того, отмечается популяризация модели представления информации в форме готовых образов, включая языковые, что способно отразиться на их дальнейшем принятии и в некоторых случаях возведении в статус трендов. Соглашаясь с предлагаемыми через информационные каналы готовыми языковыми шаблонами, мы позволяем менять содержательную сторону нашей образной сферы. Такие изменения находят свое воплощение в реальной жизни посредством копирования особенностей речевого поведения любимых героев и повторения за ними лексических единиц, в том числе заимствований [Гостев 2017: 115]. Особую опасность представляет данное явление для детей и подростков, поскольку способствует «постепенному вытеснению традиционных словесных норм и ослаблению информационно-культурного иммунитета, сопротивляемости деструктивным психологическим и социолингвистическим воздействиям» [Абраменкова 2017: 82]. В последнее время актуальные языковые и культурные формы зарождаются именно в англосаксонском мире в форме медиа-лектов [Марусенко 2019: 67], влияющих на активное употребление англоязычных заимствований в речи людей по всему миру и развитию у них стереотипного мышления [Одегова 2017: 140–141].

В интересах исследования культурно-досугового параметра основными направлениями изучения (индикаторами), по мнению автора, должны стать:

- популярные видеоигры, в том числе прямые трансляции онлайн-игр (стримы);
- развлекательные передачи;
- фильмы, сериалы и мультфильмы;
- современные произведения музыки и литературы.

Именно эти сферы наиболее востребованы у населения различных стран в качестве любимых занятий в свободное время. Оценивать индикаторы предлагается путем проведения языкового анализа культурно-досуговых продуктов массового использования на предмет наличия, формы и частоты употребления заимствованной лексики. Кроме того, при составлении выборки материалов для последующей их оценки должны быть совокупно учтены такие характеристики, как пол и возраст потребителей продукции культурно-досугового назначения, популярные жанры произведений, востребованность отобранных данных среди населения страны.

По результатам обзора приведенных выше индикаторов в Республике Индонезия автор пришел к выводу о неравномерном употреблении англоязычных заимствований в культурно-досуговой сфере, обусловленном особенностями потребительской аудитории, источников вдохновения разработчиков досуговой продукции, а также основных господствующих тенденций и национальных (групповых) вкусов. Например, самым привлекательным пространством для массового использования англицизмов является сфера видеоигр. В Республике Индонезия эта индустрия активно развивается, привлекая в свои ряды все больше индонезийцев [Anhar et al. 2024: 3826–3827; Mulachela et al. 2020: 48]. Согласно статистическим данным, число игроков в стране в 2022 г. составило более 185 млн человек (67 %) при численности населения около 275,5 млн человек². По этой причине потоковое вещание видеоигр (онлайн-трансляции) и различного характера медиапродукция по данной теме (видео прохождения, обзоры

новинок и др.) является популярным контентом индонезийского общества.

Активному употреблению заимствованной лексики из английского языка способствует особая заинтересованность индонезийцев в онлайн-играх (большинство играют в них ежедневно) и участии в киберсоревнованиях. Наиболее популярными платформами для киберспорта с большим количеством профессиональных игроков являются PUBG (Player Unknown's Battlegrounds), Mobile Legends: Bang Bang и Garena Free Fire³. Возможность выбора сетевого режима позволяет соревноваться с командами из других стран, что подразумевает контакты на английском языке, а также англоязычное сопровождение многих игр (например, интерфейс). Для наглядности приведем несколько примеров из речи комментаторов киберсоревнований по Mobile Legends:

- *Mempermudah harusnya untuk **damage first** yang dihasilkan dengan **kombinasi skillnya**⁴ – Это должно облегчить нанесение первого урона при помощи комбинации его навыков.*

Приведенный пример наглядно показывает многие аспекты процесса заимствования и дальнейшего встраивания иноязычных элементов в структуру индонезийского языка, т.к. в предложении встречается вкрапление *damage first* (при этом интерес вызывает измененный под индонезийскую грамматику порядок слов, подразумевающий постпозицию прилагательного относительно существительного), собственно заимствования *kombinasi skillnya* и явление присоединения энклитики *-nya*.

В следующем примере показано участие иноязычной лексики в процессе словообразования:

- *Tapi untuk MRPX sendiri mereka masih prima sekali kalian bisa lihat dari arah pemain-pemain yang masih alivenya masih **full health** juga udah siap untuk bisa mungkin **mengengage** menuju ke arah pemain tim BTR⁵ – Но для самой команды MRPX*

² Number of gamers in Southeast Asia in 2022, by selected country. *Statista*. 18 Sep 2024. URL: <https://www.statista.com/statistics/1332796/sea-number-of-gamers-by-country/> (accessed 28 Jul 2024).

³ Nurhayati-Wolff H. Video game market in Indonesia – statistics & facts. *Statista*. 14 Feb 2024. URL: <https://www.statista.com/topics/10649/video-game-market-in-indonesia/#topicOverview> (accessed 28 Jul 2024).

⁴ [ID] M5 Wild Card Hari 1 | 4MERCAL ESPORTS VS TEAM FALCONS | GAME 1. *YouTube*. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=J9Ugkg4JFs> (accessed 2 Aug 2024).

⁵ [ID] 2023 PMP Indonesia W2D2 | Fall| SAATNYA UNTUK MERE BUT TAHTA KEMBALI! *YouTube*. URL: <https://www.youtube.com/live/goHKKFZfnKw?si=8vcX9xf-NxdReqOt> (accessed 2 Aug 2024).

они (средства передвижения по бездорожью) по-прежнему очень эффективны, и это видно по игрокам, которые еще живы, с высокими показателями здоровья и готовностью возможного столкновения с игроками команды BTR (лидерами рейтинга).

В предложении английский глагол *to engage* употребляется с индонезийским глагольным префиксом *teng-*, а прилагательное *alive* – с энклитикой *-nya*, что свидетельствует о локализации заимствований.

Тем не менее индикаторы показывают неодинаковую степень употребления англицизмов. Если в области видеоигр наблюдается тенденция повсеместного использования заимствований из английского языка, то, например, в музыкальной сфере ситуация имеет противоположный вектор: в текстах, ритмах и мелодиях большинства песен (в основном жанра поп) преобладают национальные мотивы, вобравшие в себя разнообразие местной индонезийской культуры [Darlene 2024: 50]. Иноязычные вкрапления и заимствования в основном используются в хип-хоп произведениях (приводится отрывок из песни «Sementara» («Временно») индонезийского хип-хоп / рэп-исполнителя Laze):

- *Teman baru datang teman lama pergi*
Katanya yang abadi hanya energi
Bila ia menghilang saat kau merugi
*Mungkin kasih sayang hanya strategi*⁶ –
Новый друг рядом, старый предал.
Знай, только **душа** – это начало начал.
Если бро исчез, когда случился провал,
Все было **игрою**, но ты и не знал.

При этом самыми предпочитаемыми музыкальными жанрами в индонезийском обществе признаны поп (83 % опрошенных), к-поп (47 %) и дангдут (поджанр индонезийской поп-музыки, в основе которого заложены элементы малайской, арабской и индийской музыкальных традиций – 37 %) ⁷. Рок, джаз и хип-хоп разместились на четвертом месте (по 33 %). Результаты опросов подтверждают опубликованные на различных музыкальных стриминговых

сервисах (Apple Music, Spotify и др.) топ-чарты, первые места которых занимают песни индонезийских поп-исполнителей, в текстах которых отсутствуют англицизмы, а также американских (британских) певцов ⁸. Следовательно, музыкальный сегмент Республики Индонезия на сегодняшний день является менее уязвимым от англоязычных заимствований и отличается приверженностью национальным музыкальным особенностям.

В рамках статьи, в частности культурно-досугового параметра, на примерах рассмотрены только несколько индикаторов из предложенных автором. Это объясняется в первую очередь большим объемом исследуемого материала, а также форматом статьи.

Выявленный разноплановый характер составляющих параметра обуславливает необходимость определения величины вклада каждого из них в его итоговое значение. Данное умозаключение будет применено ко всем сферам, а затем и параметрам в виде присвоения весовых коэффициентов.

В смежной с культурно-досуговой областью находится деятельность влиятельных и медийных личностей (военно-политических лидеров, деятелей культуры, спортсменов, блогеров) в цифровом пространстве, чьи авторитет и популярность могут оказывать сильное воздействие на пересмотр ценностей и поведения человека, в том числе языкового. Подобная иммерсивная виртуальная реальность быстрыми темпами становится основным видом развлечений, обеспечивающим эффект включенности и чувственного погружения в цифровую медиасреду. Кроме того, такой формат представления информации способствует закреплению инструментально-рационального типа поведения (индивид ориентируется в первую очередь на поведение других людей и использует выбранные установки в своей стратегии действий [Кравченко 2020: 6]).

В связи с этим имеет смысл ввести **параметр информационного воздействия**, учитывающий языковые особенности (в нашем случае объем употребления заимствований) публикаций лидеров массовой информации в сети Интернет, в частности в крупнейших социальных сетях и мессенджерах.

⁶ [ID] 2023 PMPL Indonesia W2D2 | Fall| SAATNYA UNTUK MEREBUT TAHTA KEMBALI! *YouTube*. URL: <https://www.youtube.com/live/goHKKFZfnKw?si=8vcX9xf-NxdReqOt> (accessed 2 Aug 2024).

⁷ Rizaty M. A. Daftar Genre Musik Favorit Masyarakat Indonesia pada 2023. *DataIndonesia.id*. 26 Jan 2024. URL: <https://dataIndonesia.id/varia/detail/daftar-genre-musik-favorit-masyarakat-indonesia-pada-2023#> (accessed 2 Aug 2024).

⁸ Top 100: Indonesia. *Apple Music*. URL: <https://music.apple.com/id/playlist/top-100-indonesia/pl.2b7e089dc9ef4dd7a18429df9c6e26a3>; Top 50: Indonesia. *Spotify*. URL: <https://open.spotify.com/playlist/37i9dQZEVXbObFQZ3JLcXt> (accessed 2 Aug 2024).

Вышеперечисленный круг людей имеет особое значение не только в процессе формирования общественного мнения, но и в установлении эталонов для подражания (в одежде, внешнем виде, образе жизни, предпочтениях и использовании языка). Любое отклонение от стандартов, становящихся в какой-то степени нормой, способствует снижению авторитета человека в обществе.

Наиболее активной и популярной досуговой сферой информационного влияния на сегодняшний день является блогерство, привлекающее своим форматом широкую аудиторию подписчиков. Высокий интерес к такому роду деятельности обусловил ее материальную поддержку (монетизацию) в виде пожертвований (донатов), доходов от продвижения рекламы и собственной продукции (одежда, обучающие курсы и т. д.), а также высокую конкуренцию. В попытках удержать и преумножить аудиторию блогеры стремятся предоставить новые доказательства своей популярности – оригинальный и модный продукт. В большинстве случаев *модный* подразумевает под собой включение иноязычной лексики (например, *хайпануть*, *кринж*, *хейт*, *треш* и т. д.⁹) и следование американским шаблонам. Такие речевые формы на постоянной основе транслируются потребителям информации, которые не только усваивают сленговые выражения и неологизмы, но и применяют их в повседневной деятельности. Отличительной особенностью блогинга как угрозы национальной культуре и языку является возможность влияния на сознание аудитории «безнравственных людей, овладевших высокими технологиями и ведомых безумными идеологическими доктринами либо законами бесчеловечного рынка» [Костина и др. 2021: 64]. В таких случаях проникновению и закреплению в обществе иноязычной лексики способствует модель *популярность – безграмотность*, которая подтверждает идею об экранно-образном воздействии на массовое сознание, основывающееся не на рациональном, а на эмоциональном аспекте восприятия действительности.

В то время как блогосфера имеет успех среди молодого поколения и людей среднего возраста, авторитетно-властная модель влияния на языковое поведение населения распространена среди более старших представителей общества. Она подразумевает информационно-языковой эффект, достигаемый электронными публикациями авторитетных деятелей. Независимо от возрастных характеристик каждый человек имеет своих кумиров или же лидеров общественного мнения, которым доверяет больше всего. Нравнодушие к их деятельности, проявляющееся в регулярном мониторинге интернет-ресурсов (личные странички в социальных сетях, каналы на различных платформах и т. д.), способно привести к формированию у заинтересованных лиц однотипного языкового окружения, внутри которого они будут более склонны к заимствованию речевых особенностей авторитетов.

В Республике Индонезия около 70 % населения пользуется интернетом, при этом широко распространены следующие платформы: Whats App (90,9 %), Instagram (85,3 %), Facebook¹⁰ (81,6 %), Tik Tok (73,5 %), Telegram (61,3 %) и X¹¹ (57,5 %)¹². Некоторые индонезийские исследования отмечают прямую зависимость показателей интенсивности доступа к социальным сетям и частоты употребления англицизмов в речи пользователей, способствующей маргинализации индонезийского языка [Adriani et al. 2018: 125–126]. С учетом статистических данных были рассмотрены аккаунты наиболее знаменитых людей страны и проанализированы их посты в перечисленных выше ресурсах на предмет активного использования лексических заимствований из английского языка. Первичный анализ заключавшийся в обзоре текстов сообщений и определении доли англицизмов от общего количества слов, выявил массовое употребление англицизмов в речи медийных личностей (около 25 %), что подтверждается ранее проведенными индонезийскими исследованиями [Iqbal 2021: 215; Yudhistyra 2023: 128; Yulianto, Samosir 2021: 212].

⁹ Дьяков А. И. Словарь англицизмов русского языка. М.: ФЛИНТА, 2021. 1383 с. <https://elibrary.ru/bjhjvw>

¹⁰ Компания *Meta Platforms*, владеющая социальными сетями *Facebook* и *Instagram* и онлайн-мессенджером *WhatsApp*, признана экстремистской организацией, ее деятельность запрещена на территории РФ. *Meta Platforms, the parent company of Facebook, Instagram and WhatsApp Messenger, is banned in the Russian Federation as an extremist organization.*

¹¹ В марте 2022 г. полностью заблокирована Роскомнадзором за удаление информации, распространение которой в России запрещено.

¹² Annur C. M. *Ini Media Sosial Paling Banyak Digunakan di Indonesia Awal 2024. Databoks.* 1 Mar 2024. URL: <https://databoks.katadata.co.id/datapublish/2024/03/01/ini-media-sosial-paling-banyak-digunakan-di-indonesia-awal-2024> (accessed 10 Aug 2024).

Ярким примером являются публикации президента Индонезии Джоко Видодо (Joko Widodo, 58,8 млн подписчиков) в сети Instagram:

- *Rencana besar pembangunan ekosistem mobil listrik yang terintegrasi di Indonesia mulai terealisasi* – Крупный план по созданию системы электромобилей, **принятый к исполнению** в Индонезии, начал **воплощаться в жизнь**.
- *Pemerintah akan mengoptimalkan potensi ini dengan percepatan efisiensi regulasi dan birokrasi, perbaikan ekosistem bisnis serta iklim investasi dalam negeri sampai dengan mempersiapkan infrastruktur yang akan menunjang dunia usaha* – Правительство **расширит** данные **возможности** посредством повышения **эффективности управления** и функционирования властных структур, улучшения **условий ведения бизнеса** и **инвестиционного климата** внутри страны, а также подготовки **производственной базы**, которая усилит предпринимательский сектор.

Необходимо отметить, что в большинстве рассмотренных случаев употребление заимствований является необоснованным и не несет каких-либо дополнительных значений, но при этом иноязычные лексические единицы встроены в речь президента с соблюдением правил индонезийского языка (например, глаголы в страдательном залоге *terintegrasi* и *teralisasi* образованы при помощи индонезийского префикса *ter-*). Тем не менее активное использование англицизмов в выступлениях Джоко Видодо вызывает многочисленные обсуждения у индонезийских лингвистов, считающих, что помимо знаний иностранного языка как глава государства и отец нации президент должен демонстрировать прекрасное владение литературным индонезийским языком [Hartinah, Kindi 2020: 111; Septiani 2021: 57].

Аналогичная ситуация наблюдается у молодых деятелей культуры, которые наряду с англицизмами массово употребляют иноязычные вкрапления, «надеясь сделать свою речь более привлекательной, сленговой и современной» [Saragih 2022: 2576]. Для наглядности приведем материалы публикаций одной из популярных индонезийских поп-певиц Махалини Рахарджи (Mahalini Raharja, 6,1 млн подписчиков):

- *Tahun kedua distage yang sama dan vibes yang sama di @thesoundsproject selalu seru!! Sama kaya tahun kemarin selalu happy kalo abis manggung di soundsproject! Malam kemarin Full kunang-kunang* – Второй год на одной **сцене** и в той же **атмосфере** на «Саундс проджект» – это всегда волнительно!! Как и в прошлом году, я **наполнена счастьем** от выступления на этой площадке! Прошлой ночью здесь было **полно огоньков**.

Другим немаловажным инструментом, оказывающим влияние на национальный язык, является **параметр средств массовой информации**. Помимо информационной функции СМИ способны выступать «непосредственным участником конфликтного взаимодействия» (использоваться в качестве канала дезинформации и пропаганды, инструмента манипулирования общественным мнением и поведением граждан) [Манойло и др. 2021: 156]. В связи с этим от характера подачи материалов, в том числе его языковых особенностей, зависит не только качество и адекватность процесса доведения информации до аудитории, но и информационная безопасность общества в целом. Так, частое употребление заимствований в медиапродукции способствует формированию и насаждению определенных образцов поведения, стереотипов, социальных мифов, мнений, значений и смыслов, необходимых национальному руководству или чаще всего лидерам западных стран для продвижения своих интересов и упрощения процессов управления общественными массами. При рассмотрении параметра СМИ в интересах изучения проблемы иноязычных заимствований основная задача исследования заключается в выявлении зависимости крупнейших изданий страны от иностранных информационных ресурсов. Необходимо также отметить, что при проведении комплексного исследования анализу подлежат все основные виды СМИ (выступают в роли индикаторов): аудиовизуальные (радио и телевидение), печатные (газеты и журналы) и электронные (информационные порталы, электронные ресурсы печатных изданий и т.д.).

Сфера СМИ Республики Индонезия представляет собой развитую систему ресурсов, осуществляющих свою деятельность по всему миру и предоставляющих читателям качественные материалы по разным направлениям. Наиболее популярными источниками информации в Республике Индонезия

являются Kompas, Detik, TribunNews, Kumparan, CNN Indonesia, Liputan6, Sindonews, IDN Times, JawaPos, Tempo и др.¹³ Отличительной особенностью большинства материалов индонезийских СМИ является доминирование чувственно-эмоционального компонента, обусловленного такой национальной характеристикой индонезийского общества, как коллективизм. В связи с этим сфера массовых коммуникаций Республики Индонезия легко поддается информационному воздействию западных СМИ (в основном американских), чьи публикации отличаются высоким уровнем экспрессивности и наличием конфликтного потенциала. Часто информационные материалы представляют собой «марионеточные публикации» (переводы статей западных СМИ, использование их в основе своих собственных), проецирующие англосаксонские идеи под видом своих, что приводит к массовому употреблению англицизмов и их закреплению в журналистском дискурсе [Смотров 2025: 286]. Серьезность ситуации демонстрируют следующие примеры из ежедневной газеты «Компас»:

- *Langkah selanjutnya, komite khusus AI juga harus menginisiasi program-program insentif fiskal, seperti pengurangan pajak bagi industri yang menerapkan inovasi AI*¹⁴ – Следующий шаг: специальный комитет по **искусственному интеллекту** должен также **запустить программы финансового стимулирования**, такие как снижение налогов для **отраслей**, внедряющих **инновации** в области **ИИ**.
- *"Indonesia meminta Australia tetap konsisten memenuhi kewajibannya sesuai rezim non-proliferasi senjata nuklir dan IAEA (Badan Energi Atom Internasional) Safeguard, dan menyetujui mekanisme verifikasi oleh IAEA yang efektif, transparan, dan tidak diskriminatif" demikian pernyataan Kemenlu RI*¹⁵ – «Руководство Индонезии попросило австралийских коллег **последовательно** выполнять свои обязательства в соответствии с режимом **нераспространения** ядерного оружия и гарантиями МАГАТЭ

(**Международного** агентства по **атомной энергии**), а также согласовать **эффективную, прозрачную и беспристрастную** процедуру **проверки** сотрудниками агентства», – говорится в заявлении министерства иностранных дел Республики Индонезия.

Подобные случаи встречаются довольно часто в печатных изданиях страны [Fauzi 2014: 15] и свидетельствуют о высокой степени уязвимости языка СМИ для англоязычной лексики, которая часто может быть заменена эквивалентами на индонезийском языке [Pitrianti, Perdana 2022: 47]. Так, в первом примере аббревиатура AI, образованная от английского словосочетания *artificial intelligence* (искусственный интеллект), повсеместно употребляется во всех статьях различных медиаресурсов, несмотря на тот факт, что в них присутствует индонезийский эквивалент *kecerdasan buatan*, который мог бы быть представлен аббревиатурой KB. Тем не менее авторы статей целенаправленно употребляют оба варианта (в основном английскую аббревиатуру AI и редко индонезийский эквивалент *kecerdasan buatan*). Похожий случай наблюдается во втором примере, в котором английская аббревиатура IAEA (International Atomic Energy Agency – Международное агентство по атомной энергии, МАГАТЭ) расшифровывается индонезийским эквивалентом *Badan Energi Atom Internasional* без упоминания полного названия на английском языке. Подобные употребления нескольких эквивалентов одного и того же термина способны не только привести к трудностям в понимании информационных сообщений, но и выделить приоритетность использования иностранного варианта. Данные примеры демонстрируют процессы маргинализации родного языка индонезийскими СМИ, чему способствуют низкий контроль редакционно-издательских отделов и отсутствие соответствующих правовых норм, регламентирующих употребление англицизмов в сфере СМИ.

В ходе рассмотрения группы медийных параметров на примере Республики Индонезия было выявлено массовое употребление англицизмов

¹³ Mantalean V., Meiliana D. Kompas.com Puncaki Survei Media Paling Banyak Dibaca Versi IPWS, Menang di 8 Kategori. *Kompas.com*. 14 Sep 2023. URL: <https://nasional.kompas.com/read/2023/09/13/17161191/kompascom-puncaki-survei-media-paling-banyak-dibaca-versi-ipws-menang-di-8?page=all> (accessed 10 Jun 2024).

¹⁴ Riza H. Perang Investasi Kecerdasan Buatan di ASEAN Dimulai. *Kompas.id*. 28 Mar 2024. URL: <https://www.kompas.id/baca/opini/2024/03/27/perang-investasi-kecerdasan-buatan-di-asean-dimulai> (accessed 9 Sep 2024).

¹⁵ Wajar, Indonesia Mewaspadai AUKUS. *Kompas.id*. 16 Mar 2023. URL: <https://www.kompas.id/baca/opini/2023/03/16/wajar-indonesia-mewaspadai-aucus> (accessed 9 Sep 2024).

в медиапродукции, что способствует созданию предпосылок к снижению авторитета индонезийского языка среди населения страны в основном за счет использования иностранных лексических единиц вместо эквивалентов на национальном языке. Данный вывод подтверждает уместность предлагаемых параметров в качестве инструментов оценки уязвимости национального языка от иноязычных заимствований и определяет направления дальнейших исследований, заключающихся в необходимости проведения количественного контент-анализа и интерпретации результатов в интересах разрабатываемого показателя.

Заключение

На фоне интенсификации процессов языковой глобализации, обусловленной увеличением языковых контактов, вопросы комплексного исследования лексических заимствований на сегодняшний день являются одним из основных направлений развития языковой политики и языкового строительства многих стран. В целях контроля состояния государственного языка и своевременного вскрытия угроз его стабильному и самобытному развитию предлагается применять разрабатываемый автором показатель уязвимости национального языка от иноязычных заимствований (P_v), представляющий собой совокупность параметров, отражающих возможности иностранного языка, оказывающего воздействие на многообразие сфер деятельности государства и общества, а также комплекс мер

различных структур по осуществлению реагирования на такое воздействие.

Для проведения расчетов сформирована система из семи универсальных параметров: правовой, регулирующий, образовательный, культурно-досуговый, информационный, средств массовой информации и внешнего влияния. По мнению автора, именно вышеперечисленные параметры оказывают наибольшее влияние на формирование языковых норм и предпочтений общества. Особую роль в закреплении и последующей корректировке языкового поведения населения страны играют параметры медийной группы (культурно-досуговый, информационный, средств массовой информации), оказывающие скрытое информационно-психологическое воздействие на сознание человека в рамках его рекреационной деятельности. Рассмотрение предложенных параметров медийной группы на примере Республики Индонезия подтвердило их универсальный характер, что позволяет использовать данные инструменты оценки по отношению к другим государствам, в том числе Российской Федерации.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Абраменкова В. В. Обеспечение языковой безопасности в развитии культуры речи ребенка. *Педагогическое образование и наука*. 2017. № 5. С. 80–85. [Abramenkova V. V. Ensuring language safety during development of child's speech culture. *Pedagogical education and science*, 2017, (5): 80–85. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/laqxln>
- Гостев А. А. Глобальная психоманипуляция: психологические и духовно-нравственные аспекты. М.: ИП РАН, 2017. 467 с. [Gostev A. A. *Global psychological manipulation: Psychological and spiritual-moral aspects*. Moscow: IP RAS, 2017, 467. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xglwdt>
- Дьяков А. И. Англицизмы и их русские производные. Новосибирск: НГТУ, 2012. 276 с. [Dyakov A. I. *Anglicisms and their Russian derivatives*. Novosibirsk: NSTU, 2012, 276. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qxiyml>
- Зубок Ю. А., Чупров В. И. Культура в жизни молодежи: потребность, интерес, ценность. *Вестник Института социологии*. 2018. Т. 9. № 4. С. 170–191. [Zubok Yu. A., Chuprov V. I. Culture in the lives of young people: Necessity, interest, value. *Vestnik instituta sotsiologii*, 2018, 9(4): 170–191. (In Russ.)] <https://doi.org/10.19181/vis.2018.27.4.546>
- Костина А. В., Макаревич Э. Ф., Карпухин О. И., Луков В. А. Культура как фактор национальной безопасности современной России: значение и ролевая модель. М.: ЛЕНАНД, 2021. 328 с. [Kostina A. V., Makarevich E. F.,

- Karpukhin O. I., Lukov V. A. *Culture as a factor of national security of modern Russia: Significance and role model*. Moscow: LENAND, 2021, 328. (In Russ.) <https://elibrary.ru/nufhki>
- Кравченко А. И. Статика и динамика социального действия. *Социология*. 2020. № 1. С. 4–39. [Kravchenko A. I. Statics and dynamics of social action. *Sotsiologiia*, 2020, (1): 4–39. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tnmbjh>
- Манойло А. В., Петренко А. И., Фролов Д. Б. Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Горячая линия-Телеком, 2021. 636 с. [Manoilo A. V., Petrenko A. I., Frolov D. B. *State information policy in the context of information and psychological warfare*. 4th ed. Moscow: Goriachaia liniia-Telekom, 2021, 328. (In Russ.)]
- Марусенко М. А. Новый мировой языковой порядок. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. 684 с. [Marusenko M. A. *New world language order*. St. Petersburg: Herzen University, 2019, 684. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ctcsmc>
- Марченко А. А. Разумная достаточность как стратегия реагирования респондентов в веб-опросах. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2016. № 5. С. 31–40. [Marchenko A. A. Satisficing as a strategy of respondents' response in web-based surveys. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsial'nye Peremeny*, 2016, (5): 31–40. (In Russ.)] <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.5.03>
- Одегова О. В. Глобализация языка и культуры: специфика и место в системе глобальных процессов современности. Томск: ТГУ, 2017. 168 с. [Odegova O. V. *Globalization of language and culture: Specificity and place in the system of global processes of the present*. Tomsk: TSU, 2017, 168. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zgdrhb>
- Попова И. Н., Зинцова М. В. Методика определения интегрального показателя конкурентоспособности розничных торговых сетей. *Интернет-журнал Науковедение*. 2015. Т. 7. № 1. [Popova I. N., Zintsova M. V. A method for the determination of the integral competitiveness index of retail chains. *Internet-zhurnal Naukovedenie*, 2015, 7(1). (In Russ.)] <http://dx.doi.org/10.15862/01EVN115>
- Смотров М. Д. Особенности освещения специальной военной операции в индонезийском политическом медиадискурсе. *Информационная война: формы ведения и методы лингвистического анализа*, ред. О. И. Калинин, О. А. Солопова. М.: ФЛИНТА, 2025. С. 277–288. [Smotrov M. D. Features of coverage of special military operations in Indonesian political media discourse. *Information warfare: Forms of conduct and methods of linguistic analysis*, eds. Kalinin O. I., Solopova O. A. Moscow: FLINTA, 2025, 277–288. (In Russ.)]
- Смотров М. Д. Факторы проецирования языковой силы англосферы в условиях языкового империализма (на примере Республики Индонезия). *Военно-филологический журнал*. 2024. № 3. С. 83–95. [Smotrov M. D. Factors of the anglosphere linguistic power projection under conditions of linguistic imperialism (as exemplified in the Republic of Indonesia). *Voenno-filologicheskii zhurnal*, 2024, (3): 83–95. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/adjwww>
- Соколов К. Б. Глобализация: История, современность и искусство. М.: Гос. ин-т искусствознания, 2012. 444 с. [Sokolov K. B. *Globalization: History, modernity, and art*. Moscow: SIAS, 2012, 444. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qoontd>
- Adriani D., Tabiati S. E., Junining E. Social media and its impact on the use of English borrowings in Indonesian. *Alphabet*, 2018, 1(2): 123–128. <https://doi.org/10.21776/ub.alphabet.2018.01.02.05>
- Anhar A., Hasanah R., Aprilia R. P. Pengaruh Interaksi Virtual terhadap Pembentukan Bahasa Slang di Komunitas Gamer Indonesia: Perspektif Sociolinguistik. *Jurnal Intelek Insan Cendikia*, 2024, 1(8): 3821–3829.
- Darlene E. Identitas kultural musik pop Indonesia dalam Konteks Seni Urban. *Tonika: Jurnal Penelitian dan Pengkajian Seni*, 2024, 7(1): 49–61.
- Fauzi I. English borrowings in Indonesian newspapers. *Journal on English as a Foreign Language*, 2014, 4(1): 15–27. <https://doi.org/10.23971/jefl.v4i1.71>
- Hartinah Y., Kindi F. M. Analisis Wacana Politik Capres Joko Widodo dan Prabowo Subianto dalam debat Pilpres 2019. *Prasasti: Journal of Linguistics*, 2020, 5(1): 105–121. <https://doi.org/10.20961/prasasti.v5i1.39387>
- Iqbal M. Alih Kode dan Campur Kode dalam Akun Instagram Selebriti Indonesia. *Bahtera Indonesia: Jurnal Penelitian Bahasa dan Sastra Indonesia*, 2021, 6(2): 213–222. <https://doi.org/10.31943/bi.v6i2.87>
- Mulachela A., Rizki K., Wahyudin Y.A. Analisis Perkembangan industri game di Indonesia Melalui Pendekatan Rantai Nilai Global (Global Value Chain). *Indonesian Journal of Global Discourse*, 2020, 2(2): 32–51. <https://doi.org/10.29303/ijgd.v2i2.17>

- Nur Hakim A. R., April Yani N. A., Nurlatifah Y. H., Kembara M. D. Pentingnya Penggunaan Bahasa Indonesia di Lingkungan Kampus sebagai Identitas Nasional terhadap Persatuan. *Inspirasi Dunia: Jurnal Riset Pendidikan Dan Bahasa*, 2023, 2(2): 232–242. <https://doi.org/10.58192/insdun.v2i2.797>
- Pitrianti S., Perdana T. I. Analisis Kata Serapan Asing pada Koran Kompas serta Pemanfaatannya sebagai Bahan Pembelajaran Kosakata di Sekolah. *Literasi: Jurnal Bahasa dan Sastra Indonesia serta Pembelajarannya*, 2022, 6(1): 46–55. <http://dx.doi.org/10.25157/literasi.v6i1.6219>
- Saragih D. K. Dampak Perkembangan Bahasa Asing terhadap Bahasa Indonesia di Era Globalisasi. *Jurnal Pendidikan Tambusai*, 2022, 6(1): 2569–2577.
- Septiani D. Kata Serapan dan Istilah Asing Joko Widodo dalam Debat Calon Presiden dan Wakil Presiden 2019. *Basastra: Jurnal Kajian Bahasa dan Sastra Indonesia*, 2021, 10(1): 55–69. <https://doi.org/10.24114/bss.v10i1.23423>
- Yudhistyra N. S. Analysis the using of code mixing on Syifa Hadju's Instagram account. *Seminar Nasional Sosial Sains, Pendidikan, Humaniora (SENASSDRA)*, 2023, 2(2): 127–136.
- Yulianto E., Samosir A. Campur kode pada Takarir di Akun Instagram "Selebgram" Indonesia. *Deiksis*, 2021, 13(3): 204–213. <http://dx.doi.org/10.30998/deiksis.v13i3.9857>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/brgpaz>

О чертё и чёрточке: из истории письменных знаков

Иванов Андрей Владимирович

Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н. А. Добролюбова, Россия, Нижний Новгород

eLibrary Author SPIN: 1291-3219

<https://orcid.org/0000-0003-0031-5769>

Scopus Author ID: 57221947160

aivan@lunn.ru

Аннотация: Статья посвящена истории возникновения терминов *черта* и *черточка*, развитию их семантической структуры и вхождению их в систему лингвистической терминологии русского языка. Актуальность исследования определяется недостаточной изученностью отдельных этапов становления и развития графической системы русского языка в период с IX по XVIII в., не до конца определенным лексическим статусом номинаций *черта* и *черточка*, необходимостью систематизации их семантических и функциональных различий. Гипотеза исследования заключается в том, что у этих номинаций со времени их первого упоминания в текстовых и лексикографических источниках возникли и развились сложные и взаимосвязанные системы значений, что позволяет с семантической точки зрения описывать их несколько иначе, чем это было принято до сих пор, а с учетом реализуемых ими функций постулировать обусловленность семантики этих номинаций их функциональным потенциалом. Цель исследования – проследить эволюцию семантики *черты* и *черточки* в русском языке IX–XVIII вв., конкретизировать их терминологический статус и выявить их функциональные особенности на основе историко-лингвистического анализа письменных источников. В ходе исследования используются методы историко-лингвистического, дефиниционного и семантического анализа. На основе изучения грамматических трактатов, грамматик и словарей, появившихся в России в период IX–XVIII вв., автор прослеживает эволюцию лексического статуса *черты* и *черточки*, которые в описываемый промежуток времени поначалу являлись словами общего языка, а затем приобрели статус терминов в силу ряда реализуемых ими функций. Этот вывод в полной мере относится к термину *черточка*, поскольку в современных словарях общей и терминологической лексики она, как правило, сопоставляется с орфографическим термином *дефис*. *Черта*, несмотря то что ее терминологический статус в достаточной мере очевиден, не включается в словники узкоспециальных словарей в силу своей широкой семантики. Предпринятое исследование подтверждает предположение, что *черта*, как и *черточка*, может считаться термином, по крайней мере в историко-лингвистическом аспекте. В описываемый период времени в семантической структуре слова-термина *черта* возникли 12 значений, каждое из которых получило свое словесное обозначение не только благодаря самому этому термину, но и целому ряду синонимичных терминологических номинаций. Большая часть этих значений относится к XVIII в., что связано с развитием науки о языке и появлением первых русских грамматик. При этом самое раннее значение термина может быть датировано еще IX в. и связывается с особым типом письма древних славян, получившим название *черты* и *резы*. Семантическая структура термина *черточка* включает 5 значений, которые сформировались во второй половине XVIII в. Все выявленные значения слова-термина *черточка* имеют свои корреляты в семантической структуре термина *черта*. С учетом количества значений, а следовательно, и функциональных возможностей каждого из исследуемых терминов, можно сделать вывод о более узкой области применения *черточки* как терминологического знака по сравнению с термином *черта*.

Ключевые слова: черта, черточка, графика, графический знак, лингвистический термин, терминологическая семантика, диахроническое описание термина

Цитирование: Иванов А. В. О чертё и чёрточке: из истории письменных знаков. *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 4. С. 705–717. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-4-705-717>

Поступила в редакцию 13.04.2025. Принята после рецензирования 30.06.2025. Принята в печать 30.06.2025.

full article

***Cherta* (Dash) and *Chertochka* (Hyphen) in the History of Russian Writing**

Andrey V. Ivanov

Nizhny Novgorod Linguistics University, Russia, Nizhny Novgorod

eLibrary Author SPIN: 1291-3219

<https://orcid.org/0000-0003-0031-5769>

Scopus Author ID: 572219471600

aivan@lunn.ru

Abstract: The article traces the terms *cherta* (dash) and *chertochka* (small dash; hyphen) and their semantics in the system of the Russian linguistic terminology. As the Russian graphics of the 9th–18th centuries remain understudied, so does the lexical status of dash and hyphen with their semantic and functional differences. Starting with their first mention in lexicographic sources, these two punctuation marks developed complex and interconnected systems of meanings. This fact opens a possibility of an unconventional semantic interpretation, determined by their functional potential. The author traced the semantics of *cherta* (dash) and *chertochka* (hyphen) in the Russian language in the 9th–18th centuries to specify their terminological status and identify their functional features. The study relied on the methods of historical, linguistic, definitional, and semantic analyses. Based on the available grammatical treatises, grammars, and dictionaries, *cherta* and *chertochka* evolved from the common language vocabulary to linguistic terms due to the functions they performed. Modern general and terminological dictionaries identify *chertochka* with the orthographic term hyphen. Despite its obvious terminological status, *cherta* remains outside specialized dictionaries because of its broad semantics. However, *cherta*, like *chertochka*, can be considered a term, at least in the historical-linguistic aspect. In the 9th–18th centuries, the term *cherta* had twelve meanings, each of which received its verbal designation not only through the term itself, but also due to a number of synonymous terms. Most of these meanings dated back to the 18th century, which saw the genesis of Russian linguistics and the first Russian grammars. The earliest meaning of the term goes back to the 9th century, when it denoted a special type of writing of the ancient Slavs (*cherty* and *rezy*, i.e., carved strokes). The semantic structure of the term *chertochka* included five meanings, which shaped in the second half of the 18th century. All of them correlated with the semantic structure of *cherta*. Based on the range of meanings and functional spheres, *chertochka* had a narrower use than *cherta*.

Keywords: dash, hyphen, graphic, graphic sign, linguistic term, terminological semantics, diachronic terminology

Citation: Ivanov A. V. *Cherta* (Dash) and *Chertochka* (Hyphen) in the History of Russian Writing. *SibScript*, 2025, 27(4): 705–717. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-4-705-717>

Received 13 Apr 2025. Accepted after peer review 30 Jun 2025. Accepted for publication 30 Jun 2025.

Введение

Проблеме буквенных и небуквенных письменных знаков посвящено значительное количество исследований, предпринятых в сфере орфографии и пунктуации. Однако большая часть из них раскрывает специфику функционирования этих средств применительно к современным условиям и актуальным правилам правописания и постановки знаков препинания. Гораздо меньшее внимание уделяется истории возникновения этих знаков, появлению принятых для них специальных словесных обозначений, становлению семантики последних сначала

как прототерминологических единиц (в основном в рамках изучения истории письма в целом и письменности отдельных языков в частности) и еще меньшее – знакам, которые, как показывает исследование, обойдены вниманием в силу их нечастотности, незначительности, неоднозначно трактуемой или расплывчатой семантики. К таким знакам можно отнести *черту* и *черточку*, которым посвящена предлагаемая статья.

Следует отметить, что еще Л. В. Щерба указывал на необходимость изучения истории слов

на протяжении определенного отрезка времени, начиная с той или иной определенной даты или эпохи, причем в рамках таких штудий интерес лингвиста должен фокусироваться не только на процессе возникновения новых слов и новых значений, но и на их отмирании, а также видоизменении [Шерстянникова 2015: 64]. Применительно к общей лексике русского словарного фонда эта задача решается весьма успешно. Что касается узкоспециальной лексики, к которой относятся терминологии, обслуживающие ту или иную профессиональную сферу человеческой деятельности, в том числе и лингвистику, то здесь ситуация выглядит несколько по-иному. Исторический экскурс в историю специальной лексики языкознания осложняется тем, что она нечасто включалась в словники словарей и номенклаторов, которые стали появляться в России начиная с XVI в., и однозначного терминологического статуса не имела, хотя, как отмечает В. В. Колесов, отдельные языковые единицы, прежде всего терминологические кальки, появившиеся в русле следования греко-латинской лингвистической традиции, а также некоторые оригинальные образования оказались вполне приемлемы и прижились на русской почве [Колесов 2003: 77]. По этой причине основными источниками, привлекаемыми к исследованию, становятся не лексикографические, а текстовые. К их числу относятся в первую очередь азбучники, алфавиты и переводные грамматические трактаты, а также их многочисленные списки, в которых во множестве встречаются не только кальки, но и своеязычные эквиваленты, часть которых впоследствии сформировала ядро зарождающейся терминосистемы русского языкознания [Корнейчук 2014: 24]. Для таких источников характерно использование развитой системы помет или отметок киноварью над словом, обозначающих язык-донор, из которого оно было заимствовано (*г, гр, греч, ел, елл, елли* и т. п.) [Юдин 2020: 1135].

Черта и *черточка* не являются кальками или переводными эквивалентами греческих или латинских терминов, а представляют собой исконные лексические единицы. Возникновение первой из упомянутых номинаций может быть датировано еще IX в. и связывается с разновидностью письма, которым

пользовались древние славяне, второй – XVIII в., когда на фоне растущего интереса к родному языку в России стали появляться первые грамматики.

В период с IX по XVIII в. постепенно сформировалась семантическая структура обеих языковых единиц, получивших со временем статус терминов и вошедших в словари. При этом следует отметить, что это наблюдение верно лишь отчасти, поскольку только *черточка* была и остается объектом описания в словарях как общей, так и терминологической лексики¹. Однако в этих источниках она всегда трактуется как орфографический знак *дефис* с неизменной отсылкой к этому термину. В противоположность этому *черта* никогда не включалась на правах дефинируемой терминологической единицы в словари лингвистической терминологии.

Гипотеза исследования заключается в том, что у номинаций *черта* и *черточка* со времени их первого упоминания в текстовых и лексикографических источниках возникли и развились сложные и взаимосвязанные системы значений, что позволяет с семантической точки зрения описывать их несколько иначе, чем это было принято до сих пор, а с учетом реализуемых ими функций – постулировать обусловленность семантики этих номинаций их функциональным потенциалом. Цель исследования – проследить эволюцию семантики *черты* и *черточки* в русском языке IX–XVIII вв., конкретизировать их терминологический статус и выявить их функциональные особенности на основе историко-лингвистического анализа письменных источников. При этом автор отдает себе отчет в том, что не все выявленные в ходе обследования эмпирического материала контексты однозначно свидетельствуют в пользу терминологического статуса *черты* и *черточки*, поскольку собственно терминологическая система русского языкознания начинает формироваться, по сути, только в XVIII в. [Бергер 2021: 14], «когда в сочинениях М. В. Ломоносова, Н. М. Карамзина стали формироваться терминосистемы отдельных наук, начали закладываться принципы построения и отбора русских терминов различных гуманитарных и естественных наук, а в первых словарях специальной лексики термины подвергались систематизации» [Блем, Меркурьева 2014: 167].

¹ Ожегов С. И. Словарь русского языка, ред. Н. Ю. Шведова. М.: Рус. яз., 1985. С. 766; Краткий словарь лингвистических терминов, сост. Н. В. Васильева, В. А. Виноградов, А. М. Шахнарович. М.: Рус. яз., 1995. С. 142; Толковый словарь русского языка, ред. Д. Н. Ушаков. М.: Терра, 1996. Т. 4: С–Я. Стб. 1264; Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: УРСС, 2004. С. 514; Стариченок В. Д. Большой лингвистический словарь. Ростов н/Д: Феникс, 2008. С. 698.

С учетом этого обстоятельства употребление обозначения *термин* применительно к номинациям *черта* и *черточка* в ряде случаев носит условный характер.

Основные задачи, решаемые в рамках поставленной цели:

1) обследовать текстовые и лексикографические источники, относящиеся к указанному промежутку времени, и вычленив фрагменты (контексты), содержащие информацию о терминах *черта* и *черточка*;

2) проанализировать отобранные контексты на предмет выявления значений, в которых используются данные языковые единицы, и выстроить семантическую структуру этих единиц с учетом времени возникновения каждого выявленного значения;

3) сопоставить семантику терминов *черта* и *черточка* и установить возможные корреляции между отдельными элементами их семантических структур;

4) проанализировать функциональные особенности терминов *черта* и *черточка* с учетом выявленных значений этих терминов.

Исследование представляется актуальным с учетом недостаточной разработанности историографического аспекта изучения русской лингвистической терминологии, а его научная новизна определяется комплексным характером описания и анализа исследуемых терминов в диахронии, предполагающим синтез исторической, хронологической и лингвистической информации об исследуемых языковых явлениях.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы при подготовке научных статей и диссертационных работ, посвященных изучению истории терминов лингвистики.

Методы и материалы

В ходе исследования используются методы историко-лингвистического, дефиниционного и семантического анализа. Материалом исследования выступают грамматические трактаты, грамматики русского языка и словари, относящиеся к IX–XVIII вв., авторами которых выступили В. Ф. Бурцов-Протопопов, И. А. Гейм, Ф. Гёлтергоф, И. Дамаскин, (Карион) Истомина, Н. Г. Курганов, М. В. Ломоносов, И. А. Переверзев, В. С. Подшивалов, Ф. П. Поликарпов-Орлов, Я. Родде, М. Смотрицкий, И. В. Соц, Н. Спафарий, И. И. Татищев, Ф. П. Шаров, Н. М. Яновский и др.

Результаты

Формирование семантической структуры слова-термина *черта*

Значение 1

Одно из первых значений, фиксируемых в семантической структуре слова-термина *черта*, – линейный знак, предположительно, слогового письма у древних славян, получившего название *черты* и *резы* с учетом формы и способа нанесения этих знаков на материальный носитель (дерево, береста, камень). Проблеме установления того, что представляют собой *черты* и *резы*, уделяли внимание многие лингвисты и этнографы. В частности, Г. С. Гриневич на материале 25 надписей идентифицировал 240 письменных знаков такого рода, часть из которых оказались графическими вариантами других знаков. Даже с учетом выявленной вариативности «такое количество знаков... слишком велико для буквенного и недостаточно для словесно-слогового письма. Следовательно, скорее всего мы имеем дело со слоговой письменностью. О слоговом типе письма свидетельствует и обнаруженный в ряде надписей знак – косою штрих, стоящий обычно в нижней части строки справа от знака» [Гриневич 1993: 32]. *Черты* и *резы* трактуются и как «разновидности пиктографическо-тамгового и счетного письма, известного также у других народов на ранних этапах их развития» [Сказания... 1981: 176].

Первое упоминание о *черте* (в этом значении) встречается в IX–X вв. в трактате *О письменех* черноризца Храбра (рукоп. МДА, № 145, л. 380–383): «Прѣжде оубѡ словене не имѣахъ писмень, нѣ чертами и рѣзани гадаахъ, погани сѣще» [Палаузов 1852: 120; Ягич 1895: 300]. Известно, что помимо письменных знаков как таковых в составе изученных исследователями надписей встречались и иные знаки, выполнявшие разделительную или ограничительную функцию, знаки веса, календарные знаки и др. С помощью последних, как полагает Б. А. Рыбаков, древние славяне «считали дни и месяцы и гадали о будущем» [Рыбаков 2013: 174]. Видимо, именно эту функцию черт и резов имеет в виду Храбр, утверждая, что славяне «чрътами и рѣзани чѣтѣхъ и гатаахъ».

Позднее *черта* в том же контексте появляется в списках или комментариях к упомянутому трактату Храбра, относящихся к разным временным периодам. Ср.:

- Слово святого Кирила философа, учителя словенъску языку (XIII в.): «словенѣ не имѣхъ писаниѣ, нѣ чрътаниѣмъ чрътахъ и рѣжми рѣжахъ, тогда бѣхъ погани сѣще» [Караѣић 1857: 7; Ягич 1895: 303];
- О письменех черноризца Храбра (рукоп. ИПБ, № I.F.376, л. 1016–1056; 1348 г.): «Прѣжде оубо словѣне не имѣхъ книгъ нѣ чрътами и рѣзами чѣтѣхъ и гатаахъ погани сѣще» [Калайдович 1824: 189; Ягич 1895: 297];
- Сказание како состави святыи Кирил философ азбуку по языку словенъску (рукоп. № 354 (син.). Л. 347–352; XVII в.): «Прѣжде оубо словане еше соуще погани не имѣаху писманъ, но чертами и нарѣзанми читаху и гадаху» [Ягич 1895: 305];
- Сказание како състави светыи Кириль философъ азбукою по езикоу словенскоу (?XVII в.): «Преждѣ оубо Словене, юще погани соуще, нѣимѣхоу писмень, нѣ чрътанми и нѣрѣзанми (нѣ рѣзанми?) читахоу и гадахоу» [Там же: 956];
- Азбука (1637 г.): «Прѣжде оубо словѣне еше сѣще погани. не имѣху писмень. но чертами и нарѣзанми читаху и гадаху»².

Значение 2

Второе значение слова-термина *черта* (с учетом хронологического параметра) связывается с мельчайшими элементами буквенного знака, включая едва заметные обозначения в виде *черточек*, которыми отличается написание некоторых внешне похожих букв древнееврейского алфавита: א (бет) и כ (каф), ד (далет) и ר (реш) и др. В этом значении *черта* упоминается в Евангелии от Матфея вместе с йотой или йодом (י) – самой маленькой буквой древнееврейского алфавита: «Ибо истинно говорю вам: доколе не пройдет небо и земля, ни одна иота или ни одна черта не пройдет из закона, пока не исполнится все» (От Матфея 5:18). Самое раннее словоупотребление дважды зафиксировано в *Остромировом Евангелии* (1057 г.): «Дондеже прѣидеть нбо и землѣ писма ѳдино или ѳдина чръта не прѣидеть отъ закона»³.

Более поздние случаи такого же и подобного словоупотребления встречаются в следующих текстовых источниках:

- *Четвероевангелие* (парижский список, № 25; до 1346 г.): «дондеже прѣидеть небо и землѣ писме ѳдино или ѳдина чръта не прѣидеть втъ закона дондеже вса боудоуть» [Памятники... 1879: 85];
- *О письменех* (Константин Философ; XV в.): «а ѳ иже сѣцевѣих моужѣи писанѣе възъмъ прѣпишетъ, елико чрътъ и рѣзвѣ писмень погрѣшитъ или прѣтворить... толико развращѣнѣе въведеть, и толико раздѣленѣа едино на дроуго» [Ягич 1895: 396];
- *Грамматика славенския* (1648 г.): «и не есть безъ менѣ ни едина чертъ ѳже тростѣю полагаема, или писмо или слогъ, или часть» [Смотрицкий 1648: мѣ об.];
- *Книга избранная вкратце о девяти мусах и о седми свободных художествах* (рукоп. РНБ, № Q.XVII.13; 1672 г.): «и нѣсть безменѣ нѣдина чертъ ѳже тростѣю полагаема или писмо или слогъ, или часть»⁴;
- *Грамота Холмогорскаго архиепископа Афанасия* (1695 г.): «указали мы преосвященный архиепископъ вамъ <...>, чтобъ они во время преписанѣа писали бѣ рѣчи и литеры, и просодѣю, и точки, и запятыя, и двоеточѣе хранили противъ подлиннаго преписаннаго отъ насъ чиновника отнюдь непреложно, а не прибавливать, ниже убавливать въ преписанѣи ни оты, ниже черты единой измѣнять»⁵;
- *Книга святого Иоанна Дамаскина философская о осми частех слова* (рукоп. РГБ № 192, ф. 256 (Рум.), пер. Иоанна экзарха болгарского; начало XVIII в.): «и не есть безъ мене ни едина чертъ ѳже тростѣю полагаема или писмо или слогъ или часть»⁶;
- *Грамматика доброглаголиваго славеноросскаго языка* (вторая половина XVIII в.): «и не есть

² Бурцов-Протопопов В. Ф. Азбука. М.: Типография Единоверцев, 1637. пѣ-пѣ об.

³ Остромирово Евангелие 1056–57 года. С приложением греческаго текста Евангелий, ред. А. Востоков. СПб.: Императорская АН, 1843. С. 213, 229.

⁴ Спафарий Н. Книга о сивиллях, колика быша: и киими имяны и предречениих их. Рукоп. РГБ. Ф. 256. № 227. 1673 г. С. 20.

⁵ Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою Коммиссиею. Т. XIV: Акты холмогорской и устюжской епархий. СПб.: А. Катанский и Ко., 1894. Стб. 487.

⁶ Грамматика и Философия, предшествуемые Риторикой неизвестнаго сочинителя XVII в. Рукоп. РГБ. Ф. 256 (Рум.). № 192 (начало XVIII в.). Л. 74–74 об.

безъ неа ни едѣныа черты ꙗже трѣбѣю полагаемаа, илѣ писмѣ илѣ слѣгъ, илѣ часть»⁷.

В значении 2 *черта* впервые становится объектом лексикографического описания в XVII в. Около 1650 г. Епифаний Славинецкий включает эту лексему в *Лексикон латинский з Калепина преложенный на славенский* в качестве переводного эквивалента лат. *арех*: «арех, ве(р)хъ, йота, черта»⁸. В этом же качестве *черта* встречается в 1700 г. в *Dictionarium Latino-Slavonicum*⁹ и в первой половине XVIII в. в *Латинско-русском словаре*¹⁰. Связь лексем *арех* и *черта* представляется очевидной, поскольку одним из основных значений *арех* является следующее: «очертания букв, черточки, точки, значки, засечки как часть букв; письмена». Наряду с классическими источниками на латинском языке (Квинтилиан, Авл Геллий), оно фиксируется в датируемой 382 г. *Biblia Sacra Vulgata* в контексте слов Христа, цитируемых позднее в Евангелиях Матфеем, а затем Лукой. У Матфея читаем: *iota unum aut unus apex non praeteribit* (Mt. 5:18); у Луки: *quam de lege unum apicem cadere* (Lc. 16:17). «Широкое распространение канонического перевода библейского текста на латыни и постоянно увеличивавшееся количество толкований и комментариев к последнему привело к тому, что употребление слова *арех* в этом значении оказывается намного более частотным, чем в прочих его значениях» [Иванов 2021: 197]. Этим обстоятельством можно объяснить и многочисленные употребления лексемы *черта* в значении «элемент буквенного знака».

Значение 3

Слово-термин *черта* могло употребляться в славянской письменности в качестве строчного знака препинания, хотя таковой черта, по сути, не являлась, поскольку отражала только интонационную сторону высказывания, не деля его с синтаксической точки зрения на отдельные смысловые части. Основная

функция черты как знака состояла в указании на повышение голоса в этом месте высказывания, не сопровождающееся артикуляционной паузой. Тем не менее это обстоятельство не мешало отнесению черты к так называемым точкам, т. е. совокупности строчных знаков препинания. Ср.:

- *Об осмих частех слова, елика пишем и глаголем* (XVII в.): «Точка · во иꙗхъ же грамотѣках пишются ꙗ сѣх знаменѣи раздѣляющихъ стих на строки. И пѣрвѣе вних пишется черта /»¹¹.

Интересующие нас случаи словоупотребления встречаются в следующих текстовых источниках, относящихся к XVII в.:

- *Грамматики Славенския правильное Синтагма* (рукоп. № 126 (Моск. Публ. и Рум. муз.); 1619 г.): «Препинанїа стрѣчна сугъ дѣсѣть: черта / : запѣтѣа... Черта полагаѣтсѣ по начѣтомъ глѣнїи в мѣлѣ восторгненомъ, ѡдѣхомъ обѣче непрепѣтомъ» [Смотрицкий 1619] (в более поздних изданиях грамматики Смотрицкого (1638 г.) эта формулировка повторяется дословно [Hrammatiki... 1977: 85]);
- *Начало книзе глаголемей грамматика* (л. 94; 1622 г.): «Точка · во иꙗхъ же грамотѣках пишется, ꙗ сѣх знаменѣи, раздѣляющихъ стих на строки. И пѣрвѣе в них пишется черта. /» [Кузьминова 2002: 175];
- *Книга глаголемая грамматика по языку словенску* (л. 16–16 об.; 1622 г.): «Начѣло ѣмут тѣчки во всѣких писанїих, меншїми; сїце; черта / . сѣка, ·... Раздѣляетъ же сѣ всѣк стих сїце; по пѣрвѣй рѣчѣ оставѣлетсѣ малораздвиженїе, И потомъ полагаѣтсѣ черта / ꙗ по нѣй запѣтѣа, ꙗ прѣчаа» [Там же: 42–43].

Вплоть до начала XVIII в. черта как *строчное препинание* упоминается в основном в букварях и алфавитарах¹².

⁷ Смотрицкий М. Г. Грамматика доброглаголиваго славенороссійскаго языка. М.: Московский Печатный двор., [2-я пол. XVIII в.]. Л. 8.

⁸ Лексикон словено-латинский Є. Славинецького та А. Корецького-Сатановського, ред. В. В. Німчук. Київ: Наукова думка, 1973. С. 86.

⁹ Dictionarium Latino-Slavonicum. Anno 1700 Moschovia Reparat Salutis. Рукоп. РГБ. Ф. № 173.1. Ед. хр. № 335.

¹⁰ Латинско-русский словарь. Рукоп. РГБ. Ф. 173/1. № 343. С. 18.

¹¹ Дамаскин И. О осмих частех слова, елика пишем и глаголем. Рукоп. РГБ. № 380 (Тих.) (XVII в.). Л. 77 об.–78.

¹² См., напр., в: Истомин (Карион). Букварь языка славенска хотящым детям учиться чтения писаний начало всех писмен достолепное начертание. М.: б/и, 1696; Поликарпов-Орлов Ф. П. Букварь славенскими, греческими, римскими писменами, учиться хотящым. М.: б/и, 1701. 159 с.; Bragone M. C. Alfavitari radi učenija malych detej. Un abbecedario nella Russia del Seicento. Firenze: Firenze University Press, 2008. 285 p.

Значение 4

Это значение связывается с внешней формой знаков острого и тяжелого ударений, которые качественно различались в классических языках, а позднее под влиянием греческой традиции были некритично перенесены на славянскую почву и получили названия *окси* и *вари*. Оба знака представляли собой небольшие наклонные линии (черточки) над гласными буквами, направленные вниз, соответственно, справа налево и слева направо. Оксия служила для обозначения высокого и восходящего тона и могла стоять практически над любым слогом, исключая конечный ударный слог в двусложном или многосложном слове, если он оканчивался на гласный или состоял из одного только гласного. В последнем случае в целях выделения ударного слога использовалась вари. В церковнославянской письменности случаи употребления вари ограничивались рядом условий; кроме того, она могла также употребляться для обозначения позиционной долготы гласного. С учетом однородного характера русского ударения, определяемого не высотой или долготой звука, а силой и напряжением, возникающим при произнесении ударного гласного, смысла в выделении нескольких видов ударения в русской просодии не было.

С опорой на сложившуюся в славянской письменности традицию оба ударения, для описания которых использовалось слово *черта*, упоминались в первых русских грамматиках. К примеру М. В. Ломоносов в *Российской Грамматике* писал: «Для оказанія складовъ съ удареніемъ отъ другихъ безъ ударенія ставятъ Греки надъ ними чертыи другіе знаки» [Ломоносов 1755: 22]; «Надстрочные знаки два употребительны. 1.) Черта, для показанія разной силы на подобныхъ реченіяхъ» [Там же: 61]. Н. Г. Курганов в *Российской универсальной грамматике* также выделял несколько видов ударений, используя при их описании *черту* в качестве метаязыкового средства: «Удареніевъ три, острое ´ тяжкое ` краткое ~ означаемыхъ чертою и скобкою» [Курганов 1769: 5; 1793, I: 4]. Еще один подобный случай встречается в *Кратких Правилах Российскаго правописания* И. А. Переверзева: «Надстрочные знаки суть *черта* и *скобки*». Черты употребляютъ для указанія разнаго ударенія въ реченіяхъ разнаго знаменованія, а одного выговора. На пр. *вѣды, водѣ*» [Переверзев 1787: 36].

В описываемом значении слово *черта* стало объектом лексикографической фиксации только в *Deutsch-Russisches Wörterbuch* Я. Родде: «Tonzeichen, (das) der Accent, чертѣ для показанія силы реченія»¹⁵.

Значение 5

Термин *черта* в ряде случаев использовался как функциональный эквивалент термина *макрон*, который обозначает долготу гласного или слога. В 1787 г. в *Сокращенном Латинском языкоучении* И. И. Шеллер писал о *поперешной черте*, которая выступает в функции знака, заменяющего удвоенную гласную: «Долгій слогъ выговаривали они протяжно... да и писали также различно: потомъ выпускали одну гласную и поставляли надъ оставшейся поперешную черту, или другой напоминательный знакъ удвоенія, на пр: *рѣпо, mensā cet.*» [Шеллер 1787: 5].

Если для грамматик древних языков описание такого знака представляется обычным явлением, то в грамматиках новых европейских языков макрон как средство обозначения долготы встречался нечасто; в этой функции ему предпочитали «крышечку», т. е. знак обличенного ударения. Так, Ф. П. Шаров в *Новой Немецкой грамматике* использовал обозначения долготы и краткости, принятые в латинских грамматиках: «въ Нѣмецкомъ языкѣ, такъ какъ и въ прочихъ суть долгіе и короткіе слоги, долгіе означаются слѣдующею чертою –, а короткіе симъ краткимъ знакомъ ~» [Шаров 1792: 637].

Значение 6

В этом значении термин *черта* выступает в качестве синонима к номинации *кендема*, которая представляет собой надстрочный знак в славянской письменности, имеющий обычно вид удвоенного грависа (знака тяжелого ударения) и используемый в функции просодического знака, знака препинания, а также сократительного знака над согласной буквой, который ставится вместо опускаемого ера (Ъ) или еря (Ь). Черта (точнее, двойная черта) выступает эквивалентом кендемы в первой из указанных функций, т. е. в функции просодического знака. В основе терминологической близости здесь также лежит сходство знаков по внешнему виду. Ср.: в *Технология то есть художное собеседование о грамматическом художестве...* (1720–1725 гг.): «[v] пишема сѣдѣхомъ в началѣ, а всрединѣ под сицевыми чертами

¹⁵ Rodde J. Deutsch-Russisches Woerterbuch. Riga: bey Johann Freidrich Hartknoch, 1784. S. 539.

так *v* или под оѳією за и пріємлется» [Поликарпов-Орлов 2000: 161]. Наряду с *чертой* в этом значении использовалось еще одно обозначение – *палка*, поэтому у *кендемы* есть параллельная номинация – *две палки*. Наличие палок над ижицей, равно как и знака острого ударения или легкого придыхания, индицирует ее произношение как гласного звука /и/, а их отсутствие – как согласного /в/.

Значение 7

Черта иногда выступала в качестве обозначения для знака, который позднее стали называть дефисом. К примеру, в *Полном Немецко-Российском Лексиконе* обнаруживаем перевод немецкого слова *Bindezeichen*: «единичной знакъ или черта въ грамматикѣ, на прим: Ober-Hof-Marschall»¹⁴. Такого рода случаи не являются частотными, поскольку в качестве терминологического обозначения для дефиса в основном применялось более конкретное наименование, включающее слово *черта*, а именно *черта соединительная* (в приведенной выше цитате таковым обозначением выступает также «единичной знакъ»). Иногда прибегали к термину *черточка* с учетом длины знака, используемого при полуслитном (дефисном) написании сложных слов (см. об этом подробнее в [Иванов 2023a]).

Значение 8

При описании значения 3 (см. выше), упоминалось о том, что некоторые грамматисты относили *черту* к так называемым точкам, т. е. к знакам препинания. Исключая случаи, в которых *черта* выступала в этом качестве, но не как истинный знак препинания, а как средство обозначения интонации, приведем контекст, в котором она используется в значении ‘запятая’: «О ПРЕПИНАНІЯХЪ. I. Комма (:запятая:) есть черта (,) которая употребляется тогда, когда рѣчь еще не совершенно и не весьма окончена, при чемъ мало отдыхаютъ, или слова въ писаніи для ясности мало отставляють»¹⁵. Такое словоупотребление целесообразно считать единичным.

Значение 9

В конце XVIII в. *черта* начинает встречаться как синоним к термину *тире*, который, по нашим данным, впервые упоминается в 1802 г. в *Немецкой грамматике* И. А. Гейма как эквивалент термина *Gedankenstrich* [Гейм 1802: 133] (см. об этом подробнее в [Иванов 2023b]). В двух обнаруженных контекстах *тире* характеризуется как «простая черта» или как «большое *tiré*», т. е. та же черта, употребляемая на письме с целью «избѣгнуть двоесмьслія»¹⁶. *Черта* описывается в этих контекстах как «знак расстановки», позволяющий разделить высказывание на части, между которыми возникает артикуляционная пауза, обособляющая эти части друг от друга [Додсли 1789: 51].

Значение 10

Это значение *черты* передает ее функцию как вспомогательного графического знака, используемого для связи на письме двух букв, иными словами, при написании диграфов. И. И. Татищев как составитель *Полного Французского и Российского Лексикона* использовал термин *черта* в качестве метаязыкового средства описания связи между графическими знаками, но не в современном его терминологическом значении, описывающем фонетическое соединение слов в звучащей речи (ср.: *il faut faire la liaison entre l'article et le nom* ‘следует произносить слитно артикль и существительное’): «LIAISON, (въ писаніи, въ писмѣ) связь, тоненькая черта перомъ проведенная и связывающая одну букву съ другою»¹⁷.

Значение 11

Данное значение, как и предыдущее, также связывается с графикой. Вид черты имеет верхний элемент восклицательного знака (вертикальная черта над точкой), называвшегося в описываемый период времени и ранее также знаком удивительным. Обследование текстовых источников позволило выявить два случая такого словоупотребления (оба относятся к XVIII в.):

¹⁴ Полный Немецко-Российской Лексикон, из большого грамматикально-критического Словаря господина Аделунга составленный. Т. I: А–L. СПб.: Иван Вейтбрехт, 1798. С. 285.

¹⁵ Немецкая грамматика из разных авторов собрана... СПб.: Императорская АН, 1730, 413. С. 121.

¹⁶ Муза. № III. СПб.: Типография Плавильщикова, 1796. С. 141.

¹⁷ Полной Французской и Российской Лексикон, сост. И. И. Татищев. Т. II: L до Z. СПб.: Императорская типография, 1786. С. 27; Полной Французской и Российской Лексикон, сост. И. И. Татищев. Т. II: L–Z. СПб.: Иван Вейтбрехт, 1798. С. 34–35.

- *Технология то есть художное собеседование о грамматическом художестве...* (1725 г.): «удивительное на часомъ вкончевается; На знакъ удивительномъ, иже имѣетъ тѣчку, а надъ тѣчкою черту стоящую» [Поликарпов-Орлов 2000: 331];
- *Сокращенное Латинское языкоучение или Грамматика новейшая*: «Но естли въ ономъ [положеніи] находится будетъ восклицаніе, то надъ точкою поставляется черта вертикальная (!), и называется знакомъ восклицательнымъ, *fignum exclamationis*» [Шеллер 1787: 11].

Значение 12

Это значение, фиксируемое в семантической структуре слова-термина *черта*, встречается в последней четверти XVIII в. в *Полном Французском и Российском Лексиконе* И. И. Татищева и относится к сфере графики: «HIÉROGLYPHE, *f. m.* Иероглифъ, таинственный знакъ писанія, черта, изрѣченіе таинственное, коего смыслъ закрыть»¹⁸.

Формирование семантической структуры слова-термина *черточка*

Значение 1

Первое значение слова-термина *черточка* совпадает со значением 4 термина *черта* и описывает функциональную способность *черточки* выступать в качестве терминологического обозначения для знака ударения (острого или тяжелого). Впервые термин в этом значении использовал А. А. Барсов, поначалу при переводе латинской грамматики К. Целлария в 1762 г., а в 1788 г. – при составлении своей русской грамматики. В первом случае *черточка* оказывается в ряду надстрочных диакритических знаков, получающих весьма любопытные, но вполне традиционные для своего времени наименования – «черточки, крючки, кровельки», обозначающие различные виды латинского ударения¹⁹.

Во втором случае термин *черточка* сопоставляется с терминами *сила* и *ударение*: «Имена буквъ при складываніи выговариваются тише и ниже, а складъ самый изъ нихъ происшедшій выражается нѣсколько громче и выше; чего ради оный здѣсь въ примѣрахъ

и означенъ вѣздѣ сверху наискось проведенною черточкою, что называется *сила* или *удареніе*» [Барсов 1981: 67].

Лексикографически термин в этом значении описан в 1803 г. в *Новом словотолкователе* Н. М. Яновского, однако выступает он там не в качестве леммы (поскольку в словаре лемматизированы слова иностранного происхождения), а как мета-языковая единица, входящая в состав дефиниции термина *акцент*: «АКЦЕНТЪ, Лат. Словоудареніе; знакъ, изображаемый черточкою и ставимый надъ гласною для показанія какъ произносить, или для отличенія смысла двухъ словъ, пишущихся одинакимъ образомъ»²⁰.

Значение 2

В этом значении под *черточкой* понимается тире, что позволяет соотнести его со значением 9 термина *черта*. Однако, если *черта* была использована в этом значении, как показывает исследование, впервые в 1789 г., то черточка стала объектом лексикографической фиксации уже в 1769 г. во *Французском Целлариусе, или Полезном Лексиконе* Ф. Гёлтергофа: «*tiret, m.* черточка, линѣчка»²¹, а в 1802 г. встретилась в *Немецкой грамматике* И. А. Гейма: «Обыкновенные знаки препинанія суть: <...> der Gedankenftrich, тире, или черточка (-)» [Гейм 1802: 133].

Поскольку тире как знак препинания используется не только в целях отделения или выделения части высказывания, но и как знак, замещающий опущенную часть высказывания, приведем цитату, обнаруженную в предисловии к *Российскому Целлариусу* Ф. Гёлтергофа, в которой описывается эта функция *черточки*: «Но сіи неопредѣленные либо цѣлыми словами выражены, либо только съ черточкою – послѣдней слогъ неопредѣленного поставленъ, смотря какъ того нужда требовала»²².

Значение 3

Черточка выступала в качестве графического средства обозначения долготы гласного или слога. Это ее значение сопоставляется со значением 5 в семантической структуре термина *черта*.

¹⁸ Полной Французской и Российской Лексикон, сост. И. И. Татищев. Т. I: А–К. СПб.: Императорская типография, 1786. С. 607.

¹⁹ Краткая Латинская Грамматика, сочиненная Господином Целларием, исправленная и умноженная Господином Геснером. М.: Университетская типография, 1762. С. 145.

²⁰ Яновский Н. М. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту. Т. I: А–I. СПб.: Императорская АН, 1803. Стб. 72.

²¹ Гёлтергоф Ф. Французской Целлариус, или Полезной Лексикон. М.: Императорский Моск. ун-т, 1769. Стб. 625.

²² Гёлтергоф Ф. Российской Целлариус, или Этимологической Российской Лексикон. М.: Императорский Моск. ун-т, 1771.

Оба термина использовались параллельно друг другу, причем черта, судя по результатам исследования, демонстрирует бóльшую частотность, чем *черточка*. Последняя встречается в 1788 г. в русской грамматике А. А. Барсова в контексте рассуждений автора о долготе и краткости слогов в стихотворной русской просодии, которая с учетом специфики русского ударения является тонической. Поэтому слоги ударные А. А. Барсов приравнивает к слогам долгим, безударные – к кратким, снабжая их соответствующими обозначениями («поперечная черточка» и «скобочка вверх» обороченная»), напр., *рѹкѧ, рѹкѧ, рѹкѧ* [Барсов 1981: 81].

Значение 4

Это значение соответствует значению 7 термина *черта*. Однако в отличие от *черты* оно связывается не только с полуслитным (дефисным) написанием сложных слов, но и с переносом слов из одной строки в другую. Иными словами, *черточка* обладает в этом смысле выраженной функциональной универсальностью, поскольку охватывает практически всю сферу применения знака, который мы сейчас называем дефисом – функцию соединения слов и функцию их разделения. Приведем в качестве примера характерные контексты:

- *Полной Французской и Российской Лексикон*: «TIRET, черточка, которая проводится въ концѣ строки, когда неокончится слово, или между словомъ составленнымъ изъ двухъ реченій, знакъ соединенія, соединительная черта»²³;
- *Новый Лексикон* И. В. Соца: «Tiret, <...> ein kleiner Zug oder Strich, exiguus tractus feu ductus, единитная, соединительная черта, черточка, которая проводится въ конце строки, когда не окончится слово, или между словомъ составленнымъ изъ двухъ реченій, знакъ соединенія»²⁴.

Значение 5

Черточка может выступать в качестве терминологического обозначения какого-либо элемента небуквенного графического знака. В системе русской графики описываемого периода такого рода обозначения встречаются достаточно часто, номинируя либо элементы буквенных знаков, выходящие

за пределы верхней или нижней границы строки (выпуски, палочки, хвостики и т. п.), либо элементы знаков препинания (знаки восклицательный и вопросительный, двоеточие, точка с запятой и др.). В этом смысле это значение коррелирует со значением 11 термина *черта*.

В 1798 г. В. С. Подшивалов в *Краткой русской просодии* обозначил этим термином части цезуры (/), т. е. метрической паузы в стихе: «Въ каждомъ изъ приведенныхъ здѣсь стиховъ послѣ начальныхъ трехъ стопъ слѣдуетъ остановка или цезура, которая в первыхъ четырехъ означена двумя черточками» [Подшивалов 1798: 24].

Заключение

В период с IX по XVIII в. включительно в семантической структуре слова-термина *черта* возникли 12 значений, практически каждое из которых получило свое выражение не только в самом этом термине, но и целом ряде синонимичных терминологических номинаций. Бóльшая часть этих значений сформировалась в XVIII в., что связано с развитием науки о языке и появлением первых русских грамматик.

К значениям слова-термина *черта* (здесь они указаны с учетом хронологического параметра) относятся следующие:

1. Линейный знак, предположительно, слогового письма у древних славян, получившего название *черты* и *резы* с учетом формы и способа нанесения этих знаков на материальный носитель, каковым выступали дерево, береста, камень и т. п. (IX в.).

2. Элемент буквенного знака, в том числе едва заметные обозначения в виде черточек, точек, значков, засечек, которыми различается написание отдельных букв в алфавитах некоторых языков; например, в еврейском языке ך (бет) и ך (каф), 7 (далет) и 7 (рэш) и др. (1057 г.).

3. Знак, считавшийся в славянской письменности строчным знаком препинания, который ставился для указания на повышение голоса в процессе речи, не сопровождающееся артикуляционной паузой (XVII в.).

4. Знак в славянской письменности, имеющий обычно вид удвоенного грависа (знака тяжелого ударения) и используемый в функции знака,

²³ Полной Французской и Российской Лексикон... Т. II: L–Z. С. 607.

²⁴ Соц И. В. Новый Лексикон или Словарь на Французском, Италианском, Немецком, Российском и Латинском языках. Т. II: G–Z. М.: Н. Новиков, 1787. С. 582

определяющего качество произносимого звука (≈ кендема) (1720–1725 гг.).

5. Элемент небуквенного графического знака (1725 г.).

6. Знак препинания, служащий для разделения, обособления или выделения частей предложения (= запятая) (1730 г.).

7. Графический знак, используемый для выделения ударной части слова (= знак острого или тяжелого ударения) (1755 г.).

8. Соединительная черта, связывающая на письме один графический знак с другим (1786 г.).

9. Знак иероглифический (1786 г.).

10. Знак долготы над гласной буквой или слогом (= макрон) (1787 г.).

11. Знак препинания в виде длинной горизонтальной черты, используемый в целях отделения, выделения или опущения (пропуска) части высказывания (= тире) (1789 г.).

12. Строчный знак, имеющий вид короткой горизонтальной черты или скобки, объединяющей части слова при полуслитном (дефисном) написании (= дефис) (1798 г.).

Все выявленные значения слова-термина *черточка* имеют свои корреляты в семантической структуре термина *черта*. При этом значения 2 и 4 *черточки* оказываются более широкими по сравнению с аналогичными значениями, выявленными у термина *черта*. С учетом количества значений, а следовательно, и функциональных возможностей черты, можно сделать вывод о более узкой

области применения черточки как терминологического знака.

Слово-термин *черточка* выступает в 5 значениях, и все они, как показывает исследование, сформировались во второй половине XVIII в. К этим значениям (с учетом хронологического параметра) относятся следующие:

1. Графический знак, используемый для выделения ударной части слова (= знак острого или тяжелого ударения) (1762 г.).

2. Знак препинания в виде длинной горизонтальной черты, используемый в целях отделения, выделения или опущения (пропуска) части высказывания (= тире) (1769 г.).

3. Строчный знак, имеющий вид короткой горизонтальной черты или скобки, объединяющей части слова при полуслитном (дефисном) написании или разъединяющей их при переносе из одной строки в другую (= дефис) (1786 г.).

4. Знак долготы над гласной буквой или слогом (= макрон) (1788 г.).

5. Элемент небуквенного графического знака (1798 г.).

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Барсов А. А. Российская грамматика. М.: Моск. ун-т, 1981. 776 с. [Barsov A. A. *Russian grammar*. Moscow: Moscow University, 1981, 776. (In Russ.)]
- Бергер О. Синтаксические термины в русском и чешском языках: сопоставительный аспект (на материале выбранных терминов). Brno: Masaryk University Press, 2021. 141 с. [Berger O. *Syntactic terms in Russian and Czech languages: A comparative aspect (based on selected terms)*. Brno: Masaryk University Press, 2021, 141. (In Russ.)]
- Блем И. В., Меркурьева В. Б. Становление лингвистического терминоведения. *Вестник ИрГТУ*. 2014. № 7. С. 166–169. [Blem I. V., Merkuryeva V. B. Linguistic terminology science formation. *Vestnik IrGTU*, 2014, (7): 166–169. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qmtiie>
- Гейм И. А. Немецкая Грамматика. М.: Унив. тип., 1802. 135 с. [Heim B. A. *German grammar*. Moscow: Univ. tip., 1802, 135. (In Russ.)]
- Гриневич Г. С. Праславянская письменность. Результаты дешифровки. М.: Общественная польза, 1993. 328 с. [Grinevich G. S. *Proto-Slavic writing. Results of deciphering*. Moscow: Obshchestvennaia polza, 1993, 328. (In Russ.)]
- Додсли Р. Наставник или Всеобщая система воспитания преподающая первыя основания учености. СПб.: Тип. Горного Училища, 1789. 394 с. [Dodsley R. *Mentor, or the General system of education teaching the first foundations of scholarship*. St. Petersburg: Tip. Gornogo Uchilishcha, 1789, 394. (In Russ.)]

- Иванов А. В. Апекс в историко-этимологическом и лексикографическом аспектах. *Современная германистика и западноевропейская литература*, отв. ред. А. В. Иванов. М.: ФЛИНТА, 2021. Вып. 3. С. 184–207. [Ivanov A. V. Apex from historical, etymological and lexicographical viewpoint. *Modern Germanic studies and Western European literature*, ed. Ivanov A. V. Moscow: FLINTA, 2021, iss. 3, 184–207. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wwwwdi>
- Иванов А. В. Многоликий дефис. *Язык и культура*. 2023а. № 62. С. 26–53. [Ivanov A. V. The many-faced hyphen. *Yazyk i kultura*, 2023a, (62): 26–53. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xwfjen>
- Иванов А. В. Термин «тире» в историко-лингвистической и лексикографической ретроспективе. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2023b. Т. 20. № 4. С. 684–698. [Ivanov A. V. The term *tire* (dash) in historical-linguistic and lexicographic retrospective. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta, Yazyk i Literatura*, 2023b, 20(4): 684–698. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21638/spbu09.2023.402>
- Калайдович К. Ф. Иоанн, Ексарх Болгарский. Исследование, объясняющее историю Словенского языка и литературы IX и X столетий. М.: Тип. С. Селивановского, 1824. 218 с. [Kalaidovich K. F. *John, Exarch of Bulgaria. A study explaining the history of the Slavonic language and literature of the 9th and 10th centuries*. Moscow: Tip. S. Selivanovskago, 1824, 218. (In Russ.)]
- Караџић В. С. Примјери српско-славенскога језика. У Бечу: У штампарији Јрменскога Манастира, 1857. 80 с. [Karađić V. S. *Examples of Serbian-Slavonic grammar*. Већу: At the stamping house of the Jermenskyi Monastery, 1857, 80. (In Serb.)]
- Колесникова Е. А. О некоторых особенностях русской лингвистической терминологии (конец XVIII – начало XX вв.). *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2009. № 2. С. 144–151. [Kolesnikova E. A. About some features of the Russian linguistic terminology (the end of the 18th – the beginning of the 20th centuries). *Philology. Theory & Practice*, 2009, (2): 144–151. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/muuptx>
- Колесов В. В. История русского языкознания: Очерки и этюды. СПб.: СПбГУ, 2003. 472 с. [Kolesov V. V. *History of Russian Linguistics: Essays and studies*. St. Petersburg: SPbSU, 2003, 472. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qrmicb>
- Корнейчук Ю. В. Структурная характеристика синтаксической терминологии в российских грамматиках конца XVIII – первой половины XX века. Нижневартонск: НВГУ, 2014. 151 с. [Korneychuk Yu. V. *Structural characteristics of syntactic terminology in Russian grammars of the late 18th – first half of the 20th century*. Nizhnevartovsk: NVSU, 2014, 151. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uxhjnr>
- Кузьминова Е. А. Грамматический сборник 1620-х годов (№ 336 из собрания Тихонравова). *AION Slavistica, Quaderno*. 2002. № 1. Napoli: Istituto universitario Orientale. 282 p. [Kuzminova E. A. Grammatical collected papers of the 1620s (No. 336 from Tikhonravov's Collection). *AION Slavistica, Quaderno*, 2002, (1). Napoli: Istituto universitario Orientale, 282. (In Russ.)]
- Курганов Н. Г. Писмовник, Содержащий в себе науку Российскаго языка. СПб.: Императорская АН, 1793. Т. I. 394 с. [Kurganov N. G. *Writing Compendium, containing the science of the Russian language*. St. Petersburg: Imperial AS, 1793, vol. I, 394. (In Russ.)]
- Курганов Н. Г. Российская универсальная грамматика, или Всеобщее писмословие. СПб.: Тип. Морского Корпуса, 1769. 424 с. [Kurganov N. G. *Russian universal grammar, or General writing*. St. Petersburg: Tip. Morskogo Korpusa, 1769. (In Russ.)]
- Ломоносов М. В. Российская Грамматика. СПб.: Императорская АН, 1755. 212 с. [Lomonosov M. V. *Russian Grammar*. St. Petersburg: Imperial AS, 1755. (In Russ.)]
- Палаузов С. Н. Век болгарскаго царя Симеона. СПб.: Императорская АН, 1852. 166 с. [Palauzov S. N. *The Age of Bulgarian Tsar Simeon*. St. Petersburg: Imperial AS, 1852, 166. (In Russ.)]
- Памятники древней письменности, ред. Ф. И. Булгаков. СПб.: В. С. Балашев, 1879. Вып. IV. 208 с. [Monuments of ancient writing, ed. Bulgakov F. I. St. Petersburg: V. S. Balashev, 1879, vol. IV, 208. (In Russ.)]
- Переверзев И. А. Краткия Правила Российскаго правописания. М.: Компания Типографическая, 1787. 39 с. [Pereverzev I. A. *Brief Rules of Russian Orthography*. Moscow: Kompaniia Tipograficheskaja, 1787. (In Russ.)]
- Подшивалов В. С. Краткая Русская Просодия, или Правила, как писать Русские стихи. М.: Унив. тип., 1798. 59 с. [Podshivalov V. S. *Brief Russian prosody, or Rules on how to write Russian poetry*. Moscow: Univ. tip., 1798, 59. (In Russ.)]

- Поликарпов-Орлов Ф. П. Технология, то есть художное собеседование о грамматическом искусстве. СПб.: Инапресс, 2000. 374 с. [Polikarpov-Orlov F. P. *Technology as an artistic conversation on the art of grammar*. St. Petersburg: Inapress, 2000, 374. (In Russ.)]
- Рыбаков Б. А. Язычество древней Руси. М.: Акад. проект, 2013. 806 с. [Rybakov B. A. *Paganism of Ancient Rus'*. Moscow: Akad. proekt, 2013, 806. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vrsilt>
- Сказания о начале славянской письменности, отв. ред. В. Д. Королюк. М.: Наука, 1981, 198 с. [*Tales of the beginning of Slavic writing*, ed. Korolyuk V. D. Moscow: Nauka, 1981, 198. (In Russ.)]
- Смотрицкий М. Грамматика Славенския. М.: Московский Печатный двор, 1648. 756 с. [Smotryćkyj M. *The Slavic grammar*. Moscow: Moscow Printing House, 1648, 756. (In Russ.)]
- Смотрицкий М. Грамматики Славенския правильное Синтагма. Эвью (Евьё): Тип. Братская, 1619. 398 с. [Smotryćkyj M. *The correct Slavic grammar Syntagma*. Ev'yu (Evye): Tip. Bratskaia, 1619, 398. (In Russ.)]
- Шаров Ф. П. Новая Немецкая грамматика. СПб.: Шляхетный Кадетский Корпус, 1792. 641 с. [Sharov F. P. *New German Grammar*. St. Petersburg: Shlyahetnyi Cadet Corps, 1792, 641. (In Russ.)]
- Шеллер И. И. Сокращенное Латинское языкоучение или Грамматика новейшая. М.: Н. Новиков, 1787. 364 с. [Scheller I. I. *Abridged Latin linguistics, or The latest grammar*. Moscow: N. Novikov, 1787, 364. (In Russ.)]
- Шерстянникова Е. А. Роль исторического словаря русской лингвистической терминологии в преподавании дисциплин филологического цикла. *Мир науки, культуры, образования*. 2015. № 6. С. 63–65. [Sherstiannikova E. A. The role of the historical dictionary of Russian linguistic terminology in the teaching process of philological cycle disciplines. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 2015, (6): 63–65. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vkidox>
- Юдин А. А. Азбуковник справщика Московского печатного двора Давида Замарая: время и слово. *Quaestio Rossica*. 2020. Т. 8. № 4. С. 1132–1142. [Yudin A. A. The Azbukovnik of David Zamaray, a proofreader of the Moscow print yard: Time and word. *Quaestio Rossica*, 2020, 8(4): 1132–1142. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15826/qr.2020.4.517>
- Ягич И. В. Исследования по русскому языку. Разсуждения южнославянской и русской старины о церковно-славянском языке. СПб.: Императорская АН, 1895. XXIII+289–1070 с. [Yagić I. V. *Research on the Russian language. Discussions of South Slavic and Russian antiquity on the Church Slavonic language*. St. Petersburg: Imperial AS, 1895, XXIII+289–1070. (In Russ.)]
- Hrammatiki ili pismennica jazyka sloven'skaho, Kremjaneć, 1638*. Eine gekürzte Fassung der kirchenslavischen Grammatik von Meletij Smotryćkyj, hrsg. von Horbatsch O. München: Kubon & Sagner, 1977, 120.

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/egfvaw>

Семантическая реконструкция заимствованного слова *парк* в русском языке

Нагель Ольга Васильевна

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, Томск

eLibrary Author SPIN: 9328-0166

<https://orcid.org/0000-0001-6210-1526>

Scopus Author ID: 56642587700

olga.nagel2012@yandex.ru

Волкова Марина Васильевна

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, Томск

eLibrary Author SPIN: 9686-1513

<https://orcid.org/0009-0000-6434-7124>

Аннотация: В работе на примере внешней семантической реконструкции заимствованного слова *парк* в русском языке демонстрируются этапы и механизм работы новой методики комплексного семасиологического анализа. Заявляемая методика позволяет выявить изменение ядерных сем в лексико-семантических группах, эксплицируя динамику семантических изменений на уровне элементарных смысловых компонентов, что в дальнейшем отражается на концептуальном облике всего слова. Таким образом, семантическая реконструкция становится первым шагом к пониманию направлений семантического развития заимствованного слова в момент его вхождения и последующей адаптации в системе принимающего языка. Цель – построение методологического фрейма комплексного семасиологического анализа англоязычных заимствований на примере отдельно взятой лексической единицы Петровской эпохи для демонстрации его эффективности при решении задачи по экспликации адаптационных процессов посредством внешней семантической реконструкции слова, его типологизации, а также учета параметров частотности и пространственности анализируемого слова. Для детализированной демонстрации методики анализа была выбрана реконструкция слова *парк* в период его вхождения в языковую систему и последующего употребления в первой половине XVIII в. В ходе реконструкции было сделано сопоставление семных компонентов значений оригинального слова *park* с семным составом значений заимствованного слова *парк*, чтобы определить семантический объем и особенности употребления заимствованного слова в начальный период функционирования в системе русского языка. В процессе сравнительного анализа ядерных сем в лексико-семантических группах заимствования и его англоязычного этимона было выявлено расхождение оригинального и заимствованного значений в момент вхождения слова в систему русского языка, что показало динамику семантического развития заимствования. Смещение смыслового акцента с ядерного компонента оригинальной лексико-семантической группы на дифференциальный, уточняющий компонент в лексико-семантической группе заимствованного слова выявило механизм семантического сдвига на уровне сем, в ходе которого произошло семантическое изменение концептуальной основы заимствованного слова. Компонентный анализ заимствования дополняется в работе контекстуальными примерами из источников, хронологически соответствующих времени правления Петра I, с целью не допустить искаженного восприятия слова и его асинхронии с исследуемой исторической средой.

Ключевые слова: англоязычные заимствования, методологический фрейм, лексико-семантическая группа, семантическая реконструкция, ядерная сема, компонентный анализ, этимологический анализ, семантический сдвиг

Цитирование: Нагель О. В., Волкова М. В. Семантическая реконструкция заимствованного слова *парк* в русском языке. *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 4. С. 718–734. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-4-718-734>

Поступила в редакцию 31.05.2025. Принята после рецензирования 24.07.2025. Принята в печать 28.07.2025.

full article

Semantic Reconstruction of the Borrowed Word *Park* in the Russian Language

Olga V. Nagel

Tomsk State University, Russia, Tomsk

eLibrary Author SPIN: 9328-0166

<https://orcid.org/0000-0001-6210-1526>

Scopus Author ID: 56642587700

olga.nagel2012@yandex.ru

Marina V. Volkova

Tomsk State University, Russia, Tomsk

eLibrary Author SPIN: 9686-1513

<https://orcid.org/0009-0000-6434-7124>

Abstract: The article introduces a new methodology of semasiological analysis. The method traces lexical-semantic groups for changes in their nuclear semes by exploiting the dynamics of semantic changes at the level of elementary semantic components, which further affects the conceptual profile of the word. Semantic reconstruction is the first step to understanding the semantic route that a linguistic borrowing follows from its first records through all its adaptations. The authors constructed a methodological frame for a comprehensive semasiological analysis of English-language borrowings using the word *park* that entered the Russian language during the reign of Peter the Great. The method took into account such parameters as frequency and prevalence; it proved effective in explicating the adaptation processes through the external semantic reconstruction of the word and its typology. The word *park* entered the Russian language system in the first half of the 18th century. Its reconstruction was described in this article stage by stage. First, the authors compared the meanings of the original word *park* with the semantic composition of the borrowed word *park* to determine its semantic volume and function range during the early adaptation. The nuclear semes of the lexical-semantic group of the borrowed word and its English-language etymon demonstrated a certain discrepancy between the original and borrowed meanings. Second, the authors traced the semantic development in dynamics. As the semantic emphasis shifted from the nuclear component of the original lexical-semantic group to the clarifying component in the borrowed word, it triggered a change in the conceptual basis of the borrowed word. The component analysis of the borrowing was supplemented with contextual examples from the Petrine era in order to prevent distorted perception and asynchrony.

Keywords: English-language borrowing, methodological frame, lexical-semantic group, semantic reconstruction, nuclear seme, component analysis, etymological analysis, semantic shift

Citation: Nagel O. V., Volkova M. V. Semantic Reconstruction of the Borrowed Word *Park* in the Russian Language. *SibScript*, 2025, 27(4): 718–734. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-4-718-734>

Received 31 May 2025. Accepted after peer review 24 Jul 2025. Accepted for publication 28 Jul 2025.

Введение

Природа, механизмы и последствия процесса заимствований слов из одного языка в другой продолжают привлекать внимание исследователей во всем мире, т. к. способствуют более глубокому пониманию сложностей и нюансов межкультурной коммуникации и способов, которыми язык отражает и формирует социальный мир, а именно социальные и исторические отношения между заимствующими и дающими культурами. Изучение заимствованных слов может дать ценную информацию о культурной и социальной динамике различных сообществ и их взаимодействии друг с другом. Чтобы расшифровать знание, заключенное в данном процессе, важно

рассматривать вхождение заимствования в систему не просто как факт лексической замены или заполнения лакуны, а как сложный семиотический акт, требующий тщательного анализа и реконструкции изначальной семантики заимствования в контексте принимающего языка и как системы, и как коммуникативного контекста определенного социума в определенный период исторического развития. Такие исследования требуют доработки методологической базы, расширения границ инструментария исследователя с активным вовлечением корпусных данных, социологических опросов наряду с методом классической исторической реконструкции,

этимологического, компонентного и контекстуального видов анализа для широкого спектра языковых данных.

Комплементарность методологии позволяет исследовать заимствование как индикатор социальных контактов, идеологий (открытости, совместности) и даже языковой «лени». Так, на материале заимствований в английском языке было выявлено, что заимствования отражают неравный социальный статус и требуют взвешенного подхода – без крайностей полного отказа или слепого принятия [Zhan 2023: 274]. На материале японского языка авторы также продемонстрировали, что англицизмы и их японские аналоги сосуществуют, а не конкурируют, что опровергает идею жесткого регулирования. Вместо этого их использование демонстрирует параллельную тенденцию как по частоте, так и по темпам роста [Nambu 2025]. Большие базы данных на шести хорошо изученных уральских языках дали возможность исследователям сравнить слои заимствованных слов в базовом и общем словарном запасе и оценить, насколько точно профиль заимствования в базовом словаре отражает полный профиль языка. При этом авторы определяют профиль заимствования как известную историю контактов языка, отраженную в его слоях заимствованных слов, и утверждают, что эти профили несут информацию и о лингвистических взаимодействиях, и о (до)исторических контактах населения. Между тем авторы подчеркивают часто существующую трудоемкость этимологических исследований из-за ограничения языкового материала и понимания языковых контактов на определенном историческом срезе [Heer de et al. 2023: 55].

Системные изменения языков констатируются при исследовании, например, последствий повсеместного присутствия английского языка в электронных средствах массовой информации и в компьютерной коммуникации, где можно наблюдать особенно интересные примеры смешения языков и лексического творчества [Sá de et al. 2024]. Изучение влияния английского языка на русский и хорватский языки в указанных областях с особым акцентом на интеграции английских заимствований в процессы словообразования в обоих языках показало гибкость системы славянских языков. По результатам исследования, в обоих славянских языках даже самые поздние английские заимствования весьма часто

включаются в образование словообразовательных неологизмов по особо продуктивным типам словообразовательных процессов (а именно аффиксации и словосложения) [Zoričić 2023: 295].

Повсеместная доступность английских медиа и их экспансия по всему миру действительно актуализируют вопрос о воздействии английского языка как языка донора на все уровни языковой системы. Отмечается, что качество и скорость адаптации англоязычных заимствований оказывают влияние на произносительные практики принимающей культуры. Так, на данных от испаноговорящих респондентов было показано, что чем больше респонденты подвергаются воздействию английского языка, тем больше вероятность того, что они будут имитировать английское произношение вместо реализации испанских графемно-фонемных соответствий, как при освоении заимствований, так и в коммуникативных практиках на родном языке. При этом отмечается, что различия выявляются не только между фонемами и говорящими, но и между словами, включенными в исследование. Это еще раз подчеркивает, что каждое слово в языке имеет свою собственную историю, требующую тщательного изучения [Bäumler 2024]. Помимо очевидного влияния языка-источника на произносительные аспекты заимствования исследователи фиксируют значимые семантические процессы, проявляющиеся не только в виде семантических сдвигов на уровне значений заимствованных слов и их эквивалентов в принимающем языке, но и в общественном сознании. Например, в исследованиях английского языка и его распространения на тайское общественное сознание при сравнении значений английских заимствований в новом тайском словаре со значениями, полученными из английских источников¹, были выявлены значительные изменения. Авторы отмечают, что эти изменения варьируются от сужения до расширения, а иногда даже полной трансформации исходного значения, что указывает на эволюционную природу языка и его влияние на общественное понимание и коммуникацию [Saengin, Manying 2024: 70].

На материале русского языка процессы заимствования активно исследуются как с использованием традиционных методов, например, на материале русских толковых словарей XX–XXI вв., выступающих, по мнению авторов, зеркалом общественных

¹ Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (accessed 10 Apr 2025).

изменений и «откликающихся на все изменения в обществе» [Васильева 2023: 74; Виноградова 2015: 213; Залялова, Гатауллина 2023: 156], так и с применением эффективных приемов корпусного анализа, позволяющих с высокой достоверностью установить, что семантический сдвиг заимствованного слова не идентичен приросту значения слова и не определяется строго контекстуально, как и то, что не все семантические сдвиги следует отнести к разряду ошибочных [Беляков, Максименко 2024: 175].

Учитывая отмеченное выше, комплексный подход к исследованию структурных, функциональных и социальных аспектов процесса заимствований в системе принимающего языка в исторической перспективе может быть продуктивным для выявления природы и прогнозирования последствий данного процесса. Предполагается, что сочетание этимологического, компонентного и контекстуального видов анализа в границах исследуемого исторического периода в рамках диахронического исследования способно актуализировать знания, позволяющие на материале ранних англоязычных заимствований сделать внешнюю реконструкцию слов и приблизиться к пониманию не только законов развития языка, но и исторических и социальных процессов и их последствий.

Для демонстрации эффективности и результативности предлагаемой методики комплексного анализа в работе предложен детальный анализ заимствованного слова *парк*, направленный на выявление объема значений оригинального и заимствованного слова *парк* в период вхождения заимствования в систему русского языка. Этимологический анализ помогает установить происхождение заимствованного слова и «природу причинно-следственных отношений» [Даниленко 2011: 11], влияющих на его переходное состояние в новой языковой среде, поэтому одной из первостепенных задач в работе было определить характер семантической соотносительности оригинального и заимствованного слова *парк* с целью установить степень соответствия семантического объема заимствования и его этимона. В рамках компонентного анализа, выявляющего, по выражению Н. А. Стадульской, «содержание концепта» [Стадульская 2012: 113], основной задачей в работе стало сопоставление семных компонентов соответствующих значений заимствованного и оригинального слова и на основании полученных данных определение характера семного смещения в каждой дефиниции заимствованного слова для понимания

типа семантического сдвига и выявления направлений развития заимствованного слова.

Метод денотативной дифференциации семантических компонентов, описанный О. Е. Виноградовой, позволяет продемонстрировать изменение траектории развития ядерных сем и влияние дифференциальных оппозиций на становление значения заимствованного слова на начальном этапе семантической адаптации. Корпусный и контекстуальный виды анализа позволяют на основе корпусных данных исследуемых слов, их частотности и распространенности, а также коллокационной сочетаемости определить характер лексико-семантических связей заимствований. В этой связи задачей в работе стало изучение языкового пространства заимствования *парк* на основе контекстуального материала, что дало возможность сделать вывод относительно его взаимодействия с другими лексическими единицами в созданной в рамках хронологического среза семантической реальности в новой языковой системе и получения наиболее полного лексикографического описания.

Из-за недостаточной лексикографической базы и нерегулярного контекста исследователь часто сталкивается с неполным представлением о характере и объеме функционирования заимствованной лексики внутри заданных хронологических рамок. Немалую роль в понимании механизмов семантической изменчивости в ходе адаптации заимствованных слов в новой языковой среде играет типологическое обоснование семантических изменений слов посредством адаптированных типологий Г. Пауля [Пауль 1960], Л. Блумфилда [Блумфилд 2002: 468–495] и А. Бланка [Blank 1999]. Именно путем типологизации раскрывается как индивидуальный путь семантического развития заимствованной лексической единицы, так и определяются доминантные модели семантического развития заимствованных слов согласно их лексико-культурной специфике употребления.

Цель – построение методологического фрейма комплексного семасиологического анализа англоязычных заимствований на примере отдельно взятой лексической единицы Петровской эпохи для демонстрации его эффективности при решении задачи по экспликации адаптационных процессов посредством внешней семантической реконструкции слова, его типологизации, а также учета параметров частотности и распространенности анализируемого слова. Несмотря на то что типологизация заимствований

остаётся главным механизмом изучения семантических изменений, важной задачей исследования адаптационного процесса является реконструкция внешней, формальной формы слова в рамках его сем, концептуальных составляющих слова, чье изменение закладывает компоненты новых значений. Как пишет Л. П. Дронова, «фактически семный анализ может выступать в качестве отправной точки для концептуального анализа» [Дронова 2013: 24].

Создание нового концептуального образа неотделимо от изучения языковой среды, в которой оказывается заимствованное слово и под воздействием которой меняется. В работах по истории языка, начиная с работ В. В. Виноградова, особое внимание уделяется выраженному соотношению семантики слов с хронологическим периодом их применения, культурной обусловленностью, стилем жизни и мировоззрением. Генезис слова, по мнению В. В. Виноградова, складывается не только из его родословной, но и тех отношений внутри гнезда, которые отражают «заданные условия» [Топоров 1960: 57] существования слова, его связи, окружающую материальную культуру, что характерным образом определяет семантические границы слова, в которых оно могло взаимодействовать в определенный исторический период. Смещение историко-культурного фокуса и рассмотрение слова в изоляции от его исторического контекста, по словам В. В. Виноградова, способствует «переносу принципов понимания, свойственных одной эпохе, на другую, далекую от нее» [Виноградов 1995: 8], что приводит к лексической асинхронии. Поэтому, с целью не допустить асинхронного толкования значений заимствованного слова и переноса его современного восприятия на исследуемый период, значения заимствованного слова *парк*, выбранного для исследования в данной работе, соотносятся с текстами, представленными в задокументированных источниках Петровского времени, Национальном корпусе русского языка (НКРЯ), глоссариях XVII–XVIII вв., этимологических словарях.

В то же время важно не подвергать слово статической реконструкции, замыкая его семантическое развитие на определенном историческом моменте в рамках этимологических данных и специфики национально-культурного среза. В этой связи одной из главных задач диахронического исследования, по мнению Л. П. Дроновой, становится рассмотрение слова в широкой исторической перспективе [Дронова 2013: 22] с учетом

семантических смещений и колебаний в общей динамике культурного развития, а «целью самой реконструкции становится углубленное изучение связей и причин» [Трубачев 1988: 199], порождающих семантические смещения. Для заимствованного слова, чей содержательный состав перестраивается в принимающей языковой системе и создает для себя обновленное языковое пространство, динамическая реконструкция является способом, который, согласно Э. А. Макаеву, нацелен на «вскрытие и показ взаимозависимости и соотносительности всех элементов языковой системы на любом этапе развития» [Макаев 1960: 145]. Иначе говоря, «диахронический аспект рассматривается как история развития системных отношений, а исторические процессы в языке, даже в рамках одного слова, интерпретируются с точки зрения законов развития языка как целостной системы» [Казаева 2014: 203]. Как пишет Л. П. Дронова, «принципы и методики современного диахронического анализа позволяют системно и разноаспектно показать факты языка в их эволюции, используя приемы разных методов» [Дронова 2014: 60].

На сегодняшний день актуальной остаётся задача комплексного изучения характера и способов семантических изменений англоязычных заимствований в языковой системе русского языка, в ходе которого компонентный, этимологический и контекстуальный типы анализа, а также типологическое обоснование семантических изменений помогают увидеть индивидуальный путь семантического онтогенеза заимствованного слова. Актуальность демонстрации результативности методики на примере слова *парк* связана с тем, что реконструкция «биографии» данного слова позволяет эксплицировать широкий спектр происходящих семантических процессов в истории заимствования: утрата значения, сужение, расширение, метонимия.

Методы и материалы

«Мир значений, запечатленный в формах языка, имеет в разных системах свои законы связей и принципы построения» [Виноградов 1995: 6], поэтому слово, став заимствованным, оказывается оторванным от целостной системы, поскольку при переходе в принимающий язык рвутся привычные связи и синтагматические цепи, которые удерживали и развивали слово в рамках системных отношений. В принимающем языке обладающее определенным запасом значений заимствованное слово,

оказавшись в непривычном лексическом ряду, начинает устанавливать новые семантические отношения и связи, обрастая контекстами. Сталкиваясь с новой культурной средой, укладом и социальными факторами, заимствованное слово совершает эволюционный скачок, определяя в ходе конкуренции свое семантическое место в новой системе и подвергаясь семантическому сдвигу. В этой связи для определения характера семантических изменений заимствованного слова *парк* использована методика поэтапного компонентного анализа, в ходе которого сделан подробный разбор семантических компонентов заимствованных и оригинальных дефиниций слова с выделением смысловых рядов каждой составляющей дефиниции и определением в них ядерных и дифференциальных компонентов.

Иными словами, в рамках синхронно-диахронного сопоставительного исследования компонентный анализ помогает определить характер семантических изменений заимствованного слова на этапе вхождения в систему принимающего языка на уровне его семной структуры. Как пишет Е. Э. Бабаева, «моделирование семантической сетки с учетом совокупности всех выявленных компонентов, является реконструкцией семантического потенциала слова» [Бабаева 1998: 103]. Путем сравнительного анализа семных компонентов заимствованного слова и его оригинала можно увидеть направление семантического развития заимствования в принимающем языке и степень его семантической деривации.

Компонентный анализ дополняется этимологическим сопровождением и контекстуальными примерами из текстов XVII–XVIII вв. В силу частых разночтений описания семантики заимствованных слов в словарях и глоссариях, несоответствия семантического объема заимствования в связи с более поздним попаданием в лексикографическую базу исследователи предпочитают обращаться к историческим источникам, относящимся к периоду вхождения заимствования и начальному этапу его семантической адаптации. Так как англоязычные заимствования пришли в систему русского языка на волне технической модернизации армии и флота, среди первых англицизмов было немало технических терминов, которые впоследствии дополнились разнообразным составом слов в ходе многочисленных инноваций Петра I. В технической литературе, мемуарных текстах конца XVII – начала XVIII в., публикациях путешественников, которых было немало в Петровскую эпоху, правительственных записях и приказах,

притекстовых глоссариях можно найти необходимый лингвистический, контекстуальный ареал обращения первых англоязычных заимствований.

В качестве подобной методологической базы в данном исследовании в рамках семантического разбора заимствования *парк* использовалась работа Камбре де «Истинный способ укрепления городов» с глоссарием, Книга о науке военной Н. Г. Курганова, архивные записи Б. И. Куракина, мемуарные записи о путешествиях Е. Р. Дашковой, П. А. Толстого, Н. М. Карамзина, по свидетельствам которых можно сделать заключение о функциональной применимости слова на этапе вхождения в систему русского языка. Лексикографическая база для реконструкции исходного семного состава заимствованного слова *парк* представлена Новым словотолкователем, расположенным по алфавиту, Н. М. Яновского, а также этимологическими словарями, в числе которых Этимологический словарь русского языка А. Преображенского, Этимологический словарь М. Фасмера, историко-этимологический словарь П. Я. Черных, Краткий этимологический словарь Н. М. Шанского и др., которые помогают определить характер первоначального употребления слова на основе его ранних описаний и контекстуальных примеров. «Словари, описывая элементы, отстоящие от нашего времени, часто учитывают судьбу слова» [Бабаева 1998: 98]. Этимологический анализ ранних значений слова, зафиксированных в разных словарях, показывает историческую динамику развития его содержательных компонентов, выделение которых помогает определить наиболее подвижные элементы семной структуры как источника дальнейшего семантического изменения слова. Другой немаловажной пользой этимологических словарей является возможность показать формирование системных отношений слова путем образования им связей и коллокаций в начальный период употребления. Этимологическую основу семантического развития оригинальной формы заимствованного слова *парк* формируют исторические справки Oxford English Dictionary (OED), Merriam-Webster и Cambridge Dictionary.

Проблема внешней реконструкции слова в ее статике на основе историко-этимологического анализа и ее динамике через компонентный анализ и типологизацию семантических изменений в рамках нескольких хронологических срезов и установление внутрилингвистических отношений и связей слова широко обсуждались и становились объектом

изучения в работах Э. А. Макаева, В. В. Виноградова, В. К. Журавлева, В. Н. Топорова, Л. П. Дроновой, Е. Э. Бабаевой, В. П. Даниленко, чей опыт исследования применялся в данной работе. Методика компонентного анализа подробно рассматривается в работах Е. Э. Бабаевой, Н. А. Стадульской, что в рамках диахронического подхода приобретает особую исследовательскую перспективу в работах Л. П. Дроновой и более ранних работах В. К. Журавлева, В. В. Виноградова, Э. А. Макаева. Изучение проблем типологизации и динамики семантической изменчивости затрагивается в работах последнего времени М. В. Белякова, О. И. Максименко, J. Landmann, M. Heer de et al., W. Zhan и более ранних работах В. Н. Топорова, А. Blank. Таким образом, построение нового методологического фрейма комплексного семасиологического анализа заимствований, основанного на сочетании эффективных методик историко-этимологического, компонентного, контекстуального и типологического анализа, направлено на повышение результативности проводимых этимологических исследований в рамках отдельных парадигм и расширению сфер применения их результатов, например, в области лингвистической прогностики и когнитивной лингвистики.

Результаты

Для проверки результативности комплексного анализа внутрисловной семантической структуры заимствованного многозначного слова с целью реконструкции его семантического становления в русском языке было взято слово *парк* (англ. *park*). Представим результаты проведенного анализа в соответствии со следующей последовательностью:

1. Синхронизированный этимологический и компонентный анализ *парк* и *парк*.

Компонентный анализ оригинального слова *парк*:

- этимологическое обоснование семантического развития оригинального значения слова *парк* и описание основных дефиниций слова в рамках рассматриваемого хронологического периода;
- выделение лексико-семантических групп (ЛСГ) согласно установленным дефинициям оригинального слова *парк* с последующим разбором компонентного состава каждой лексико-семантической группы;

- установление отношений между элементами каждой ЛСГ согласно процедуре ступенчатой идентификации и выявление ядерных и дифференциальных компонентов каждой группы.

Компонентный анализ заимствованного слова *парк*:

- определение состава словарных дефиниций заимствованного слова *парк*, сопровождаемых контекстуальными примерами из задокументированных источников, хронологически соответствующих рассматриваемому периоду, а также глоссариев и НКРЯ;
- выделение лексико-семантических групп согласно значениям заимствованного слова *парк* и дальнейший компонентный разбор семного состава каждой ЛСГ для определения ядерного и дифференциальных элементов значения.

2. Типологизация семантических изменений заимствования *парк*:

- сравнительный анализ семного объема оригинального слова *парк* и его заимствованного аналога *парк*;
- сопоставление ядерных компонентов каждой ЛСГ заимствованного слова с ядерными семами соответствующей ЛСГ оригинального слова для определения характера семантического сдвига в заимствованном слове;
- типологическое обоснование семантических изменений заимствованного слова *парк* согласно отражению изменения семных компонентов заимствованного слова *парк* на общую концептуальную основу слова.

Этимологический и компонентный виды анализа оригинального слова *парк*

Первое официально подтвержденное появление в русском языке, согласно архивным записям князя Б. И. Куракина, относится к 1711 г.: *Кругом той горы Виндзора, в равнине не малый, огороженный парк каменною стеной, в котором довольно коз диких, оленей, зайцев, фезанов и перничей*². Национальный корпус русского языка фиксирует начальное употребление слова с 1751 г. с частотностью ipm: 57,19 в 22275 вхождениях³. Согласно этимологической справке Oxford English Dictionary первое употребление слова *парк* в значении *огороженный*

² Архив князя Ф. А. Куракина, ред. В. Н. Смольянинов. Саратов: Печатня С. П. Яковлева, 1893. Кн. 4. С. 33.

³ Национальный корпус русского языка (НКРЯ). URL: <https://www.ruscorpora.ru/results> (дата обращения: 23.03.2025).

участок земли относится примерно к 1200 г., с 1243 г. слово рассматривается как *загон для выпаса домашних животных*, а с 1325 г. начинает использоваться как глагол *размещать животных в огороженном месте для выпаса*⁴. Одновременно развивается значение *превращать в парк, окружать парком, использовать лесные массивы и пастбища, прилегающие к загородному дому, в качестве охотничьих угодий и для отдыха*, которое впоследствии получило приоритетный характер⁵. Начиная с 1470 г. слово *park* приобрело дополнительное значение – *укрепленный лагерь, располагающийся в стратегической позиции* (с 1488 г.). Позже, к 1495 г., *park* стало применяться в значении *разбивать лагерь*⁶. Согласно исторической справке Merriam-Webster, в XIII в. слово *park* использовалось как *огороженный участок земли, на котором водится дичь и который находится во владении*⁷. Например, *The king... parked a forest with fowls*⁸ (король огородил участок леса с дичью). Начиная с 1526 г. глагол *to park* используется в значении *закрывать в парке, размещать, временно оставлять что-то на закрытом участке: Enclose, ...to enclose and parke in* (Hollyband C. Treasurie of French Tong. 1580)⁹. Таким образом, к XVI в. выделяются следующие значения слова *park*:

- *An enclosed piece of ground used as pasture for grazing livestock*¹⁰ (огороженная территория, используемая как пастбище для выпаса скота).
- *A tract of land with lawns and woodland attached to a country house and used as a game preserve and for recreation*¹¹ (участок земли с лужайками и лесом, прилегающий к загородному дому и используемый в качестве охотничьего угодья и для отдыха).
- *An enclosed area reserved for wild animals; game preserve and held by royal prescription or grant*¹² (огороженная территория, отведенная

для диких животных, охотничье угодье, находящееся во владении по королевскому распоряжению или дару).

- *A space occupied by military vehicle, materials or animals*¹³ (пространство, занятое военной техникой, материалами или животными).
- (V) *To lodge (troops) in an encampment*¹⁴ (глагол: размещать (войска) в лагере).

Другие значения слова, связанные с городским благоустройством, местоположением автотранспорта, местом для занятий бейсболом или иными видами деятельности, исторически появились позже и не могут соответствовать исследуемому историческому срезу.

Выделенные значения определили ЛСГ, компонентный анализ которых позволяет путем выявления общих семантических признаков определить общую сему, составляющую ядро каждой ЛСГ.

Соответственно первому значению (ЛСГ1) можно выделить следующие семантические компоненты:

1. (Enclosed) piece of ground – (enclosed) part of land, plot, tract, field, area.
2. Pasture – field, pasture land, grass, grassland, grazing.
3. Livestock – stock, cattle, grazing animals.

В рамках сопоставляемых компонентов посредством взаимоопределения можно увидеть, что наибольшее количество общих семантических элементов приходится на значение *pasture*, что определяет его в качестве ядерного члена данной ЛСГ.

При рассмотрении семных компонентов ЛСГ2 выделяются составляющие:

1. Tract – piece, plot, area.
2. Land – ground, territory.
3. Lawn – grassplot, meadow, field, lea, the area covered with grass.
4. Woodland – forest, wood.

⁴ Park. *Oxford English Dictionary*. URL: https://www.oed.com/dictionary/park_v?tl=true (accessed 16 Feb 2025). Здесь и далее по тексту перевод выполнен авторами статьи.

⁵ Park. *Merriam-Webster*. URL: <https://meriam-webster.com/dictionary/park> (accessed 28 Apr 2025).

⁶ Park. *Oxford English Dictionary*...

⁷ Park. *Merriam-Webster*...

⁸ Park. *Oxford English Dictionary*...

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Park. *Merriam-Webster*...; Park. *Collins Dictionary*. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionar/english/park> (accessed 11 Mar 2025).

¹² Park. *Merriam-Webster*...

¹³ Park. *Oxford English Dictionary*...; Park. *Merriam-Webster*...

¹⁴ Park. *Oxford English Dictionary*...

5. Country house – village house, cottage, country dwelling.

6. Game-preserve – shooting land, hunting ground.

Наибольшее количество семантических совпадений в данной ЛСГ имеет значение *lawn*, сохраняя инвариантный характер данной ЛСГ.

В ЛСГЗ семантические составляющие распределились следующим образом:

1. (Enclosed) area – territory, land, natural environment.
2. Wild animals – the animals which live free in the environment in their natural state.
3. Game-preserve – an area of land where hunting and fishing are carefully controlled.
4. Prescription – instruction, recommendation.
5. Grant – allowance, donation, present.

Согласно рассмотренным семам в ЛСГЗ и ситуации взаимопределения значение *wild animal* в большей степени отражает концептуальный характер данной группы.

Компоненты семантической структуры ЛСГ4:

1. A space – a military camp, area, field, spot.
2. (Military) vehicle – transport, (military) carriage, implements.
3. (Military) materials – equipment, ammunition, supply, implements.
4. Animals – living creatures except humans, birds, fish and insects, horses, equestrian line-up, transport.

Согласно сопоставляемым толкованиям ядерным содержательным компонентом данной ЛСГ является значение *military vehicle*.

В результате компонентного анализа слова *парк*, исходя из полученного набора ядерных сем, содержащих наиболее типичные признаки концепта, можно выделить общее значение слова, которое на момент заимствования в систему русского языка идентифицировалось как *выделенная (огороженная) территория, занятая под пастбище, прогулки, охоту или военный лагерь*.

Компонентный анализ заимствованного слова *парк*

Как большинство англоязычных заимствований Петровского времени, заимствование *парк* в полной мере наследовало семантический объем, полученный от оригинального слова [Биржакова и др. 1972: 256]. Согласно дефинициям, которые заимствованное слово *парк* имеет в ряде историко-этимологических словарей и лексикографических источников русского языка, можно выделить его основные значения, характерные в период начала XVIII в., когда слово впервые появилось в русском лексиконе. Первое значение (1711 г.) определило слово в дипломатических мемуарах князя Б. И. Куракина как:

– **большой благоустроенный сад для гуляния и отдыха посетителей**¹⁵:

- *Хотя тот дом не есть, что завидного видеть, токмо парк великий и умножен всякими зверьми, как оленей, коз, так же и летающих фезанов, пердрий, зайцев*¹⁶.
- *Весь дом подобен дворцу.. Сад и Парк (на несколько миль окружности) наполнен всякими дикими зверьми, которые однако так привычны, что стадами перед нашей каретой бегали*¹⁷.
- *...в прекрасном здешнем парке, по которому протекают речки и простираются усаженные высокими тополями дороги*¹⁸.

В словаре Н. М. Яновского находим другие значения слова, где *парк* это:

– **зверинец, великое пространство земли, огороженное стенами для содержания диких зверей и ловли их или для прогулки**¹⁹:

- *Мы пошли смотреть сад, который чрезвычайно хорош и окружен превеликим зверинцем*²⁰.
- *От того же города Мира с полверсты место великое сосновой рощи отгорожено – то суть того же помянутого Радвила зверинец. В том зверинце много оленей, лосей, сайгаков, коз диких и иных тому подобных зверей*²¹.

¹⁵ Парк. In: Черных П. Я. *Историко-этимологический словарь современного русского языка*. М.: Рус. яз., 1999. Т. 2. С. 6; Парк. In: Преображенский А. Г. *Этимологический словарь русского языка*. М.: Тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1914. Вып. 10. С. 18; Парк. *Словарь русского языка XVIII века*. СПб.: Наука, 2011. Вып. 18. С. 211–212.

¹⁶ Архив князя Ф. А. Куракина... С. 34.

¹⁷ Дашкова Е. Р. Путешествие одной российской знатной госпожи по некоторым Аглинским провинциям. Произведения Е. Р. Дашковой. М.: Опыт трудов Вольного российского собрания при имп. Московском университете, 1775. Ч. 2. С. 131.

¹⁸ Шишков А. С. Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. Berlin: V. Behr's Buchhandlung, 1870. Т. 1. С. 180.

¹⁹ Яновский Н. М. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту. СПб.: Тип. Акад. наук, 1803–1806. Т. 3. Стб. 223.

²⁰ Дашкова Е. Р. Путешествие одной российской знатной госпожи... С. 109.

²¹ Толстой П. А. Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе. 1697–1699. М.: Наука, 1992. С. 186–187.

- Известно, что в петровские времена в Летнем саду был птичник, изящная беседка, дом с фонтанным снарядам, приводимым в движении посредством большого колеса, а рядом с ним зверинец²².

В этимологическом словаре русского языка А. Г. Преображенского упоминается значение слова *парк* в качестве *огороженного места, где сберегают дичь*, как наиболее раннее, чье заимствование восходит от латинского *parcus* – беречь, сохранять²³:

- место, в особенности поле, где скот содержится днем и ночью, что делается для удобрения поля²⁴;
- Во все стороны лондонские окрестности приятны, посмотреть на них хорошо только с какого-либо возвышения. Здесь все огорожено, поля, луга и куда не взглянешь, везде забор²⁵.

В значении *загон, ограда, огороженное место* слово упоминается также в этимологическом словаре М. Фасмера²⁶, кратком этимологическом словаре Н. М. Шанского²⁷ и историко-этимологическом словаре русского языка П. Я. Черных²⁸. Также в словаре Н. М. Яновского заимствование *парк* определяется в значении:

- место собрания, где ставятся все артиллерийские тяжести, со всеми воинскими припасами для армии, как то: осадные пушки, мортиры, ядра, порох и прочие припасы²⁹;
- Парк становится в лагерь далее пушечного выстрела от города и укрепляется парапетом и рвом, защищаемым с боков редутами и редактам³⁰.
- Парк Артиллерийский, есть место, где собраны все воинские припасы для осаждающей армии,

либо стоящей в лагере, как то пушки, мортиры, ядра, бомбы, порох, все снасти и машины, употребляемые в армии³¹.

- Парк есть некоторое место, выбранное в поле, куда из пушки нельзя достать, дабы там ставить артиллерию, зажигательные огни, порох и амуницию³².
- С каждой батареей роты отрядить по два, одному зарядному ящику, отправить в западный артиллерийский парк, находящийся около Можайска (Барклай-де-Толли М. Б. Донесение М. И. Кутузову. 1812)³³.

Несмотря на то что слово *парк* было заимствовано в нескольких значениях, чей полисемический ряд во многом повторяет содержательные компоненты оригинального слова, анализ на уровне сем помогает понять существующую между ними концептуальную разницу. Согласно лексическому определению слова выделяются четыре лексико-семантические группы с целью выявления ядерных сем каждой группы и сопоставительного анализа семных компонентов заимствованного и оригинального значений.

В ЛСГ1 значение слова *парк* определяется следующим семантическим рядом (рис. 1):

1. Сад – насаженная роща с аллеями и цветниками обычно вокруг большого дома.
2. Гуляние – прогулка, гульбище, отдых.
3. Посетители – гости, визитеры, публика.

В ЛСГ1 сема *гуляние* является определяющей и демонстрирующей концептуальную значимость. В ходе установления отношений семантической производности между заимствованным и оригинальным словом можно увидеть, что ЛСГ1 слова *парк* имеет наибольшее сходство семных компонентов

²² Пятнов П. В. Российские сады и парки: историко-культурный аспект. *Современные проблемы сервиса и туризма*. 2013. № 1. С. 23. <https://elibrary.ru/pwdov>

²³ Парк. In: Преображенский А. Г. *Этимологический словарь русского языка*... С. 18.

²⁴ Парк. In: *Словарь русского языка XVIII века*... С. 212; Парк. In: Яновский Н. М. *Новый слово толкователь, расположенный по алфавиту*... Стб. 223.

²⁵ Карамзин Н. М. *Письма русского путешественника*. Изб. соч. в 2-х т. М.-Л.: Худ. Лит., 1964. Т. 1. С. 586.

²⁶ Парк. In: Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. М.: Прогресс: 1987. Т. III: Муза – Сят. С. 207.

²⁷ Парк. In: Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. *Краткий этимологический словарь русского языка*. М.: Просвещение, 1971. С. 327.

²⁸ Парк. In: Черных П. Я. *Историко-этимологический словарь современного русского языка*... С. 7.

²⁹ Парк. In: Яновский Н. М. *Новый слово толкователь, расположенный по алфавиту*... Стб. 223; Парк. In: Черных П. Я. *Историко-этимологический словарь современного русского языка*... С. 6; Парк. In: Преображенский А. Г. *Этимологический словарь русского языка*... С. 18.

³⁰ Парк. In: Яновский Н. М. *Новый слово толкователь, расположенный по алфавиту*... Стб. 223.

³¹ Курганов Н. Г. *Книга о науке военной. Словарь инженерный*. СПб.: Тип. сухопутного кадетского корпуса. 1777. С. 329–330.

³² Камбре де. *Истинный способ укрепления городов. Термины*. СПб.: Изд-во СПб. Тип, 1724. С. 20.

³³ Парк. *НКРЯ. Конкорданс*.

с ЛСГ2 слова *park*, при этом семы *lawn* в ЛСГ2 (*park*) и *гуляние* в ЛСГ1 (*парк*) являются категориально-лексическими и определяют стабильный характер передачи значения слова *сад* для прогулок и отдыха в ходе заимствования. В то же время сема *game-preserve* (охотничье угодье) в ЛСГ2 слова *park* является дифференциальной (ДС), и при заимствовании она подверглась сокращению, вызвав сужение значения слова.

В ЛСГ2 заимствования *парк* (рис. 2) выявлены семантические единицы:

1. Зверинец – содержание диких или редких животных в клетках или вольерах для показа посетителям, тип зоопарка или фермы.
2. Содержание диких животных – кормление, сохранение, запирание, огораживание.
3. Ловля – охота, промысел, западня.
4. Прогулка – гуляние, отдых, пеший туризм или экскурсия.

Инвариантной семой, составляющей основу концепта данной лексико-семантической группы,

согласно ситуации взаимоопределения является компонент значения *содержание диких животных*.

Сопоставление характера семантической производности заимствованных компонентов со сходным оригинальным значением в ЛСГ3 показывает, что сема *wild animals* в ЛСГ3 оригинального материала и сема *содержание диких животных* в ЛСГ2 заимствованного слова являются категориально-лексическими и составляют основу понимания слова как *огороженного места для содержания диких животных*. В то же время сема *game-preserve* в ЛСГ3 оригинального значения является дифференциальной, и впоследствии она подверглась сокращению, создав внутрилингвистическую мотивацию для сужения значения слова. Причинами изменения дифференциальной семы с охоты на ловлю диких животных с целью их демонстрации послужили такие факты, как законодательство Петра I по охране лесных угодий, специфика лесного промысла в России петровского времени, запрещающая отлов некоторых видов животных (соболя

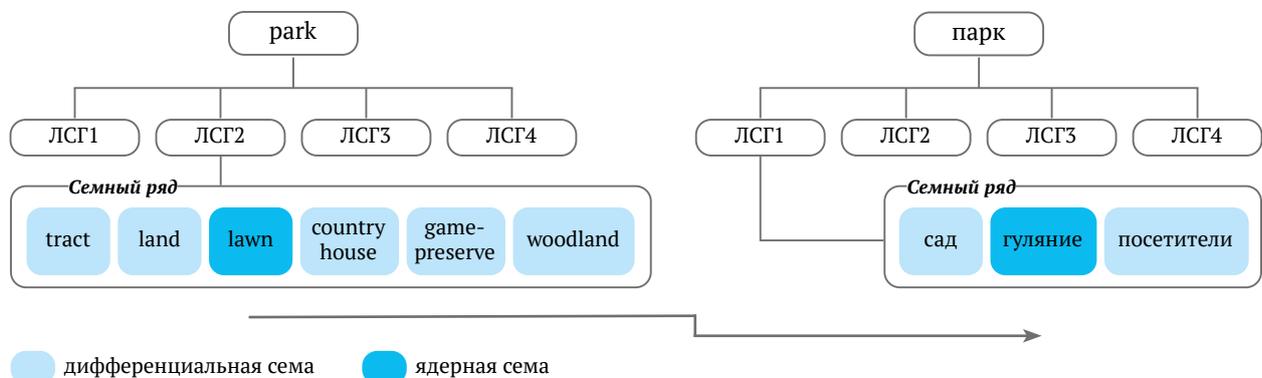

Рис. 1. Схема подвижки ядерной семы ЛСГ2 в процессе заимствования слова *park* в русский язык
Fig. 1. Semantic shift in the nuclear component of lexical-semantic group 2 for the original word *park*

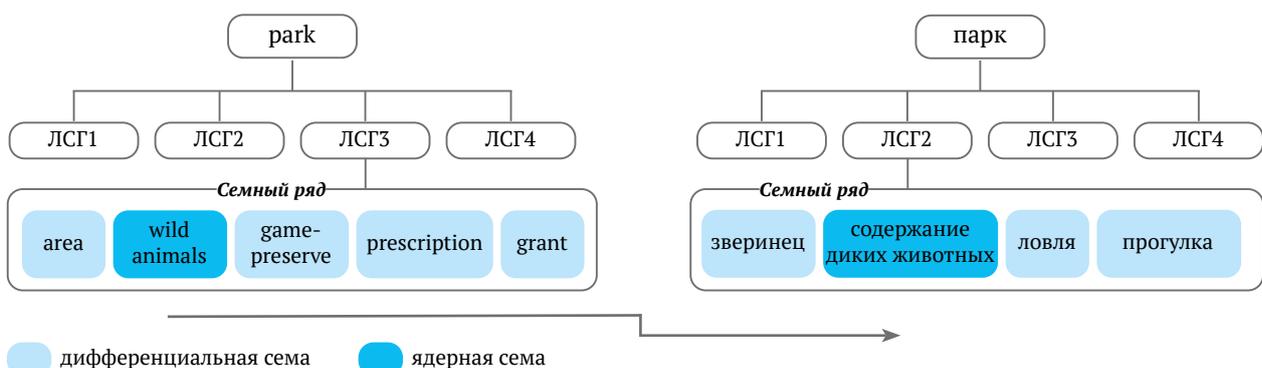

Рис. 2. Схема подвижки ядерной семы ЛСГ3 в процессе заимствования слова *park* в русский язык
Fig. 2. Semantic shift in the nuclear component of lexical-semantic group 3 for the original word *park*

(1706 г.), лося (1714 г.) и т.д.), пренебрежительное отношение Петра I к охоте³⁴. Парки на английский манер впоследствии возникли в Гатчине, Измайлове и Царском Селе, традиционных местах царской охоты, а создание «особых заповедных лесов» способствовало появлению природоохранных территорий, таких как заповедники, национальные парки, заказники [Черных 2012: 30].

Согласно ЛСГ3 заимствованного слова *парк* (рис. 3) выделяются семные компоненты:

1. Поле – земля для сельскохозяйственных работ, луг, пастбище.
2. Содержание скота – выпас, уход, откорм сельскохозяйственных животных.
3. Удобрение – подкормка, навоз, торф, перегной, компост, земледелие.

Ядерной семой, обеспечивающей наибольшее совпадение семантических признаков в данной ЛСГ, является компонент *поле для выпаса скота*, который при сопоставлении с ядерным компонентом *pasture* в ЛСГ1 оригинального слова *park* обнаруживает схожесть лексико-семантических черт. Сравнивая семантические контрагенты заимствованного и оригинального слова в ЛСГ3 (*парк*) и ЛСГ1 (*park*) можно увидеть, что ядерные семы *поле* (для выпаса скота) и *pasture* являются категориально лексическими, определяя назначение слова как *место для выпаса*. Между тем сема *an enclosed piece of ground* (огороженный участок земли) была определена как дифференциальная, дополнившая назначение инвариантной семы и повлиявшая на семантический объем заимствованного слова. В силу обилия свободных пастбищных угодий компонент дифференциальной семы *огороженный* сократился в ходе

заимствования и применялся в основном в значении *загон для лошадей или левада*; впоследствии значение слова *место для выпаса скота*, столкнувшись с большим количеством синонимов, также приобрело деструктивную динамику развития.

Согласно семному составу ЛСГ4 (рис. 4) выделяются компоненты:

1. Место – поле, территория или площадка для установки и хранения орудий, защищаемый лагерь.
2. Собрание – совокупность (единиц артиллерии), коллекция, набор.
3. Артиллерийские тягости – пушки, гаубицы, мортиры (короткоствольные орудия), ядра.
4. Военские припасы – артиллерийские и инженерные принадлежности, снаряды, зарядные ящики.
5. Лагерь – место сбора, установки, хранения артиллерии со штатом людей и конным составом, воинская часть, занимающаяся подвозом и хранением зарядов, склад для снабжения армии.

Исходя из ситуации взаимоопределения, ключевым элементом данной ЛСГ можно считать сему *лагерь*, которая определяет смысловую константу заимствованного слова. Между тем в силу частых военных походов Петра I и подвижного характера лагеря концептуальная основа слова претерпела определенные изменения в сторону расширения путем метонимического переноса концептуальной составляющей с места расположения объекта на сам объект, т.е. с места размещения артиллерийских тягостей на саму артиллерию и ее оснащение. Иначе говоря, дифференциальная сема *артиллерийские*

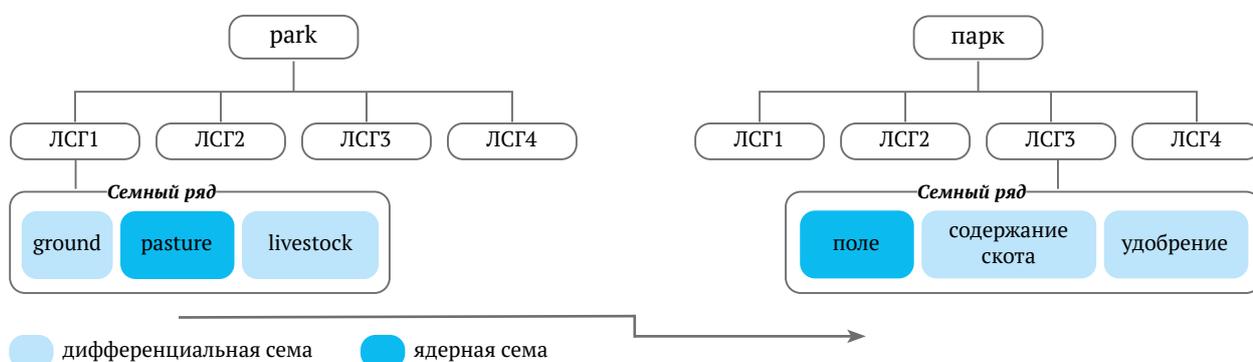

Рис. 3. Схема подвижки ядерной семы ЛСГ1 в процессе заимствования слова *парк* в русский язык
Fig. 3. Semantic shift in the nuclear component of lexical-semantic group 1 for the original word *park*

³⁴ Кутепов Н. И. Царская и императорская охота на Руси. Конец XVII и XVIII век. СПб., 1902. Т. 3. С. 4.

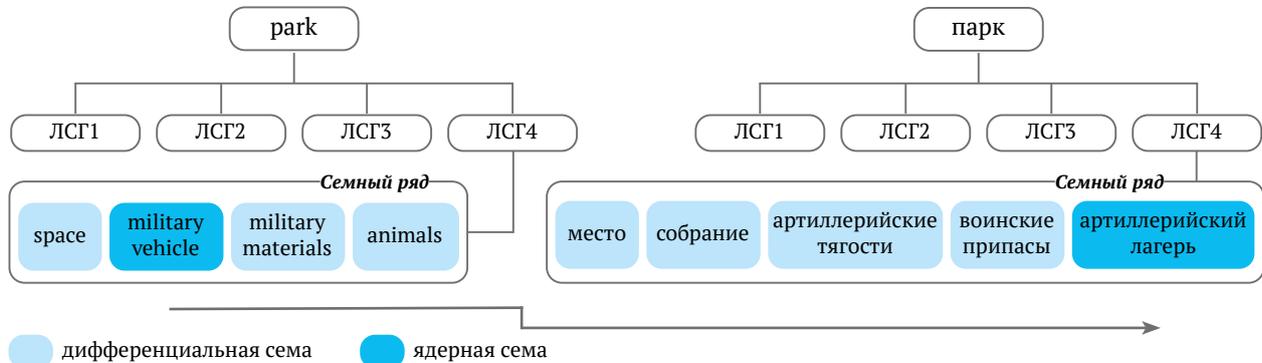

Рис. 4. Схема подвижки ядерной семы ЛСГ4 в процессе заимствования слова *park* в русский язык
 Fig. 4. Semantic shift in the nuclear component of lexical-semantic group 4 for the original word *park*

тягости приобретает, согласно метонимии, ядерный характер.

- *Парк артиллерии с двойными запасными лафетами, одной осадной, состоит из 160-ти орудий (из письма Н. А. Львова С. Р. Воронцову. 1787–1801)*³⁵.

Для оригинального состава слова более характерно значение *становиться лагерем в стратегически выгодной позиции*³⁶, что доказывает семантическое развитие заимствованного слова в процессе деривации. Сема лагерь как место стоянки и ремонта подвижного состава³⁷ также в дальнейшем расширилась на иные виды снаряжения и транспорта.

Типологизация семантических изменений заимствования *парк*

В ходе компонентного анализа удалось выяснить, что в процессе деривации ряд исходных сем заимствования *парк* подвергся сужению первоначального семантического объема под воздействием экстралингвистических условий. Значение *огороженная территория для ловли диких животных* сузилось до *содержания диких животных с целью показа публике*, а *парк* как *поле для выпаса скота* столкнулся с высокой степенью синонимии, что отрицательно сказалось на его адаптации в русском языке. В то же время некоторые семы слова получили дальнейшее развитие за счет расширения и метонимического переноса. *Огороженный участок*

леса вокруг дома заложил основу парковой культуре в России в значении большого *благоустроенного сада для отдыха*, а лагерь с артиллерией и военным снаряжением стал комплексом артиллерийской техники.

Типологическое обоснование семантических изменений заимствованного слова *парк* на основе влияния семной вариативности в лексико-семантических группах заимствования на концептуальный характер слова можно представить в виде таблицы.

Исходя из структуры семантических связей многозначного слова *парк*, можно отметить, что каждая ЛСГ, определяющаяся набором сем для конкретного значения, связана с другой ЛСГ неким общим признаком, создавая цепочечный характер полисемии слова. Например, ЛСГ1 (место для гуляния) и ЛСГ2 (содержание диких животных для показа) объединяет общий признак *прогулка*, тогда как ЛСГ2 и ЛСГ3 (пастбище) объединены общим признаком *содержание животных*. В свою очередь ЛСГ3 и ЛСГ4 связаны общей семой *поле*, как *место для содержания или хранения чего-либо*. Можно также отметить, что ЛСГ1 и ЛСГ4, определяющие «крайние» значения слова, практически не имеют общих признаков. Несмотря на то что значения как бы перетекают из одной ЛСГ в другую, что соответствует цепочечной полисемии, при системном подходе просматривается некое подобие общего признака всех лексико-семантических групп слова *парк*, а именно *открытой, часто огороженной местности для содержания чего-либо*, поэтому структуру слова более правильно было бы определить как радиально-цепочечную.

³⁵ Парк. НКРЯ. Конкорданс.

³⁶ Park. Merriam-Webster...

³⁷ Парк. Толковый словарь Ожегова. URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov/парк> (дата обращения: 01.05.2025).

Табл. Типологизация процесса изменения семантического состава слова *парк*Tab. Semantic changes of the word *park*

Оригинальное значение	Заимствованное значение	Измененное значение	Тип семантического сдвига
ЛСГ1 – pasture (пастбище)	ЛСГ3 – поле для выпаса скота	значение утрачено	–
ЛСГ2 – lawn (лужайка)	ЛСГ1 – гуляние	сад	расширение
ЛСГ3 – enclosed area with wild animals (огороженная территория с дикими животными)	ЛСГ2 – содержание диких животных для показа	зоопарк	сужение
ЛСГ4 – space for military vehicle (место для военной техники)	ЛСГ4 – артиллерийский лагерь	артиллерия и ее оснащение	метонимия

Обсуждение

Комплексные подходы к изучению механизмов процесса, посредством которого заимствованная языковая единица изменяет первоначальное содержание, определяются принципами системности, причинности и историзма. На начальном этапе функционирования в новой языковой среде заимствование как элемент чужой языковой системы, отличаясь своими структурными и семантическими особенностями, историей употребления и культурным восприятием, адаптируется не только как отдельно взятый лексический элемент, но как часть системы, чей багаж оно сохраняет. На этом этапе, когда в рамках отдельного заимствования происходит диалог двух языковых систем путем согласования заимствованного слова с другими элементами принимающего языка, закладывается вектор дальнейшего семантического развития слова в новой языковой среде. В то же время принцип системности соотносится с принципом причинности семантических изменений, определяющим причинно-следственные связи заимствованных элементов слов в процессе адаптации.

В логике размышлений В. К. Журавлева о живой языковой системе, которая «обладает определенными силами самосохранения коммуникативной пригодности» [Журавлев 1984: 41], мы также утверждаем, что все это является важной причиной изменения «чужого» слова на внутреннем, глубинном уровне. Коррелируясь в новом языковом пространстве, заимствованная языковая единица обрывает уточняющими «смысловыми оттенками» [Виноградова 2015: 214], которые расширяют ее смысловое варьирование. На первый взгляд происходящие незаметно изменения на уровне элементарных компонентов впоследствии становятся

причиной изменения всего концептуального профиля заимствованного слова. Начиная с малограмматиков в лице Г. Пауля, допускались отклонения от нормы слова, которые, будучи сами по себе ничтожны, в меру их постепенного накопления незаметно сдвигали ее для сознания говорящих. Накопительный характер изменений в семной структуре значений слова под воздействием причин, как внешнего характера, так и связанных с саморазвитием самого языка, формирует семантический сдвиг заимствованного слова, способствуя его семантической корреляции в ходе адаптации. В этой связи семантическая реконструкция, выявляющая изменения семного состава заимствованного слова в процессе диахронического исследования, является наиболее доступным инструментом в определении эволюции его семантики в принимающем языке.

Как показывает многоаспектный анализ, помимо внутренних причин семантической изменчивости важно правильно оценивать заимствованное слово в свете историко-культурных реалий. Ввиду этого этимологический подход позволяет раскрыть «суть историзма» и дает возможности прогнозирования потенциального семантического развития на основе установленных моделей образования значений слов с учетом их исторических данных [Топоров 1960: 49]. Согласно данному подходу, суть этимологического анализа – не столько в описании историко-культурного контекста, в рамках которого развивается семантическая корреляция заимствованного слова, сколько в верификации доминантных моделей семантической изменчивости на основе лингвистического материала изучаемого исторического среза. Поскольку «контакты в разные периоды истории обычно отражают разные

социолингвистические ситуации» [Heer de et al. 2023: 56], которые не всегда легко понять, этимологический анализ на основе изучения исторических текстов дает необходимую основу для апробации доминантных моделей семантического развития как в целях изучения слов в конкретный исторический период, так и для определения критериев истинности при оценке семантической ситуации в рамках диахронической перспективы. Благодаря принципу историзма семантика заимствованных слов в разные исторические периоды поддается более исчерпывающему прочтению, несмотря на разность социолингвистических условий вхождения и употребления.

Механизм построения семантической реконструкции на основе принципов системности, причинности и историзма в рамках компонентного, контекстуального и этимологического видов анализа позволяет проследить динамику семантических изменений заимствованного слова на уровне семного состава его значений. Имея «зыбкий», неустойчивый характер семантики, первоначальный вариант заимствованного слова часто подвергается системному давлению принимающего языка, и спустя некоторое время его семный состав обретает направления развития, способствующие его лексическому сглаживанию.

Заключение

Предложенный методологический фрейм комплексной семасиологической реконструкции, опирающийся на комплементарную интеграцию компонентного, этимологического и контекстуального видов анализа, показал свою эффективность, что продемонстрировано восстановленной семантической «биографией» заимствованного слова *парк*. Во-первых, новая методика позволила определить природу и механизм семантических изменений конкретного слова. Во-вторых, в процессе этимологического и контекстуального видов анализа были выявлены особенности языковой ситуации первой четверти XVIII в., определившие алгоритм синхронно-диахронного сопоставительного процесса. В-третьих, изучение динамики семантических изменений в рамках методики семантической реконструкции заимствованных слов доказало ее эффективность в понимании механизма семантической изменчивости заимствований.

Сопоставление семных компонентов значений заимствованного и оригинального слова выявило

разницу в компонентном составе слова, продемонстрировав подвижный характер компонентных рядов в лексико-семантических группах. Замена ведущих семантических компонентов на дифференциальные семы стало предпосылкой семантических сдвигов, способствуя постепенному вытеснению иноязычности в заимствованном слове. При обнаружении семных смещений в заимствовании *парк* при внешнем сохранении его концептуального «портрета» механизм семантической реконструкции вскрыл невидимый процесс динамики развития семного состава заимствованного слова. Таким образом, исследование смыслового варьирования на уровне сем доказало, что семантические элементы значений заимствованных слов имеют нестабильный характер в период вхождения и укоренения в новой языковой среде и подвержены семантическим смещениям, что в дальнейшем ведет к концептуальной перестройке всего слова.

Продуктивность методики семантической реконструкции слова *парк* основана на комплексном характере анализа, сочетающего внутрилингвистические методы изучения с историческими контекстами, позволившими определить характер употребления слова. Поскольку большая часть лексикографических источников дает толкование с некоторым запозданием уже сложившихся, а не переходных понятий, внешняя реконструкция слова помогла понять истоки семантических изменений, которые были заложены в слове на этапе раннего употребления. Этимолого-культурологическая составляющая исследования стала немаловажным аспектом диахронического подхода, отразив особенности исторического среза. Контексты, сопровождающие заимствованное слово *парк* на этапе вхождения в русский язык, показали двойственный характер лексикографии этого периода. С одной стороны, многие документы, свидетельства и записи людей, имевших опыт работы, учебы или путешествий за границей, поддерживали многовариантность и специфику оригинального значения слова, с другой – шел процесс обрусения значения и появления иных семантически адаптированных смыслов, исследование и понимание которых также может быть продуктивным через комплексную семасиологическую реконструкцию близстоящих ситуативных «языковых соседей». Полученные результаты дают основания заявить, что предлагаемая методика комплексного семасиологического анализа может стать эффективным

способом преодоления «этимологического порога» в ходе диахронического исследования, позволяя учесть практическую мотивацию семантических изменений заимствованных слов.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for the information published in this article.

Литература / References

- Бабаева Е. Э. Кто живет в вертепе, или опыт построения семантической истории слова. *Вопросы языкознания*. 1998. № 3. С. 94–106. [Babaeva E. E. Who lives in vertep, or reconstruction of a semantic history of words. *Voprosy Jazykoznanija*, 1998, (3): 94–106. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pyinqn>
- Беляков М. В., Максименко О. И. Проблема семантических сдвигов в современном русском языке: корпусное исследование на примере новостного медиадискурса. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2024. Т. 15. № 1. С. 174–194. [Belyakov M. V., Maksimenko O. I. The problem of semantic shift in modern Russian: Corpus research on the example of a news media discourse. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2024, 15(1): 174–194. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-174-194>
- Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века: языковые контакты и заимствования. Л.: Наука, 1972. 430 с. [Birzhakova E. E., Voinova L. A., Kutina L. L. *Essays on historical lexicology of the Russian language of the 18th century: Language contacts and borrowings*. Leningrad: Nauka, 1972, 430. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vcsmjr>
- Блумфилд Л. Язык. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 2002. 606 с. 468–495. [Bloomfield L. *Language*. Moscow: Progress, 2002, 606. (In Russ.)]
- Васильева Г. М. Экология: динамика семантических изменений слова в зеркале русских толковых словарей XX – начала XXI в. *Вопросы лексикографии*. 2023. № 29. С. 71–86. [Vasileva G. M. Ecology: Dynamics of semantic changes of the word in the mirror of Russian explanatory dictionaries of the 20th – early 21st centuries. *Voprosy Leksikografii*, 2023, (29): 71–86. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/22274200/29/4> <https://elibrary.ru/pscvmf>
- Виноградов В. В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования. *Вопросы языкознания*. 1995. № 1. С. 3–36. [Vinogradov V. V. The word and the meaning as the subject of historical and lexicological research. *Voprosy Jazykoznanija*, 1995, (1): 3–36. (In Russ.)]
- Виноградова О. Е. Применение принципа денотативной дифференциации при обобщении лексикографических значений. *Вопросы психолингвистики*. 2015. № 23. С. 212–220. [Viniogradova O. E. Application of denotative differentiation approach to lexicographic meaning generalization. *Journal of Psycholinguistics*, 2015, (23): 212–220. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tkrzdp>
- Даниленко В. П. Синхрония и диахрония в лингвистике. *Вестник Иркутского государственного лингвистического университета*. 2011. № 4. С. 6–11. [Danilenko V. P. On synchronic vs diachronic ideology in linguistics. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 2011, (4): 6–11. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/owqqgz>
- Дронова Л. П. Диахроническое представление концепта: к методике анализа. *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2014. № 3. С. 59–64. [Dronova L. P. Diachronic representation of concept: Toward method of analysis. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*, 2014, (3): 59–64. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wjfgdj>
- Дронова Л. П. Методика диахронического исследования и когнитивный подход к языку. *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2013. № 2. С. 22–39. [Dronova L. P. Technique of diachronic research and cognitive approach to language. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta, Filologiya*, 2013, (2): 22–39. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pzejpl>
- Журавлев В. К. Диахроническая фонология. Состояние и перспективы. *Вопросы языкознания*. 1984. № 5. С. 39–48. [Zhuravlev V. K. Diachronic phonology. Status and prospects. *Voprosy Jazykoznanija*, 1984, (5): 39–48. (In Russ.)]

- Залялова Р. Р., Гатаулина А. Г. Семантика слова *тьютор* в современном русском языке. *Вестник Костромского государственного университета*. 2023. № 2. С. 154–159. [Zalyalova R. R., Gataullina A. G. Semantics of the word *tutor* in modern Russian. *Vestnik of Kostroma State University*, 2023, (2): 154–159. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/eoybfp>
- Каззаева М. А. Проблема соотношения синхронного и диахронического подходов в языкознании. *Вестник Иркутского государственного лингвистического университета*. 2014. № 1. С. 198–204. [Kazazaeva M. A. On correlation of synchronous and diachronous approaches in linguistics. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 2014, (1): 198–204. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sneigz>
- Макаев Э. А. Синхрония и диахрония и вопросы реконструкции. *О соотношении синхронного анализа и исторического изучения языков*, отв. ред. М. М. Гухман, Е. А. Бокарев. М.: АН СССР, 1960. С. 144–152. [Makaev E. A. Synchrony and diachrony and reconstruction issues. *Relationship between synchronic analysis and historical study of languages*, eds. Gukhman M. M., Bokarev E. A. Moscow: AS USSR, 144–152. (In Russ.)]
- Пауль Г. Принципы истории языка. М.: Иностр. лит., 1960. 499 с. [Paul H. Principles of the history of language. Moscow: Inostr. lit., 1960, 499. (In Russ.)]
- Стадильская Н. А. Компонентный анализ значения слова как способ выявления содержания концепта. *Вестник Челябинского государственного университета*. 2012. № 32. С. 112–117. [Stadulskaya N. A. Componential analysis of word meaning as the way of determining the content of a concept. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2012, (32): 112–117. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pujznh>
- Топоров В. Н. О некоторых теоретических основаниях этимологического анализа. *Вопросы языкознания*. 1960. № 3. С. 44–59. [Toporov V. N. Theoretical grounds of etymological analysis. *Voprosy Jazykoznanija*, 1960, (3): 44–59. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sruznv>
- Трубачев О. Н. Приемы семантической реконструкции. *Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Теория лингвистической реконструкции*, отв. ред. Н. З. Гаджиева. М.: Наука, 1988. С. 197–222. [Trubachev O. N. Semantic reconstruction techniques. *Comparative-historical study of languages of different families. Theory of linguistic reconstruction*, ed. Gadzhieva N. Z. Moscow: Nauka, 1988, 197–222. (In Russ.)]
- Черных В. В. Лесное законодательство в период правления Петра I. *Сибирский юридический вестник*. 2012. № 1. С. 29–35. [Chernyh V. V. The wood legislation in Peter I board. *Siberian Law Herald*, 2012, (1): 29–35. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/opwimx>
- Bäumler L. Loanword phonology of Spanish anglicisms: New insights from corpus data. *Languages*, 2024, 9(9). <https://doi.org/10.3390/languages9090294>
- Blank A. Why do new meanings occur? A cognitive typology of motivations for lexical semantic change. *Historical Semantics and Cognition*, eds. Blank A., Koch P. Berlin-Boston: De Gruyter Mouton, 1999, 61–90. <https://doi.org/10.1515/9783110804195.61>
- Heer de M., Blokland R., Dunn M., Vesakoski O. Loanwords in basic vocabulary as an indicator of borrowing profiles. *Journal of Language Contact*, 2023, 16(1): 54–103. <https://doi.org/10.1163/19552629-bja10057>
- Nambu S. Reflection on Japan's language policy for English loanwords: Policy aims and media usage analysis. *English Today*, 2025. <https://doi.org/10.1017/S0266078425000070>
- Sá de J. M. C., Da Silveira M., Pruski C. *Survey in characterization of semantic change*. 2024. <http://dx.doi.org/10.48550/arXiv.2402.19088>
- Saengin T., Manying W. English loanwords in Thai new word dictionary: A reflection on society. *Journal of Language and Culture*, 2024, 43(1): 70–97.
- Zhan W. Loanword: Mirror of social contact. *Open Journal of Social Sciences*, 2023, 11(11): 274–283. <https://doi.org/10.4236/jss.2023.1111018>
- Zoričić N. English loanwords in Russian and Croatian and their integration into the word-formation processes. *Language in Educational and Cultural Perspectives*, eds. Lewandowska-Tomaszczyk B., Trojszczak M. Cham: Springer Nature Switzerland, 2023, 295–315. https://doi.org/10.1007/978-3-031-38778-4_15

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/emboaz>

Трансформация творческой стратегии «человеческого документа» в зрелой лирике А. Штейгера

Давыдов Степан Николаевич

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, Томск

eLibrary Author SPIN: 5976-6061

<http://orcid.org/0009-0009-9056-2114>stepan.7plus@yandex.ru

Аннотация: Исследуется реализация дневниковой стратегии творчества в зрелой лирике А. Штейгера (сборники «Неблагодарность» и « $2 \times 2 = 4$ ») как одного из ключевых представителей «парижской ноты» – ведущего младоэмигрантского литературного течения, стремившегося сохранить жизнеспособность русской поэзии в условиях общеевропейского духовного кризиса путем ее интимизации. Доказывается, что в зрелом творчестве поэт преодолевает присущие ему на раннем этапе монологизм сознания и эго- и литературоцентризм мировосприятия и начинает испытывать потребность в диалоге как средстве интеграции в современную социокультурную реальность. Определяется характер эволюции дневникового письма в процессе личностного и творческого становления поэта: дневниковое самонаблюдение превращается в способ познания окружающего мира, а формальные особенности дневниковых записей – в художественные приемы. Утверждается, что значимость для взрослого поэта фигуры Другого оказывает влияние на субъектную организацию лирики; выявляется семантика основных форм присутствия субъекта – лирического *мы* и ролевого героя; описываются случаи субъектного синкретизма; анализируется роль эксплицитного адресата. Рассматривается проблематика зрелой лирики (возможность счастья и понимания, взаимосвязь материи и духа, предназначение творчества) в соотношении с биографическим и культурным контекстом. Делаются выводы о специфике дневниковости двух последних сборников А. Штейгера: дневниковая оптика является основополагающим принципом художественного миромоделирования, а дневниковая поэтика воплощает особый метод отбора и организации эмпирического материала.

Ключевые слова: «парижская нота», Анатолий Штейгер, «человеческий документ», лирический дневник, автопсихологизм, диалог, интерсубъектность, лирический субъект, лирический адресат, фрагмент

Цитирование: Давыдов С. Н. Трансформация творческой стратегии «человеческого документа» в зрелой лирике А. Штейгера. *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 4. С. 735–747. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-4-735-747>

Поступила в редакцию 28.05.2025. Принята после рецензирования 24.07.2025. Принята в печать 28.07.2025.

full article

Human Document Strategy in Anatoly Shteiger's Later Lyrics

Stepan N. Davydov

Tomsk State University, Russia, Tomsk

eLibrary Author SPIN: 5976-6061

<http://orcid.org/0009-0009-9056-2114>stepan.7plus@yandex.ru

Abstract: Anatoly Shteiger (1907–1944) was a Russian poet of the first wave of Russian emigration, whose poetry expressed the aesthetics of the Parisian Note. This *émigré* literary movement sought to preserve the viability of Russian poetry amidst the pan-European spiritual crisis by making it more intimate. Shteiger applied a diary strategy to his last collections of verses *Ingratitude* and $2 \times 2 = 4$, where he overcame the monology of consciousness. The ego- and literary-centrism of his early poetry gave way to dialogue as a means of integration into the contemporary socio-cultural reality. Shteiger's diary strategy evolved together with his personal and creative development as self-

observation turned into a way of world cognition, and the formal features of diary entries became artistic devices. The figure of the Other affected the subjective organization of the lyrics, resulting in a lyrical *us*-voice, a lyrical personage, a certain subjective syncretism, and an explicit addressee figure. The themes of the pursuit of happiness, mutual understanding, flesh-and-spirit relations, and purposeful creativity reflected the biographical and cultural context. In Shteiger's last poetic collections, the diary perspective was the fundamental principle of artistic world modeling while the diary poetics was the method for selecting and organizing empirical material.

Keywords: Parisian Note, Anatoly Shteiger, human document, lyrical diary, autopsychologism, dialogue, intersubjectivity, lyrical subject, lyrical addressee, fragment

Citation: Davydov S. N. Human Document Strategy in Anatoly Shteiger's Later Lyrics. *SibScript*, 2025, 27(4): 735–747. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-4-735-747>

Received 28 May 2025. Accepted after peer review 24 Jul 2025. Accepted for publication 28 Jul 2025.

Введение

Анатолий Штейгер – один из главных представителей «парижской ноты», влиятельного младоэмигрантского литературного течения, пропагандировавшего эстетику «человеческого документа» как оптимальную для молодых русских авторов, оказавшихся в условиях духовного кризиса эмиграции. По мнению лидера течения Г. Адамовича, истинная поэзия в современных социокультурных реалиях – это отражение духовной жизни обычного, «маленького человека без интересной биографии», чье существование ограничено повседневностью [Яковлева 2012: 147–150]. «Парижская нота», возникшая в результате трансформации парижского «Цеха поэтов», проповедовавшего идеи неоклассицизма, противопоставляла неуместной в новых обстоятельствах «литературности» символизма и авангарду с его формальным экспериментаторством и пренебрежением к традиции безоговорочный приоритет содержания и стремление к искренности выражения [Коростелев 2013: 69–74; Ратников 1998: 20–22; Чагин 2021: 34–40]. Эго-документальность стала особой творческой стратегией, направленной на сохранение жизнеспособности русской литературы путем достоверного изображения индивидуального психофизического состояния автора.

Актуальность исследования стратегии «человеческого документа», реализуемой в дневниковой лирике А. Штейгера, обусловлена необходимостью полноценного осмысления истории отечественной литературы XX в., после Октябрьской революции существовавшей в противоречивом единстве двух литературных процессов [Чагин 2008: 27]. Творческое наследие «незамеченного поколения», ставшего уникальным социокультурным феноменом

эмиграции, является востребованным в современной науке, но пока малоизученным материалом. Концептуализация индивидуальных поэтических систем авторов «парижской ноты», перечень которых традиционно возглавляет А. Штейгер, в перспективе позволит сформировать целостное теоретическое представление о данном литературном течении, господствовавшем в эмиграции в 1920–1930-е гг. и во многом определившем облик словесности русского зарубежья.

Лирический дневник А. Штейгера на раннем этапе эволюции поэта (сборники «Этот день», 1928, и «Эта жизнь», 1932) имеет сходство с личным дневником периода индивидуации, в котором «молодой человек пишет хронику своей внутренней жизни и социального поведения и на ее основе корректирует свои мысли и поступки» [Егоров 2022: 18]. Лирика для юного поэта служит способом фиксации впечатлений от внешнего мира и результатов психофизического самонаблюдения, способом познания и рефлексии; она участвует в процессе нравственного взросления и формирования системы ценностей, который у младоэмигрантов осложнен значительной социокультурной изоляцией и отсутствием единых и прочных духовных ориентиров. Не случайно, что преобладающим типом лирического субъекта в ранней лирике является лирический герой, с помощью которого поэт моделирует собственную личность. Эгоцентризм мировосприятия неизлечимо больного, лишившегося родины поэт определяет тематику двух первых сборников: ведущими темами и мотивами являются смерть, болезнь, одиночество, бесприютность, память и судьба; особое место занимает мотив ожидания,

выражающий эсхатологическое восприятие времени (примером комплексного воплощения данных мотивов служит стихотворение «Придти сюда, когда невыносимо...»).

Помимо личного становления, в ранней лирике А. Штейгера отражается процесс самоопределения начинающего автора, и эгоцентрическое мировидение сочетается с тенденцией к литературоцентризму. А. Штейгер стремится сформировать творческую самоидентичность в координатах отечественной поэтической традиции, усвоенной через наследие Серебряного века, прежде всего акмеизма [Налегач 2019; Рубинс 2017: 310–325; Хадынская 2016; Rubins 2017], который «сохранился как художественный принцип, как литературная позиция» и «продолжил свою жизнь и в изгнании, во многом определяя эстетическое "лицо" поэзии русского зарубежья» [Чагин 2008: 295]. В данном отношении наиболее показателен цикл диптих «Царское Село», в котором А. Штейгер разрабатывает богатую мифологию, связанную с этим знаковым для русской литературы местом и унаследованную от И. Анненского, Н. Гумилева, А. Ахматовой, Г. Иванова: миф о Царском как *городе царей*, *городе поэтов* и месте примирения природы и культуры; мифологемы лебедя-поэта и лебединой песни; образы мраморных статуй как символы бессмертия в творчестве и пр. [Арьев 1999; Гриневиц 2021]. Также репрезентативно стихотворение «Искатель жемчуга», название которого является аллюзией на текст Н. Гумилева («Искатели жемчуга», 1906) и в котором героизм ранних гумилевских персонажей адаптируется к экзистенциальному мироощущению поэта-младоземigrанта.

Лирическое переживание, лежащее в основе философского осмысления реальности, часто привязано (за счет указаний в рамочном тексте и формулировок типа *Я сегодня совсем иной, Мне сегодня не надо чудес*) к конкретным времени и месту и всецело определяется ими (ср. название сборника «Этот день»), вследствие чего мировоззрение юного поэта отличается подчеркнутой ситуативностью и нестабильностью. Возрастные эмоционально-мировоззренческие колебания усилены неактуальностью в эмиграции готовых культурно-религиозных представлений об этике и метафизике, а также тяжелой болезнью

поэта с чередованием состояний приступа и облегчения, бреда и просветления:

Только след утихающей боли...

С каждым валом – слабей валы¹ (с. 21);

Эти странные жуткие сны...

Эти полосы бледного света... (с. 68).

В сборнике «Эта жизнь», при сохранении соразмерности лирического субъекта частному человеку, происходит существенное расширение поэтического кругозора: А. Штейгер анализирует судьбу своего поколения, пытается выявить универсальные законы бытия и сложить представление об Абсолюте. В зрелом творчестве (сборники «Неблагодарность», « $2 \times 2 = 4$ ») установка на познание окружающего мира реализуется еще полнее, однако вместе с тем получает максимальную разработку дневниковая поэтика. Дневниковость зрелым стихотворениям А. Штейгера придает предельная лаконичность, открытость начала или конца, фрагментарность синтаксиса и обилие вставных конструкций (имитирующие также поток внутренней речи и стиль черновика [Федякин 2008а]), рамочные указания на место и время написания. Однако повзрослевший поэт стремится к преодолению монологизма сознания, что проявляется в случаях совмещения внешней и внутренней точек зрения и введения «чужого слова», активном использовании такой формы экспликации лирического субъекта, как ролевой герой, множественности эпитафий и посвящений, афористичности и ироничности стиля. Элементы эго-документальной поэтики образуют органичное единство с поэтическими приемами и средствами и приобретают собственный художественный потенциал.

Методы и материалы

Материалом исследования является зрелая лирика А. Штейгера, представленная двумя последними книгами стихов – сборниками «Неблагодарность» (1936) и « $2 \times 2 = 4$ » (который был подготовлен самим поэтом, но издан лишь посмертно в 1950 г.). Именно после публикации сборника «Неблагодарность» А. Штейгер получил признание эмигрантской критики в качестве самобытного поэта, мастерски владеющего словом и сумевшего убедительно,

¹ Штейгер А. С. Этот день: избранное. М.: Престиж Бук, 2017. 480 с. Здесь и далее по тексту примеры приводятся по данному изданию с указанием страниц цитат в скобках.

в интимно-доверительной форме передать трагическое мироощущение русской молодежи².

В исследовании применяются герменевтический, структурно-семиотический и биографический методы анализа художественного текста. Последний метод в связи с доминирующей ролью автобиографизма и автопсихологизма в штейгеровской дневниковой поэзии имеет высокую актуальность.

Результаты

Дневниковость в зрелой лирике А. Штейгера присутствует, прежде всего, как принцип отбора и организации образного и речевого материала. Искренность поэтического слова считается высшей ценностью: в стихотворение попадает лишь субъективно важное, составляющее духовную жизнь поэта. Это обуславливает приоритет содержания над формой, который минимизирует необходимость художественной обработки высказывания и адаптации его для чужого восприятия вообще и наиболее ярко выражается на композиционном уровне – в неправильности строфического деления и внешней неполноте (фрагментарности) текста. Разбиение на строфы часто производится не в соответствии с изначально заданной рифмовкой, определяющей количество и порядок стихов в строфе, а исходя из смысла стихотворения. В частности, последний стих или двустихие, фиксирующие итог лирической рефлексии («обобщающая часть» [Сильман 1977: 7]), часто оформляются в виде отдельной строфы, что ведет к нарушению регулярности графического ритма, как, например, в стихотворении «Никто, как в детстве, нас не ждет внизу...». Кроме того, сама рифмовка нередко не имеет устойчивой схемы и носит случайный характер, особенно в миниатюрах, представленных одной-двумя строфами («Так от века уже повелось...»). При всем этом соблюдаются интонация, порядок слов и расстановка смысловых акцентов, характерные для живой разговорной речи (в которой рема иногда предшествует теме естественным образом, а не в результате поэтической инверсии):

*До того, как в зеленый дым
Солнце сядет, и сумрак ляжет,
Мы о лете еще твердим (с. 98).*

Ритмическая непоследовательность, асимметрия стихотворного текста (являющегося одновременно моделью мира и сознания [Лотман 1994: 50–51]) иконически отображает дисгармоничность бытия и личности поэта, указывая при этом на неадекватность традиционной правильной формы истине, открывшейся поэту в современных реалиях.

В свою очередь, фрагментарность, органичная для поэзии «парижской ноты» [Тарасова 2015] и состоящая в отсутствии начала (экспозиции, исходной ситуации) или конца (сформулированного вывода), у А. Штейгера проявляется преимущественно в плане выражения, тогда как семантически и архитектурно подобные произведения обычно завершены. С помощью намеков, в виде краткого, но меткого наброска поэт создает объемное представление о предмете рефлексии, определяющее единственно верное прочтение фрагмента. А. Штейгер апеллирует к общечеловеческому опыту, и залогом понимания его фрагментов является признание равенства с автором и присвоение лирического переживания; они не требуют творческого заполнения смысловых лакун и, следовательно, не предполагают свободы интерпретации, что позволяет говорить лишь об имитации обрывочных дневниковых записей на фоне художественной завершенности фрагментов (в «Мы верим книгам, музыке, стихам...» доверие в конечном итоге предстает как признак губительной наивности, о чем не говорится напрямую).

Для последних сборников А. Штейгера особо важна фигура Другого. Имплицитно Другой присутствует и в автокоммуникативном жанре личного дневника, единственным читателем которого является сам автор [Лотман 1996: 25–26]. Согласно М. М. Бахтину, «существенным (конститутивным) признаком высказывания является его обращенность к кому-либо, его адресованность» [Бахтин 2000: 292]. Программируемое автором «реальное целостное понимание активно-ответно и является не чем иным, как начальной подготовительной стадией ответа», причем «всякий говорящий сам является в большей или меньшей степени отвечающим», предполагая «наличие каких-то предшествующих высказываний – своих и чужих» [Там же: 260–261]. В зрелой лирике

² Адамович Г. Анатолий Штейгер: «Неблагодарность», стихи. 1936. *Последние новости*: Ежеднев. газ. Париж. 30.04.1936; Ходасевич В. «Неблагодарность». *Возрождение*: Ежеднев. газ. Париж. 28.05.1936; Червинская Л. Анатолий Штейгер. «Неблагодарность». «Числа». Париж. 1936. *Альманах общества «Круг»*. Кн. 1. Берлин: Парабола, 1936. С. 180–182.

А. Штейгера, всецело ориентированной на художественное миромоделирование, Другой уже не только присутствует имманентно, но и получает экспликацию в виде персонажа и адресата.

Жизнетворческая сверхзадача А. Штейгера, как и большинства других русских авторов-младоземigrants, заключается в интеграции в транснациональное культурное пространство межвоенной Европы [Рубинс 2017: 12] и в целом в обретении своего места в мире, что делает особенно важной для его творчества (как для поэзии, так и для прозы – рассказов «Кирпичики» (1933) и «Жид» (1934)) проблему самоопределения (см.: [Назаренко 2023]): «для молодого эмигрантского писателя небытие – это эмпирический опыт и первичный строительный материал» [Васильева 2022: 51]. Тотальная отчужденность, личностное и метафизическое одиночество рождает острую потребность в Другом, слияние с которым видится поэту гипотетически возможным в силу онтологического равенства людей. Диалогизм взрослого А. Штейгера основан на подчеркнутой интересу субъектности лирического переживания, заключающейся в установке на сочувствие читателя. В Другом поэт интересуется прежде всего сходство, а не различие с собой; поэт утверждает общезначимость своего индивидуального духовного опыта, что дает ему право рассчитывать на принятие и понимание со стороны Другого.

Помимо внутреннего подобия, людей, по мнению А. Штейгера, объединяет одинаковое положение перед лицом смерти и Бога. Смерть является финалом любого жизненного пути, поэтому смертность уравнивает людей, однако поэт уверен, что данная мысль недоступна живым, т. к. они охвачены житейской суетой (стремлением к выгоде, сохранению социального статуса, соблюдению общепринятых церемоний и ритуалов и т. п.), и не способна сблизить их. Неподобающее отношение людей к смерти продемонстрировано в цикле «Кладбище» – галерее судеб покойных и тех, кто пережил утрату близких. Бог, по А. Штейгеру, призван воплощать единый нравственный идеал, однако он трансцендентен земной реальности и непознаваем, а представление о нем всегда субъективно и сокровенно, что также препятствует единению людей. Таким образом, взаимная человеческая непроницаемость, согласно

поэту, непреодолима и неизбежно вызывает чувство вины перед Другим.

Уже в ранней лирике А. Штейгера (начиная со сборника «Эта жизнь») получает распространение такая форма экспликации лирического субъекта, как лирическое *мы*, ставшее впоследствии узнаваемой чертой стиля поэта. В частности, Л. Червинская в рецензии на книгу «Неблагодарность» отмечала: «Как многое лучшее в поэзии – стихи эти как бы за всех написаны. Неслучайно у него [Штейгера] частые и трогательные "мы", "нас"»³. Л. Червинская обратила внимание на наиболее яркий подтип этого лирического субъекта – коллективное («всеобщее» [Малкина 2023]) *мы*, за которым в творчестве А. Штейгера стоит поколение младоземigrants либо исследуемый на его примере человеческий род в целом. Наряду с коллективным *мы*, у А. Штейгера встречается и двойственное, раскладывающееся в контексте на *я* и *ты*, когда в качестве адресата высказывания выступает друг или возлюбленная. Посредством коллективного *мы* поэт обнаруживает драматизм совместного человеческого существования: при изображении от всеобщего лица индивидуальных душевных страданий, вызванных равнодушием и непониманием окружающих, снимается оппозиция *я* – *другие* и проблематизируется взаимная вина, а номинация *мы* приобретает внутренне конфликтный характер. Так, в стихотворении «Нам в этом мире все давно чужие» люди испытывают взаимное отчуждение, лишаящее глубинного смысла привычные формы вежливого бытового общения:

*Мы чьи-то жмем бессмысленные руки,
Мы говорим, смеемся. Сколько лжи
И сколько в этом настоящей муки* (с. 91).

Поэт показывает, что даже случайная встреча со Всевышним не способна гармонизировать отношения между людьми:

*Но если раз, единый только раз
Мы наяву Тебя случайно встретим –
Толпа сомкнется и разделит нас...* (с. 91).

Окружение Его толпой свидетельствует о тождестве всех частных, субъективных представлений о нравственном абсолюте, однако скопление людей становится препятствием для контакта с Богом каждого.

³ Червинская Л. Анатолий Штейгер. «Неблагодарность». «Числа». Париж. 1936. Цит. по: Штейгер А. С. Этот день: избранное. М.: Престиж Бук, 2017. С. 294.

В поздней лирике А. Штейгера получает пространство ролевой герой. Как правило, это автобиографический и автопсихологический персонаж (*он*), несущий субъективное представление поэта о Другом – равном поэту человеку или Боге. А. Штейгер конструирует персонажа по собственному образцу, превращая дневниковый самоанализ в способ познания Другого. В результате грань между Я и Другим становится предельно тонкой, что нередко способствует возникновению субъектного синкретизма, выражающегося в не подготовленной контекстом смене грамматического лица:

*Во сне и наяву, с собой наедине,
Он долгий счет ведет ошибкам и потерям.
Да, я был виноват... Да, по моей вине... (с. 146) –*

и/или разделении одной мировоззренческой позиции между лирическим героем и персонажем, как в стихотворениях «Попрыгунья стрекоза...» и «Сентябрь». Ярким примером моделирования Другого на основе результатов самопознания является стихотворение «У нас не спросят: вы грешили?», где объектом осмысления выступает Бог – Другой, принципиально трансцендентный лирическому субъекту: Ему как первоисточнику нравственного закона поэт присваивает собственную систему ценностей, согласно которой значимость человеческой жизни определяется не благочестием, а любовью: *Нас спросят лишь: любили ль вы?* (с. 96). Однако экстраполяция индивидуальной этики на метафизический уровень бытия не означает избавления поэта от чувства вины, из чего можно заключить, что Бог в данном случае олицетворяет поэтическое Сверх-Я, с точки зрения которого земная любовь так же недостойна идеала, как и с точки зрения религии:

*Не поднимая головы,
Мы скажем горько: – Да, увы,
Любили... как еще любили!.. (с. 96).*

Посредством ролевого героя поэт может изображать себя как покойника или самоубийцу: героиня ипостась обеспечивает смысловую дистанцию между объективной реальностью и художественным допущением. Внеаходимая позиция позволяет поэту проигрывать альтернативный ход событий (в стихотворении «Четыре часа утра» ирреальность ситуации самоубийства усилена хронотопом сновидения) и исследовать собственную смерть, в том числе через предполагаемую реакцию живых (см. цикл «Задрезбит на лестнице звонок...»).

Специфика осмысления А. Штейгером смерти и загробной жизни заслуживает особого внимания: загробная жизнь моделируется по образцу земной, и ожидание мертвым звона труб Апокалипсиса, возвещающих Второе пришествие Христа, уподобляется ожиданию живым смерти:

*...Пока не запоет труба,
Он обречен сносить воспоминанье... (с. 90),*

тогда как сам момент смерти приравнивается к рождению – духовному пробуждению и обретению полноты бытия, происходящему, однако, ценой утраты Я:

*Но вот последний наступает миг,
Еще страшнее этих – пробужденья (с. 117).*

Иногда ролевой герой – это результат персонификации явлений природы (Осень, Сентябрь), которые уже не только передают эмоциональное состояние поэта, но и становятся его антропоморфным воплощением, также подверженным распаду (например, Сентябрь – *самый грустный во всей семье*, пребывающий в *безнадежности и в чахотке*). Наконец, ролевой герой может сопresentствовать с лирическим в пространстве изображаемого мира, что иллюстрируют № 2–3 цикла «Бессарабия», где в образах собеседников лирического героя (мужика-сторожа и пастушка Вани) объективирована национальная специфика его характера и мировоззрения: тяготение к природе, обеспокоенность судьбой простого народа (в чем выражается верность поэта идеалам русского освободительного движения второй половины XIX в. – см. «60-е годы»), связь с народной мифологией, чуткость и пронизательность и трагическое мироощущение (предчувствие мировой катастрофы).

Другой у позднего А. Штейгера часто представлен как адресат, эксплицированный в тексте или паратексте. Местоименная форма *ты* может употребляться в значении я с целью отстраненного изображения ролевого героя и придания общезначимости его чувствам и мыслям. В качестве второго лица может выступать адресат внутреннего диалога, олицетворяющий одну из сторон лирического сознания (в стихотворении «Неужели навеки врозь?» сердце как воплощение интуиции обращается к разуму – *слепцу, калеке*). Местоимение *ты*, обозначающее условно-объективного адресата (друга, возлюбленную или Бога) и уподобляющее стихотворение посланию или молитве, свидетельствует

о направленности интенций поэта во внешний мир. Многие стихотворения имеют лирические эпиграфы (авторства классиков Ф. Тютчева, И. Анненского, современника-эмигранта Р. Ивнева) или посвящения – друзьям и знакомым (В. Волкову, Ю. Коровину, Е. Н. Демидовой и др.), творческому наставнику и корреспонденту М. Цветаевой: проявленность адресата на уровне паратекста превращает стихотворение в реплику личного и / или творческого диалога [Лидина 2010; Налегач 2010; Проскурина, Проскурина-Янович 2021].

Также диалогичность зрелой лирики А. Штейгера выражается в двух регулярно используемых приемах. Первый из них – контрастная стыковка двух точек зрения, внешней (с которой поэт, как правило, не солидарен ввиду ее прагматизма и скептицизма в отношении духовной жизни) и внутренней:

...Эти звуки

Мир не наш <т. з. 1>. Не настоящий.

Что тянуть к ним праздно руки? <т. з. 2>
(с. 134);

Первый чуть пожелтевший лист <т. з. 1>
(Еле желтый – не позолота) <т. з. 2> (с. 81).

Второй прием диалогизации – включение «чужого слова», выделяемого посредством кавычек:

Всё отдано, что можно отдавать,
«Но никогда не надо унывать» (с. 98);
Шампанское. «Пей до дна» (с. 85).

Благодаря данным приемам поэтическая речь встраивается в контекст полифонического бытового общения, что обеспечивает адекватное самоопределение поэта в его человеческой ипостаси.

Специфику штейгеровского диалогизма можно рассмотреть на примере стихотворения «Попрыгунья стрекоза...», в котором присутствует ролевой герой и содержится аллюзия на басню И. А. Крылова. Интерес взрослого поэта к жанру басни с присущей ему моралью обусловлен стремлением прийти к окончательным выводам о законах мироустройства и месте человека в мире. Цитирование баснописца – пример введения «чужого слова», делающего стихотворение репликой в диалоге с русской классикой и вписывающего поэта-эмигранта в отечественную традицию. А. Штейгер разделяет мысль И. А. Крылова о бесчеловечности прагматизма (Муравей), себя же поэт узнает в Стрекозе, чьи витальность и легкомыслие, по его мнению, необходимы для творчества (смена *летнего пения*

сорванным голосом означает утрату поэтического дара). Переосмыслен и хронотоп басни: осень как символ переходности отражает положение тяжелобольного поэта между жизнью и смертью. При этом она становится ролевым героем и встраивается в ассоциативный ряд *Стрекоза – лирический герой – Осень*. Между ролевым героем и Осенью возникает субъектный синкретизм. Изначально Осень, воплощающая близкую смерть, занимает по отношению к Я внешнюю позицию: *Осень стала у ворот* (с. 80). Однако переживания Стрекозы, передаваемые поэтом от первого лица, впоследствии присваиваются и Осени:

Кое-кто ей подает...

(Никогда он не поймет

Этой нежности и боли.) (с. 80),

что заставляет сочувствовать ей как равному Другому. Субъектный синкретизм сопровождается диффузией внутреннего и внешнего пространств: с одной стороны, Осень (болезнь и смерть) приходит к поэту извне, с другой – объективирует его материально-телесную ипостась, состоящую в конфликте с духовным началом. Создается неопределенность границ личности: смерть для нее одновременно имманентна (человек как единство души и тела) и трансцендентна (Я – душа, но не тело). В финальной строфе Осень полностью сливается с ролевым героем, уподобляясь нищему у паперти:

Неумыта – неодета

Осень стала у крыльца (с. 80).

Крыльцо символизирует границу между настоящим и будущим, при этом образ скорой смерти сочетается с имплицитным образом церкви как Божьего дома: смерть и Бог объединяются по признаку неизвестности, внушая обреченному поэту страх и слабую надежду на Спасение.

Названия двух последних книг А. Штейгера – «Неблагодарность» и « $2 \times 2 = 4$ » – прямо противоположны их содержанию, что является проявлением авторской иронии по отношению к самому себе и своему высказыванию и фиксирует подъем лирического сознания на более высокую ступень рефлексии, нежели представлена в текстах. Это отвечает общему пафосу зрелой лирики, направленной на опровержение устоявшейся картины мира – как социально-бытовой, так и художественной – и выход к универсальной истине о бытии.

В сборнике «Неблагодарность» поэт демонстрирует безотрадность и обреченность земного существования, протекающего в разрыве с Богом как высшей духовно-нравственной инстанцией. Если в стихах поэт полемически или диалогически развивает какой-либо один аспект образа Бога (карающий Судья, милосердный Отец, Провидение), утверждая, что подлинное онтологическое знание неутешительно:

*И правду всю увидишь без прикрас
И жизнь – какой она на самом деле... (с. 94),*

а трансцендентные первоначала этики недоступны:

*Ты осудишь. Мы не виноваты.
Мы боролись и не шли к греху. <...>
Мы несчастны. Очень. Боже, Боже,
Отчего Ты с нами не добрей... (с. 82),*

то на уровне метарефлексии поэт рассматривает Бога целостно – как Творца, дарующего жизнь, а значит, несущего в мир абсолютное благо и заслуживающего благодарности и почтения, так что любые сетования на Него превращаются в клевету, а вина за несовершенство мира ложится на плечи самого поэта-человека.

Итоговая книга стихов « $2 \times 2 = 4$ » отмечена стремлением поэта сложить рационально-позитивистское представление о бытии путем сведения жизненного многообразия к простым математическим моделям и формулам (см.: [Сараева 2014]). В частности, заглавное равенство выражает невозможность в земном мире счастья как высшего состояния души, по своей природе нематериальной и иррациональной (см. стихотворение «За 30 лет, прожитых в этом мире...»). Однако в последнем стихотворении («Можно пожать равнодушно плечом...»), находящемся в сильной позиции и играющем роль смыслового завершения как книги, так и творческого пути А. Штейгера, поэт окончательно признает свою неспособность постигнуть логику судьбы и метафизические основы мироустройства; непонимание, с одной стороны, заставляет смириться с ограниченностью человеческого сознания, но с другой – оставляет место надежде:

*Разум, увы, здесь не будет ключом.
Жизнь точно сон... Не понять в пересказе.
Что-то... О чем-то. Но только о чем?
И не всегда о какой-нибудь грязи (с. 156).*

Мироощущение взрослого А. Штейгера не исчерпывается пессимизмом, доминирующим в последних книгах и часто подчеркиваемым горькой иронией: поэт запечатлевает не только уныние и отчаяние, но и светлые моменты внутренней биографии; стихотворения такого рода немногочисленны и на первый взгляд не вписываются в общий эмоционально-философский контекст сборников. Счастье у А. Штейгера приравнивается к чуду [Там же], которое, в свою очередь, заключается в контакте с трансцендентной божественной сферой, корректирующем господствующее в мировоззрении поэта представление о жизни как движении к смерти, череде утрат и безотрадному одиноком существовании в отсутствии смысла и идеала, сформированное исходя из эмпирического опыта. Ассоциативный ряд *счастье – чудо – Бог*, укрепившийся уже в ранней лирике, по-прежнему дополняется любовью в ее идеальном, духовном виде (немаловажна часто связанная с чудом ситуация встречи, в которой сливаются объект любви и объект религиозного поклонения), требующей от поэта готовности к самопожертвованию – не только к отказу от физического обладания, но и к смирению с разлукой:

*Лишь об одном молюсь и день и ночь: живи,
А где и для кого – тебе уже виднее... (с. 155).*

С чудом счастье ассоциировано не случайно – оно, с точки зрения поэта, всегда ирреально: либо непосредственно имеет чудесную природу (однократно, кратковременно) и омрачает, лишает смысла последующую обыденную жизнь:

*Он [переживший чудо] ест и пьет –
но как безвкусен хлеб...
Вино совсем не утоляет жажды.
Он глух и слеп... (с. 116);*

либо существует только в мире воспоминаний:

*В прошлом были эти шесть недель,
Что мы в Ницце проводили вместе (с. 154);*

либо фальшиво:

*Счастья нет. Ну что ж... С подложным
Очевидно, жить придется (с. 134);*

либо невозможно в чистом виде и предполагает компромисс – довольство имеющимся и его переоценку:

*Конечно, счастье только в малом...
«Нам нужен мир». Не нужен. Ложь (с. 120);*

или последующую расплату:

*Всегда платить за всё. За всё платить сполна.
И в этот раз опять я заплачу, конечно...* (с. 132).

Обобщая, можно сделать вывод, что счастьем и чудом в зрелой лирике А. Штейгера является выход к Другому – человеку или Богу, объективная невозможность которого обуславливает драматизм поэтического мирозерцания.

Таким образом, в штейгеровской безрадостной картине мира есть место счастью, однако, будучи событием субъективного плана и имея ирреальный и спорадический характер в противовес размеренному течению духовно нищей повседневной жизни, оно только усугубляет конфликт между внутренним и внешним пространствами [Кочеткова 2010], который является определяющим для лирики А. Штейгера как поэта-младоземigrанта, нацеленного на интеграцию в окружающую действительность. В данном контексте очевидна классическая для русской традиции проблема взаимодействия поэта с «невыразимым», которую А. Штейгер решает в соответствии с культурно-историческими реалиями своей эпохи, своими нравственно-философскими воззрениями и психологическими особенностями. Характерной чертой многих стихотворений о счастье и чуде является неопределенность предмета рефлексии: поэт ограничивается намеками на пережитое событие:

*Как вдруг случилось то, что вдруг случилось...
О чем года и день и ночь Творцу
Молилось сердце. Как оно молилось...* (с. 119) –

либо вовсе не касается сущности происшедшего. Согласно А. Штейгеру, кульминация духовной жизни личности, абсолютизируемая и задающая ценностную вертикаль при эгоцентрическом дневниковом мировосприятии, не поддается словесному выражению:

*...это трудно в слова облечь,
Чтоб увидели, полюбили...* (с. 102), –

что становится причиной страданий поэта, считающего наличие общего идеала необходимым условием межличностного и культурного диалога.

Заинтересованность А. Штейгера в установлении контакта с внешним миром во многом является свойством его натуры. По воспоминаниям многих современников, в том числе сестры А. Головиной,

А. Штейгер был человеком «одновременно замкнутым и общительным», у него «было мало близких друзей, но принимали его повсюду, и дружил он с людьми всякого звания и национальности»⁴. В литературном быту А. Штейгеру также была чужда обособленность: с момента появления на литературной арене он испытывает сильную потребность в старших авторитетах и наставниках, какими для него в разное время являлись Г. Адамович, М. Цветаева, З. Гиппиус, Н. Осоргин. Примечателен и тот факт, что в преддверии Второй мировой войны А. Штейгер занимался написанием антифашистских листовок, ощущая себя субъектом политики и истории. Экстравертность и социализованность поэта закономерно накладывают отпечаток на автопсихологическое эго-документальное творчество, в результате чего оно включается в дискурс ответственности, культивируемый в диалогической эстетике неотрадиционализма (акмеизма), противостоящей авангарду со свойственным ему самоутверждением художника за счет подавления чужого Я [Тюпа 2018: 55–58, 125–131].

Всё вышеперечисленное объясняет особое внимание А. Штейгера к слову, будь то слово поэтическое или бытовое: адекватная вербальная передача душевного опыта является залогом ответного понимания, обеспечивающего интеграцию поэта в общество и культуру. В эмиграции в период межвоенных десятилетий русская поэзия переживает кризис, связанный с дегуманизацией искусства и сокращением читательской аудитории. Данный кризис был вызван последствиями масштабных социально-исторических катаклизмов (Первая мировая война, падение царской России), пребыванием в транснациональном культурном пространстве, индустриализацией производства, стремительным развитием массового искусства, бедностью творческой интеллигенции, вынужденной посвящать большую часть времени физическому труду, и т. д. [Рубинс 2017: 299–302]. Под действием этих факторов поэзия утратила идеологическую значимость и отошла на периферию общественной жизни, поэт лишился статуса пророка, а духовные ценности стали необязательными. Ср.:

*Но дружба есть, на самом деле есть,
И нежность есть, стыдливая, мужская...
Не долг, а честь, особенная честь,
Напомнить это, глаз не опуская* (с. 133).

⁴ Головина А. Биографическая заметка об А. Штейгере. Цит. по: Штейгер А. С. Этот день: избранное. М.: Престиж Бук, 2017. С. 6.

В лирике А. Штейгера данная социокультурная ситуация отразилась в проблематизации роли слова как художественного материала и знака вообще: для поэта актуален мотив «опустошенного» слова [Налегач 2011], маскирующего жестокою реальность и неспособного воплотить поэтическую истину. Имеющиеся культурные средства не позволяют поэту объективировать высший смысл жизни – любовь, – открывшийся ему в ходе дневникового самоанализа, что делает любовь бессильной в деле сплочения человечества, а бытовая речь, связанная с духовно дискредитированными ритуалами общения и, как следствие, шаблонная, не позволяет передать подлинные чувства и мысли, из-за чего опровергается в стихах:

*Всё отдано, что можно отдавать,
«Но никогда не надо унывать».
(Придя домой, скорей ничком в кровать,
И пусть уж только ничего не снится.) (с. 98).*

Художественная речь, литература как искусство ради искусства, неправдоподобно преобразующая жестокою реальность, а значит, оторванная от нее, расценивается поэтом исключительно как препятствие на пути к истине:

*Не до стихов... Здесь слишком много слез,
В безумном и несчастном мире этом. <...>
Здесь должен прозой говорить всерьез
Тот, кто дерзнул назвать себя поэтом (с. 153);
Не получая писем, сколько раз
Мы сочиняли (в самоутешенье...?)
Наивно-драматический рассказ
Про пистолет, болезнь или крушение... (с. 87).*

Сознавая невозможность участвовать посредством языка в духовном диалоге и не имея внешнего подтверждения своему субъективному представлению об Абсолюте, поэт становится заложником эмпиризма, разуверяется в силе умозрения и невольно провозглашает примат материи:

*Самое мучительное – опыт...
Он один нам все-таки не лжет (с. 139);
Ничего «на следующий день»,
Ничего «на завтра» – всё сейчас же (с. 143);
С меня довольно знать, что ты живешь на свете.
А нежность и все то, что в ней и что над ней,
Привыкла ничего не ждать за годы эти (с. 155).*

А. Штейгер разделяет каноническое для русской поэзии убеждение в жертвенном характере

творчества (впрочем, высказываемое под знаком сомнения: *Или требуют десять строк / Столько времени, сил, отваги?* (с. 122)), подразумевающее, что трагизм личной жизни становится платой за бессмертие, однако поэт уверен, что творчество, духовный потенциал которого ограничен жизненным опытом автора, неспособного к трансценденции, так и не попадет в культурный универсум и умрет вместе с ним:

*Мы, уходя, большой костер разложим
Из писем, фотографий, дневника.
Пускай горят...
Пусть станет сад похожим
На крематориум издалека (с. 101).*

Таким образом, на примере зрелой лирики А. Штейгера можно говорить об актуальности для авторов «парижской ноты» (стремящихся к «последней простоте» при невозможности достигнуть «последней правды» в изменившемся мире [Федякин 2008b]) концепта творческой неудачи, разработка которого, особенно с учетом сегодняшнего читательского и научного интереса к наследию «незамеченного поколения», может рассматриваться как способ достижения успеха на литературной арене [Каспэ 2005: 82–83].

Заключение

На раннем этапе дневниковая эстетика была необходима А. Штейгеру как способ самопознания и самоопределения в жизни и литературе: излагая в стихах результаты наблюдения за своей психологией, юный поэт осуществляет творческую автокоммуникацию, в ходе которой у него формируются идеалы и ценностные ориентиры, кристаллизуется представление о добре и зле. Эгоцентризм мировосприятия и монолизм сознания позволяют поэту-младоземгранту сформировать уникальную нравственно-философскую позицию в условиях идеологического кризиса и преодолеть инерцию поэтических канонов Серебряного века. В результате, очертив круг актуальных проблем и выработав адекватный арсенал поэтических средств, А. Штейгер становится полноправным субъектом своего слова, что позволяет ему не просто приобщиться к отечественной литературе минувшей эпохи, но и установить с ней диалогические отношения от лица представителя «незамеченного поколения», тем самым сохранив ее жизнеспособность в новой социокультурной ситуации. Однако по окончании периода нравственного

и творческого взросления монолизм дневниковой лирики ставит под угрозу свободу автора, испытывающего интерес к внешнему миру и нуждающегося в личностной и культурной коммуникации. Поэтому в зрелой лирике наблюдается децентрация сознания, поэт нацелен на исследование общезначимого – онтологических и метафизических основ бытия, закономерностей судьбы и человеческой сущности. При этом познание трансцендентного (в том числе Другого) реализуется путем экстраполяции на предмет автобиографического и автопсихологического знания, ввиду чего на первый план выходит такое родовое свойство лирики, как интерессубъектность. Дневниковая оптика, таким

образом, становится основополагающим принципом художественного миромоделирования, тогда как дневниковая поэтика, достигшая пика своего развития, воплощает особый метод отбора эмпирического материала и представлена совокупностью приемов его организации.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Арьев А. Ю. «Великолепный мрак чужого сада»: Царское Село в русской поэтической традиции и «Царско-сельская ода» Ахматовой. *Звезда*. 1999. № 6. С. 220–238. [Aryev A. Yu. The Magnificent Darkness of Someone Else's Garden: Tsarskoye Selo in the Russian Poetic Tradition and Akhmatova's Tsarskoye Selo Ode. *Zvezda*, 1999, (6): 220–238. (In Russ.)]
- Бахтин М. М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. 336 с. [Bakhtin M. M. *Author and hero. To the philosophical foundations of the Humanities*. St. Petersburg: Azbuka, 2000, 336. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yfjfrt>
- Васильева М. А. «Незамеченное поколение» русской эмиграции: поиски своего места в мире. *Феномен поколений в русской и венгерской литературной практике XX–XXI веков*, ред. Ю. В. Матвеева, Д. В. Спиридонов. Екатеринбург: Урал. ун-т; СПб.: Алетейя, 2022. С. 38–56. [Vasilieva M. A. The "unnoticed generation" of Russian emigration: Searching for their place in the world. *The phenomenon of generations in Russian and Hungarian literature in the 20th and 21st centuries*. Ekaterinburg: Ural University; St. Peterburg: Aleteia, 2022, 38–56. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qhuxfx>
- Гриневич О. А. Царскосельский текст в русской поэзии: структура и динамика. *Urbis et Orbis. Микростория и семиотика города*. 2021. № 1. С. 77–90. [Grinevich O. A. Tsarskoye Selo text in Russian Poetry: Structure and dynamics. *Urbis et Orbis. Microhistory and Semiotics of the City*, 2021, (1): 77–90. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/iioslw>
- Егоров О. Г. Русский литературный дневник XIX века: история и теория жанра: исследование. М.: ФЛИНТА, 2022. 280 с. [Egorov O. G. *Russian literary diary in the 19th century: History and theory of the genre: Research*. Moscow: FLINTA, 2022, 280. (In Russ.)]
- Каспэ И. М. Искусство отсутствовать: Незамеченное поколение русской литературы. М.: НЛО, 2005. 192 с. [Kaspe I. M. *The art of absence: The unnoticed generation of Russian literature*. Moscow: NLO, 2005, 192. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qrxjnv>
- Коростелев О. А. От Адамовича до Цветаевой: литература, критика, печать Русского зарубежья. СПб.: Изд-во им. Н. И. Новикова, 2013. 492 с. [Korostelev O. A. *From Adamovich to Tsvetaeva: Literature, criticism, printing Russian abroad*. St. Petersburg: Izd-vo im. N. I. Novikova, 2013, 492. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qzdfbj>
- Кочеткова О. С. Проблема внутреннего и внешнего пространства в судьбе и творчестве А. С. Штейгера. *Вестник Московского университета. Серия 9: Филология*. 2010. № 2. С. 81–94. [Kochetkova O. S. The problem of the poet's external and internal existence in A. S. Shteiger's fate and creative work. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, 2010, (2): 81–94. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/motgkn>
- Лидина А. А. Концепт «сон» в творческом взаимоотношении М. Цветаевой и А. Штейгера. *Педагогическое образование и наука*. 2010. № 7. С. 32–35. [Lidina A. A. The dream concept in creative mutual relations of M. Tsvetaeva and A. Shteiger. *Pedagogical education and science*, 2010, (7): 32–35. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/myfgko>

- Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Яз. рус. культуры, 1996. 464 с. [Lotman Yu. M. *Inside the thinking worlds. Human – Text – Semiosphere – History*. Moscow: Iaz. rus. kultura, 1996, 464. (In Russ.)]
- Лотман Ю. М. Лекции по структуральной поэтике. Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа, сост. А. Д. Кошелев. М.: Гнозис, 1994. С. 17–245. [Lotman Yu. M. Lectures on structural poetics. Yu. M. Lotman and the Tartu-Moscow semiotic school, comp. Koshelev A. D. Moscow: Gnosis, 1994, 17–245. (In Russ.)]
- Малкина В. Я. Типология лирических субъектов. *Новый филологический вестник*. 2023. № 4. С. 20–31. [Malkina V. Ya. Typology of lyrical subjects. *Novyi filologicheskii vestnik*, 2023, (4): 20–31. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nriajl>
- Назаренко И. И. Кризис самоидентичности в сюжетах прозы младоэмигрантов: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2023. 345 с. [Nazarenko I. I. *Crisis of self-identity in the plots of prose by young migrants*. Cand. Philol. Sci. Diss. Tomsk, 2023, 345. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/etmztm>
- Налегач Н. В. Анна Ахматова и «парижская нота»: к вопросу о поэтическом влиянии. *Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки*. 2019. Т. 21. № 3. С. 24–35. [Nalegach N. V. Anna Akhmatova and the Paris Note: On the issue of poetic influence. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 2019, 21(3): 24–35. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15826/izv2.2019.21.3.044>
- Налегач Н. В. Мотив «опустошенного» слова в лирике И. Анненского и его развитие в поэзии постсимволизма. *Известия Уральского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки*. 2011. № 1. С. 104–111. [Nalegach N. V. The exhausted word motif in I. Annensky's lyric poetry and development thereof in post-symbolist poetry. *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 2011, (1): 104–111. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nybjbb>
- Налегач Н. В. Поэтический диалог А. Штейгера с И. Анненским в итоговой книге «2 × 2 = 4. Стихи 1926–1939». *Вестник Новгородского государственного университета*. 2010. № 56. С. 48–52. [Nalegach N. V. Poetic dialogue of A. Shteiger with I. Annensky in his last book of poetry 2 × 2 = 4. Poems 1926–1939. *Vestnik NovGU*, 2010, (56): 48–52. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rowkvf>
- Проскурина Е. Н., Проскурина-Янович П. В. Марина Цветаева и Анатолий Штейгер: роман в письмах (попытка реконструкции). *Критика и семиотика*. 2021. № 1. С. 298–315. [Proskurina E. N., Proskurina-Yanovich P. V. Marina Tsvetaeva and Anatoly Shteiger: A novel in letters (reconstruction attempt). *Critique & Semiotics*, 2021, (1): 298–315. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25205/2307-1737-2021-1-298-315>
- Ратников К. В. «Парижская нота» в поэзии русского зарубежья. Челябинск: ЧелГУ, 1998. 162 с. [Ratnikov K. V. *Parisian Note in the poetry of the Russian diaspora*. Chelyabinsk: ChelSU, 1998, 162. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qzberb>
- Рубинс М. О. Русский Монпарнас. Парижская проза 1920–1930-х годов в контексте транснационального модернизма. М.: НЛО, 2017. 328 с. [Rubins M. O. *Russian Montparnasse. Parisian prose of the 1920s–1930s in the context of Transnational Modernism*. Moscow: NLO, 2017, 328. (In Russ.)]
- Сараева Т. В. Мотив чуда в лирике А. Штейгера. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2014. № 1-2. С. 164–167. [Saraeva T. V. Motive of the miracle in A. Shteiger's lyrics. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, (1-2): 164–167. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/satjwv>
- Сильман Т. И. Заметки о лирике. Л.: Сов. писатель. Ленингр. отд-ние, 1977. 223 с. [Silman T. I. *Notes on lyrics*. Leningrad: Sov. pisatel. Leningr. otd-nie, 1977, 223. (In Russ.)]
- Тарасова И. А. Жанр фрагмента в поэзии «Парижской ноты». *Жанры речи*. 2015. № 1. С. 111–116. [Tarasova I. A. The genre of the fragment in the poetry of the Paris Note. *Zanry Reci*, 2015, (1): 111–116. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uawiep>
- Тюпа В. И. Литература и ментальность. М.: Юрайт, 2018. 231 с. [Tyupa V. I. *Literature and mentality*. Moscow: Iurait, 2018, 231. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zftfor>
- Федякин С. Р. «Розановское наследие» и явление «парижской ноты». *Литературоведческий журнал*. 2008а. № 22. С. 51–111. [Fedyakin S. R. Rozanov's legacy and the phenomenon of Parisian Note. *Literaturovedcheskii zhurnal*, 2008a, (22): 51–111. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jjpmmh>

- Федякин С. Р. Послесловие к «парижской ноте». *Литературоведческий журнал*. 2008b. № 22. С. 112–122. [Fedyakin S. R. Afterword to Parisian Note. *Literaturovedcheskii zhurnal*, 2008b, (22): 112–122. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jjpmmr>
- Хадынская А. А. Акмеистические традиции в лирике А. Штейгера. *Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки*. 2016. Т. 18. № 4. С. 38–54. [Khadynskaya A. A. Acmeist traditions in A. Shteiger's lyrical poetry. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 2016, 18(4): 38–54. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xhpztz>
- Чагин А. И. Горизонты прекрасной ясности. Акмеизм, петербургская школа в 1920–1930-е гг. М.: ИМЛИ РАН, 2021. 320 с. [Chagin A. I. *Horizons of Beautiful Clarity. Acmeism and the St. Petersburg School in the 1920s–1930s*. Moscow: IMLI RAN, 2021, 320. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mbqsdx>
- Чагин А. И. Пути и лица: о русской литературе XX в. М.: ИМЛИ РАН, 2008. 600 с. [Chagin A. I. *Paths and Faces: Russian literature of the 20th century*. Moscow: IMLI RAN, 2008, 600. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qttoxh>
- Яковлева Н. А. «Человеческий документ»: история одного понятия. Helsinki: Helsinki University Print, 2012. 206 с. [Iakovleva N. A. *Human Document: The history of one concept*. Helsinki: Helsinki University Print, 2012, 206. (In Russ.)]
- Rubins M. The diasporic canon of Russian poetry: The case of the Paris Note. *Twentieth-Century Russian Poetry: Reinventing the Canon*, eds. Hodgson K., Shelton J., Smith A. Cambridge, UK: Open Book Publishers, 2017, 289–328. <https://doi.org/10.11647/OBP.0076.10>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/dxdnwt>

Образ коня в лирике Таяны Тудегешевой: семантико-стилистический анализ (на материале сборника «Небесный полет девятиглазых стрел»)

Пушкарева Ирина Алексеевна

Кузбасский гуманитарно-педагогический институт Кемеровского государственного университета, Россия, Новокузнецк

eLibrary Author SPIN: 6918-1060

<http://orcid.org/0000-0003-2161-4039>

Scopus Author ID: 57196727270

Irina_Pushkareva2016@mail.ru

Пушкарева Юлия Евгеньевна

Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы

при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

eLibrary Author SPIN: 6127-5479

<http://orcid.org/0009-0008-4592-8001>

Scopus Author ID: 57225222482

Аннотация: Возросший интерес к региональной литературе, вопросам этнической самоидентификации и сохранения культурной памяти малых народов России обусловил актуальность данного исследования. Цель – выявить семантико-стилистические особенности воплощения образа коня как одного из значимых анималистических образов культуры на материале творчества малоизученного шорского поэта Т. В. Тудегешевой. Его ключевая роль в лирике Т. В. Тудегешевой прослеживается на материале второго поэтического сборника – «Небесный полет девятиглазых стрел» (Кемерово, 2007). Методом сплошной выборки выявлены тексты, в лексическую структуру которых включен рассматриваемый образ. Он эксплицирован в 15 из 110 русскоязычных стихотворений сборника, встречается в каждой из пяти композиционных частей. Смысловая нагрузка образа коня определяется ассоциативной сопряженностью с ключевыми для идиостиля Т. В. Тудегешевой образами стрел и всадника. Контекстологический стилистический анализ позволил охарактеризовать эксплицитные и имплицитные смыслы, связанные с образом коня, который соотносится с темами судьбы шорского народа и других тюркских народов, войны и смерти, ностальгии и воспоминаний о прошлом, любви, творчества, смысла жизни и сущности человека, семьи. Чаще всего конь становится символом силы, воли, стремительного движения к цели, свободы. Образ коня реализуется в разных регистрах: как часть исторического героического эпоса, как психологическая и автопсихологическая деталь, как компонент философских размышлений о природе, смерти и времени, как мистико-магический, мифологический образ.

Ключевые слова: семантико-стилистический анализ, идиостиль, анималистические образы в литературе, образ коня, шорская литература, Таяна Тудегешева

Цитирование: Пушкарева И. А., Пушкарева Ю. Е. Образ коня в лирике Таяны Тудегешевой: семантико-стилистический анализ (на материале сборника «Небесный полет девятиглазых стрел»). *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 4. С. 748–759. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-4-748-759>

Поступила в редакцию 30.05.2025. Принята после рецензирования 25.07.2025. Принята в печать 28.07.2025.

full article

Equine Image in Tayana Tudegesheva's Collection of Verses *Sky Flight of Nine-Eyed Arrows: Semantic and Stylistic Analysis*

Irina A. Pushkareva

Kuzbass Humanitarian Pedagogical Institute of the Kemerovo State

University, Russia, Novokuznetsk

eLibrary Author SPIN: 6918-1060

<http://orcid.org/0000-0003-2161-4039>

Scopus Author ID: 57196727270

Irina_Pushkareva2016@mail.ru

Yulia E. Pushkareva

North-West Institute of Management – Branch of the Russian

Presidential Academy of National Economy and Public Administration,

Russia, St. Petersburg

eLibrary Author SPIN: 6127-5479

<http://orcid.org/0009-0008-4592-8001>

Scopus Author ID: 57225222482

Abstract: As the matters of ethnic self-identity and cultural heritage of indigenous peoples grow in relevance, they trigger scientific interest to ethnic literature. This article focuses on the poetic image of a horse in the verses by the Shorian poet Tatyana Tudegesheva. This animalistic image is inherent to the culture of the Shors, a small-numbered ingenious people from the south of the Kemerovo Region. Her second collection of Russian-language verses *Sky Flight of Nine-Eyed Arrows* (2007) focuses on the equine image, which appears in 15 from 110 poems across all five parts of the book. It accompanies the images of arrows and riders, which are typical of Tudegesheva's idiostyle. According to the contextual stylistic analysis, the equine image contains the following explicit and implicit senses: destiny of the Shors and other Turkic peoples, war and death, nostalgia and memories of the past, love, creative writing, sense of life, human nature, family. A horse symbolizes power, will, rapid movement towards a set goal, and freedom. The equine image develops in various registers: as a part of historical heroic epos; as a psychological and autopsychological detail; as a philosophical reflection to nature, death, and time; as a mystical, magical, and mythological image.

Keywords: semantic and stylistic analysis, idiostyle, animalistic images in literature, equine image, Shorian literature, Tayana Tudegesheva

Citation: Pushkareva I. A., Pushkareva Yu. E. Equine Image in Tayana Tudegesheva's Collection of Verses *Sky Flight of Nine-Eyed Arrows: Semantic and Stylistic Analysis*. *SibScript*, 2025, 27(4): 748–759. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-4-748-759>

Received 30 May 2025. Accepted after peer review 25 Jul 2025. Accepted for publication 28 Jul 2025.

Введение

Специфика литературы Кузбасса во многом определяется поликультурностью региона, в том числе отражением в словесном творчестве мировоззрения коренного малочисленного народа – шорцев. Одно из ярких имен шорской литературы – Таяна Васильевна Тудегешева (1957–2022), автор пяти поэтических сборников, член Союза писателей России с 1999 г. Ее творчество представлено во вступительной статье к сборнику [Переяслов 2007], в литературоведческих и методических работах новокузнецких филологов [Косточаков 2020; Сазыкин 2021a; 2021b], в антологии современной литературы Кузбасса

«Современная литература Кузбасса»¹ и нуждается в дальнейшем изучении языка и стиля как отражения этнического сознания шорцев и индивидуальной творческой манеры.

Воссоздавая мир Горной Шории – своей родной земли, Таяна Тудегешева постоянно обращается к образам природы. Солнце, луна, ветер, степь, горы, беркуты, иволги, волки, рыси – природные образы наполняют всю ее поэзию, представая то в реалистическом ключе, то в психологическом и автоспсихологическом (например, *тюркская волчица с узкими глазами* или *Мать-волчица*, являющаяся героине во сне

¹ Классика земли Кузнецкой. Т. 3. Современная литература Кузбасса. Кн. 1. Поэзия, сост. Б. В. Бурмистров, С. Л. Донбай, Г. И. Карпова. Кемерово: Кузбасский центр искусств, 2022. С. 344–387.

в стихотворении «Лунными ночами»²). Часто природные образы вплетаются в фольклорные мотивы, в переосмысление шорской мифологии – соседствуют с образом шамана или шаманки, вписываются в описание языческих праздников и ритуалов (например, воскурение в честь духов в стихотворении «В праздник Духа Матери Огня...»). Стихии, пейзажи, образы домашних и диких животных становятся неотъемлемыми элементами мирообраза древнего народа, культуру которого пытается сохранить лирическая героиня Т. В. Тудегешевой. «Сфера переживания лирической героини ограничивается только и прежде всего природой. Только природа достойна внимания и переживания. Потому что природа – живая. Живая, как и человек. Город, хоть и является местом проживания человека, принципиально не входит в переживания и даже в зону внимания. Словно города нет вовсе, нет такой много значащей для других поэтов городской составляющей нашей современности, а есть только одна природа, живая природа, вековая природа, природа, многое могущая (в представлениях и ощущениях лирической героини)» [Косточаков 2020: 267]. Особое место в ее поэзии занимает образ коня.

С древнейших времен образ коня был важен для человека. Так, изображение лошади является самым распространенным (313 из 986) в наскальной живописи франко-кантабрийского района эпохи верхнего палеолита [Топоров 1987: 444]; конь (лошадь) «играет важную роль во многих мифологических системах Евразии» [Иванов 1987: 666]. образу коня в верованиях и фольклоре народов Саяно-Алтая посвящены как классические [Потапов 1977], так и современные исследования [Арчимеева 2024; Бакчиев 2021; Мендешева 2008]. При анализе образа коня в культуре разных народов продуктивно используется сопоставительный подход [Потапова, Жанерке 2023]. Материалом для филологического анализа становится прежде всего эпос, однако исследователи обращаются и к паремиологическому фонду (например, при исследовании мифологических истоков образа коня в культуре тюркских народов [Яруллина 2022]), особое внимание уделяется

образу коня в русской литературе³ [Охлопкова 2016; Чжан 2015; Шаряфетдинов 2018].

Цель – выявить семантико-стилистические особенности воплощения образа коня как одного из значимых анималистических образов культуры на материале творчества малоизученного шорского поэта Т. В. Тудегешевой.

Методы и материалы

Материалом для анализа является сборник «Небесный полет девятиглазых стрел» (Кемерово, 2007). Методом сплошной выборки было выявлено 15 из 110 русскоязычных стихотворений сборника, в которых представлены лексические репрезентанты образа коня. Он встречается в каждой из пяти композиционных частей: «Сквозь столетий туман» («Успокойся мой друг...»), «Род Аба», «На курганных вершинах», «В горных изломах снежных вершин...», «Тюрки»), «Думы-караваны» («Абинская степь», «Поздно», «Жизнь, хлестнув, научила», «Лихой наездницей тебе судил стать Бог...», «Несгибаемый бег скакуна», «Воспоминания о Стамбуле»), «Листва времен» («Сыновья»), «Нежность ветвей» («Что ты смотришь грустными глазами?...»), «Вороних торопили коней...»), «Откровения шаманки» («Возвращение шамана»).

За основу семантико-стилистического анализа примем концепцию художественно-образной речевой конкретизации М. Н. Кожинной [Кожина 2011] и концепцию лексической структуры поэтического текста Н. С. Болотновой [Болотнова 1994; 2019]. Семантико-стилистический анализ контекстов был выполнен в соответствии с классической концепцией лингвистического толкования стихотворений Л. В. Щербы, который видел его основу в «разыскании тончайших смысловых нюансов отдельных выразительных элементов русского языка» и подчеркивал неизбежность субъективного начала в семантических наблюдениях за художественным текстом [Щерба 1957: 26–28]. Статья продолжает цикл исследований, содержащих результаты семантико-стилистического анализа ключевых образов региональной литературы [Пушкарева, Пушкарева 2024a; 2024b].

² Тудегешева-Каныштарова Т. Небесный полет девятиглазых стрел: сборник стихов. Кемерово: ИПП «Кузбасс», 2007. 192 с. Здесь и далее тексту примеры приводятся по данному изданию с указанием страниц цитат в скобках.

³ Астахов В. И. «А кони, кони!» (об одном общем мотиве в произведениях А. С. Пушкина и С. А. Есенина). Государственный музей-заповедник С. А. Есенина. URL: <https://www.museum-esenin.ru/specialistam/izdaniya/publikacii-sotrudnikov-gmz-s.a.-esenina-2014-god/1> (дата обращения: 26.05.2025).

Результаты

Смысловое развертывание образа коня в сборнике осуществляется в трех основных направлениях: этническом, философском и автопсихологическом, нередко они представлены во взаимопроникновении. Этническое направление связано с осмыслением судьбы шорского народа. Т. В. Тудегешева постоянно обращается к шорской древности, в которой конь – многовековой спутник человека: основное средство передвижения, хозяйственное животное, а также военная сила тюркских народов, славившихся именно своей конницей. В поэзии Т. В. Тудегешевой *рожденный от тюркского древа* («Гимн Горной Шории») шорский народ вписан в широкий исторический контекст: проводятся его параллели с татарами, турками («Воспоминания о Стамбуле»), с обобщенным образом Азии («К Белой юрте»). «Поэзия Таяны Тудегешевой – это непрерывный поиск своего национального, духовного и культурного начала, это шествие по тропе исторической и генетической памяти в глубины забытых веков, к истокам народной культуры» [Переяслов 2007: 5]. Г. В. Косточаков отмечает продолжение традиций С. Т. Торбокова в творчестве Т. Тудегешевой: «Эта торбоковская традиция видеть настоящее Шории через ее прошлое активно воспринята и продолжена шорской поэтессой 90-х годов Таяной Тудегешевой. Когда прошлое (недавнее и древнее) воспринимается как неотъемлемая часть настоящего» [Косточаков 2020: 274–275].

Во всех этнических контекстах конь связан с образом воина и мотивом войны, с прославлением воинской отваги. При этом историческая тема соотносится не просто с отдельными картинами древних эпох, а с образом уходящего, исчезающего прошлого. Согласно характеристике Г. В. Косточакова, для лирической героини древнетюркская эпоха – это «эпоха высшей доблести древних тюрков, их всемирной власти, общего единства и семейной теплой спаянности, пика культуры и обычаев» [Там же: 269], сборник пронизан грустным, печальным тоном утраты, потери, забвения, «ведь от той великой древнетюркской эпохи ничего не осталось, только память в природе и у таких чутких людей, как лирическая героиня» [Там же: 270].

Второе ключевое направление смыслового развертывания образа коня – философская тема времени, которая связана как с судьбой шорского народа, так и с жизнью человека вообще. Третье

направление смыслового развертывания – исповедальная самохарактеристика лирической героини, ее судьбы и характера. Как видим, объединяющей все три направления является тема времени, которая соотносится с этническими, философскими и автопсихологическими контекстами воплощения образа коня в лирике Т. В. Тудегешевой.

В стихотворениях наряду с основной лексемой *конь* мы встречаем разнообразные его номинации: *скаун*, использованы обращения (*мой конь*, *мой друг*, *вороной*), на межтекстовом уровне создается антитеза характеризующих номинаций *аргамак – лошаденка жалкая*. Так, в стихотворении «Успокойся, мой друг...» (с. 12) умирающий воин-всадник обращается к верному коню перед тем, как их обоих поглотит забвение (символическое: в текстах Т. В. Тудегешевой весь мир шорской древности поглощает неумолимое время). Воин называет коня *друг мой*, подчеркивая их родство; они разделяют одну участь, проигрывая борьбу с жестоким миром:

*Надо мной и тобой проскакали века,
Потому еле дышим, хрипим, издыхая.*

Отметим, что с помощью глагола *проскакали* коням уподобляются века – само воплощение времени. Перед гибелью герой утешает коня (*Успокойся, мой конь, пусть не бьет тебя дрожь*), даже просит у него прощения (*Не считай же меня, вороной, подлецом*); ласковая номинация *вороной* отсылает к русской, в частности былинной, фольклорной традиции. Мимолетная деталь *не знала ты камчи* (плети, нагайки) свидетельствует, что воин по-доброму обращался с конем – именно как с другом, а не как с подручным средством. Однако герой чувствует вину перед конем *за тяжелую ношу земного страданья* – за то, что оба они пережили в отвергающем их страшном мире.

Обратим внимание на межтекстовую антитезу *аргамак – лошаденка жалкая*, связанную с темой утраты былого величия шорского народа. В стихотворении «Род Аба» (с. 14) кони являются спутниками воинов – древних лучников. А. С. Сазыкин называет слово *конь* одним из ключевых в стихотворении [Сазыкин 2021а: 85]. Рисуя динамичную картину битвы, автор вписывает в нее смерть коня:

*Аба... Но конь споткнулся на скаку,
Легит в кровавой пене на боку.
Был аргамак со славою былой –
Затмило свет кровавою стрелой.*

Тюркская номинация *аргамак*, переведенная в сноске как *горячий, лихой конь*, пропитывает образ павшего коня шорским колоритом: не просто конь – а боевой конь воинственного тюркского народа. Два одинаковых эпитета – *кровавая пена* и *кровавая стрела* – подчеркивают трагизм и боль гибели прекрасного сильного существа. Вероятно, эта гибель символически отражает гибель рода Аба.

В стихотворении «Воспоминания о Стамбуле» (с. 78) образ лошади – единственный раз в сборнике Т. В. Тудегешевой – подан в коннотациях не силы, воли и молодости, а наоборот – слабости, одряхления:

*Лишь дервиш выходил,
плетясь
за лошаденкой жалкой.*

Уменьшительный суффикс и эпитет *жалкая* подчеркивают немощность старой лошади; ее образ, как и другие образы – старый дервиш, развалины, отвернувшееся с укором солнце, – воплощают контраст былого величия Стамбула и его гораздо более блеклого настоящего. Оставшееся в прошлом могущество Османской империи – образ, связанный с судьбой шорского народа.

Образ коня сопряжен с образом всадника (*наездника, наездницы, стрелка*) и конкретизирован определениями-прилагательными, именами существительными, называющими яркие художественные детали, представляющие образ коня (*грива, копыта, кровавая пена*), предметы конской сбруи (*стремя, узда*) и вооружения всадника (*лук, тетива, стрела*), большим количеством глаголов и слов с семантикой движения и физиологических состояний, употребление которых является яркой стилистической чертой воплощения образа коня у Т. В. Тудегешевой. Особое место среди лексических репрезентантов образа коня занимают шорские слова, включенные в русскоязычный текст как концептуально нагруженные знаки этнической самоидентификации лирической героини и образы самобытного мира Горной Шории (*аргамак, камча*).

На сопряженность образов коня и всадника в мировоззрении и словесном творчестве неоднократно указывают исследователи [Бурнаков 2024; Скрипова 2016; Тозыякова и др. 2020; Шапиро 2018]. Образ всадника (наездника) в лирике Т. В. Тудегешевой подан в соответствии с идеалом храброго, сильного

воина, однако проявляются интересные смысловые нюансы. В прошлом всадник не был одинок – он был частью могучей рати. В стихотворении «На курганных вершинах» (с. 16) *топот коней* вписан в *эпос*, древнюю песнь, разносимую ветром над шорскими горами; вслушиваясь в древнее сказание, героиня видит, как

*...клубится горячая пыль
Под ногами сотысячных конниц.*

Воинскую силу и славу здесь воплощает уже не один конь, а конница – армия искусных всадников; величие и размер этой армии подчеркнуты эпитетом *сотысячных*.

В стихотворении «Жизнь, хлестнув, научила» (с. 39) лирическая героиня представляет себя в образе всадницы и сравнивает одну себя с *дружной ратью* – так много духовной силы она в себе ощущает. Как уже было показано на примере стихотворения «Успокойся, мой друг...» (с. 12), всадник и конь – это единое целое, конь – единственный и последний друг, при этом в контексте подчеркнута одиночество всадника, соотносимое с мотивом утраты: герой называет себя *одиноким наездником, что к гриве приник* – иначе говоря, делает союз с конем главной своей чертой, ядром своей личности⁴. В подобной трактовке образ всадника встречается в автопсихологических контекстах, где становится выражением сущности лирической героини.

Образ всадника соотносится не только с прошлым, но и с настоящим и будущим. Сама героиня – потомок древнего воина-тюрка, в ее образе соединяются прошлое и настоящее: она – часть той древней эпохи величия шорского народа. В стихотворении «На курганных вершинах» (с. 16) один из убитых воинов оказывается предком лирической героини; его боевой конь остается в живых, но скорбит по своему всаднику и не уходит с места его смерти:

*Бил о землю ногой старый конь боевой,
Но сраженному вновь не подняться...*

Если в «Успокойся, мой друг...» в центре повествования находится любовь всадника к коню, то здесь, наоборот, трогательная преданность коня человеку.

Имплицитно образ коня фигурирует в стихотворении «Сыновья» (с. 82), которому предпослано автобиографическое посвящение: *Сыновьям: Владу,*

⁴ Отметим неоднократное использование Т. Тудегешевой союзного слова *что* вместо более привычного *который* – создается экспрессивное, орнаментальное изложение.

Игорю, Тамерлану. Давая наставления своим детям, героиня отмечает:

Сыновья,
вы для всадника – крепкое стремя –
и для воина – лук дальнобойный тугой.

Происходит переосмысление традиционной метафорической идиомы *опора для родителей* или *опора для семьи*: сыновья для героини – основа жизни, то же, что стремя для всадника и лук для воина. Отметим, что при этом героиня уподобляет всадникам и воинам не сыновей, а саму себя: они – стремя и лук, но не сами всадник и воин. Именно героиня, таким образом, оказывается ближе всех к коню как воплощению духовной силы.

Интересно использование имени существительного женского рода *наездница*. Необычную трактовку образ коня – точнее, всадницы, наездницы – получает в стихотворении «Лихой наездницей тебе судил стать Бог...» (с. 55), посвященном чемпионке мира по сноуборду Екатерине Тудегешевой. Метафорически героиня именует спортсменку сноубордистку *наездницей*, соотнося историческое прошлое (древний мир тюрков с отважными всадниками и конницей) и настоящее (достижения современной девушки в профессиональном спорте). Очевидно, что титула всадника или всадницы в поэтическом мире Т. В. Тудегешевой удостаиваются только люди, вызывающие восхищение своими успехами и силой воли.

В случае метафоризации конь и всадник выступают как объекты выраженного или скрытого сравнения (сфера-источник). А. С. Сазыкин отмечает «метафоризм поэтического мышления» Т. В. Тудегешевой, «сосредоточенность на мире природы, что и позволяет ей душевное состояние человека передать через поэтические метафоры, связанные с природой» [Сазыкин 2021а: 87]. Метафоризация образа коня связана с тремя названными ранее направлениями смыслового развертывания: этническим, философским и автопсихологическим. Сравнение с конем (конями) / всадником в лирике Т. В. Тудегешевой представлено различными стилистическими приемами: сравнительным оборотом (с союзами *как*, *словно*, *что*), формой творительного уподобления (*стрелой*), эпитетом-приложением (*годы-скакуны*, *годы-кони*), развернутой метафорой.

Например, этническое направление представлено в стихотворении «Возвращение шамана» (с. 136–139), где образу коня сопутствуют сакральные,

мистические и магические коннотации. Текст посвящен ритуальному танцу шамана, входящему в контакт с миром духов – Таяна Тудегешева вновь обращается к шорской культуре и языческой мифологии. Танец введенного в транс шамана и его горловое пение (*звук гортанный*) описаны как битва со злом, восстановление мировой гармонии:

Заклинаньями зло разрушая,
Кружит с бубном над вечностью он (с. 137).

Именно бубен – главное оружие шамана – сравнивается с конем: *Гулкий бубен, что конь на крылах*. Фигурирует образ уже не реального или символического коня, а крылатого – мифологического; магическая власть шамана ассоциативно связана с силой, свободой и красотой коней. Возвышенную стилистику передают сам образ и выбор языковых форм – союзного слова *что* в значении *который*, имени существительного *крыла* как возвышенного стилистического синонима слова *крылья*. Образ крылатого коня Пегаса в греческой мифологии соотносится с темой вдохновения [Тахо-Годи 1988: 296].

В контекстах с метафоризацией образа коня синкретично представлены философское и автопсихологическое направления, при этом доминирующим является автопсихологическое, которое реализуется как самохарактеристика, утверждение собственной системы ценностей. Образ коня в этих случаях помогает осмыслить течение жизни (в соответствии с метафорическими формулами *время летит*, *годы пролетели*) и жизненное кредо лирической героини.

В стихотворении «Абинская степь» (с. 34), где лирическая героиня оплакивает ушедшее величие и свободу родных краев, сравнивает степь с *забытой седой матерью*, образ утраченного прошлого опять связан с образом коня – точнее, всадника:

Жизнь промчалась, как скачущий всадник,
исчезнув с дымами.

Формулировка *жизнь промчалась* относится к прошлому шорского народа, но оставляет пространство для подтекста: вероятно, героиня говорит и о своей личной жизни, своей молодости.

Развернутая метафора включает приложение *скакуны* в характеристике прожитых лет в стихотворении «Что ты смотришь грустными глазами?..» (с. 105). Обращаясь к адресату, по всей видимости, к мужчине, ожидающему от нее взаимности, героиня заключает:

*Мы с тобой со счастьем опоздали –
Скрылись в даях годы-скакуны,
Пронеслись, родные, заплутали,
Даже с гор Алтайских не видны.*

Ход времени вновь уподобляется лошадиному бегу; динамичность картины подкрепляется номинацией скакуны (акцент на движении коней) и рядом глаголов (*скрылись, пронеслись, заплутали*). *Годы-скакуны* наделяются ласковым эпитетом *родные*: героиня относится к ним – к своему прошлому – с ностальгической нежностью, но в то же время с трезвым признанием утраты. Локус Алтайских гор – не просто неких гор, а именно Алтайских, – выводит центральный образ текста из абстрактно-символического регистра, «заземляет» его, привязывая к конкретной географической местности – сибирской земле.

В нескольких стихотворениях образ коня включен в исповедальные контексты психологического типа. Автопсихологическое звучание образ коня обретает в стихотворении «Жизнь, хлестнув, научила» (с. 39). Говоря о своих личностных чертах, лирическая героиня представляет себя в образе всадницы:

*Жизнь, хлестнув, научила галопом летать
На коне сквозь терновник и ели
И одной на скаку, словно дружная рать,
Покорять неприступные цели.*

Метафора, представленная лексемами *галоп* и *на скаку*, подчеркивает стремительность: героиня находится в вечном движении; она воплощает волю к победе, к покорению *неприступных целей*. Детали растительного мира (*терновник, ели*) вписывают всадницу и ее коня в природный миробраз шорской земли, а сравнение с *дружной ратью* представляет собой очередную историческую аллюзию на древнюю тюркскую конницу; интересно, что одну себя героиня уподобляет целому войску – так много духовной силы она в себе ощущает. Отметим также выбор деепричастия *хлестнув*: жизненный опыт метафоризируется не просто в ударе от жизни, а именно в глаголе *хлестнуть*, который обычно направлен на лошадь и семантически связан с нею. Центральный образ, соответственно, обретает двойное прочтение: то ли это сама героиня, несущаяся по жизни смелой всадницей, то ли героиня – конь, а ее всадник – сама жизнь, которая хлещет ее, стремясь чему-то научить.

В автопсихологическом стихотворении «Поздно» (с. 36) лирическая героиня предстает как поэт. Героиня холодно отвергает адресата, которого не может простить:

*Мне ни к чему теперь ненужных слов
любезность
И позднего раскаянья холодный пыл.*

Адресат не поддержал героиню в тяжелые для нее времена, которые она описывает, вновь обращаясь к аллюзии на тюркскую древность:

*Ты жил в тиши, когда о стремя гулко билась
Врагом распятая поэта голова,
Когда из сердца кровь ручьем струилась
И гибли под копытами коней мои слова.*

Тяготы жизни и враждебность окружения метафорически уподобляются битве. Свою метафорическую духовную смерть героиня воплощает в смерти физической – в яркой и болезненной картине: ее голова отрублена и привязана к стремени *врага*, ее слова гибнут *под копытами коней*. Используя номинацию *поэт*, героиня подчеркивает свое творческое начало; ее смерть – мученическая смерть непонятого творца. Кони, что характерно, топчут не ее тело, а ее слова, т. е. трагедия касается именно душевного, творческого мира. Образ коней представлен не как часть героического эпоса древности и не как символическое воплощение красоты и стремительного движения – он выражает враждебную, губительную силу. Бег коня может быть не только прекрасным, но и нести смерть. Это единственное стихотворение в сборнике, где образ коня отличается такой амбивалентностью. Текст наполнен контрастами: оксюморон *холодный пыл*, антонимические пары *жил – гибли, ненужные слова – мои слова*, с одной стороны, *в тиши*, с другой – *гулко билась, кровь ручьем струилась, под копытами*. Нестандартная лексическая сочетаемость создает яркий образ *распятой головы* – мучительных раздумий, жертвенной рефлексии поэта, берущего на себя боль страдающего народа. Образ погубленной врагом лирической героини перекликается с образом погибшего от рук врага ее предка из стихотворения «На курганных вершинах», в котором драматизм также передается с помощью контрастов жара и холода, жизни и смерти.

Лексему *конь* и конкретизирующие образ коня имена существительные сопровождают следующие определения: *конь – вороной, старый, боевой*,

кони – вороны, знойные, пена – кровавая, галоп – дерзкий, стремя – крепкое, тетива – тугая, лук – дальнобойный, тугой.

Центральную сюжетную роль образ коней играет в стихотворении «Вороных торопили коней» (с. 117). Здесь коней двое, и их образ очевиднее, чем в других текстах книги Т. В. Тудегешевой, связан с темой любви. Лирическая героиня предается воспоминаниям о чувствах – о романтической прогулке верхом, которую совершила в юности с возлюбленным. Зарисовка наполнена традиционными романтическими образами: *пьянящая весна, луна, соловей, цветы, туман, дурман из трав, объятия, звезда*. Образ соловья особенно примечателен – он закольцовывает композицию стихотворения: в первой строфе является символом трепетной первой любви и надежды, воплощением *пьянящей весны* (*Пел нам песни в цветах соловей*), в последней – символом памяти о прошлом, нежных чувств, сохранившихся вопреки ходу времени:

*Заросли счастья тропы травой.
Но поет о любви соловей,
О весне нашей жизни быллой.*

Образ коней фигурирует в четырех строфах из пяти, возвращается рефреном – двое коней, бегущих рядом, символически отражают союз двух возлюбленных, их красоту и свободу. В первой строфе именно образ коней становится вводным, открывает мир воспоминания:

*Помнишь, ехали в ночь под луной,
Вороных торопили коней?*

Во второй строфе вновь появляется номинация *галоп* и локус гор: кони – воплощение движения, стремительного вольного бега и порождение гор Шории, среди которых выросла героиня:

*Вороных гнали знойных коней,
Их галоп отзывался в горах.*

Кинестетический эпитет *знойный* воплощает внутреннюю силу коней, их волю, энергию и жар жизни, с которым они связаны; бегу коней сопутствует аудиальный образ эха – *галоп отзывался*. В третьей строфе появляются не сами кони, а яркая деталь, символизирующая союз влюбленных – связанные узды:

*Две узды в крепкий узел связав,
Растворились мы в ночи шальной.*

Скрепление любви, таким образом, тоже осуществляется через коней – точнее, их упряжь. Вероятно, эта деталь несет не только любовный, но и чувственно-эротический подтекст, судя по последней строке: *Мягким ложем был дурман из трав*; кони сопутствуют и духовному, и телесному выражению любви. В последней строфе лирическая героиня переносится в настоящее, где печально констатирует, что пора юности и любви прошла:

*Нет давно вороных тех коней,
Заросли тропы счастья травой.*

В прошлом кони являются символическим воплощением утраченной юности, любви и свободы (герои не просто встречаются, а ночью ускользают в горы верхом, совершая побег от цивилизации в мир природы), а в настоящем – памяти о том времени. Отметим эпитет *вороные*, повторяющийся в стихотворении три раза; *вороной* – вообще единственная масть коня, упомянутая в книге Т. В. Тудегешевой. Возможно, это связано с яркими фольклорными коннотациями слова: вороные кони постоянно фигурируют в русских былинах, сказках, песнях. Также слово *вороной* органичнее вписывается в звукопись, семантически выражающую волевою силу, стремительность, ярость (*вороных торопили* и проч.), чем вписалось бы обозначение другой масти – например, *гнедой* или *чалый*.

Важнейший семантический признак, связанный с образом коня, – движение, энергия жизни. Этот признак передается большим количеством глаголов и слов, несущих физиологическую семантику (эмпирические образы, основанные на слуховом, зрительном и кинестетическом восприятии; нередко все подается с субъективацией изображения: лирическая героиня видит, слышит, чувствует). Жизнь для лирической героини – движение, стремление, полет, что и воплощают образы коня, всадника, стрелы. Особое место в стихотворениях занимает образ крови, амбивалентно соотносимый с темами бурлящей жизни и сражающей в битве смерти (смерти от ледящей руки врага).

В стихотворении «Тюрки» (с. 20–22) рисуется эпическая картина древних битв и героических подвигов. Образ коней здесь намечен лишь точно, через смежные по смыслу лексемы, выражающие конский бег и топот:

*Стрелки на скаку
Из тугой тетивы выпускали стрелу (с. 20);
Слышу конный разбег (с. 21).*

Героиня будто воочию наблюдает картины прошлого, обращаясь к своим предкам: *вижу вас, слышу*. В финале текста образ коней из реалистического становится символическим:

*Годы-кони умчались
стрелой в горизонт (с. 21).*

Как и в «Успокойся, мой друг...», образ коня связан со временем, с безвозвратно улетевшим прошлым: здесь с конями метафорически соотносятся годы, там – века. В схожем ключе образ коня (и конницы) подан в стихотворении «На курганных вершинах» (с. 16). Кони вновь вписаны в динамичную картину битвы, включающую слуховые (*звонят стремени*), визуальные (*сверкают мечи, красно-рыжий огонь*), кинестетические (*горячая пыль*) образы.

В коротком стихотворении «Несгибаемый бег скакуна...» (с. 58) образ коня становится центральным и обретает скорее не историческое, а автопсихологическое и символическое звучание. Эпитет *несгибаемый* подкрепляется характеристикой того, какой эффект производит бег коня – свободного и прекрасного создания: *Ощущение воли рождает*. Конь не просто скачет в никуда – у него есть *цель*:

*...сторона,
Где в долинах трава отдыхает.*

Появляется аудиальный образ ржания коня (*клич издав*), описание его яркого и волевого движения – вставания на дыбы; вскинувшись на мгновение, конь снова *галопом свой бег продолжает*. Лексема *галоп* создает более четкий визуальный и кинестетический образ, чем обобщенное *бег*: очень быстрый, стремительный бег, воплощение свободы. Здесь образ коня более самостоятелен и детален, чем в рассмотренных выше текстах. В финале эксплицируется символическая параллель между конем, бегущим в тихую долину, и человеком, всю жизнь стремящимся к счастью:

*Вот бы так убежать от судьбы
В край, где слез
и беды не бывает!*

Однако в подтексте очевидно, что счастье – чудесный край без *слез и беды* – недостижимо, как долина для коня: ведь в стихотворении он не достигает цели, а лишь стремится к ней, постоянно находится в движении. Так и человек рвется к своему счастью, пытается *убежать от судьбы*, лишь в непрерывном движении реализуя свое *ощущение воли*.

В подтексте просматривается также этическая позиция героини: она уважает именно *несгибаемый бег* волевых людей, их вечное стремление к цели.

В коротком философском произведении «В горных изломах снежных вершин...» (с. 19) вновь фигурирует галоп – предельная степень стремительного конского бега; на этот раз он наделяется эпитетом *дерзкий*: *В дерзком галопе коней – тайных сил непреклонность*. Кони опять становятся воплощением несгибаемой воли и вечного движения, даже соотносятся с некими *тайными силами* (вероятно, сакральными – судьбой, временем или божественным началом). Кроме того, они находятся в параллели с образами древнего мира гор, выражающими нечто вечное, нерушимое: *горные изломы снежных вершин, гордый полет орлов, храмы тысячелетние*. Тем не менее даже все это подвержено неумолимому ходу времени: *Слышишь? И по ним тоже – звонит колокол Времен!* Сюжетом стихотворения становится онтологическая драма – неразрешимая драма смертности всего сущего.

Заключение

Смысловое развертывание образа коня в сборнике осуществляется в трех основных направлениях: этническом, философском и автопсихологическом, нередко они представлены во взаимопроникновении. Этническое направление связано с осмыслением судьбы шорского народа. Философское направление соотносится с темой времени, которая связана как с судьбой шорского народа, так и с жизнью человека вообще. Автопсихологическое направление – исповедальная самохарактеристика лирической героини, ее судьбы и характера. Объединяющей все три направления является тема времени.

В стихотворениях наряду с основной лексемой *конь* мы встречаем разнообразные его номинации: *скакун*, несколько раз использованы обращения (*мой конь, мой друг, вороной*), на межтекстовом уровне создается антитеза характеризующих номинаций *аргамак – лошаденка жалкая*. Лексему *конь* и конкретизирующие образ коня имена существительные сопровождают следующие определения: *конь – вороной, старый, боевой, кони – вороные, знойные, пена – кровавая, галоп – дерзкий, стремя – крепкое, тетива – тугая, лук – дальнобойный, тугой*.

Важнейший семантический признак, связанный с образом коня, – движение, энергия жизни. Этот признак передается большим количеством глаголов

и слов, несущих физиологическую семантику (эмпирические образы, основанные на слуховом, кинестетическом и зрительном восприятии; нередко все подается с субъективацией изображения: лирическая героиня видит, слышит, чувствует). Жизнь для лирической героини – движение, стремление, полет, что и воплощают образы коня, всадника, стрелы. Особое место в стихотворениях занимает образ крови, амбивалентно соотносимый с темами бурлящей жизни и сражающей в битве смерти (смерти от леденящей руки врага).

Лирическая героиня в сборнике «Небесный полет девятиглазых стрел» – воин, всадница, поэт, обладатель горячего и вещего сердца, хранитель истории шорского народа. Прошлое связано не только с печалью и болью от утраты былого величия, но и является основой для самосознания, нравственного выбора, духовной силы вступить в битву за жизнь.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: И. А. Пушкарева – разработка методики исследования, сбор и анализ материала, систематизация результатов, подготовка текста. Ю. Е. Пушкарева – сбор и анализ материала, систематизация результатов.

Contribution: I. A. Pushkareva developed the research methodology, collected and analyzed the material, systematized the results, and drafted the manuscript. Yu. E. Pushkareva analyzed the material and structured the results.

Литература / References

- Арчимаева А. С. Лексико-семантические особенности образа коня в хакасском героическом эпосе «Алтын Пырхан». *Концепт «Мир» в тюрко-монгольской культуре: Междунар. науч.-практ. конф.* (Горно-Алтайск, 28 ноября 2023 г.) Горно-Алтайск: БИЦ ГАГУ, 2024. С. 52–58. [Archimaeva A. S. Lexical and semantic features of the image of a horse in the Khakass heroic epic "Altyn Pyrkhan". *Concept of World in Turkic and Mongolian Culture: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Gorno-Altai, 28 Nov 2023. Gorno-Altai: LPC GASU, 2024, 52–58. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ddptbs>
- Бакчиев Т. А. Образ коня – как символ (на примере эпоса «Манас»). *Научное обозрение Саяно-Алтая*. 2021. № 2. С. 7–11. [Bakchiev T. A. The image of a horse as a symbol (on the example of epic "Manas"). *Sayan-Altai Scientific Review*, 2021, (2): 7–11. (In Russ.)] <https://doi.org/10.52782/KRIL2021.2.30.002>
- Болотнова Н. С. Лексическая структура поэтического текста как ключ к постижению его ценностных смыслов. *Русский язык в школе*. 2019. Т. 80. № 1. С. 20–25. [Bolotnova N. S. Lexical structure of the poetic text as a key to the comprehension of its inherent values. *Russian Language at School*, 2019, 80(1): 20–25. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2019-80-1-20-25>
- Болотнова Н. С. Лексическая структура художественного текста в ассоциативном аспекте. Томск: ТГПИ, 1994. 212 с. [Bolotnova N. S. *Lexical structure of literary text in associative aspect*. Tomsk: TSPI, 1994, 212. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rnlump>
- Бурнаков В. А. Образ «конь – человек» в традиционном мировоззрении хакасов (конец XIX – XX век). *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*. 2024. № 2. С. 84–93. [Burnakov V. A. The concept of 'horse and human' in the traditional worldview of the Khakas (end of the XIX–XX century). *Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy*, 2024, (2): 84–93. (In Russ.)] <https://doi.org/10.23951/2307-6119-2024-2-84-93>
- Иванов В. В. Конь. *Мифы народов мира*, гл. ред. С. А. Токарев. 2-е изд. М.: Сов. энцикл., 1987. Т. 1. С. 666. [Ivanov V. V. Horse. *Myths of the peoples of the world*, ed. Tokarev S. A. 2nd ed. Moscow: Sov. entsikl., 1987, vol. 1, 666. (In Russ.)]
- Кожина М. Н. Художественно-образная речевая конкретизация. *Стилистический энциклопедический словарь русского языка*, ред. М. Н. Кожина. 2-е изд., стереотип. М.: ФЛИНТА, 2011. С. 585–594. [Kozhina M. N. Literary imaginative speech concretization. *Stylistic encyclopedic dictionary of Russian language*, ed. Kozhina M. N. 2nd ed. Moscow: FLINTA, 2011, 585–594 (In Russ.)]
- Косточаков Г. В. Таяна Тудегешева. In: Баланчик Н. А., Баланчик Н. С., Косицина Ю. В., Косточаков Г. В., Пушкарева И. А., Телякова В. М., Трубицына В. В. Язык и регионы: социокультурное пространство

- юга Кузбасса. Новокузнецк: НФИ КемГУ; Красноярск: Sitall, 2020. Т. 2. С. 265–276. [Kostochakov G. V. Tayana Tudegesheva. In: Balanchik N. A., Balanchik N. S., Kositsina Yu. V., Kostochakov G. V., Pushkareva I. A., Telyakova V. M., Trubitsyna V. V. *Language and regions: Sociocultural space of the Southern Kuzbass*. Novokuznetsk: NIB KemsU; Krasnoyarsk: Sitall, 2020, vol. 2, 265–276. (In Russ.)]
- Мендешева В. М. Конь в традиционной культуре алтайцев. *Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе*. 2008. № 2. С. 250–260. [Mendesheva V. M. Horse in the traditional culture of Altai people. *Mirovozzrenie naseleniia Iuzhnoi Sibiri i Tsentralnoi Azii v istoricheskoi retrospektive*, 2008, (2): 250–260. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vbkhaf>
- Охлопкова Е. А. Лексика природы в лирике С. А. Есенина. *Молодой ученый*. 2016. № 6-4. С. 30–32. [Okhlopko E. A. Lexis of nature in the poetry by S. A. Esenin. *Molodoi uchenyi*, 2016, (6-4): 30–32. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vwlhif>
- Переяслов Н. О поэзии Таяны Тудегешевой. In: Тудегешева-Каныштарова Т. В. *Небесный полет девятиглазых стрел*. Кемерово: ИПП «Кузбасс», 2007. С. 3–8. [Pereyaslov N. On the poetry by Tayana Tudegesheva. In: Tudegesheva-Kanyshtarova T. V. *Sky Flight of Nine-Eyed Arrows*. Kemerovo: IPP "Kuzbass", 2007, 3–8. (In Russ.)]
- Потапов Л. П. Конь в верованиях и эпосе народов Саяно-Алтая. *Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними преданиями и обрядами*, отв. ред. Б. Н. Путилов. Л.: Наука, 1977. С. 164–178. [Potapov L. P. Horse in beliefs and epos of Sayan-Altai peoples. *Folklore and ethnography. Ties between folklore and ancient customs and rituals*, ed. Putilov B. N. Leningrad: Nauka, 1977, 164–178. (In Russ.)]
- Потапова Н. А., Жанерке Б. Образ коня в русском и монгольском фольклоре. *Актуальные проблемы гуманитарного знания в техническом вузе: IX Междунар. науч.-метод. конф.* (Санкт-Петербург, 19–20 октября 2023 г.) СПб.: СПбГУ, 2023. С. 175–178. [Potapova N. A., Zhanerke B. Image of the horse in Russian and Mongolian folklore. *Relevant issues of humanitarian knowledge in a technical university: Proc. IX Intern. Sci.-Method. Conf.*, St. Petersburg, 19–20 Oct 2023. St. Petersburg: SPMU, 2023, 175–178. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qxguhi>
- Пушкарёва И. А., Пушкарёва Ю. Е. Мотив полета в лирике А. Д. Раевского. *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*. 2024а. Т. 23. № 2. С. 115–125. [Pushkareva I. A., Pushkareva Yu. E. Motif of flight in the poems by A. D. Raevsky. *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta, Seriya: Istoriya, Filologiya*, 2024a, 23(2): 115–125. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2024-23-2-115-125>
- Пушкарёва И. А., Пушкарёва Ю. Е. Образ солнца в лирике П. Майского: семантико-стилистический анализ. *Вестник КГПУ им. В. П. Астафьева*. 2024б. № 4. С. 134–145. [Pushkareva I. A., Pushkareva Yu. E. The image of the Sun in poetry by P. Mayskiy: Semantic and stylistic analysis. *Vestnik KGPU im. V. P. Astafieva*, 2024b, (4): 134–145. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nuvmqq>
- Сазыкин А. С. Глоток свежего воздуха. О сборнике Т. В. Тудегешевой «Небесный полет девятиглазых стрел». «...А здесь, во глубине России»: статьи о региональной литературе, науч. ред. И. А. Пушкарёва. Новокузнецк-Красноярск: Sitall, 2021а. С. 83–97. [Sazykin A. S. A breath of fresh air. About T. V. Tudegesheva's Sky Flight of Nine-Eyed Arrows. "Here, deep in Russia...": Articles on regional literature, ed. Pushkareva I. A. Novokuznetsk-Krasnoyarsk: Sitall, 2021a, 83–97. (In Russ.)]
- Сазыкин А. С. Методические рекомендации к уроку по изучению поэтического мастерства Т. В. Тудегешевой. «...А здесь, во глубине России»: статьи о региональной литературе, науч. ред. И. А. Пушкарёва. Новокузнецк-Красноярск: Sitall, 2021б. С. 97–104. [Sazykin A. S. Methodological recommendations for classes on T. V. Tudegesheva's poetry. "Here, deep in Russia...": Articles on regional literature, ed. Pushkareva I. A. Novokuznetsk-Krasnoyarsk: Sitall, 2021b, 97–104. (In Russ.)]
- Скрипова О. А. «Всадник-конь» в книге стихов М. Цветаевой «Ремесло». *Филологический класс*. 2016. № 4. С. 85–88. [Skripova O. A. "Rider-horse" in M. Tsvetaeva's book verse "Remeslo". *Philological Class*, 2016, (4): 85–88. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xsdgxb>
- Тахо-Годи А. А. Пегас. *Мифы народов мира*, гл. ред. С. А. Токарев. 2-е изд. М.: Сов. энцикл., 1988. Т. 2. С. 296. [Takho-Godi A. A. Pegasus. *Myths of the peoples of the world*, ed. Tokarev S. A. 2nd ed. Moscow: Sov. entsikl., 1988, vol. 2, 296. (In Russ.)]

- Тозыякова Е. А., Баданова Т. А., Черепанова Е. А. Конь батыра в структуре концепта «Алтай-кижи» / Алтай: на материале мифологии, фольклора, эпоса и литературы. *Мир науки, культуры, образования*. 2020. № 5. С. 370–372. [Tozyakova E. A., Badanova T. A., Cherepanova E. A. A hero's horse in the structure of the concept "Altai-kizhi" (Altaiian): Based on mythology, folklore, epic and literature. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 2020, (5): 370–372. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rluugc>
- Топоров В. Н. Животные. *Мифы народов мира*, гл. ред. С. А. Токарев. 2-е изд. М.: Сов. энцикл., 1987. Т. 1. С. 440–449. [Toporov V. N. Animals. *Myths of the peoples of the world*, ed. Tokarev S. A. 2nd ed. Moscow: Sov. entsikl., 1987, vol. 1, 440–449. (In Russ.)]
- Чжан Ю. Образ коня в лирике Николая Рубцова. *Русская речь*. 2015. № 4. С. 124–127. [Zhang Yu. Equine image in the poetry by Nikolay Rubtsov. *Russkaya Rech*, 2015, (4): 124–127. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/udyvnd>
- Шапиро Б. Л. Конь и всадник в мифах и образах русской культуры. *Мир культуры и культурологии*. 2018. № 6. С. 209–215. [Shapiro B. L. A horse and a rider in myths and images of Russian culture. *Mir kultury i kulturologii*, 2018, (6): 209–215. (In Russ.)]
- Шарьяфетдинов Р. Х. Мифопоэтический образ коня как отражение культуры тюркских народов в современной татарской литературе. *Вестник ЧГУУ им. И. Я. Яковлева*. 2018. № 4. С. 111–116. [Sharyafetdinov R. Kh. Mythopoetic image of the horse as reflection of culture of Turkic peoples in modern Tatar literature. *I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin*, 2018, (4): 111–116. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ytsosl>
- Щерба Л. В. Опыт лингвистического толкования стихотворений: «Воспоминание» А. С. Пушкина. In: Щерба Л. В. *Избранные работы по русскому языку*. М.: Учпедгиз, 1957. С. 26–44. [Shcherba L. V. Experience of linguistic interpretation of verses: A Memory by Alexander Pushkin. In: Shcherba L. V. *Selected works on the Russian language*. Moscow: Uchpedgiz, 1957, 26–44. (In Russ.)]
- Яруллина З. Ф. Мифологические образы животных в татарском паремиологическом контексте: образ коня. *XVII Акмуллинские чтения: Междунар. науч.-практ. конф. (Уфа, 2–3 декабря 2022 г.)* Уфа: БГПУ им. М. Акмуллы, 2022. Т. II. С. 247–250. [Yarullina Z. F. Mythological images of animals in Tatar paremiological context: Equine image. *XVII Akmulla Readings: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Ufa, 2–3 Dec 2022*. Ufa: BSPU M. Akmully, 2022, vol. 2, 247–250. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/joxscl>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/fqeshl>

Образ Пушкина в русской драматургии на отдельных этапах развития биографического мифа

Любимцева-Наталуха Лариса Николаевна

Донецкий государственный педагогический университет имени В. Шаталова, Россия, Горловка

eLibrary Author SPIN: 3963-4579

<https://orcid.org/0009-0006-2694-8168>

lubimseva@mail.ru

Аннотация: Образ Пушкина в русской литературе представляется самостоятельной и актуальной темой для изучения. Цель – проследить трансформацию пушкинского мифа на протяжении ста лет (1899–1999) через анализ мифологем биографического мифа о поэте и тематики наиболее репрезентативных пьес. Использование сравнительно-исторического метода позволило оценить вклад драматургов разных этапов развития литературы в содержание пушкинского биографического мифа. В статье раскрываются особенности интерпретации образа Пушкина в пьесах, созданных на этапе сакрализации мифа, в советское время и в период демифологизации. Авторы пьес, обращаясь к одним и тем же мифологемам, избирательно подходят к фактам биографии, истолковывают их в соответствии со сложившимися в массовом сознании схемами. Представленные в статье материалы позволяют проследить функционирование пушкинского мифа в драматургии и выделить инварианты литературного мифа о великом национальном поэте на примере пьес, созданных на разных этапах развития русской литературы. В советское время и в период перестройки актуализируется тема наследия и потомков. Образ Пушкина на протяжении столетия сначала превращается в архетип поэта-творца, жертвы толпы, затем становится идеалом борца за слово, а в конце XX в., с одной стороны, подвергается процессу стереотипизации и десакрализации, а с другой – остается национальным символом русской культуры.

Ключевые слова: Александр Пушкин, пушкинский миф, образ Пушкина, русская драматургия, сакрализация, идеализация, десакрализация, дуэль, Дантес, тема потомков

Цитирование: Любимцева-Наталуха Л. Н. Образ Пушкина в русской драматургии на отдельных этапах развития биографического мифа. *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 4. С. 760–771. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-4-760-771>

Поступила в редакцию 08.01.2025. Принята после рецензирования 26.02.2025. Принята в печать 03.03.2025.

full article

Evolution of Alexander Pushkin's Image in Russian Drama through the biographical myth

Larisa N. Lubimtseva-Natalukha

V. Shatalov Donetsk State Pedagogical University, Russia, Gorlovka

eLibrary Author SPIN: 3963-4579

<https://orcid.org/0009-0006-2694-8168>

lubimseva@mail.ru

Abstract: The image of Alexander Pushkin in Russian literature is an independent and relevant research topic. This article traces its evolution across one hundred years of Russian drama (1899–1999) through the biographical myth and its mythologemes. The comparative historical method made it possible to assess the contributions made by different playwrights to Pushkin's biographical myth. The image of Pushkin acquired different interpretations in different epochs, from the mythological sacralization through the Soviet drama and to demythologization. While using the same mythologemes, the playwrights selected different biographical facts and adapted them

to the schemes established in the contemporary mass consciousness. The Pushkin myth in drama revealed some chronological invariants. The Soviet and Perestroika plays focused on the topic of heritage and descendants. Over the course of a century, the image of Pushkin turned from an archetypal poet-demiurge and victim of the crowd to a fighter for the freedom of speech, only to be stereotyped and desacralized in the late 20th century.

Keywords: Alexander Pushkin, Pushkin's myth, Pushkin's image, Russian dramaturgy, sacralization, idealization, desacralization, duel, Georges-Charles de Heeckeren d'Anthès, topic of descendants

Citation: Lubimtseva-Natalukha L. N. Evolution of Alexander Pushkin's Image in Russian Drama through the biographical myth. *SibScript*, 2025, 27(4): 760–771. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-4-760-771>

Received 8 Jan 2025. Accepted after peer review 26 Feb 2025. Accepted for publication 3 Mar 2025.

Введение

Пушкинский миф – сложившийся социокультурный и литературный феномен, значимый для русской национальной ментальности, в которой поэт воспринимается как культурный код России. Существует целый ряд определений исследуемого понятия, в основе которых лежит функционирование образа поэта либо в контексте культуры в целом, либо в контексте литературы как одного из видов искусств и части культурного пространства. Многочисленность работ, посвященных данному явлению, говорит о сформированности его основных характеристик [Багдасарян 2018; Богданова, Жилена 2024; Бычкова, Мурзакова 2020; Вогман 2019; 2020; Гук 2023; Иваньшина 2012; Маринина, Малютина 2024; Мащенко 2012; Мещанский, Савелова 2019; Прожогин 1997; Трощинская-Степушина 2020; Туманов 2013; Хорошева 2023; Шеметова 2009a; 2009b; 2010; 2011; Яшина 2021].

Р. Г. Круглов считает, что это «совокупность образов Пушкина (а также литературы, общества и всей пушкинской эпохи), существующая в культуре и препятствующая непосредственному восприятию этих образов носителем культуры, который зачастую не подозревает, что находится в поле мифа» [Круглов 2024: 2732]. Исследователь называет пушкинский миф мифом Нового времени, не имеющим зафиксированных границ, вариативным, подобно архаическим мифам. В его основе лежит творчество А. С. Пушкина, реальная биография поэта и ряд автомифов, сменившихся при жизни поэта, но оставшихся в культуре. Это «единственный в своем роде литературный миф, вышедший за литературные пределы и ставший частью национального сознания как архетипическая схема» [Там же]. Т. Г. Шеметова предлагает понимать пушкинский миф как «своеобразный континуум, объединяющий реальные события прошлого и метафизические открытия, связанные с именем

Пушкина в русской культуре последующих времен» [Шеметова 2011: 5]. М. В. Загидуллина, автор работы «Пушкинский миф в конце XX века», понимает его как «совокупность реакций национального масштаба на творчество и личность Александра Сергеевича Пушкина (1799–1837), в основе которых лежит признание его Первым Национальным Поэтом» [Загидуллина 2001: 9]. Соответственно, история пушкинского мифа – это «история аналитического изложения фактов таких реакций национального масштаба» [Там же]. По мнению Л. И. Сараскиной, «пушкинский миф – это корпус текстов русской литературы, в которых А. С. Пушкин представлен как литературный герой или мифологический образ» [Сараскина 2018: 142]. М. М. Гельфонд подчеркивает, что «С одной стороны, пушкинский миф представляет собой сюжет, опирающийся на реальную биографию поэта и его творчество, с другой стороны, этот сюжет весьма далек от реальности и допускает максимально свободные интерпретации» [Гельфонд 2016: 99].

Таким образом, обобщив предложенные определения, можно выделить главные характеристики пушкинского мифа:

- он опирается на реальную биографию поэта, рамками которого выступают рождение и смерть А. С. Пушкина;
- пушкинский миф порожден коллективным сознанием;
- он исторически изменчив, вариативен и допускает разные прочтения образа поэта в зависимости от культурной ситуации и доминирующей в обществе реакции на его личность и творчество;
- пушкинский миф в литературе раскрывается через сложившуюся систему мифологем, подобно архаическим мифам, но таковым не является.

Как и любой другой, пушкинский миф в своем развитии проходит несколько стадий, и образ поэта интерпретируется в зависимости от этапа становления.

Существует ряд исследований истории пушкинского мифа. Это труды О. С. Муравьевой, Пола Дебрецени, М. В. Загидуллиной, Т. Г. Шеметовой. Не углубляясь в анализ и сопоставление этих трудов, возьмем за основу периодизацию, предложенную Т. Г. Шеметовой. Исследователь разделяет историю пушкинского мифа на основании значимых юбилейных дат и рецепции образа Пушкина в зависимости от исторической ситуации. Ключевыми событиями для обращения к биографии А. С. Пушкина в истории пушкинского мифа и русской драматургии являются, по мнению исследователя, юбилеи: 1899 г. – сто лет со дня рождения поэта, 1937 г. – столетняя годовщина смерти поэта, 1949 г. – столетие годовщины со дня рождения, 1999 г. – двухсотлетний юбилей со дня рождения. В соответствии с этими датами Т. Г. Шеметова выделяет основные этапы формирования мифа об А. С. Пушкине: создание образа *национального* поэта во время празднований юбилеев в XIX в.; сакрализация образа поэта в литературе Серебряного века; огосударствление образа *товарища* Пушкина в соцреализме (начиная со столетней годовщины смерти в 1937 г. и столетие годовщины со дня рождения в 1949 г.); интимизация образа в индивидуальных манифестациях мифа в эпоху оттепели; демифологизация в литературе постмодернизма; распад концепта *Пушкин* в концептуализме и разнообразные попытки воскрешения А. С. Пушкина в современной литературе [Шеметова 2009b]. Однако советский период – долгий временной отрезок, в рамках которого образ поэта был интерпретирован неоднократно: появлялись новые темы, изменялся ракурс рассмотрения темы поэта и поэзии. В последние годы перед распадом СССР в драматургии продолжало развиваться представление об А. С. Пушкине как классике, воплощении идеала поэта, но процесса демифологизации образа, характерного для постмодернизма, не наблюдалось.

Образ Пушкина в русской литературе представляется самостоятельной темой для изучения, хотя драматургия – это сравнительно небольшая часть в общем составе пушкинианы. Кроме того, актуализация интереса к пушкинскому мифу и его роли в отечественной культуре и литературе вызвана очередной юбилейной датой – 225-летием со дня

рождения поэта, которое масштабно отмечалось в 2024 г.

В данной статье через образ Пушкина описаны мифические представления о поэте в русской драматургии на конкретных этапах исторического времени. Цель – проследить трансформацию пушкинского мифа на протяжении ста лет (1899–1999) через анализ мифологем биографического мифа о поэте и тематики наиболее репрезентативных пьес.

Методы и материалы

Методология данной работы определяется сочетанием историко-литературного и мифопоэтического подходов с подключением метода контекстуального анализа. Материалом исследования послужили тексты пьес об А. С. Пушкине разных периодов: «Смерть Пушкина» (1899) С. С. Мамонтова, «Александр Пушкин» («Последние дни») (1935) М. А. Булгакова, «Наш современник» (1949) К. Г. Паустовского, «Третья дуэль Пушкина» (1983) Н. Доризо, «Тайна Пушкина» (1991) П. И. Павловского, «Кто убил месье Дантеса» (написана в 1998–1999 гг.) О. Богаева.

Результаты

Образ Пушкина в русской драматургии эволюционировал, раскрываясь через субъективную акцентуацию значимых биографических событий, через обращение к определенному набору мифологем и их индивидуально-авторское прочтение. На этапе сакрализации, к концу XIX в., уже сложился корпус текстов разного рода («Записки о Пушкине» И. Пущина, (1858 г., изданные в 1907 г.), «Жизнь и труды Пушкина» (1873) П. Анненкова, «Заметка о Пушкине» (1899) В. В. Розанова, «Последняя дуэль Пушкина: биографический очерк» Б. В. Никольского (1901)), которые подтверждали сформированность ключевых биографическо-идеологических мифологем.

До юбилейного года биография А. С. Пушкина была интерпретирована в целом ряде пьес: «Александр Пушкин» (1865) Валентино Карреры, «Пушкин» (1873) Пьетро Коссы, «Пушкин у Яра» (1887) И. К. Кондратьева, в биографической трагедии «Жизнь и смерть А. С. Пушкина» А. П. Михневича, которая создавалась в период 1884–1898 гг. и была опубликована в 1915 г., «Смерть Пушкина» (1899) С. С. Мамонтова. Предложенная в них интерпретация образа поэта считается манифестацией «консервативно-официозного мифа» (термин

О. С. Муравьевой) об А. С. Пушкине, благодарившем государя, причастившемся и умершем христианином [Муравьева 1994: 112]. Однако, в свете современных исследований, в частности монографии В. М. Вогмана «Пушкин и Николай I. Исследование и материалы» [Вогман 2019], можно утверждать, что подобные оценки выглядят слишком упрощенными.

Пьесы, созданные на начальном этапе становления пушкинского мифа, преимущественно были посвящены последним дням жизни Александра Сергеевича, центральным событием которых выступала дуэль как одна из мифологем. М. В. Загидуллина объясняет это тем, что пушкинский феномен был в этот период соотносим с идеей искупления национального греха, поскольку кровь поэта была пролита невинно и праведно. Этап формирования мифа, на котором были созданы драмы о последних днях жизни поэта, в терминологии исследователя обозначен как стадия сакрализации, и рамки его ограничены концом XIX в. и 1937 г. – столетней годовщиной смерти А. С. Пушкина [Загидуллина 2001].

В пьесе «Смерть Пушкина» (1899) С. С. Мамонтова (1867–1915) – старшего сына известного русского мецената, написанной в дореволюционный период, в год празднования 100-летнего юбилея со дня рождения поэта, драматург, опираясь на факты биографии А. С. Пушкина и сведения о близком круге лиц, предложил собственную интерпретацию событий последних дней поэта, создав одну из первых биографических драм о его смерти. В произведении Александр Сергеевич показан не только как поэт, но и как человек, подводящий итог жизни. Драматург подчеркивает его связь с народом, близость к нему. С этой целью в текст пьесы введены два персонажа – плотники Семеныч и Петька, которые случайно оказываются свидетелями предстоящей дуэли поэта с Ж. Дантесом.

Драма наполнена реминисценциями и аллюзиями. Она содержит не только упоминания отдельных исторических фактов, но и цитаты из собственных стихотворений А. С. Пушкина и «Смерти поэта» М. Ю. Лермонтова. Все действующие лица, за исключением второстепенных и эпизодических персонажей, имеют исторических прототипов: Василий Андреевич Жуковский; Наталья Николаевна Пушкина; Александра Гончарова (Александрина); Константин Карлович Данзас; виконт д'Аршиак;

барон Дантес-Геккерен; Екатерина Ивановна Загряжская – фрейлина императрицы Елизаветы Алексеевны, тетка Н. Н. Пушкиной, бывшая большим авторитетом и для племянницы, и для Александра Сергеевича; внесценический персонаж – брат поэта Лев Сергеевич Пушкин, письмо которого с Кавказа с просьбой прислать денег читает герой. Драматург точен в исторических деталях: Александр Сергеевич действительно вел с ним переписку¹: Лев Сергеевич Пушкин, уехав в 1835 г. на Кавказ, в момент гибели брата находился в Тифлисе.

Следует отметить, что во всех биографических пьесах функционируют, за небольшим исключением, одни и те же герои, что является основной характеристикой биографических драм. В произведениях позднего советского периода («Третья дуэль Пушкина» (1983) Н. Доризо, «Тайна Пушкина» (1991) П. И. Павловского) к общему списку добавляются Идалия Полетика, граф Владимир Александрович Соллогуб, дядька поэта Никита Тимофеевич Козлов и другие исторические личности из окружения А. С. Пушкина. Во всех историко-биографических пьесах присутствие вымышленных персонажей минимизировано. По истечении времени читателю / зрителю без фоновых знаний и исторического комментария трудно представить, какую роль в судьбе А. С. Пушкина сыграла конкретная личность. С этой целью П. Павловский в трагедии «Тайна Пушкина» в художественной форме в Прологе дает историческую справку – представление о действующем лице, данное Молвой – самостоятельным олицетворенным персонажем – аналогом античного Хора:

Соллогуб (он носит лорнет). И ко мне Пушкин благоволит, поощряет мои литературные опыты. Граф Владимир Александрович Соллогуб.

Молва. Чиновник и начинающий беллетрист. Граф кичится своим аристократизмом, хотя, в сущности, человек он добрый².

Особенностью биографических пьес об А. С. Пушкине является также особый хронотоп, при котором реальное биографическое время растворяется «в идеальном и даже абстрактном времени метаморфозы» [Бахтин 1975: 282].

¹ Письма А. С. Пушкина к брату Льву Сергеевичу. М.: В типографии С. Селивановского, 1858. 68 с.

² Павловский П. И. Тайна Пушкина: Пьесы. М.: Сов. писатель, 1991. С. 8.

«Смерть Пушкина» С. С. Мамонтова, как многие другие произведения («Александр Пушкин» М. А. Булгакова, «Наш современник» К. Г. Паустовского, «Тайна Пушкина» П. И. Павловского, «Третья дуэль Пушкина» Н. Доризо), хронологизирована: действие начинается 27 и заканчивается 29 января 1937 г. Год гибели А. С. Пушкина в этой драме представлен как точка отсчета времени после трагедии для всей русской литературы, что подтверждается помещенной в финале драмы цитатой из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Смерть поэта» – произведения, ставшего лейтмотивом практически всех биографических пьес.

В своих драматических сценах С. С. Мамонтов касается двух непростых вопросов – отношения А. С. Пушкина к религии и царскому самодержавию. Драматург показывает психологическое состояние поэта перед дуэлью. Само событие раскрывается через оценки, данные случайными свидетелями – плотниками Семенычем и Петькой, которые в это время чинят изгородь близ Комендантской дачи в окрестностях Петербурга, и непосредственным участником – секундантом А. С. Пушкина К. Данзасом.

Особое внимание драматург уделяет вопросу отношения А. С. Пушкина к религии, параллельно раскрывая близость поэта к народу:

Семеныч (убежденно).

*Молися Богу, барин милый, –
Без покаянья тяжко помирать.*

Пушкин.

<...> (Оживляясь)

Я вспомнил вновь слова молитв святыя!..

Я верю им опять, как в дни былые...

Ты очи мне открыл, – спасибо, друг!⁵

Перед самой смертью поэт примиряется с царем, получив от самодержца ободряющую записку, в которой тот советует ему умереть христианином⁴. Драматург приводит подлинный документ, написанный в ночь с 27 на 28 января 1837 г. Николаем I – А. С. Пушкину: «Если Бог не велит уже нам увидаться на этом свете, то прими мое прощение и совет умереть по-христиански и причаститься, а о жене и детях не беспокойся. Они будут моими детьми,

и я беру их на свое попечение»⁵. Поэт оставляет Николаю I напутствие:

*Желаю я ему спокойной, долгой властью
К величью привести народ⁶.*

Совсем иначе изображен А. С. Пушкин в пьесе М. А. Булгакова. Он – внесценический персонаж, присутствие которого определяют суждения и поступки действующих лиц драмы.

Т. А. Соловьева утверждает: «О пьесе Булгакова можно говорить как о биографическом мифе, опирающемся на реальную биографию поэта, которая коллективно и индивидуально переосмыляется» [Соловьева 2016].

В своем произведении М. А. Булгаков, изучив труды П. Е. Щеголева «Дуэль и смерть Пушкина», В. В. Вересаева «Пушкин в жизни» и М. К. Лемке «Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг.», берет за основу другую схему мифа, развивая тему затравленного гения. В пьесе, написанной в 1935 г., он обращается к «поэтике отсутствующего героя» (термин О. Д. Есиповой). Образ Пушкина мифологизирован. То, что поэт не появляется в произведении, демонстрирует его отстраненность от житейской суеты и абсолютное одиночество, даже несмотря на наличие немногочисленных персонажей, которые его понимают и сопереживают его положению (Александра Гончарова, графиня Воронцова, подполковник Данзас), – символическое качество пророка, вызванное обладанием им божественным знанием, недоступным пониманию толпы. О. Д. Есипова подчеркивает: «Драматург конструирует образ Пушкина в иной, не бытовой реальности», «Он сам – плоть мироздания» и принадлежит «бездонной реальности бытия» [Есипова 1985: 188].

Пьеса М. А. Булгакова строится на мифологеме божественного призвания поэта. А. С. Пушкин здесь – пророк, «носитель высшего знания и предназначения, выразитель народного сознания и голос эпохи, что вполне характерно для мифа» [Там же: 190]. Через его образ раскрывается трагедия творческой личности.

Общество в лице Николая I, князя Долгорукова, Строганова, Салтыкова, Бенедиктова, Кукольника, графа Бенкендорфа и агентов III Отделения

⁵ Мамонтов С. Смерть Пушкина. М.: Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1899. С. 13.

⁴ Там же.

⁵ Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. М.: Слово / Slovo, 1999. Т. 4: 1833–1837. Сост. Н. А. Тархова. С. 595.

⁶ Мамонтов С. Смерть Пушкина... С. 32.

враждебно настроено по отношению к поэту. Гениальность поэта признает графиня Воронцова, а также толпа студентов, собравшихся на Мойке. Отношение В. А. Жуковского противоречиво: он считает, что А. С. Пушкин ведет себя неразумно в обществе и может лишиться благосклонности царя, и в то же время признает в нем безусловный талант, который призван составить славу отечества.

Объединившиеся в одну силу враги поэта во главе с Бенкендорфом, при лицемерном попустительстве царя Николая I, который пытается ухаживать за Натальей Николаевной и ненавидит А. С. Пушкина за независимость, фактически уничтожают поэта. Таким образом, основной конфликт в пьесе – это противостояние власти и свободного художника.

То, что поэт обрел бессмертие в народной памяти, понимает и приставленный к А. С. Пушкину в качестве шпиона часовых дел мастер Битков:

Битков. ...Помер! Помереть-то он помер, а вон видишь, ночью, буря, столпотворение, а мы по пятьдесят верст, по пятьдесят верст!.. Вот тебе и помер! Я и то опасуюсь, зароем мы его, а будет ли толк? Опять, может, спокойствия не настанет?..⁷

В биографических драмах раннего периода развития мифа действующие лица четко делятся на сторонников и противников поэта. В пьесе «Смерть Пушкина» другом и заступником выступает В. А. Жуковский, который защищает его от нападок Загряжской и признает значение А. С. Пушкина в истории литературно-общественного развития России:

Благословит тебя во век отчизна наша
За сев великий мысли и добра...⁸

С. С. Мамонтов сосредотачивает внимание именно на образе Пушкина как поэта и человека, раскрывая его внутренние противоречия: гнев по отношению к авторам анонимных писем, страстное желание защитить честь, муки творчества и смирение перед смертью.

В обеих пьесах можно наблюдать процесс сакрализации образа, что подтверждает

и обращение драматургов к цитированию стихотворения М. Ю. Лермонтова «На смерть поэта». Однако, если у М. А. Булгакова к гибели поэта приводит враждебно настроенная власть и толпа, то у С. С. Мамонтова на первый план выходят проблемы частной жизни. Письма от «доброжелателей» доводят героя до исступления в желании отомстить, защитив честь свою и супруги.

Образ Натальи Николаевны является устойчивой мифологемой пушкинского мифа. В сложившейся традиции ее изображают либо как некую музу и ангела-хранителя поэта, либо как бездушную красавицу, ставшую причиной его гибели.

Жена А. С. Пушкина показана в пьесе С. С. Мамонтова воплощением *добра, любви и красоты*⁹, она уговаривает супруга бежать в деревню, подальше от *столицы вероломной, от завистливых людей*¹⁰, тогда как у М. А. Булгакова Наталья Николаевна легкомысленно флиртует с Дантесом, причиняя душевную боль мужу. В пьесах, созданных на последнем этапе развития советской литературы, образ усложняется: в трагедии П. И. Павловского Натали кокетничает с Дантесом, но остается верной семейному долгу и также предлагает А. С. Пушкину покинуть Петербург.

Барон Дантес в пьесе С. С. Мамонтова появляется дважды, эпизодически, до и после дуэли в сопровождении секунданта, виконта д'Аршиака. После дуэли раненый Дантес и оба секунданта быстро уходят. В биографических драмах позднего советского периода Дантес – главное действующее лицо и одна из центральных мифологем, которая впервые получила оригинальную интерпретацию в пьесе М. А. Булгакова «Александр Пушкин» («Последние дни»).

В письме к В. В. Вересаеву М. А. Булгаков высказывает неожиданную для своего времени точку зрения: «Я хотел бы ввести в пьесу оригинальную фигуру Дантеса». И далее: «Самим надо выдумать Дантеса». И вполне определенно высказывается далее: «Нельзя трагически погибшему Пушкину в качестве убийцы противопоставлять опереточного бального офицера. Дантес не может восклицать: "о-ла-ла!". Дело идет о жизни Пушкина в этой пьесе.

⁷ Булгаков М. А. Пьесы 1930-х годов. СПб.: Искусство-СПб, 1994. С. 470.

⁸ Мамонтов С. Смерть Пушкина... С. 31. Здесь и далее цитаты приведены согласно правилам действующей орфографии.

⁹ Там же. С. 10.

¹⁰ Там же. С. 13.

Если ему дать несерьезных партнеров, это Пушкина унизит»¹¹.

Дантес у М. А. Булгакова эгоистичен, страстен и порывист, расчетлив. В откровенном разговоре с Натальей Пушкиной он признается, что женился на Екатерине, чтобы быть ближе к ней. По собственному определению драматурга, он создает «зловещую фигуру», антипода Пушкина, символ разрушительного начала, которое раскрывается в словах Дантеса *Он больше ничего не напишет*¹². Это двойник Пушкина, и его пародия. Параллель становится очевидной уже в первом действии в разговоре с Натальей Николаевной, когда Дантес говорит о том, что погибнет на дуэли: *Меня же положат на лафет и повезут на кладбище. И так же будет буря, и в мире ничего не изменится*¹³. Такую снежную бурю можно наблюдать в финале пьесы.

Уже на раннем этапе развития пушкинского мифа сформировалось стереотипное восприятие Дантеса как поклонника Натальи Гончаровой, женившегося на ее сестре Екатерине исключительно из желания быть ближе к объекту обожания, хотя этот факт сам по себе представляется спорным.

На этапе сакрализации образа Пушкина на первый план выступает конфликт *поэт – человек, общенациональное – личное*.

В советский период представление меняется. А. С. Пушкин превращается в идеал поэта, затравленного толпой. Образ постепенно масштабируется, превращаясь в мифологема, часть культурного кода России.

Очередная юбилейная дата стала поводом для создания пьесы «Наш современник (Пушкин)» (1949) К. Г. Паустовского. В драме изменяются знаковые локусы: вместо привычных для первого этапа развития пушкинского мифа Санкт-Петербурга и Черной речки близ Комендантской дачи – Одесса и Михайловское, что в большой степени, по мнению Н. В. Семеновой, «в качестве места действия влияет на формирование смыслов пьесы» [Семенова 2023: 25]. В произведении

упоминаются и другие важные для биографии поэта исторические локусы (Тригорское, Святые Горы), которые в драме не становятся тем не менее местами действия:

Надежда Осиповна. <...> *Он ускакал! В Тригорское. <...> Он к нам не вернется теперь!.. Никогда!*¹⁴
Арина Родионовна. <...> *А Александра-то Сергеевича нету. В Святые Горы поехал*¹⁵.

Н. В. Семенова называет пушкинские исторические локусы «местами памяти», выделяя из всего ряда два значимых и общеизвестных биографических локуса – Одессу и Михайловское.

В пьесе показан период жизни А. С. Пушкина между 1824 и 1825 г. – от событий, которые привели к высылке поэта из Одессы в Михайловское до сцены в родовом имении после получения героем известия о поражении восстания декабристов [Там же: 27]. В контексте драмы эти два локуса драматург соотносит «по различным параметрам: по месту и времени действия (город – деревня, лето – зима)», что символически отражает переход «от надежд на будущее к фиаско и состоянию неопределенности» [Там же: 34]. К. Г. Паустовский объяснял свой выбор тем, что «это было время поэтической и гражданской зрелости Пушкина. Время двойной ссылки, написания "Евгения Онегина", вольнолюбивых идей и подготовки декабрьского восстания», а также тем, что это были годы, полные драматизма, который «был вызван к жизни самой натурой поэта, его непримиримостью, его уничтожающей ненавистью к самовластью»¹⁶.

Пушкин у К. Г. Паустовского воплощает идею поэзии как орудия борьбы:

*Что поэзия? Слова! А эти руки хотят держать оружие...*¹⁷

*Я знаю могущество слов. И я знаю, что способен дать русскому слову полную меру этого могущества. Полную меру! Я хочу жесть словами сердца*¹⁸.

¹¹ Вересаев В., Булгаков М. Переписка по поводу пьесы «Пушкин» («Последние дни»). *Вопросы литературы*. 1965. № 3. С. 170.

¹² Булгаков М. А. Пьесы 1930-х годов... С. 497.

¹³ Там же. С. 418.

¹⁴ Паустовский К. Г. Наш современник (Пушкин). In: Паустовский К. Г. *Собрание сочинений*. М.: Худ. лит., 1984. Т. VIII. С. 147.

¹⁵ Там же. С. 170.

¹⁶ Паустовский К. Г. Пушкин на театральных подмостках (работа над пьесой о Пушкине «Наш современник»). In: Паустовский К. Г. *Собрание сочинений*. М.: Худ. лит., 1984. Т. VIII. С. 357.

¹⁷ Паустовский К. Г. Наш современник (Пушкин)... С. 108.

¹⁸ Там же. С. 120.

Символический образ поэта-борца становится понятным из возникающих в произведении параллелей: Байрон – Пушкин. В финале Александр Сергеевич сжигает материалы, компрометирующие его друзей.

В пьесе К. Г. Паустовского намечается новая тема, которая получит развитие в русской драматургии более позднего периода, – рецепция потомками образа поэта и его творчества.

Вопрос о потомках как носителях русской идеи поднимается в драмах рубежа тысячелетий, на последнем этапе развития советской литературы. В этот период происходит окончательная мифологизация образа поэта, который раскрывается через его отношение к религии, власти, народу, а также через понимание им сути поэзии.

Подлинный факт увлечения дочери Жоржа Дантеса, Леони Шарлотты, русской культурой и творчеством А. С. Пушкина был положен в основу пьесы «Третья дуэль Пушкина» (1983) Н. Доризо, которая была опубликована в период перестройки и осталась незамеченной. В стихотворной трагедии драматург предпринимает попытку переосмысления мифологем Натальи Гончаровой и Жоржа Дантеса. А. С. Пушкин и его супруга воплощают гармонию, являются символом идеального союза поэзии и красоты. Наталья Николаевна обладает не только очарованием и прелестью, но и зрелой мудростью. Дантес – жертва интриг Геккерена, который испытывает сложные чувства по отношению к своему приемному сыну. Именно голландский дипломат в финале трагедии, подчиняя Дантеса-отца своей воле, помещает его любимую дочь Леони в сумасшедший дом.

Хронологически произведение делится на две части: события до роковой дуэли (1836 г., Санкт-Петербург) и история семьи Дантеса (1866 г., Париж). А. С. Пушкин предстает участником трех дуэлей: первой – отмененной благодаря женитьбе Жоржа на Екатерине Николаевне Гончаровой, второй – с ним же, завершившейся смертью поэта, третьей – между Дантесом и его дочерью Леони, влюбленной в Россию и испытывающей чувство вины за убийство, совершенное отцом, – метафорической дуэли

возмездия, отсроченной по времени, пришедшейся на поколение детей, которую А. С. Пушкин, по мнению драматурга, выиграл. Поэт был вынужден следовать закрепленным в обществе представлениям о кодексе чести, кроме того, к трагедии привело то, что имя его

принадлежало России всей

И потому должно быть безупречным¹⁹.

А. С. Пушкин вынужден считаться с условиями и нормами поведения, которыми ловко манипулируют многочисленные враги поэта, среди которых Идалия Полетика и князь Петр Долгоруков.

В трагедии П. И. Павловского «Тайна Пушкина» (1991), созданной в год распада СССР, поэт предстает жертвой клеветы и мстительных невежд, невольником чести беспощадной²⁰. В истории событий гибели поэта центральную роль сыграли слухи. В пьесе первую дуэль, инициируемую А. С. Пушкиным, удается предотвратить. Чем закончится вторая дуэль, читателю / зрителю известно, хотя в драме открытый финал. После письма, отправленного А. С. Пушкиным Геккерену, в котором он обвиняет посланника в сводничестве, Жорж Дантес вызывает поэта на дуэль, тайну которой Александр Сергеевич сохраняет, не желая посвящать петербургских зевак в <...> семейные дела²¹. Государь в пьесе выступает покровителем поэта, однако А. С. Пушкина не устраивает вмешательство власти в частную жизнь: говоря о себе, он подчеркивает, что *милостью окован*²². Образ Пушкина в пьесе сложен: герой сомневается, ищет смысл жизни, предчувствует раннюю смерть на тридцать седьмом году, сравнивая себя с Байроном, Моцартом и Рафаэлем. Его огорчает состояние современной литературы: *Было время, литература была благородное аристократическое поприще. Ныне это вшивый рынок...*²³ Конфликт между высоким занятием – творить – и необходимостью обеспечивать семью оказывается мучительным. Покинуть Петербург, скрывшись от молвы, не дает долг и призвание: *Как брошу я журнал, да и архивы... мой Пётр*²⁴. В произведении показана трагедия таланта, который

¹⁹ Доризо Н. Третья дуэль. *Новый мир*. № 6. С. 112.

²⁰ Павловский П. И. Тайна Пушкина... С. 62.

²¹ Там же. С. 62–63.

²² Там же. С. 53.

²³ Там же. С. 28.

²⁴ Там же. С. 26.

имеет несчастье быть общественным человеком²⁵. Образ Пушкина по-прежнему предстает идеалом поэта-творца, но уже лишен сакральности.

К концу XX в., в эпоху доминирования постмодернизма, многочисленные обращения к творчеству и биографии А. С. Пушкина порождают стереотипизацию в рецепции событий жизни и личности поэта, а также исторических фигур из его окружения. Канонизация приводит к формированию штампов, прочно закрепившихся в сознании носителей русской культуры в конце XX в. А. С. Пушкин в начале нового тысячелетия воспринимается как часть культурного кода нации, как закрепленный в массовом сознании литературный канон, культурный герой – создатель современного русского литературного языка, символ русской культуры.

Личность А. С. Пушкина в контексте эпохи постмодернизма превратилась в литературный миф. Факты биографии поэта и многочисленные исследования жизненного пути за время развития пушкинского мифа послужили материалом для новых произведений. Образ Пушкина как гения русской литературы утратил свежесть восприятия и лишился сакральности, чему способствовало закрепление в массовом сознании слухов и недостоверных сведений не только о нем самом, но и о его окружении. Контаминация реакций на события жизни, пропущенная через призму восприятия многочисленных биографов и авторов художественных произведений, породила многочисленные стереотипы, как позитивные, так и негативные.

Сравнивая современное состояние русской культуры и культуры XIX в., эталоном которой представляется А. С. Пушкин, писатели рубежа столетий приходят к печальному выводу о дискредитации потомками русской идеи по причине потребительского к ней отношения.

Главный герой пьесы О. Богаева «Кто убил месье Дантеса», Александр Сергеевич Пушкин – потомок поэта – графоман, проживающий в Америке, приезжает в Париж для съемок документального фильма о своем предке. Он лично оплачивает весь творческий процесс и разыскивает Жоржа Дантеса – второе главное действующее лицо трагикомедии, потомка убийцы А. С. Пушкина, для того чтобы совершить акт возмездия – отомстить на дуэли.

По мнению Е. Е. Шлейниковой, в пьесе О. Богаева «Пушкинский (точнее – пушкинско-дантесовский) миф подвергается автором пародийно-ироническому перекодированию. В качестве основополагающего художественного кода избирается эстетика драмы абсурда, определяющая особенности всех уровней текста произведения» [Шлейникова 2008: 15], «автор травестирует привычные мифо-образы Пушкина и Дантеса, выводя на сцену "героев-перевертышей"» [Там же: 16].

Историческая дистанция позволяет выдвинуть на первый план проблему рецепции образа Пушкина последующими поколениями. Парадокс заключается в том, что потомки Дантеса демонстрируют большую приверженность русской идее по сравнению с потомками Пушкина, чувствуют родство с русской культурой: Леони в пьесе «Третья дуэль Пушкина» Н. Доризо отвергает отца, а Жорж Дантес в пьесе О. Богаева «Кто убил месье Дантеса» планирует переезд в Россию, тогда как потомок Пушкина эксплуатирует славу предка как национального русского поэта с целью обогащения. Не обладая достаточным поэтическим талантом, Александр зарабатывает на его имени.

Ремейк актуализирует проблему функционирования классической литературы в современном культурном пространстве, постмодернистского осмысления культурного наследия прошлого:

*Так случилось, что... вместе с русской идеей умерла... великая русская литература. Любые усилия современных литераторов тонут в разговорах о стиле и поиске нового языка...*²⁶

Пушкин О. Богаева выбирает добровольный уход из жизни, хотя обставляет это как дуэль. Его герой лишен не только таланта, но и целостности. Дантес – полная его противоположность. Герои в пьесе подвергаются деконструкции, лишь формально сохраняя связь с прототипами.

В ремейке присутствуют эсхатологические мотивы. Суть конфликта – попытка самоидентификации личности в хаосе жизни. Тема смерти переосмысливается: когда-то гибель А. С. Пушкина стала началом его бессмертной славы. Но спланированная потомком дуэль так и не состоялась: Жорж Дантеса убивает некий Кто, внесценический

²⁵ Там же. С. 17.

²⁶ Богаев О. Кто убил месье Дантеса. Метель. Пьесы уральских авторов по мотивам произведений А. С. Пушкина. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999. С. 242.

персонаж, который не указан в списке действующих лиц и не принимает участия в развитии внешнего действия пьесы. Страшнее физической смерти оказывается внутренняя пустота, символизирующая

духовную смерть Пушкина-потомка. Ситуация иронически абсурдна: акт возмездия выглядит не как трагедия, а как фарс.

Заключение

Пушкинский миф в русской драматургии активно развивается начиная с последней четверти XIX в. и проходит в своем становлении несколько этапов. Первый связан с утверждением основных пушкинских мифологем и укреплении представлений о нем как о талантливом поэте и человеке со своими недостатками. Идеализация образа наблюдается в советский период, когда А. С. Пушкин воспринимается в соответствии с идеологией борцом за свободу, обличителем различных форм угнетения. В период распада СССР актуализируется тема рецепции личности поэта и его наследия потомками. В постперестроечный период образ Пушкина амбивалентен: оставаясь символом русской культуры, ее культурным кодом, он воспринимается профанно.

В качестве перспектив дальнейшего исследования обозначенной проблематики можно указать анализ пушкинского мифа в соотношении с пушкинской традицией и пушкинского текста в драматургии на отдельных этапах развития русской литературы.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Багдасарян О. Ю. «Право на биографию»: пушкинская дуэль в современной отечественной драме. *Уральский филологический вестник. Серия: Русская литература XX–XXI веков: направления и течения*. 2018. № 3. С. 58–67. [Bagdasaryan O. Yu. "Right to a biography": Pushkin's duel in modern Russian drama. *Uralskii filologicheskii vestnik. Seriya: Russkaia literatura XX–XXI: napravleniia i techeniia*, 2018, (3): 58–67. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yhlxwx>
- Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике. In: Бахтин М. М. *Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет*. М.: Худож. лит., 1975. С. 234–407. [Bakhtin M. M. Forms of time and chronotope in the novel. Essays on historical poetics. In: Bakhtin M. M. *Questions of literature and aesthetics. Studies of various years*. М.: Khudozh. lit., 1975, 234–407. (In Russ.)]
- Богданова О. В., Жилене Е. С. Трансформация «пушкинского мифа» в постсоветской русской драматургии (пьеса О. Богаева «Кто убил месье Дантеса»). *Вестник Череповецкого государственного университета*. 2024. № 6. С. 7–23. [Bogdanova O. V., Zhilene E. S. The transformation of the "Pushkin myth" in post-Soviet Russian drama (O. Bogaev's play "Who killed Monsieur D'Anthes"). *Cherepovets State University Bulletin*, 2024, (6): 7–23. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/gesalr>
- Бычкова О. А., Мурзакова М. В. Пушкинский миф в современной литературе. *Российская фольклористика и диалектология на современном этапе*, отв. ред. М. И. Журина, Т. Н. Юркина. Чебоксары: ЧГПУ им. И. Я. Яковлева, 2020. С. 43–49. [Bychkova O. A., Murzakova M. V. Pushkin's myth in modern literature. *Russian folklore studies and dialectology at the present stage*, eds. Zhurin M. I., Yurkina T. N. Cheboksary: CSPU named I. Y. Yakovlev, 2020, 43–49. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/broayj>
- Вогман В. М. Пушкин и Николай I. Исследование и материалы. СПб.: Нестор-История, 2019. 260 с. [Vogman V. M. *Pushkin and Nicholas I. Research and materials*. St. Petersburg: Nestor-Istoriia, 2019, 260. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ycbmql>
- Вогман (Есипов) В. М. Император Николай I как читатель и цензор Пушкина. *Русская литература и национальная государственность XVIII–XIX вв.*: Междунар. науч. конф. (Москва, 13–15 октября 2020 г.) М.: ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, 2020. С. 30. [Vogman (Esipov) V. M. Emperor Nicholas I as a reader and censor of Pushkin.

- Russian Literature and National Statehood in the 18th–19th Centuries*: Proc. Intern. Sci. Conf., Moscow, 13–15 Oct 2020). Moscow: IMLI, 2020, 30. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vtgaeg>
- Гельфонд М. М. Пушкинский миф в лирике Давида Самойлова. *Новый филологический вестник*. 2016. № 2. С. 98–110. [Gelfond M. M. Pushkin's myth in the poetry of David Samoilov. *Novyi filologicheskii vestnik*, 2016, (2): 98–110. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wcpwzd>
- Гук А. Ф. Освоение и присвоение пушкинского мифа в автобиографии М. Цветаевой «Мой Пушкин». *Inimum. Художественная литература: опыт современного прочтения*, отв. ред. Т. А. Снигирева, Л. А. Назарова, А. М. Меньщикова. Екатеринбург: УрФУ, 2023. Вып. 6. С. 125–129. [Guk A. F. Mastering and appropriation of the Pushkin myth in M. Tsvetaeva's autobiography *My Pushkin*. *Inimum. Fiction: An experience of modern interpretation*, eds. Snigireva T. A., Nazarova L. A., Menshchikova A. M. Ekaterinburg: UrFU, 2023, iss. 6, 125–129. (In Russ.)]
- Есипова О. Д. Пушкин в пьесе М. Булгакова. *Болдинские чтения*: конф. (Большое Болдино, 9–12 сентября 1985 г.) Н. Новгород: Волго-вятское кн. изд-во, 1985. С. 183–190. [Esipova O. D. Pushkin in the play by M. Bulgakov. *Boldino Readings*: Proc. Conf., Bolshoe Boldino, 9–12 Sep, 1985. Nizhny Novgorod: Volgo-vyatskoe kn. izd-vo, 1985, 183–190. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xhkudb>
- Загидулина М. В. Пушкинский миф в конце XX века. Челябинск: ЧелГУ, 2001. 243 с. [Zagidullina M. V. *The Pushkin myth in the late 20th century*. Chelyabinsk: ChelSU, 2001, 243. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rblwzd>
- Иваньшина Е. А. Смерть Пушкина как ритуальный текст (пьеса «Александр Пушкин» и «врачебный» рассказ «Вьюга» М. А. Булгакова). *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*. 2012. № 1. Т. 4. С. 38–46. [Ivanshina E. A. Pushkin's death as a ritual text (the play "Alexander Pushkin" and the "medical" story "Blizzard" by M. Bulgakov). *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina*, 2012, 1(4): 38–46. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pjcbdj>
- Круглов Р. Г. Пушкинская традиция, пушкинский миф и пушкинский текст в русской поэзии второй половины XX века. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2024. Т. 17. № 8. С. 2728–2734. [Kruglov R. G. Pushkinian tradition, myth, and text in Russian poetry in the second half of the 20th century. *Philology. Theory & Practice*, 2024, 17(8): 2728–2734. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30853/phil20240389>
- Маринина Ю. А., Малютина О. А. Пушкинский миф в современной литературе для детей (на материале произведений К. Стрельниковой, М. Бершадской, Аи эН (Ирины Крестьевой)). *Филология: научные исследования*. 2024. № 6. С. 70–78. [Marinina Yu. A., Malyutina O. A. The Pushkin myth in modern literature for children (based on the works of K. Strelnikova, M. Bershadskaia, Ai eN (Irina Krestyeva)). *Philology: scientific research*, 2024, (6): 70–78. (In Russ.)] <https://doi.org/10.7256/2454-0749.2024.6.70877>
- Машенко А. П. Деканонизация образа А. С. Пушкина в литературе первой волны русского постмодернизма. *Вопросы русской литературы*. 2012. № 23. С. 100–110. [Mashhenko A. P. Decanonization of the image of A. S. Pushkin in the literature of the first wave of Russian postmodernism. *Voprosy russkoi literatury*, 2012, (23): 100–110. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wkoeef>
- Мещанский А. Ю., Савелова Л. А. Аксиологическая значимость драматургии О. Богаева. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2019. Т. 12. № 2. С. 332–336. [Meshchanskii A. Yu., Savelova L. A. Axiological significance of O. Bogaev's dramaturgy. *Philology. Theory & Practice*, 2019, 12(2): 332–336. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.2.70>
- Муравьева О. С. Образ Пушкина: исторические метаморфозы. *Легенды и мифы о Пушкине*, отв. ред. М. Н. Виролайнен. СПб: Акад. проект, 1994. С. 109–128. [Muravyova O. S. The image of Pushkin: Historical metamorphoses. *Legends and myths about Pushkin*, ed. Virolainen M. N. St. Petersburg: Akad. proekt, 1994, 109–128. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xouwxz>
- Прохогин Н. Письма Дантеса (История дуэли в интерпретации итальянской исследовательницы). *Вопросы литературы*. 1997. № 5. С. 145–174. [Prozhogin N. d'Anthès' correspondence: The duel as interpreted by an Italian researcher. *Voprosy Literatury*, 1997, (5): 145–174. (In Russ.)]
- Сараскина Л. И. Пушкинский миф в русской культуре: легенды, анекдоты, клише. *Художественная культура*. 2018. № 4. С. 128–161. [Saraskina L. I. The Pushkin myth in Russian culture: Legends, anecdotes, clichés. *Hudozhestvennaya kultura*, 2018, (4): 128–161. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ysrefn>

- Семенова Н. В. Пушкинские торжества 1949 года и пьеса К. Г. Паустовского «Наш современник». *Текст. Книга. Книгоиздание*. 2023. № 33. С. 25–46. [Semenova N. V. The Pushkin celebrations of 1949 and Konstantin Paustovsky's "Our Contemporary". *Tekst, Kniga, Knigoizdaniye*, 2023, (33): 25–46. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/23062061/31/3>
- Соловьёва Т. А. Трансформация мифа о Пушкине в пьесе Булгакова «Александр Пушкин». *Язык. Культура. Коммуникации*. 2016. № 1. [Solovyeva T. Transformation of myth about Pushkin in the play "Alexander Pushkin" by M. Bulgakov. *Iazyk. Kultura. Kommunikatsii*, 2016, (1). (In Russ.)] URL: <https://journals.susu.ru/lcc/article/view/390> (accessed 5 Jan 2025). <https://elibrary.ru/xrqhnx>
- Трошинская-Степушина Т. Е. Пушкин как источник мифопорождения. *Россия и славянские народы в XIX–XXI вв.: Междунар. науч. конф.* (Брянск, 28 марта 2020 г.) Брянск: Аверс, 2020. С. 43–49. [Troshchinskaya-Stepushina T. E. Pushkin as a source of mythmaking. *Russia and the Slavic peoples in the 19th–21st centuries: Proc. Intern. Sci. Conf.*, Bryansk, 28 Mar 2020. Bryansk: Avers, 2020, 43–49. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kmtygn>
- Туманов Д. В. Виртуализация образа А. С. Пушкина в традициях постмодерна. *Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки*. 2013. Т. 155. № 6. С. 153–161. [Tumanov D. V. Virtualization of the image of A. S. Pushkin in the traditions of postmodernism. *Uchen. Zap. Kazan. un-ta. Ser. Gumanit. nauki*, 2013, 155(6): 153–161. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rzqkmt>
- Хорошева А. В. А. С. Пушкин и его литературное наследие в СССР в 1917–1937 годах: от критики до почитания. *Ортодоксия*. 2023. № 3. С. 74–97. [Khorosheva A. V. Alexander Pushkin and his literary heritage in the Soviet Union in 1917–1937: From criticism to veneration. *Orthodoxia*, 2023, (3): 74–97. (In Russ.)] <https://doi.org/10.53822/2712-9276-2023-3-74-97>
- Шеметова Т. Г. Биографический миф о Пушкине в русской литературе советского и постсоветского периодов: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011. 318 с. [Shemetova T. G. *The biographical myth of Pushkin in Russian literature of the Soviet and post-Soviet periods*. Dr. Philol. Sci. Diss. Moscow, 2011, 318. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qflzuh>
- Шеметова Т. Г. Дуэль Пушкина и Дантеса в современной беллетристической пушкиниане. *Филологические науки*. 2009а. № 4. С. 56–65. [Shemetova T. G. The duel between Pushkin and d'Anthès in the modern Pushkiniana fiction. *Filologicheskie nauki*, 2009а, (4): 56–65. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kyqjv>
- Шеметова Т. Г. Пушкинский миф: функционирование в современной литературе. *Вестник Бурятского государственного университета*. 2010. № 10. С. 201–207. [Shemetova T. G. Pushkin's myth: The functioning in the modern literature. *Bulletin of Buryat State University. Philosophy*, 2010, (10): 201–207. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ztudqb>
- Шеметова Т. Г. Три тенденции в современной литературной «Пушкиномании». *Вестник Моск. ун-та. Серия 9. Филология*. 2009b. № 4. С. 55–66. [Shemetova T. G. Three trends in the modern literary "Pushkinomania". *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, 2009b, (4): 55–66. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kyvmoх>
- Шлейникова Е. Е. Драматургия О. А. Богаева в контексте русской драмы рубежа XX–XXI веков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2008. 18 с. [Shleynikova E. E. *Drama by O. A. Bogaev in the context of Russian drama at the turn of the 20th–21st centuries*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. St. Petersburg, 2008, 18. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/npqien>
- Яшина К. И. Образ Большого Болдина в русской литературе: особенности формирования локального текста. *Litera*. 2021. № 7. С. 54–63. [Yashina K. I. The image of Bolshoye Boldino in the Russian literature: Peculiarities of local text formation. *Litera*, 2021, (7): 54–63. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2021.7.33656>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/kugcgc>

Традиция пересказов У. Шекспира для детей: особенности паратекста (на примере предисловий к сборникам)

Ненарокова Мария Равильевна

Институт мировой литературы имени А. М. Горького РАН, Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 5956-4105

<https://orcid.org/0000-0002-5798-9468>

Scopus Author ID: 58111332700

maria.nenarokova@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена предисловиям к пересказам шекспировской драматургии для детей. Предисловия являются элементом паратекста, наиболее часто сопровождающим текст пересказов. Предметом изучения стали особенности содержания и формы предисловий, сопровождавших издания пересказов шекспировских пьес XIX–XXI вв. Цель – исследовать формирование и эволюцию традиции предисловий к шекспировским пересказам, что сохранялось или изменялось в течение более двух столетий. Были использованы описательный, культурно-исторический, сравнительно-исторический, историко-генетический, формальный методы. Исследование показало, что такие черты, как призыв приучать детей к чтению, рассказ о месте У. Шекспира в английской и англоязычной культуре, описание причин появления пересказов его пьес, перечисление приемов адаптации, которые используются авторами пересказов, проявляются во всех предисловиях начиная с начала XIX в. Изменения, которые вносятся в предисловия, определяются глубинными трансформациями культуры вообще и педагогики в частности. Появляется новый адресат предисловий: если сначала авторы пересказов обращаются к родителям, которые определяют чтение детей, то постепенно на первый план выходят сами маленькие читатели.

Ключевые слова: английская классическая литература, детское чтение, Уильям Шекспир, драматургия, пересказ, паратекст, предисловие, Чарльз и Мэри Лэм, Эдит Несбит, Терри Дири, Майкл Морпурго, Бенедикт Камбербэтч

Цитирование: Ненарокова М. Р. Традиция пересказов У. Шекспира для детей: особенности паратекста (на примере предисловий к сборникам). *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 4. С. 772–782. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-4-772-782>

Поступила в редакцию 18.01.2025. Принята после рецензирования 03.03.2025. Принята в печать 03.03.2025.

full article

Prefaces to Collections of Shakespeare Retellings for Children as Paratext History

Maria R. Nenarokova

A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 5956-4105

<https://orcid.org/0000-0002-5798-9468>

Scopus Author ID: 58111332700

maria.nenarokova@yandex.ru

Abstract: Preface is the most popular type of paratext. This article focuses on the content and form of prefaces to retellings of Shakespeare's plays for children published in the 19th–21st centuries. A set of descriptive, cultural-historical, comparative-historical, historical-genetic, and formal methods made it possible to trace the evolution of prefaces to Shakespeare retellings for children as a literary tradition. The list of constants included: appeal for

teaching children to read, Shakespeare's place in English and English-speaking culture, reasons for retellings, and adaptation techniques. The modifications of the genre were determined by the profound changes in the European culture in general and in pedagogy in particular. Gradually, the prefaces have acquired a new addressee: while the earliest prefaces addressed the parents, the modern ones appeal to the young readers themselves.

Keywords: English classical literature, children's literature, William Shakespeare, drama, retelling, paratext, preface, Charles and Mary Lamb, Edith Nesbit, Terry Deary, Michael Morpurgo, Benedict Cumberbatch

Citation: Nenarokova M. R. Prefaces to Collections of Shakespeare Retellings for Children as Paratext History. *SibScript*, 2025, 27(4): 772–782. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-4-772-782>

Received 18 Jan 2025. Accepted after peer review 3 Mar 2025. Accepted for publication 3 Mar 2025.

Введение

Необходимость в пересказах классической литературы, рассчитанной на взрослую аудиторию, для детского чтения возникла на рубеже XVIII–XIX вв., когда европейское общество, разочаровавшись в идеалах Великой французской революции, задумалось о реформе «образования как средства достижения социальных перемен»¹ [Clemmit 2000/2001: 44]. В британском обществе дискуссии на темы воспитания и образования детей привели к появлению большого корпуса текстов, которые становились проводниками порой противоположных педагогических взглядов. Один из участников этих дискуссий, политический философ, журналист, писатель Уильям Годвин (1756–1836) от споров перешел к делу: в 1805 г. он основал издательство «Юношеская библиотека», которое не только выпускало в свет, но и активно распространяло учебную литературу и книги для детского чтения [Ibid.]. У. Годвин был уверен, что образование вообще и чтение в частности приведет к социальным реформам. «Обратите их [детей] к чтению, к беседе, к размышлению» [цит. по: Smith 1998], призывал он. У. Годвин считался политически неблагонадежным, но сохранившиеся отчеты «агентов правительства» [Clemmit 2009: 90] не только рассказывают о людях, с которыми он общался, и об их политических взглядах, но и дают отчет о его деятельности в области книгоиздательства: «во всех его публикациях существует логичная система» [Ibid.]. Система, которую заметили даже непрофессионалы, реализовывалась посредством «продуманных стратегий» [Ibid.: 92], которые позволяли считать книги «Юношеской библиотеки» «прогрессивными или опасными, в зависимости от точки зрения» [Ibid.]. Так, и У. Годвин, и авторы, которые

писали книги по его заказу, выступали за «использование простого языка и идей, которые могли понять дети» [Clemmit 2000/2001: 62]. В предисловии к своей книге «Современные и древние басни» (1808) У. Годвин давал следующий совет авторам, создающим литературу для детей: «Если мы хотим принести пользу ребенку, мы сами должны отчасти стать детьми. Мы должны поболтать с ребенком; мы должны порассуждать о каких-то важных для него делах; мы должны вводить быстрые, неожиданные повороты сюжета, которые, даже если они не забавны для взрослых, забавляют детей. Прежде всего, мы должны превратить наши повествования в зрелища и сделать предметы, о которых мы говорим, видимыми воображению ученика. Сказка, сжатая, сухая и изложенная в нескольких словах, как задача Евклида, никогда не окажется интересной для детского ума»².

Для «Юношеской библиотеки» работали многие известные писатели того времени, среди них Чарльз и Мэри Лэм, которым У. Годвин заказал семь книг, в том числе и знаменитый сборник пересказов шекспировских пьес «Шекспир, рассказанный детям» (*Tales from Shakespeare*, 1807) (название первого русского перевода, вышедшего в 1865 г.), который, по оценке П. Клемит, «открыл детям и неискушенным взрослым доступ к шекспировской драме» [Ibid.: 49]. У. Годвин высоко ценил У. Шекспира, считая его драматургию наряду с поэмами Дж. Мильтона основой английской культуры: «я не могу сказать, кем бы я был, если бы Шекспир и Милтон не писали своих произведений. Беднейший крестьянин в самом отдаленном уголке Англии становится, возможно, другим человеком, отличающимся от того,

¹ Здесь и далее по тексту перевод выполнен автором статьи.

² Godwin W. *Fables Ancient and Modern*. L.: Mary Jane Godwin, 1808. P. V.

кем он мог бы быть без них. Каждый, кто становится иным после внимательного чтения их творений, сообщает частичку их вдохновения окружающему миру. Вдохновение переходит от человека к человеку и влияет на всю массу людей» [Godwin 1797: 52].

По мнению У. Годвина, не важно, что пьесы У. Шекспира не дидактичны напрямую, что великий драматург не был «озабочен моральными наставлениями» [Ibid.: 138], поскольку «талантливый человек, обладающий вкусом, ...получает [из его произведений] смысл, энергию, способность рассуждать, утонченность, побуждение к действию, восторг» [Ibid.: 139]. Стиль У. Шекспира, как считал У. Годвин, может послужить образцом для «выражения своих мыслей в повседневной жизни» [Ibid.: 378]. Поэтому неудивительно, что У. Годвин, составляя издательскую программу для своей «Юношеской библиотеки», заказал Чарльзу и Мэри Лэм «обработать двадцать пьес У. Шекспира с тем, чтобы переделать их в рассказы для детей» [May 1934: 66].

В одном из писем к Чарльзу Лэму У. Годвин отмечал особенности торговли детскими книгами, которые накладывали свой отпечаток на выбор текстов для издания: «Именно дети читают детские книги (когда их читают); но выбирают эти книги их родители» [цит. по: Roy 2009: 123]. Поэтому книготорговцу нужно было выяснить, «что понравится родителю, а что родитель осудит» [Ibid.], но также необходимо и влиять на мнение родителей, формировать их отношение к детским книгам. По мнению самого У. Годвина, «поскольку не каждый автор обладает умением сделать свои намерения зримыми и не каждый читатель обладает нужной проницательностью»³, книга должна сопровождаться предисловием, в котором автор мог бы подготовить своих читателей к правильному восприятию своего сочинения.

Эта мысль, высказанная У. Годвином в 1808 г., перекликается с современными представлениями о паратексте, важным элементом которого является предисловие. Термин *паратекст* был введен в научный обиход в 1987 г., впервые его употребил Ж. Женетт в своей книге «Паратексты: пороги интерпретации» (*Seuils*) (1987). В предисловии к своей книге Ж. Женетт отмечал, что текст произведения обычно окружен «известным количеством произведений, как словесных, так и несловесных, вроде имени автора, названия, предисловия,

иллюстраций» [Genette 1991: 261], и функция этих разнообразных произведений состоит в том, чтобы «обеспечить тексту присутствие в культуре, упрочить его место в мире, его "рецепцию" и его потребление в форме... книги» [Ibid.]. По мысли современного датского исследователя А. Расмуссена, паратекст осуществляет «сложно организованное посредничество между автором, издателем, книгой и читающей публикой» [Rasmussen 2015: 135], является «зоной не только перехода, но и взаимодействия» [Бочкарева, Графова 2021: 199] между автором и читателем. Ж. Женетт указывает на вторичный характер паратекста: «паратекст во всех его формах представляет собой... вспомогательный дискурс, посвященный служению чему-то другому, что составляет его право на существование» [Genette 1991: 269], он осуществляет «посредничество между своим собственным временем, местом и контекстом и текстом, который следует за ним» [Nelson 1998]. Функцию разъяснения намерений автора, ознакомления с книгой, свойственную паратексту, Ж. Женетт передает метафорически и посредством названия книги («Пороги»), и вспоминая слово, употребленное Х. Л. Борхесом, – *вестибюль*, «который предлагает каждому возможность либо войти, либо повернуть назад» [Genette 1991: 261].

Как Ж. Женетт, так и исследователи, развивавшие его идеи, уточняли, какие тексты, окружающие литературное произведение, являются элементами паратекста: «заголовки и подзаголовки, псевдонимы, предисловия, посвящения, эпиграфы, предисловия, ...примечания, эпилоги и послесловия» [Genette 1987: XVIII]. Подобные тексты, находящиеся «внутри книги» [Ibid.], исследователи называют *перитекстом*, в то время как детали «общественной и частной истории книги» [Ibid.], например, «рекламные объявления, проспекты, каталоги, статьи, интервью, беседы, новости или сплетни» [Ibid.: 38], «иллюстрации; издательские аннотации к книге, обложки, суперобложки» [Бочкарева, Графова 2021: 199], известны в науке как *эпитекст*, который является «дополнением, более или менее важным и интересным в зависимости от позиции, задач и намерений» [Алташина 2020: 295] его создателей.

Развитие идей Ж. Женетта привело к выявлению новой функции паратекста. В изданиях классической литературы паратекст становится «инструментом адаптации текста к динамичной и постоянно

³ Ibid.

меняющейся целевой культуре» [Raffi 2022: 45], он привлекает внимание читателя [Федотов 2022] и даже способен «предложить новые интерпретации [классического текста], порой отходящие от первоначального авторского замысла» [Ibid.: 59]. Изучение паратекстов одного и того же текста, созданных в разное время, помогает получить представление о том, как менялось восприятие классического текста на протяжении значительного отрезка времени.

Цель статьи – исследовать формирование и эволюцию традиции предисловий к шекспировским пересказам, что сохранялось или изменялось в течение более двух столетий.

Методы и материалы

Были использованы описательный, культурно-исторический, сравнительно-исторический, историко-генетический, формальный методы. Материалом исследования послужил паратекст (предисловия и послесловия) изданий пересказов шекспировских пьес XIX–XXI вв. Уже упоминавшийся сборник «Шекспир, рассказанный детям» стал первым звеном традиции, продолжающейся и сейчас. Сборник брата и сестры Лэм впервые вышел в свет в 1807 г. и переиздается по сей день – как в оригинале, так и в упрощенной⁴ версии. В то же время с конца XIX в. стали появляться новые литературные пересказы шекспировской драматургии для детей. Издания этих авторских пересказов сопровождаются «самостоятельными текстами, расположенными на разных уровнях в иерархии "текст – паратекст"» [Олизько 2010: 62]. Самыми частотными текстами оказываются предисловия и послесловия.

Результаты

В антологии «Предисловия и прологи к знаменитым книгам» ее составитель Чарльз У. Элиот писал: «Ни одна часть книги не является столь личной, сколь предисловие. Здесь, после завершения долгой работы над произведением, автор спускается со своей трибуны и разговаривает со своим читателем как человек с человеком, раскрывая свои надежды и страхи, ища сочувствия к своим трудностям, предлагая защиту от критики, которую

он ожидает, или противодействие ей, в зависимости от своего характера» [Eliot 1910]. При всей образности этого высказывания его смысл остается неизменным: предисловие является таким элементом паратекста, который служит «посредником между миром читателя и миром текста» [Nelson 1998], созданным автором этого текста, «это площадка для переговоров, на которой встречаются автор и / или издатель и читающая публика» [Rasmussen 2015: 150]. Предисловие выполняет несколько функций: оно передает «авторский и / или редакционный замысел или интерпретацию» произведения [Genette 1991: 268], представляет читателю «манеру, стиль изложения автора, его цель, критерии выбора материала» [Ибраева 2016: 138], побуждает его «к прочтению основного текста» [Григорьева 2019: 32], формирует у читателя «общее впечатление от содержания» произведения [Там же], иногда излагает какое-нибудь «яркое событие или эпизод основного произведения» [Тенекова 2005: 185], чтобы заинтересовать читателя, представляет «сведения об авторе книги, ...историю ее создания» [Там же], служит своего рода комментарием к произведению [Котова 2022: 145–146], его «авторским истолкованием» [Володина 2021: 164].

Как уже отмечалось выше, предисловия сопровождают большинство изданий пересказов произведений У. Шекспира. Если вспомнить слова У. Годвина о том, что книгу для своего ребенка выбирает родитель, становится понятно, почему предисловие к пересказам Чарльза и Мэри Лэм содержит подробное описание работы над текстами. Адресатами лэмовского предисловия к «Шекспиру, рассказанному детям» (*Tales from Shakespeare*) становятся родители, взрослые люди, которые читали тексты великого драматурга в неадаптированном виде и знают, насколько это чтение не подходит маленьким детям. Цель авторов предисловия состоит в том, чтобы доказать потенциальным покупателям, что их пересказы предоставят детской аудитории возможность научиться *всем добрым и честным мыслям и действиям, ...учтивости, доброте, щедрости, человечности*⁵. Авторы предисловия отдают себе отчет в том, что их истории будут читать и слушать *очень маленькие дети*, как мальчики, так и юные

⁴ Например: Lamb C., Lamb M. *Tales from Shakespeare. Simplified by C. Kingsley Williams. Introduction and questions by G. Roberts.* L.: Longman, 1993. 104 p.

⁵ Lamb C., Lamb M. *Tales from Shakespeare.* L.: Wordsworth Editions, 1995. P. 7.

леди, и признаются: *Нелегко было рассказывать истории мужчин и женщин в выражениях, знакомых восприятию очень юного ума*⁶. Создавая свои собственные учебные тексты и книги для чтения, У. Годвин заявлял, что его произведения предназначены равно для мальчиков и девочек [Clemmit 2000/2001: 62]. Чарльз и Мэри Лэм более консервативны. Исходя из того, что мальчикам предоставляется большая свобода действий, им *в гораздо более раннем возрасте разрешается пользоваться библиотеками их отцов*, и потому они знают наизусть лучшие сцены Шекспира, авторы пересказов выражают надежду, что юные джентльмены смогут *объяснить своим сестрам те части пьес, которые наиболее тяжелы для их понимания, и прочтут им (тщательно выбирая то, что подходит для слуха младшей сестры) какой-нибудь отрывок, который понравился им в одной из этих историй*⁷.

Таким образом, с одной стороны, нравственность юных леди не пострадает, с другой – начавшийся процесс адаптации классического текста не прерывается: не только авторы пересказов, но позже и сами маленькие читатели могут изменять текст по своему усмотрению. Трансформации исходного текста Чарльз и Мэри Лэм также уделили много внимания, фактически впервые сформулировав принципы адаптации, актуальные и сегодня: хотя при адаптации текст меняет жанровую принадлежность (из пьесы превращается в *связную историю*), читатель должен *увидеть источник, к которому эти истории возводятся*⁸. Большое внимание уделяется сохранению языка У. Шекспира: его слова используются везде, где только казалось возможным ввести их, чтобы не пользоваться слишком современной для XVI в. лексикой (*мы старались насколько возможно избегать слов, которые попали в наш язык со времени Шекспира*⁹), при этом авторы пересказов позаботились убрать и заменить слова и грамматические формы, которые устарели к началу XIX в.

Интересно сравнить предисловие к первому изданию лэмовского сборника пересказов

с предисловием, открывающим так называемое упрощенное издание этих же текстов. Предисловие написано Гвинет Робертс, специалистом по истории английской литературы. По структуре и содержанию оно сильно отличается от авторского предисловия к сборнику Лэмов. В начале своего предисловия Г. Робертс помещает краткую биографию брата и сестры Лэм, поскольку их имена, скорее всего, не на слуху у читательской аудитории конца XX в. Однако упоминание имен таких знаменитых поэтов-романтиков, как У. Вордсворт и С. Т. Колридж, сразу помогает читателю определить эпоху, когда Чарльз и Мэри Лэм писали свои книги *для детей*¹⁰. Отношений с У. Годвином автор предисловия не касается, но отмечает, что *в начале XIX в. все больше распространялось мнение, что Шекспир был не просто великим писателем, но величайшим из писателей, когда-либо живших на земле*¹¹, мнение, которое, по справедливому предположению Г. Робертс, разделял и Чарльз Лэм. Тем не менее, опуская упоминания о «Юношеской библиотеке» и об издательской программе У. Годвина, автор предисловия смещает акценты и предлагает читателям новую версию создания всем известной книги, пусть и правдоподобную, но не вполне достоверную.

Г. Робертс не обходит молчанием и проблему адаптации классических литературных произведений, отмечая, что по языку и стилю пересказы Чарльза и Мэри Лэм очень близки к шекспировским текстам и подчас *переносят слова Шекспира прямо*¹² в свои истории. Она также отмечает исключение *вторых историй*¹³, т. е. сюжетных линий, усложняющих восприятие повествования. Брат и сестра Лэм старались избежать излишней дидактичности как в пересказах, так и в своем предисловии, уверенные в том, что само чтение увлекательных историй о победе добра над злом окажет влияние на формирование характеров маленьких читателей. Г. Робертс, напротив, как если бы чувствует необходимость «обеспечить правильное прочтение текста» [Genette 1987: 197] в своем понимании и потому,

⁶ Ibid. P. 6.

⁷ Ibid.

⁸ Ibid. P. 5.

⁹ Ibid.

¹⁰ Lamb C., Lamb M. Tales from Shakespeare. Simplified... P. V.

¹¹ Ibid.

¹² Ibid. P. VI.

¹³ Ibid.

например, обращает внимание читателя на то, что *все истории в этом сборнике показывают, как одни персонажи обманывают других*¹⁴. В качестве примеров исследовательница приводит пересказы таких пьес, как «Венецианский купец», «Двенадцатая ночь», «Много шума из ничего», «Буря», «Макбет», проблематика которых вовсе не сводится к противопоставлению обмана и честности. Она постоянно подчеркивает, что истории Чарльза и Мэри Лэм посвящены *борьбе добра и зла*¹⁵, и завершает анализ их пересказов утверждением, что пересказы *отвечают старинной цели литературы: давать нравственный урок и одновременно приносить удовольствие*¹⁶ читателю.

Сборник брата и сестры Лэм заложил основу традиции литературных пересказов шекспировской драматургии для детей. Продолжила эту традицию британская детская писательница Эдит Несбит (1858–1924), чьи адаптации пьес У. Шекспира для детского чтения не только многократно переиздавались, но и были переведены на другие европейские языки, в частности на болгарский¹⁷. Англоязычные издания пересказов Э. Несбит сопровождалась авторскими предисловиями, причем содержание предисловий менялось.

Элементы паратекста, сопровождающего издание 1897 г. «Прекрасные истории из пьес Шекспира» (*Beautiful Stories from Shakespeare*, первое издание), неоднородны. Издание открывает эпиграф – цитата из предисловия Сэмьюэла Джонсона, пожалуй, самого влиятельного литературного критика и лексикографа второй половины XVIII в., к изданию пьес У. Шекспира 1755 г.¹⁸, составленная из двух предложений, которые взяты из разных мест джонсонова текста, но выражают одну и ту же мысль: в своих произведениях Шекспир сформулировал *правила практического благоразумия*, которые составили *систему гражданского и экономического благоразумия*¹⁹ всего британского общества с XVI в. до конца XIX в. Иными словами, драматургия У. Шекспира

является основой британской культуры, формируя ее моральные ценности и обеспечивая экономические условия ее процветания.

Еще два текста предваряют пересказы Э. Несбит – «Предисловие» и «Краткое жизнеописание Шекспира»²⁰. В отличие от «Краткого жизнеописания...», построенного на всем известных фактах, «Предисловие» одновременно следует за предисловием Чарльза и Мэри Лэм и развивает мысли, заложенные в эпиграфе. Вслед за авторами первых пересказов Э. Несбит пишет, что У. Шекспир *является наставником во всем, что благо, в сострадании, щедрости, истинной смелости, любви*, подчеркивая, что он учит, *доставляя удовольствие*. Эти ненавязчивые наставления, по мнению писательницы, порождены *подлинной мудростью*, которой напитаны пьесы великого английского драматурга: *Он не льстил никакой низменной страсти, не рьядил порок в одежды добродетели, не считал пустяком справедливые и великодушные взгляды. Хотя он заставляет нас смеяться над глупостью и содрогаться при виде преступления, он тем не менее сохраняет нашу любовь к ближним и наше уважение к самим себе*²¹. Значение У. Шекспира для англоязычной культуры подтверждается ссылкой на авторитеты. Так, Э. Несбит цитирует крылатую фразу Бена Джонсона об У. Шекспире: *Он принадлежал не какому-то времени, а всем временам*. В предисловии Э. Несбит чувствуется и влияние С. Джонсона, автора эпиграфа: слова Э. Несбит о *нерушимой любви [Шекспира] к цветам, к благоуханию, к росе, к чистым водам, к нежным мелодиям и звукам, к сияющим небесам, к уединению в лесу и озаренным лунной беседкам*²² перекликаются с мыслями С. Джонсона о любви английского драматурга к *творениям природы*²³.

Упоминание имен великих деятелей английской культуры, цитаты, высказывания, аллюзии показывают, что предисловие к изданию 1897 г., как и предисловие брата и сестры Лэм, было рассчитано на родителей, которых нужно было убедить

¹⁴ Ibid. P. VII.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Ibid. P. VIII.

¹⁷ Edith Nesbit. URL: <https://www.britannica.com/biography/E-Nesbit> (accessed 12 Jan 2025).

¹⁸ Johnson S. Preface to Shakespeare. 1911. P. 72–96. URL: <https://jacklynch.net/Texts/prefabr.html> (accessed 12 Jan 2025).

¹⁹ Ibid. P. 89.

²⁰ Nesbit E. Beautiful Stories from Shakespeare. 1897. URL: <https://www.gutenberg.org/ebooks/1430> (accessed 9 Jan 2025).

²¹ Ibid.

²² Ibid.

²³ Johnson S. Preface to Shakespeare...

в полезности пересказов для детского чтения. В предисловии затрагивается и необходимость адаптации шекспировских пьес для детей, поскольку они написаны для взрослых, для мужчин и женщин, и словами, которые не могут понять маленькие дети²⁴. Поэтому, по словам Э. Несбит, ее цель состояла в том, чтобы *воспроизвести увлекательные истории... в такой простой форме, чтобы дети могли понять и наслаждаться ими*²⁵.

Издание пересказов Э. Несбит 1900 г. получило новое название – «Шекспир для детей» (*The Children's Shakespeare*) – и сопровождалось иным по форме и содержанию вводным текстом – уже не «Предисловием» (*Preface*), сообщаящим «сведения, необходимые для подготовки читателя к восприятию первоисточника [Тенекова 2017: 22], а «Введением» (*Introduction*), которое «не раскрывает ни плана повествования, ни сюжета, ни основной информации» [Гальперин 1981: 59], но вводит читателя в курс дела, дает характеристику персонажам, раскрывает обстоятельства, при которых книга была создана. «Введение» к «Шекспиру для детей», с одной стороны, представляет собой небольшой рассказ. По сюжету, мать и две маленькие дочки – Айрис и Розамунд – проводят тихий вечер в гостиной у камина после посещения дома У. Шекспира в Стрэтфорде-на-Эйвоне. Мать отдыхает, *счастливо блуждая в бессмертной стране воображения, населенной Розалиндой и Имоджиной, Гамлетом и Лиром, а девочки сидят за столом, погрузившись в чтение большого тома пьес Мастера*²⁶.

Эта мирная картинка отсылает читателя к традиции «Юношеской библиотеки», а именно: форма, в которую облечены вопросы трансформации сложного текста для детской аудитории, представляет собой зарисовку с натуры, семейную сценку, персонажами которой оказываются мать и ее маленькие дочери, что напоминает совет У. Годвина из его предисловия к книге «Современные и древние басни» (1808) писателям, которые хотели бы поговорить

с ребенком о серьезных предметах: *Я воображал, что беру ребенка на колени, и излагаю их [истории] таким языком, который я мог бы использовать, когда хотел развлечь ребенка и привлечь его внимание к тому, о чем я говорил*²⁷. Так и дочери героини «Введения», собираясь слушать пересказы шекспировских пьес, *мгновенно... сели по бокам [матери], прижавшись к ней*²⁸, и приготовились слушать ее рассказы.

С другой стороны, проблема адаптации классических произведений для детской аудитории становится содержанием беседы. В разговоре матери и девочек упомянуты все трудности, с которыми встречается ребенок, захотевший прочесть пьесы У. Шекспира в оригинале: *девочки не могут понять ни слова, поскольку тексты пьес изобилуют сложными и устаревшими словами, нет ничего о феях или даже о гноме, или о фее-крестной*²⁹. Когда же мать решает пересказать дочерям какую-то из пьес (она выбирает «Сон в летнюю ночь»), то обнаруживает, что *по правде говоря, было нелегко изложить историю просто*³⁰, хотя в конце концов ей это удастся. Упоминание *историй Лэмв*³¹ позволяет читателю увидеть связь между двумя звеньями традиции, а формулировка цели, которую прямо называли Чарльз и Мэри Лэм, *введение в изучение Шекспира*³², высказана от лица девочки, обращающейся к матери: *Почему бы тебе не написать эти истории так, чтобы мы могли их понять, прямо так, как ты нам их рассказала, и тогда, когда мы вырастем, мы поймем пьесы гораздо лучше*³³. Форма, в которую облечено содержание «Введения», показывает, что у вступительного текста сменился адресат: теперь это не взрослый человек, решающий, что читать его ребенку, а ребенок, для которого знакома обстановка доверительной беседы со взрослым и который может отождествить себя с маленькими героями рассказа.

Во второй половине XX в. начали появляться новые сборники пересказов шекспировских пьес.

²⁴ Nesbit E. Beautiful Stories from Shakespeare...

²⁵ Ibid.

²⁶ Nesbit E. The Children's Shakespeare. Philadelphia: Henry Altemus Company, 1900. P. 5.

²⁷ Godwin W. Fables Ancient and Modern. L.: Mary Jane Godwin, 1808. P. V–VI.

²⁸ Nesbit E. The Children's Shakespeare... P. 5.

²⁹ Ibid.

³⁰ Ibid. P. 6.

³¹ Ibid.

³² Lamb C., Lamb M. Tales from Shakespeare... P. 5.

³³ Nesbit E. The Children's Shakespeare... P. 6.

Четыре пересказа появились на рубеже XX–XXI вв., но хотя можно говорить о паратексте в случае каждого издания, в двух случаях они сопровождаются предисловиями.

Оба сборника составлены современными британскими детскими писателями – Терри Дири (род. 1946) и Майклом Морпурго (род. 1943). Писатели продолжают лэмовскую традицию хотя бы тем, что они создали не пересказы отдельных пьес, а сборники, тексты в которых объединены в соответствии с заранее продуманным планом. Сборник, составленный Майклом Морпурго, в продолжение сложившейся традиции называется «Шекспир, рассказанный детям» (*Tales from Shakespeare* (2023)), Терри Дири назвал свои пересказы «Самые лучшие из существующих шекспировские истории» (*Best Ever Shakespeare Tales* (первое издание – 1998 г.)). Читательская аудитория М. Морпурго и Т. Дири различна, поскольку и сами авторы происходят из разных слоев британского общества. М. Морпурго родился в актерской семье, его отчим преподавал историю литературы в Лидском университете³⁴, самому писателю было пожаловано рыцарское достоинство, в его семье чтение классических произведений было нормой, знаком принадлежности к семейному кругу³⁵, тогда как Т. Дири, сын мясника и управляющей магазином одежды, вырос в бедном районе небольшого городка Хендон на северо-востоке Англии³⁶. Соответственно, сборник М. Морпурго рассчитан на детей британского среднего класса и дворянства, для которых важно сохранение культурных традиций, а пересказы Т. Дири обращены к гораздо более широкому и демократичным читательским кругам.

Сборник Т. Дири открывается «Введением», отражающим его собственные взгляды на систему образования в Великобритании. По мнению Т. Дири, современная британская школа является местом, где всего лишь готовятся к сдаче выпускных экзаменов, пребывание в ней оборачивается «пустой тратой времени», потому что учителя

«пинками принуждают учеников к соглашательству»³⁷, не дают им развивать независимое мышление. Возможно, именно поэтому в своем «Введении» Т. Дири с первых строк утверждает, что У. Шекспир не писал свои пьесы только для того, чтобы школьники читали их на уроках или учителя использовали их для головоломных экзаменационных билетов³⁸. Цель У. Шекспира, как утверждает Т. Дири, состояла в том, чтобы *развлекать людей*, а сам Т. Дири стремится показать школьникам, что пьесы У. Шекспира можно читать с удовольствием. Он также обращается к адаптации как к возможности сделать произведения великого английского драматурга понятными и интересными для современных детей, запертых в скучных школах. Для этого он проводит параллель с сегодняшней массовой культурой: *Пьесы были и остаются до сих пор такими же занимательными, как сегодняшние телевизионные «мыльные оперы»*³⁹. Принципы работы с текстом, которых придерживались авторы ранних пересказов: упрощение текста, исключение или замена устаревших слов и грамматических форм, – кажутся Т. Дири недостаточными: *пьесы были пересказаны таким способом, с которым вы больше знакомы, с использованием современного языка и стилей речи, от любовной истории в картинах до газетного репортажа*⁴⁰.

Если Терри Дири, на первый взгляд, дистанцируется от лэмовской традиции пересказов У. Шекспира, то Майкл Морпурго, автор «Шекспира, рассказанного детям», напротив, подчеркивает, что его книга на сегодняшний день представляет собой последнее звено традиции, зародившейся в 1807 г.

Предисловие к «Шекспиру, рассказанному детям» (*Tales from Shakespeare*), написанному М. Морпурго, составляет единый комплекс с послесловием, хотя они написаны разными людьми. Автором предисловия является известный британский актер Бенедикт Камбербатч, которому, по его собственному утверждению, *повезло сыграть в театре и кино роли некоторых героев шекспировских пьес, которые*

³⁴ Michael Morpurgo. URL: <https://www.michaelmorpurgo.com/> (accessed 12 Jan 2025).

³⁵ Morpurgo M. *Tales from Shakespeare*. Introduction by B. Cumberbatch. Dublin: Harper Collins Children's Books, 2023. P. 314.

³⁶ Terry Deary. URL: <http://www.terry-deary.com/> (accessed 12 Jan 2025).

³⁷ Furness H. Horrible Histories creator Terry Deary says school is a waste of time. *The Telegraph*. 14 Apr 2014. URL: https://www.telegraph.co.uk/culture/books/booknews/10763819/Horrible-Histories-creator-Terry-Deary-says-school-is-a-waste-of-time.html?ICID=continue_without_subscribing_reg_first (accessed 12 Jan 2025).

³⁸ Deary T. *Best Ever Shakespeare Tales*. L.: Scholastic Children's Books, 2014. P. 7.

³⁹ Ibid.

⁴⁰ Ibid. P. 8.

в течение многих десятилетий не сходят со сцены⁴¹, например, роль Гамлета в знаменитой трагедии⁴². Неудивительно, что автор пересказов решил «делегировать часть своей ответственности третьему лицу» [Genette 1991: 266]: оба они принадлежат к той части британского общества, которая стремится сохранять и развивать национальные культурные традиции (Сэр Майкл Морпурго... как и я, ...рос, читая книгу «Шекспир, рассказанный детям» Чарльза и Мэри Лэм⁴³).

Предисловие, написанное Б. Камбербатчем, формально соответствует тем характеристикам, которые были сформулированы еще Ж. Женеттом в его книге «Пороги» (1987). Так, сообщая читателям, что *эта книга является собранием из десяти шекспировских пьес, которые мы любим больше всего, – от трагедии до комедии и исторической хроники, – все они пересказаны по-новому, занимательно и интересно главным рассказчиком нашего времени Майклом Морпурго*⁴⁴, Б. Камбербатч сообщает в своем тексте «имя автора» [Genette 1991: 268], указывает на литературный источник, которым пользовался М. Морпурго, т.е. на драматургию У. Шекспира [Genette 1987: 211], подчеркивает «оригинальность и... новизну» [Ibid.: 200] произведения. Рассказывая о «важности и – неотделимой от этого – пользе» [Ibid.: 199] новых пересказов шекспировских пьес, автор предисловия в качестве подтверждения приводит тот факт, что во время локдауна 2020 г. некоторые из этих историй были разыграны в телепередачах, и каждую неделю эти телепередачи показывали в школах по всей Великобритании, так что посмотреть их смогли около двухсот тысяч детей: *В то время, когда театры были закрыты по всей стране, эти истории позволили детям открыть для себя Шекспира в доступной форме*⁴⁵.

В соответствии с требованиями к современному предисловию его автор описывает «порядок расположения материала в книге» [Ibid.: 218],

так что читатель узнает об «авторском замысле» [Genette 1991: 268], в результате которого сложилась книга, например, первой историей книги становится пересказ знаменитой комедии У. Шекспира «Сон в летнюю ночь»: *и так мы видим сны, когда Майкл берет нас в свое путешествие по заколдованному лесу, ...трию наиболее всеми любимых и всем известных трагедий, «Король Лир», «Ромео и Джульетта» и «Гамлет», истории о враждующих семьях, о выборе между покорностью судьбе и свободной воле, о злоупотреблении власти, верности и предательстве*⁴⁶ или *любовь и переодевания, которыми изобилует «Двенадцатая ночь»*⁴⁷. Объяснения автора предисловия позволяют увидеть в сборнике пересказов стройное повествование о мире шекспировского воображения, где соседствуют трагическое и комическое, где герои отстаивают свое право на счастье и справедливость перед всем враждебным миром, где даже в трагедиях побеждает добро.

Предисловие Б. Камбербатча по структуре отличается от более ранних предисловий к шекспировским пересказам, но все же сохраняет ту интонацию доверительной беседы взрослого с ребенком, которую мы слышим уже в предисловиях Э. Несбит. Многочисленные обращения к читателю (например, *Ты, наверное, смотрел фильм*⁴⁸, *Наполни свой пересказ своими собственными идеями и мыслями*⁴⁹), стремление поделиться собственными переживаниями, которые могут найти отклик в душе юного читателя (например, *Когда меня попросили написать краткое введение к этой книге, я обнаружил, что думаю о том, что значит быть рассказчиком*⁵⁰), превращают стандартное по своей структуре предисловие в личное послание.

Заключение

Проанализированные предисловия к пересказам шекспировских пьес можно рассматривать как своего рода вехи, которые отмечают этапы развития текстов этого жанра, входящих

⁴¹ Morpurgo M. Tales from Shakespeare... P. 10.

⁴² Benedict Cumberbatch. URL: <https://www.britannica.com/biography/Benedict-Cumberbatch> (accessed 12 Jan 2025).

⁴³ Morpurgo M. Tales from Shakespeare... P. 13.

⁴⁴ Ibid. P. 9.

⁴⁵ Ibid. P. 12–13.

⁴⁶ Ibid. P. 11.

⁴⁷ Ibid. P. 12.

⁴⁸ Ibid. P. 9.

⁴⁹ Ibid. P. 14.

⁵⁰ Ibid. P. 9.

в паратекст литературных пересказов У. Шекспира, и в то же время показывают, как развивались предисловия к детским книгам. Некоторые черты, относящиеся к содержанию, появляются уже в предисловиях к книгам, изданным «Юношеской библиотекой» У. Годвина, например, упоминание о том, что детям необходимо приучаться читать книги, в разных формулировках встречается во всех предисловиях, включая самое последнее к изданию пересказов М. Морпурго. Столь же постоянным признаком предисловия к пересказам шекспировской драматургии является рассказ о самом У. Шекспире, о его месте в английской и англоязычной культуре. Необходимым элементом предисловия становится и описание причин появления пересказов, а также комплекса приемов адаптации, которыми пользовался автор того или иного пересказа. Изменения, которые вносятся в предисловия, определяются глубинными переменами в культуре вообще и в педагогике в частности. Меняется

адресат предисловий: если сначала авторы пересказов обращаются к родителям, которые определяют чтение детей, то постепенно на первый план выйдут сами маленькие читатели. В последнем по времени предисловии автор пересказов обращается к своему читателю не как учитель, а скорее как умудренный опытом друг, который общается со своим собеседником уважительно, на равных. Являясь частью паратекста, предисловия к сборникам шекспировских пересказов развиваются как самостоятельный вид текстов, имеющий ценность с точки зрения как содержания, так и формы.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Алташина В. Д. Паратекст русских переводов трактата Монтескье «О духе законов». *Вестник РХГА*. 2020. Т. 21. № 1. С. 294–307. [Altashina V. D. Paratext of Russian translations of Montesquieu's treatise "On the spirit of laws". *Vestnik RKhGA*, 2020, 21(1): 294–307. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25991/VRHGA.2020.19.1.002>
- Бочкарева Н. С., Графова О. И. Паратекст романа А. С. Байетт «Дева в саду» в аспекте интермедальности. *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2021. № 70. С. 199–211. [Bochkareva N. S., Grafova O. I. The intermedial aspect of paratext of the novel *The Virgin in The Garden* by A. S. Byatt. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, Filologiya*, 2021, (70): 199–211. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/19986645/70/11>
- Володина Н. В. Предисловие как жанр автокомментария в творчестве И. С. Тургенева. *Научный диалог*. 2021. № 2. С. 163–174. [Volodina N. V. Introduction as a genre of auto-commentary in works of I. S. Turgenev. *Nauchnyi Dialog*, 2021, (2): 163–174. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-2-163-174>
- Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 141 с. [Galperin I. R. *Text as an object of linguistic research*. Moscow: Nauka, 1981, 141. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vxkanf>
- Григорьева Л. Н. Статус и жанровое разнообразие предисловий. *Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете*, ред. К. А. Филиппов, Л. Б. Копчук, Л. Н. Григорьева. СПб.: СПбГУ, 2019. Вып. VIII. С. 26–47. [Grigorieva L. N. Status and genre variety of forewords. *German philology at St. Petersburg State University*, eds. Filippov K. A., Kopychuk L. B., Grigorieva L. N. St. Petersburg: SPbSU, 2019, iss. VIII, 26–47. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zhbkw1>
- Ибраева А. Ф. Паратекст и интерпретация: практический анализ (на материале произведения А. Кристи «Sparkling Cyanide»). *Международный научно-исследовательский журнал*. 2016. № 9-4. С. 137–140. [Ibraeva A. F. Paratext and interpretation: Practical analysis (based on the material of the book by A. Christie "Sparkling Cyanide"). *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal*, 2016, (9-4): 137–140. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18454/IRJ.2016.51.035>
- Котова Н. В. Функции авторских предисловий к романам Чарльза Диккенса. *Филология и культура*. 2022. № 1. С. 145–150. [Kotova N. V. Functions of Charles Dickens's prefaces to his novels. *Philology and Culture*, 2022, (1): 145–150. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26907/2074-0239-2022-67-1-145-150>

- Олизько Н. С. Паратекст Виктора Пелевина. *Вестник Нижневартковского государственного гуманитарного университета*. 2010. № 3. С. 61–66. [Olizko N. S. Paratext of Victor Pelevin. *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*, 2010, (3): 61–66. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/oxymgf>
- Тенекова А. М. Предисловие и послесловие в детской речевой практике. *Записки Горного института*. 2005. № 160-2. С. 184–186. [Tenekova A. M. Preface and afterword in children's speech practice. *Zapiski Gornogo instituta*, 2005, (160-2): 184–186. (In Russ.)]
- Тенекова А. М. Твои путеводители по книге. М.: ФЛИНТА, 2017. 176 с. [Tenekova A. M. *Your book guides*. Moscow: FLINTA, 2017, 176. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xcuypf>
- Федотов А. Н. Паратекст как средство валоризации классических произведений. *Наука и образование*. 2022. Т. 5. № 2. [Fedotov A. N. Paratext as a means of valorization of classical works. *Nauka i obrazovanie*, 2022, 5(2). (In Russ.)] URL: <https://opusmgau.ru/index.php/see/article/view/4879> (accessed 12 Jan 2025). <https://elibrary.ru/gzbfkfp>
- Clemit P. Philosophical anarchism in the schoolroom: William Godwin's Juvenile Library, 1805–25. *Bibliion: The Bulletin of The New York Public Library*. Fall 2000 / Spring 2001, 9/1-2: 44–70.
- Clemit P. William Godwin's Juvenile Library. *The Charles Lamb Bulletin. The Journal of the Charles Lamb Society*, 2009, (New Series 147): 90–99.
- Eliot C. W. *Prefaces and prologues to famous books. With Introductions, notes and illustrations*. N. Y.: P. F. Collier & Son, 1910. URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/13182/pg13182-images.html> (accessed 7 Jan 2025).
- Genette G. Introduction to the Paratext. *New Literary History*, 1991, 22(2), Probings: Art, Criticism, Genre): 261–272. <https://doi.org/10.2307/469037>
- Genette G. *Paratexts. Thresholds of interpretation*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987, 427.
- Godwin W. *The enquirer. Reflections on education manners and literature. In a series of essays*. L.: Robinson, 1797, XII+481.
- May J. L. *Charles Lamb: A study*. L., 1934, 235.
- Nelson K. A. A pretext for writing: Prologues, epilogues, and the notion of paratext. *Epilogues, and the Notion of Paratext*, 1998. URL: <https://ssrn.com/abstract=1141062> (accessed 12 Jan 2025).
- Raffi F. Paratexts and retranslation. The journey of The Lord of the Rings in Italy from 1967 to 2020. *TRANS-KOM*, 2022, (15): 44–62.
- Rasmussen A. J. Genre and paratext. Genre and... *Copenhagen Studies in Genre 2*, eds. Auken S., Lauridsen S. P., Rasmussen A. J. Valby: Forlaget EkbAtana, 2015, 125–152.
- Roy M. Celebrating 'wild tales': Lamb and Godwin's groundwork for children's literature. *The Charles Lamb Bulletin. The Journal of the Charles Lamb Society*, 2009, (New Series 147): 122–130.
- Smith M. K. William Godwin on education. *The encyclopedia of pedagogy and informal education*. 1998. URL: <https://theanarchistlibrary.org/library/mark-k-smith-william-godwin-on-education?v=1665153883> (accessed 10 Jan 2025).

Уведомление о ретрагировании статьи из журнала «СибСкрипт»
(Протокол заседания редакционной коллегии журнала «СибСкрипт» № 7 от 28.07.2025)

Матюхина Е. Н. Эволюция инфраструктуры информационной и кибербезопасности Индии. *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 3. С. 441–458. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-3-441-458>

Инициатор отзыва статьи: редакция журнала.

Основание для отзыва: некорректный состав авторов (отсутствует тот, кто достоин быть автором); плагиат из ранее неопубликованной работы другого автора.

СибСкрипт = SibScript

Контакты для сотрудничества:

Серый Андрей Викторович, главный редактор, КемГУ
(Кемерово, Россия), avgrey@yahoo.com

Васютин Сергей Александрович, заместитель главного редактора по направлению «История», КемГУ
(Кемерово, Россия), vasutin2012@list.ru

Сатучина Татьяна Юрьевна, ответственный редактор по направлению «Филология», КемГУ (Кемерово, Россия), tatianakuznetsova86@mail.ru

Старикова Людмила Семеновна, ответственный секретарь, КемГУ (Кемерово, Россия), vestnik@kemsu.ru, vestkemsu@gmail.com

Contacts for co-operation:

Andrey V. Seryy, Editor-in-Chief, Kemerovo State University
(Kemerovo, Russia), avgrey@yahoo.com

Sergey A. Vasyutin, Vice Editor-in-Chief for History,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia),
vasutin2012@list.ru

Tatiana Yu. Satuchina, Executive Editor for Linguistics and Literary
Studies, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia),
tatianakuznetsova86@mail.ru

Lyudmila S. Starikova, Executive Secretary, Kemerovo State
University (Kemerovo, Russia), vestnik@kemsu.ru,
vestkemsu@gmail.com

Над выпуском работали:

Литературный редактор, корректор –

Старикова Людмила Семеновна.

Литературный редактор (английский язык) –

Рабкина Надежда Владимировна.

Верстка и дизайн – Митько Наталья Викторовна.

Editorial team:

Literary editor, proof-reader – Lyudmila S. Starikova.

Literary editor (Eng.) – Nadezhda V. Rabkina.

Layout and design – Natalia V. Mitko.

Подписано к печати 11.08.2025.

Дата выхода в свет 22.08.2025.

Печать офсетная. Бумага Sveto Copy.

Формат А4. Усл. печ. л. – 25,11. Уч.-изд. л. – 21.

Тираж 500 экз.

Цена свободная.

Адрес типографии: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, пр. Советский, 73.

sibscript.ru

